

А. Г. МЕЦ

ТЕНИШЕВСКОЕ
УЧИЛИЩЕ

и другие работы
об

Осипе Мандельштаме
и его времени

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2020

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
М55

Мец, Александр Григорьевич

М55 Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени / А. Г. Мец. — СПб. : Издательский Дом «Гиперион», 2020. — 356 с. : ил.

ISBN 978-5-89332-341-2

В книге собраны работы, охватывающие весь период творческой деятельности автора (1977–2018). Прослеживается тенденция избирать темы, требующие углубленной проработки архивных и печатных источников, таковы статьи о Тенишевском училище, последнем совместном выступлении группы акмеистов, о фактическом субстрате очерка Георгия Иванова «Арзамас». Автор не перегружает их специальной лексикой, что делает их доступными (и в то же время сюжетно интересными) для читателя, интересующегося биографией Осипа Мандельштама.

На фронтисписе: О. Мандельштам. Москва, 2-я половина 1929 — начало 1930 года (?)

ISBN 978-5-89332-341-2

© А. Г. Мец, 2019
© Оформление. Издательский Дом
«Гиперион», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Список условных сокращений	6

Тенишевское училище

Тенишевское училище.

Взгляд на архив сквозь стекла «Шума времени»	9
Предыстория	10
1899–1905 годы	13
1905/1906 учебный год	18
Каникулы	29
1906/1907 учебный год	30
<i>Приложение 1.</i> Николай Яковлев. Дневник	45
<i>Приложение 2.</i> Объяснительная записка И. Ф. Анненского Попечителю С.-Петербургского учебного округа	58
<i>Приложение 3.</i> Борис Синани. Анархист	60
<i>Приложение 4.</i> Вл. Гиппиус. К вопросу о роли чтения в современном воспитании (Речь, произнесенная на годичном акте Тенишевского училища)	65
<i>Приложение 5.</i> Программы по истории русской литературы (Х–ХVI семестры)	80
<i>Приложение 6.</i> Из рукописей Ю. А. Каменского	85
<i>Приложение 7.</i> Выпускники Тенишевского училища (1905–1912)	104

К биографии

Акмеисты: последнее выступление группы	119
Осип Манделъштам в Кремле (1918)	137
Осип Манделъштам в Ростове-на-Дону: 1919–1920 годы	143

Заметки к комментарию

«Сергей Иваныч»	149
«Транхопс» и около (по архиву М. Л. Лозинского)	155
«Как кони медленно ступают...»	189
«Народный вождь» в «Гимне»: исторический прототип	191
Заметки на полях (1–8)	198
1. Метаморфоза басни	198
2. «Начальник евреев» («Канцона»)	199
3. «За тысячу крикливых попугаев» («Еще далеко мне до патриарха...»)	200
4. «Железо» («Идут года железными полками...»)	201
5. Интермедия («Пусти меня, отдай меня, Воронеж...»)	201
6. «Мы живем, под собою не чуя страны...»	201
7. Тараканьи «усища»? «глазища»?	203
8. «Ода»	205

Анализ текстов

О составе и композиции книги «Камень»	209
К вопросу о датах	215
«Грифельная ода»: еще раз об истории текста	221
I. Введение	221
II. Первый черновик и утраченная редакция	240
III. Две семистрофные редакции	251
IV. От семистрофной редакции к девятистрофной	260
V. Разработка отдельных строф и катренов	263
VI. Окончательная редакция	275
«Флейта»: проблема текста и новый источник	299

Miscellanea

Как сделан «Арзамас» Георгия Иванова	311
<i>Приложение.</i> Георгий Иванов. «Арзамас»	333
Вокруг доноса	341
«Из одних только гласных»	349

ОТ АВТОРА

В настоящее издание книги включены материалы двух предшествующих сборников, вышедших под заглавием «Осип Мандельштам и его время: анализ текстов» (2005, в издательстве «Гиперион», и 2011, как «Интернет-издание»). Эти материалы дополнены статьями и заметками, ранее публиковавшимися в периодической печати. Для работ, вошедших только в два первых издания книги, ссылки на первые публикации опущены.

Книга оказалась бы несовершенной без щедрой помощи друзей и коллег. Их имена с благодарностью названы на страницах вошедших в книгу работ. За доброжелательную поддержку благодарю сотрудников ЦГИА СПб Н. Ф. Никольцеву, М. М. Перекалину и Е. А. Сунцову.

Величайшая признательность автора — редактору первого издания Нине Герасимовне Захаренко.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
- Жирм. 2013* — *Жирмунский В. М.* Начальная пора: Дневники. Переписка / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М.: «Новое лит. обозрение», 2013.
- ИТИС* — *Гаспаров М. Л.* «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла // *Philologica*. 1995. № 3/4. С. 153–198.
- Летопись 2019* — Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. Изд. 3-е, дополн. СПб.: Интернет-издание, 2019.
- НБП* — *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. А. Г. Меца. СПб., 1995 (Новая б-ка поэта).
- Нерлер 2010* — *Нерлер П., Зубарев Д., Поболь Н.* Слово и «дело» Осипа Мандельштама. М.: «Петровский парк», 2010.
- НЯМ 2014* (с указанием тома) — *Мандельштам Н. Я.* Собр. соч.: в 2 т. / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин; подгот. текста С. Василенко; коммент. С. Василенко, П. Нерлера, Ю. Фрейдина. Екатеринбург: «ГОНЗО», 2014.
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки.
- ППМ* — *Семенко И. М.* Поэтика позднего Мандельштама / Сост. С. В. Василенко и П. М. Нерлера; подгот. текста и примеч. С. В. Василенко. М., 1997.
- ПССиП 2020* (с указанием тома) — *Мандельштам О.* Полное собр. соч. и писем: в 3 т. СПб.: Интернет-издание, 2020.
- РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства.
- РГАСПИ — Российский Государственный архив социально-политической истории.
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы.
- РЦХИДНИ — Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории.
- Тоддес 2019* — *Тоддес Е. А.* Избранные труды. М.: «Новое лит. обозрение», 2019.
- ЦГА СПб — Центральный Государственный архив С.-Петербурга.
- ЦГИА СПб — Центральный Государственный исторический архив С.-Петербурга.

ТЕНИШЕВСКОЕ
УЧИЛИЩЕ

ТЕНИШЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Взгляд на архив сквозь стекла «Шума времени»

В ЭТОЙ РАБОТЕ мы делаем попытку сопоставить документальный материал с главами книги воспоминаний О. Э. Мандельштама «Шум времени» — «Тенишевское училище», «Сергей Иваныч», «Семья Синани», «Эрфуртская программа», «В не по чину барственной шубе».¹ Материал этот, большой и разнородный, как архивный, так и печатный, освещает Тенишевское училище, его основателя князя В. Н. Тенишева, историю здания, учителей, методы преподавания в нем, учеников и ученические журналы и другие аспекты истории училища. Освоить его в одной работе не представляется возможным. С другой стороны, и само документальное освещение неравномерно и не на все интересующие нас вопросы дает ответ. В силу этих обстоятельств мы не стремились ни изложить известный нам материал систематически, ни дать развернутый комментарий к главам «Шума времени» — значительной части эпизодов и лиц мы не касаемся вовсе.

Здесь мы обязаны благодарностью А. А. Морозову, Р. Дэвису, Г. Г. Суперфину и Р. Д. Тименчику. А. А. Морозов в свое время работал с теми номерами журналов Тенишевского училища, которые позднее оказались недоступными исследователям, и предоставил нам выписки из них. Г. Г. Суперфин и Р. Д. Тименчик еще в 1960-е годы работали в фонде Тенишевского училища ЦГИА СПб над той же темой и щедро делились с нами результатами своих разысканий.

¹ Далее цитаты из «Шума времени» приводятся по изданию: *Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. М.: Интернет-издание, 2020. Т. 2.* В тексте указываем только номера страниц (в скобках).

Предыстория

Инициатива принадлежала князю В. Н. Тенишеву (1844,² Варшава — 1903, Париж). Промышленник, миллионер, меценат, проявлявший интерес к вопросам образования,³ он задался целью основать учебное заведение нового типа и стал обсуждать свою идею в ведомстве, хорошо ему знакомом по роду деятельности, — Министерстве финансов, возглавлявшемся С. Ю. Витте, с которым у князя установились прочные доверительные отношения. Собеседником Тенишева стал А. Я. Острогорский.

² Этот год рождения указывался в некрологах В. Н. Тенишева (*Острогорский А. Я. Памяти Кн. В. Н. Тенишева // Памятная книжка Тенишевского училища за 1901/02–1902/03 учебный г. Годы II и III. СПб., 1905. С. I; Гуревич Я. Г. Князь В. Н. Тенишев: (Некролог) // Рус. школа. 1903. № 5/6. С. 90 (паг. 2-я)*). Справочные издания и Л. С. Журавлева называют 1843 год (*Журавлева Л. С. Ученый, предприниматель, меценат Тенишев // Вопр. истории. 1991, № 12. С. 207*). В статье Журавлевой намечены основные контуры биографии В. Н. Тенишева; в дополнение приведем здесь живо характеризующий Тенишева пассаж из воспоминаний Острогорского: «Несколько властный по своей натуре, избалованный к тому же жизненными успехами, откровенный и резкий в выражении своих мнений, Вяч. Ник. обладал, однако, одной трогательной и редкой в таких людях чертой: умением подчиняться убеждениям чужого разума и сознаваться в своих ошибках. Поэтому так легко и приятно было работать с князем: он никогда не пользовался своим положением, „спорил до слез“, как он любил выражаться, но всегда уступал, когда убеждался в своей неправоте. <...> В последние годы жизни он особенно интересовался судьбами России, желая дожить до того дня, когда „над русской землею взойдет свободная заря“» (*Острогорский А. Я. Памяти Кн. В. Н. Тенишева. С. VIII*). Л. С. Журавлева коснулась и политических симпатий Тенишева и привела данные о назначенной им премии за работу на политическую тему (Указ. соч. С. 211). Вот несколько более детальные сведения о ней: «Как человек, глубоко интересовавшийся социологическими вопросами и жертвовавший для разработки их как своим личным трудом, так и своими средствами, князь В. Н. не только состоял членом Социологического общества в Париже (*Société de Sociologie à Paris*), но и почетным членом Интернационального института по социологии (*Institut International de Sociologie*) (звание, даваемое только ученым). Живо интересуясь социальными вопросами, князь В. Н. еще в 1898 г. пожертвовал 5000 франков на учреждение премии за лучшее сочинение по общей теории революции в виде социологического исследования на почве строго проверенных данных. По фатальной случайности, жюри для присуждения премий собралось через два дня после кончины князя (27 апреля / 10 мая 1903 г.). Так как ни одно из сочинений не оказалось удовлетворительным, то жюри продлило конкурс еще на два года» (*Гуревич Я. Г. Указ. соч. С. 92 (паг. 2-я)*). Здесь и далее цитаты приводятся с переводом на новую орфографию и в современном пунктуационном режиме.

³ Издал, среди прочих, свой труд «Математическое образование и его значение» (СПб., 1886).

Александр Яковлевич Острогорский (1868, Гродно — 1908, Петербург), будучи студентом юридического факультета С.-Петербургского университета, входит в редакцию журнала «Образование» и с 1896 г., после смерти основателя журнала В. Д. Сиповского, становится его редактором. После окончания университета в 1892 г. поступает на службу в Министерство финансов (1894), работает там в учебном отделе. Об обстоятельствах, обусловивших его встречу с В. Н. Тенишевым, писал преподаватель училища А. Б. Сахаров:

«В это время (около 1896 г. — А. М.) В. И. Ковалевский⁴ поручает А. Я. организовать на Всероссийской выставке учебный отдел М<инистерства> ф<инансов>. А. Я. устраивает его и, давая объяснения, произносит несколько речей, в которых намечает свое педагогическое credo <...> В это время на горизонте петербургского большого света появляется еще одна крупная фигура — князь В. Н. Тенишев: делец-сахарозаводчик, биржевой игрок, решительный и смелый, князь в течение нескольких лет составил огромное состояние, которое считали миллионом. Удивительно оригинальный и своеобразный, он в один прекрасный день отказался от дальнейшей деятельности на пути приобретения богатства и, ликвидировав свои дела, занялся тем, что его интересовало: математикой, этнографией и т. п. Сталкиваясь с людьми, хорошо зная им цену, Тенишев ясно понимал, что большая часть недостатков нашего общества должна быть отнесена на счет нашей школы, и он высказывает взгляд, что школа должна быть построена на новых началах, что он с охотой создал бы такую школу, если бы имел человека, который помог бы ему в этом деле. В. И. Ковалевский указал Тенишеву своего помощника — А. Я. Острогорского, как энергичного и деятельного человека, преданного делу педагогики, могущего осуществить то, о чем князь

⁴ Владимир Иванович Ковалевский (1848–1934) был по должности «товарищем» (заместителем) министра финансов С. Ю. Витте. Последний упоминал о его деятельности по устройству выставки в своей кн.: Избранные воспоминания: 1849–1911 гг. М., 1991. С. 352. Острогорский был назначен «экспертом по XIX отделу Всероссийской выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 3). См. также: *Острогорский А. Я.* Комиссия по устройству Педагогического отдела Министерства народного просвещения на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Низшие учебные заведения. [СПб., 1896]. После смерти И. Р. Тарханова в 1908 г. В. И. Ковалевский стал председателем попечительного совета Тенишевского училища.

мечтает. <...> А. Я. Острогорский предложил Тенишеву взять в основу новой школы домашнюю школу В. Б. Струве, который создал ее для своих детей совместно с некоторыми родителями».⁵

Идея Острогорского была в том, чтобы основать общеобразовательную среднюю школу «нового типа»,⁶ но такой эксперимент под ведомством Министерства народного просвещения был невозможен, и решено было провести его под маркой коммерческого училища — они с 1896 года были подведомственны Министерству финансов.⁷ Одновременно Р. А. Берзен начал готовить проект здания на Моховой и была открыта Общеобразовательная школа В. Н. Тенишева (1898), располагавшаяся в съёмных помещениях на Загородном проспекте, 17.⁸ Первым директором школы был В. А. Герд (1870–1926). Но через полгода он был арестован по делу группы «Рабочее знамя» и выслан из Петербурга.⁹ С 1 февраля 1899 г. директором стал А. Я. Острогорский.

⁵ Сахаров А. Б. Памяти Александра Яковлевича Острогорского // Рус. школа. 1908. № 12. С. 70–72 (паг. 2-я). В этом некрологе, вероятно, не все сведения точны: так, например, сахарные заводы как будто не входили в сферу деятельности Тенишева.

⁶ Видный военный педагог, директор Педагогического музея при Главном управлении военно-учебных заведений, член попечительного совета Тенишевского училища А. Н. Макаров отмечал: «Тенишевское училище бесспорно принадлежит к разряду экспериментальных школ, на необходимость и полезность учреждения которых более ста лет тому назад указывал знаменитый автор „Критики чистого разума“» (Памятная книжка Тенишевского училища за 1901/02–1902/03 уч<ебный> г. Годы II и III. СПб., 1905. С. VIII).

В стенах училища Острогорский разрабатывал метод «литературно-художественного чтения», см.: *Острогорский А. Я. Уроки чтения* // *Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1903–4 и 1904–5 уч. гг.* СПб., 1907; *Редозубов В. П. Чтение в начальной школе.* М., 1949. С. 21. Получила признание его хрестоматия «Живое слово» в трех частях (1907–1909), до революции неоднократно переиздававшаяся.

⁷ См.: *Острогорский А. Я.* Коммерческое образование, его современная организация на Западе и возможная постановка в России. Ч. 1. СПб., 1895 (на обл.: 1896); Сахаров А. Б. Наши коммерческие школы и их общественное значение // Рус. школа. 1906. № 4; 5/6.

⁸ Адрес был известен нам только по одному источнику: *Гуревич Я.* Открытие Общеобразовательной школы князя В. Н. Тенишева // Рус. школа. 1898. № 9. С. 315. Позднее Н. К. Цендровская сообщила еще один: *Весь С.-Петербург на 1900 год.* СПб., 1899. Отд. 1. Стб. 520.

⁹ *Райков Б. Е.* Жизнь и труды Владимира Александровича Герда // *Естествознание в школе.* 1947. № 3. С. 32–39.

1899–1905 годы

Осип Мандельштам поступил в Общеобразовательную школу кн. В. Н. Тенишева восьми с половиной лет, в 1899 году. Картинкой игры в футбол «во дворе огромного доходного дома с глухой стеной, издали видной боком, и шустовской вывеской»¹⁰ на Загородном, 17 и открывается глава «Тенишевское училище» (с. 196 сл.). Следующий непосредственно за ним эпизод: «Помню торжество: елейный батюшка в фиолетовой рясе, возбужденная публика школьного вернисажа, и вдруг все расступаются, шушукаются: приехал Витте» — передает впечатления от торжественного акта освящения собственного здания училища 8 сентября 1900 года. Журнал «Русская школа» откликнулся на это событие заметкой:

«Перемещение школы Тенишева в новое здание совпало с переходом ее из ведомства Министерства народного просвещения в ведение Министерства финансов и с переименованием Общеобразовательной школы Тенишева в Тенишевское училище. Как известно, в ведении Министерства финансов состоят лишь специальные школы <...> и потому с переходом школы князя Тенишева в ведомство Министерства финансов „Общеобразовательная школа Тенишева“ объявлена закрытою, а вместо нее открыто как бы совершенно новое училище — „Тенишевское училище“, которое правильнее было бы называть „Тенишевское училище с дополнительным коммерческим классом“, ибо только как таковое оно могло быть принято в свое ведение Министерством финансов. Новому училищу, ввиду общеобразовательного характера программ первых семи классов, предоставлены права правительственных реальных училищ. В сущности, Тенишевское училище есть прямое продолжение Общеобразовательной школы с прежним составом преподавателей и учеников <...>. Принципы, положенные в основу Тенишевского училища те же, какие были положены в основу „Общеобразовательной школы князя Тенишева“: стремление дать ученикам знания, применимые в жизни, возможная наглядность преподавания, постановка естествоведения и новых языков на первый план в системе преподавания, отсутствие отметок и переводных испытаний — всё это такие принципы, которым нельзя не сочувствовать. <...> А. Я. Острогорский, заведывавший „Общеобразовательной школой князя Тенишева“ после выхода из нее первого руководителя ее В. А. Герда, и назначенный теперь директором Тенишевского училища, в очень сжатой, но дельной речи

¹⁰ «Шустовская вывеска» — реклама коньяка фирмы «Шустов и сыновья».

выяснил основные характерные черты Тенишевского училища, подчеркнув, главным образом, общеобразовательные задачи его, именно то, что оно ставит себе главной целью не подготовку своих учеников к известной профессии, а естественное развитие их природных способностей, причем залог ожидаемого успеха кроется в том, что преподавание будет вестись на почве свободы, без всяких поощрительных и принудительных мер.

Министр финансов С. Ю. Витте, обращаясь лично к князю Тенишеву, в своей весьма краткой, но содержательной речи отметил то отрадное и важное с государственной точки зрения явление, какое представляет собой крупное пожертвование, сделанное князем Тенишевым на учрежденную по его инициативе школу из созданного им, благодаря многолетним трудам и своему общественному положению, капитала, и высказал пожелание, чтобы этот отрадный факт частной инициативы в сфере образования послужил поучительным примером для других лиц, имеющих возможность своими вкладами содействовать распространению и улучшению образования. Гофмейстер Воеводский, управляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии, от лица родителей благодарил князя Тенишева и сотрудников его как за учреждение училища, так еще более за сердечное отношение к детям, обучающимся в школе Тенишева».¹¹

Названный в отчете гофмейстер, как удалось установить, был Николай Аркадьевич Воеводский — отец одного из соучеников Мандельштама, портретная характеристика которого — «сын камергера... красавец с античным профилем в духе Николая I, провозгласил себя воеводой и заставил присягать себе, целуя крест и Евангелие» — дана в той же главе «Шума времени» (с. 198).¹² 8 сентября впоследствии отмечалось в училище ежегодно, и об этих ежегодных актах сказано — «праздники в честь меда и счастья образцовой школы» (с. 196).

Первое по времени упоминание о Мандельштаме в архиве училища, оно же и позволяет датировать год его поступления, — отзыв преподавателя Закона Божьего, священника Д. Ф. Гидас-

¹¹ Я. Г. <уревич>. Освящение нового здания Тенишевского училища // Рус. школа. 1900. № 9. С. 84–86 (паг. 2-я).

¹² О Сергее Воеводском, своем однокласснике, вспоминал также А. Н. Рубакин (Над рекою времени. М., 1966. С. 13–14). Даты жизни: 1889–1914. 13-ти лет бежал из дома на театр Русско-японской войны, участвовал в боевых действиях. В дальнейшем окончил Александровский лицей. Служил в Кавалергардском полку. Убит в 1914 в бою под Каушеном («Википедия»). Фото на сайте ria1914.info.

пова,¹³ в сводке отзывов об успехах и поведении учеников 1-го класса, 1899/1900 учебного года:

«Мандельштам — умный и способный мальчик, но вместе с тем и очень самолюбивый; прекрасно владеет русской речью, рассказывал всегда связно и литературно. Историю Ветхого Завета знает хорошо».¹⁴

По окончании 3-го класса (1902 г.) родителям был выдан следующий документ.

Выписки из «Сведений об успехах и поведении
ученика 3 класса Тенишевского училища
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА»

Русский язык — За год чрезвычайно развился. Особый прогресс наблюдается в самостоятельном мышлении и умении излагать результаты его на бумаге.

Немецкий язык — К делу относится прекрасно; немец. яз. владеет довольно свободно, читает и пишет вполне удовлетворительно.

Арифметика — Пройденное знает хорошо. Слабая сторона его — рассеянность и ошибки в счете, на это ему следует обратить внимание.

Естествознание — Предметом очень интересовался, работал усердно и курс хорошо усвоил.

География — Очень способный и необыкновенно старательный мальчик, правдив, очень впечатлителен и чувствителен к обиде и порицанию, владеет хорошим слогом, очень любит предмет и работает вдвое больше, чем того требовали.

Рисование — Старательный, внимательный и вдумчивый мальчик. Способности очевидно средние. Работает прилежно, но нельзя сказать, чтобы с увлечением. По успехам в средней группе.

Ручной труд — Старался что-нибудь сделать, но это давалось ему с большим трудом; все-таки приобрел некоторое умение и значительно самостоятельней справляется теперь с работами.¹⁵

¹³ Гидаспов Дмитрий Федорович (1870–1938), протоиерей. В 1895 окончил С.-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. С 1897 священник Троицкой церкви на Стремянной ул. Известный проповедник, почитался прихожанами как золотоуст. В 1906 г. стал одним из основателей «Братства ревнителей церковного обновления». Подвергался арестам в 1923 (сослан на 2 года в Оренбург) и 1935 (выслан в Новгород). В Новгороде вновь арестован и расстрелян (6 марта 1938 г.).

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.

¹⁵ Машинопись. Семейный архив Е. Э. Мандельштама.

Илл. 1. Экскурсия на Валдай.
Фото № 11 — «На озере Ильмень: за чтением».
Сидит в кепке — предположительно, О. Мандельштам

Илл. 2. Экскурсия на Валдай.
Фото № 14 — «На Никольском заводе: ученики пишут письмо домой».
Сидит на первом плане слева — предположительно, О. Мандельштам

4–13 мая 1903 г. Мандельштам вместе со своим классом и преподавателями Н. И. Березиным и Д. К. Педенко совершил экскурсию на Валдай, «в область истоков великих русских рек». Об этой экскурсии имеется подробный отчет Н. И. Березина с приложением фотографий, на двух из них с достаточной степенью вероятности можно опознать Мандельштама, см. иллюстрации 1 и 2.¹⁶ С пути он послал родителям открытку (5 мая), сохранившуюся в семейном архиве.¹⁷

Перед экскурсией на Валдай, 30 апреля 1903 г., Мандельштам выдержал экзамен по зоологии и ботанике с оценкой «5»; 17 апреля 1904 г. — по химии с оценкой «5».¹⁸ Согласно данным А. А. Морозова, Мандельштам в 1903 году пробовал силы в беллетристике, поместив в школьном журнале «Досуг» (1903. № 1. 24 окт.) очерки «Прогулка на велосипеде» и «Гроза»,¹⁹ редактировал, вместе с В. М. Жирмунским, Ростовцевым и Шнитниковым, журнал «Юные силы» (ноябрь 1903 — февр. 1904, № 1–4) и значился редактором-издателем журнала «Жизнь» (февраль–март 1904, № 1–2).²⁰

Занятия в училище вызвали необходимость пользоваться библиотекой, для чего ученикам выдавались именные удостоверения. Впервые удостоверение на право чтения в Императорской

¹⁶ Березин Н. И. Географические экскурсии Тенишевского училища. СПб., 1906. С. 113–128. То же: Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге. Год IV и V. СПб., 1907. С. 113–128.

¹⁷ См.: ПССиП 2020. Т. 3. С. 295. Экскурсии проводились после окончания учебы со всеми классами (с 1 по 5-й в период 1–15 мая, в старших классах — после 15 мая) по определенному плану. Класс Мандельштама по этому плану должен был совершить следующие экскурсии: 1901 г. — в Шлиссельбург, Лисий Нос, Кронштадт; 1902 г. — в Лесной, Дудергоф, Стрельну, Петергоф, Нарву; 1904 г. — на Днепровские пороги; 1905 г. — в Финляндию; 1906 г. — Псков, Витебск, Смоленск (сведения приводятся по изданию: Березин Н. И. Образовательные поездки в средней школе. СПб., 1912). Экскурсионные поездки описывал и брат поэта, см.: Мандельштам Е. Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. С. 131.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 21 об., 14 об.

¹⁹ Согласно заметке в хронике школьного журнала «Юные силы» (1903, № 1).

²⁰ Перечисленные издания находились в библиотеке ЛГПИ (ныне РГПУ) им. А. И. Герцена, куда были переданы академиком В. М. Жирмунским; ныне исследователям недоступны, см. примеч. 80. Из-за отсутствия в нашей информации инициалов невозможно определить, кто из братьев Шнитниковых (Борис или Всеволод), а также Ростовцевых (Лев или Георгий) — участвовал в редактировании журнала.

Публичной библиотеке было выдано Мандельштаму 4 февраля 1904 г. (затем возобновлялось 11 октября того же года и 8 января 1905 г.).²¹

1905/1906 учебный год

К этому учебному году относится глава «Сергей Иванович» и отдельные пассажи главы «Эрфуртская программа». Поворотным событием века для России стала революция 1905 года, и соответствующие главы «Шума времени» закономерно соотнесены с разворачиванием ее грозных событий.

Революция началась и неуклонно нарастала после событий 9 января 1905 года. Мандельштам писал позднее: «Сознание значительности этого дня в умах современников перевешивало его понятный смысл, тяготело над ними как нечто грозное, тяжелое, необъяснимое. Урок девятого января <...> настоящий урок трагедий: нельзя жить, если не будет убит царь».²² Сквозь призму этого «урока» воспринималось поражение в Цусимской битве 14 мая, когда японским флотом была уничтожена 2-я Тихоокеанская эскадра, о чем поэт вспоминал позднее в стихотворении «Когда в далекую Корею...» (1932): «И Петропавловску-Цусиме — „Ура“ на дровяной горе».

Пафос борьбы с изживавшей себя царской властью, владевший молодежью тех лет, с замечательной художнической точностью передан Мандельштамом в главе «Семья Синани»: «Мальчики девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким Николенька Ростов шел в гусары: то был вопрос влюбленности и чести. И тем, и другим казалось невозможным жить не согретыми славой своего века» (с. 212).

Проводниками политического влияния на учеников были студенты. Мандельштам — по-видимому, в эти месяцы — бывал на митингах в университете, которые в октябре собирали многотысячные толпы и будили огромный энтузиазм, революционизируя весь город:

*Священною враждой был полон каждый лик,
И каждая рука, поднявшись, угрожала...*

— как сказал старший его современник,²³ и в Военно-медицинской академии (вероятно, на тех самых, которые отражены

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 60, 119, 141.

²² Кровавая мистерия 9-е января // ПССиП 2020. Т. 2. С. 53.

²³ Пяст В. Поэма в тонах // Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 212.

в приведенных ниже сообщениях газет 9 и 13 октября) и писал о них как очевидец в главе «Сергей Иванович»: «...в проспиртованных аудиториях Военно-медицинской или в длиннейшем „jeu de raumte“²⁴ меншиковского университета, когда рявкнет, бывало, как рассерженный лев, будущий оратор армянин на тщедушного с.-р. или с.-д. и вытянут птичьи шеи те, кому слушать надлежит» (с. 200).

9 октября «Петербургская газета» сообщила о том, что накануне в анатомической аудитории Военно-медицинской академии состоялась сходка воспитанников средних учебных заведений по вопросу, будет ли ученическая организация партийной или беспартийной; было принято решение о партийности организации;²⁵ 14 октября сообщалось о состоявшихся накануне сходках в университете, в том числе воспитанников средних учебных заведений, по вопросу о присоединении к всеобщей забастовке. В этот день были закрыты все казенные гимназии;²⁶ 17 октября, в день начала Всероссийской политической стачки, в Тенишевском училище прошел политический митинг, о котором один из тенишевцев вспоминал: «Я помню, на одном из ученических митингов (это было 17 октября в зале Тенишевского училища) какой-то оратор, студент, с жаром говорил о том, как гимназисты показали себя правительству будущими наследниками революционного студенчества и заместителями сгнивших в тюрьмах пионеров теперешнего движения и т. д.».²⁷

²⁴ «Зал для игры в мяч» (франц.). «Же де пом» — «родное» название старого корпуса Физического института (строилось для Первого кадетского корпуса как спортивный зал, позднее передано университету; ныне в нем располагается кафедра физкультуры и спорта). Одна из аудиторий («воейковская») на втором этаже здания использовалась в 1905 г. «для наиболее многочисленных и наиболее конспиративных собраний» (Корель И. И. Воспоминания студенческого старосты // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. Т. 2. С. 90).

²⁵ Петербург. газ. 1905. 9 окт. С. 3. См. также дневник Н. Яковлева (наст. изд., с. 51). На сходке было около 400 учеников (Протоколы 1-го Всероссийского съезда учителей и деятелей средней школы на Иматре 9–11 февраля 1906 г. М., 1906. С. 9).

²⁶ Петербург. газ. 1905. 14 окт. С. 4.

²⁷ О политической забастовке в средней школе // Тенишевец. 1906. № 2. 20 окт. С. 16. Подписано: Бывший староста II призыва. Впоследствии об этом собрании вспоминал другой тенишевец: «Осенью 1905 года мы мало занимались уроками, но целыми днями обсуждали создавшееся в стране напряженное положение. Никогда не забуду, как в самом начале Октябрьской всероссийской стачки Александр Яковлевич собрал всех нас, учеников и учителей, на общеучилищную сходку. Вопрос стоял о том, что и мы должны присоединиться к забастовщикам.

Между прочим, и «карбид для химической обструкции раздавался школам именно в университете».²⁸

Вскоре после 17 октября начались акции черносотенцев. По России покати́лась волна погромов; поползли слухи о готовящемся погроме в Петербурге. В главе «Сергей Иванович» есть место, прямо относящееся к бедствиям тех дней: «И вот, в самые тревожные девятьсот пятые дни, Сергей Иванович <...> приносит достоверные сведения о неминуемом в такой-то день погроме петербургской интеллигенции. Как член дружины, он обещает прийти с браунингом, гарантируя полную безопасность» (с. 202).²⁹ Кое-что запомнилось и младшему брату, Евгению: «Помнится, что в ночном столике у отца лежал маленький изящный дамский браунинг, предназначенный оберегать семью от любой опасности. Мать беспокоилась <...> Она отправляла нас в Павловск или Царское Село, где, как ей казалось, возможность эксцессов исключалась».³⁰ Один из

Ученики были допущены на сходку, начиная с четвертого класса. <...> Конечно, мы все были намерены „бастовать“. Недовольные голоса, исходившие от некоторых консервативных родителей, не могли иметь для нас никакого значения. Придя на сходку, я был весь охвачен гордостью и восторженным трепетом. Директор, подчеркивая демократический характер собрания, обратился к учащимся с предложением выбрать председателя из своей среды. Старшие школьники, имея уже некоторый общественный опыт, стали дружно называть имя восьмиклассника Наливкина (академик Дм. Вас. Наливкин)» (*Розенталь Н. Н.* Из Петербурга в Москву // http://samlib.ru/s/smekalin_d_o/izpeterburgawmoskwu.shtml). В связи с забастовкой 17 и 18 октября в училище состоялись экстренные заседания педагогического комитета (повестки — ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 97, 98. Протоколы этих собраний в архиве не сохранились).

²⁸ *Пиленко А.* Забастовки в средних учебных заведениях Санкт-Петербурга. СПб., 1906. С. 7. О способах «химической обструкции» в школах см. в дневнике Н. Яковлева (Приложение 1). О том, насколько были распространены такого рода «обструкции», видно также из объяснительной записки И. Ф. Анненского (Приложение 2).

²⁹ Погромы учинялись в 36 губерниях из 72. Направлялись преимущественно против евреев, но в Твери, Томске, Казани погромы были направлены против студентов и интеллигенции. Во время октябрьских погромов было убито около 3, 5 тысяч и изувечено около 10 тысяч человек. В связи со слухами о погроме см.: Возможен ли в Петербурге погром? // Петербург. газ. 1905. 30 окт. С. 2. Дружины начали создаваться после того, как Совет рабочих депутатов принял 22 октября резолюцию о мерах предотвращения погромов (напечатана в «Известиях Совета рабочих депутатов» 30 октября за подписью Л. Д. Троцкого). Дружины (отряды) организовывались в каждом районе Петербурга, при штабах устанавливались постоянные дежурства (для сведения граждан были объявлены номера телефонов дежурных). При Совете рабочих депутатов была создана боевая дружина, вооруженная револьверами; все члены Совета были также вооружены.

³⁰ *Мандельштам Е. Э.* Воспоминания. С. 134–135.

архивных документов 1905 года и указывает адрес «Царское Село. Бульварная 32», подтверждающий эти сведения.³¹

В делах педагогического комитета училища за этот период сохранились только повестки и объявления — протоколы собраний не велись или были уничтожены впоследствии. Педагогический персонал принял решение присоединиться к забастовке, в то же время «принципиально отрицая активное участие учеников в политической жизни».³² Известны и имена некоторых преподавателей, принимавших активное участие в событиях. Так, А. Л. Липовский³³ был одним из инициаторов создания Союза средней школы (объединявшего учителей) и председателем двух его съездов: в феврале и июне 1906 года.³⁴ Он уже в начале следующего учебного года, как и преподаватель истории А. Я. Закс, был вынужден уйти из училища;³⁵ ученики выражали ему поддержку, посещая его дома и приглашая на вечеринки.³⁶ А. Я. Закс был арестован полицией в декабре 1906 года, но вскоре был выпущен на поруки.³⁷

Политически активная часть учеников настаивала, как видно из цитированного выше постановления педагогического комитета,

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 60 об. Поездки в Царское Село в это время находят и косвенное подтверждение — в удостоверении, выданном Мандельштаму канцелярией училища 3 сентября 1905 года для предъявления в правление Царскосельской железной дороги. Такие удостоверения требовались для покупки льготного учебного проездного билета (Там же. Ед. хр. 9. Л. 180).

³² Сообщение педагогического комитета Тенишевского училища родителям от 21 октября (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 100). В нем извещалось также о том, что занятия в Тенишевском училище начнутся 24 октября 1905 г.

³³ Липовский Александр Лаврентьевич (1867–1942) — преподаватель русской литературы. Позднее — директор гимназии К. И. Мая.

³⁴ Протоколы 1-го Всероссийского съезда учителей и деятелей средней школы на Иматре. 9–11 февраля 1906 г. М., 1906; Съезд учителей и деятелей средней школы в Петербурге, июнь 1906 г. СПб, 1906. На втором съезде, проходившем в зале Тенишевского училища, с докладом о задачах общеобразовательной школы выступил преподаватель Тенишевского училища С. И. Созонов. В работе съезда принимали участие также член попечительного совета Тенишевского училища И. М. Гревс, первый директор В. А. Герд. Очевидно, именно на этом съезде перед группой делегатов выступал В. И. Ленин, о чем (глухо) сказано на мемориальной доске, установленной на фасаде здания училища; см. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 411.

³⁵ В хронике «Тенишевца» с сожалением отмечалось: «А. Л. Липовский и А. Я. Закс перестали преподавать в училище» (1906. № 1. 1 окт. С. 6). Закс Арт Яковлевич (1878–1938), впоследствии краевед, экскурсионист.

³⁶ Тенишевец. 1906. № 2. 20 окт. С. 19–20; Тенишевец. 1907. № 5. 15 янв. С. 75.

³⁷ Тенишевец. 1907. № 5. 15 янв. С. 72.

именно на «активном участии в политической жизни», которое выражалось, как и в других школах, в требовании разрешения ученических сходок, учреждения совета старост и участия старост в заседаниях педагогического комитета. 24 октября намечалось приступить к занятиям (см. примеч. 32), но в этот день состоялось ученическое собрание, резолюция которого (по-видимому, с повторением тех же требований) внесла очередной диссонанс в жизнь училища,³⁸ и занятия в старших классах возобновились не ранее 28 октября.³⁹

Но уже через несколько дней революционные события привели к новому кризису в училище. Ноябрьская политическая стачка проходила в Петербурге 2–7 ноября в знак протеста против предания военно-полевому суду участников Кронштадского восстания. В декабре В. М. Жирмунский записал в дневнике: «В начале ноября была вторая забастовка <...> она в один день разделила училище на две бойкотирующие друг друга партии. <...> Одна партия — реформаторы более смелые, чем осмысленные, враги даже прогрессивного педагогического персонала, горящие желанием примкнуть к ближайшей политической забастовке, стремящиеся сделать из школы орудие крайних партий, люди способные — часто, демагоги — всегда. Другая — люди, умеющие провести грань между школьной жизнью и политическими симпатиями, желающие не терять драгоценного времени и набрать побольше знаний для той же борьбы за идеалы, ценящие в учителях их доброе к ученикам отношение и верящие в их верность освободительному движению». В дневнике названы имена активистов «крайних» (как именовал представителей первой партии В. М. Жирмунский) — Наливкин, Рубакин, Синани.⁴⁰

8 декабря, накануне Московского вооруженного восстания, «на собрании делегатов от педагогических советов всех столичных

³⁸ О собрании и вынесенной резолюции известно по архивному документу: «Педагогический комитет Тенишевского училища, ознакомившись с резолюцией собрания учеников старших классов училища от 24 октября и принимая во внимание, во первых, что осуществление ее ставило бы ведение учебного процесса в полную зависимость от образа действий учеников и, во вторых, что такое положение противоречит основным принципам всякой школы, постановил: считать названную резолюцию совершенно недопустимой. Директор» Машинопись с пометой: Вывешено в залах училища (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 105).

³⁹ Согласно извещению директора о том, что занятия в старших классах Тенишевского училища возобновятся 28 октября (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 143).

⁴⁰ *Жирм.* 2013. С. 214–215. 6 ноября в училище прошло собрание учащихся в присутствии Педагогического Комитета (повестка — ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 104).

средних учебных заведений признано необходимым разрешить учащимся старших классов устраивать общие собрания для выяснения своих нужд»,⁴¹ и в тот же день гимназисты 2-й гимназии прекратили занятия и ходили в другие гимназии «снимать» учащихся.⁴² На следующий день в здании Тенишевского училища состоялось заседание С.-Петербургского союза преподавателей средних учебных заведений для решения вопроса о том, как отнестись к объявленной всеобщей политической забастовке, и «после живого обмена мнениями и речей союзом постановлено примкнуть к забастовке и прекратить занятия».⁴³ 11 декабря на родительском собрании с приглашением депутатов от учащихся обсуждался вопрос о прекращении занятий в Тенишевском училище.⁴⁴ Согласно дневниковым записям В. М. Жирмунского, забастовка в училище (как учеников, так и преподавателей) продолжалась с 9 по 13 декабря, но еще и после 13-го классы наполнялись едва наполовину, а большая часть преподавателей продолжала бастовать. В те же декабрьские дни «почти во всех средних учебных заведениях <...> заняты рассмотрением проекта об организации института старост. Для этой цели составленные учащимися проекты переданы на обсуждение особых комиссий, избранных педагогическими советами. Учащиеся требуют предоставления старостам права присутствовать на заседаниях педагогических советов, родителей и т. п. Педагогический персонал склоняется к удовлетворению этого требования, без предоставления, однако, старостам решающего

⁴¹ Петербург. газ. 1905. 8 дек. С. 3.

⁴² Там же. 9 дек. С. 3.

⁴³ Петербург. газ. 1905. 11 дек., цит. по кн.: *Пиленко А.* Указ. соч. С. 100 (Прилож. № 104). Материалы «О присоединении гг. учителей к забастовке» отложились в фонде Канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 10198).

⁴⁴ Повестка — ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 144. В. М. Жирмунский записал в этот день в дневнике: «Ал<ександр> Як<овлевич> становится все более и более скучным. Сегодня он не позволил депутатам от крайних говорить на родительском собрании, отверг предложение общего собрания учеников, родителей и педагогов, одним словом, вел себя крайне вызывающе. Между прочим, завтра и во вторник занятий не будет, в среду мы узнаем что и как о возобновлении работ» (*Жирм. 2013. С. 217*). О позиции директора вспоминал впоследствии и другой ученик: «он протестовал против наших забастовок, как нечто недостойного Тенишевского училища <...> не хотел знать забастовку у себя, в свободной школе, где учителя подают руку ученикам, где они говорят как равные» (*Пинес <Иоахим (Ефим)>*). Мысли и воспоминания: «Ал. Як. Острогорскому — учителю и другу — тенишевцы»: (Ученический венок) // Александру Яковлевичу Острогорскому, Учителю и другу — Тенишевцы. СПб., 1908. С. 27).

голоса».⁴⁵ В Тенишевском училище выборы в совет старост прошли, по записи В. М. Жирмунского в дневнике, 7 декабря (*Жирм. 2013. С. 214–215*). Борьба между двумя «партиями» в училище шла вокруг пункта об участии старост в заседаниях педагогического совета. Частичную победу одержали «крайние» (сторонники «участия»), однако представители их в 8 классе, Наливкин и Рубакин, старостами избраны не были. В 6-м классе старостами были избраны Жирмунский и представитель «крайних» Михайловский⁴⁶ (избирались по двое от класса). Среди своих единомышленников В. М. Жирмунский в этой записи называет Г. Нечволодова и В. Валенкова — оба они в следующем году стали основателями и соредакторами журнала «Тенишевец» вместе с В. М. Жирмунским. Ученические сходки были разрешены, но, «разрешая сходки в старших классах, педагогический комитет обязал учеников, при обсуждении политических вопросов, не принимать никаких решений, которые могли бы быть обязательными для несогласных, а ограничиваться одним только обсуждением. По вопросам же академическим ученики могут принимать решения».⁴⁷ При всей остроте ученических дискуссий

⁴⁵ <Аноним> В средних учебных заведениях // Петербург. газ. 1905. 13 дек. С. 4.

⁴⁶ Позднее идентифицирован как сын писателя Гарина-Михайловского Георгий (1890–1946). Из училища выбыл в 1906, окончил гимназию Лентовской (*Сальман М. Г. Из школьных лет О. Э. Мандельштама. 2. Одноклассники // Русская литература. 2013. № 4. С. 207–208*). В этой гимназии, по сообщению Н. Яковлева, «собрались исключенные [в 1906 г.] из петербургских средних школ» (с. 49 наст. изд.). По справке в «Википедии», Г. Н. Михайловский окончил СПб ун-тет по двум факультетам. В 1918 примкнул к Белому движению. Эмигрировал в 1920. В 1945 арестован сов. властями в Словакии, вывезен в СССР, осужден на 10 лет лагерей.

⁴⁷ Из актов речи А. Я. Острогорского 8 сент. 1906 г. (Рус. школа. 1906. № 10. С. 83). По-видимому, к декабрьским дням относится рассказ директора (записанный С. Р. Минцловым в дневник), живо рисующий настроения учащихся в революционные дни 1905 года: «А. Я. Острогорский, директор Тенишевского училища, рассказывал такой курьез. Являются к нему третьеклассники и просят разрешения собраться.

— Да ведь вы уже собрались, — отвечает он, прикидываясь не понимающим, в чем дело.

— Нет, это не то: мы хотим устроить митинг.

— Какой митинг, о чем?

— Поговорить хотим.

— Да о чем?

— О необходимости у нас демократической республики.

А. Я. рассмеялся и прогнал их. На другой день приходит в класс и на столе, под тетрадь, находит лист бумаги, а на нем надпись: „Александр Яковлевич — второй Трепов“» (*Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной*

до «обструкций» дело не доходило; волнения в Тенишевском училище носили «мягкий» характер,⁴⁸ в сравнении, например, с событиями в Первом реальном училище (см. «Дневник» Н. Яковлева).

Нечто о представителях партии «крайних» (как называл их В. М. Жирмунский в дневнике) в училище известно по воспоминаниям А. Н. Рубакина. Он рассказал о конспиративном ученическом кружке, куда входили, вместе с ним, его одноклассники Дмитрий Наливкин (будущий академик) и Андрей Пётрович. Осенью 1905 года кружок издал сборник революционных песен «Красное знамя» в пользу Совета рабочих депутатов, в связи с чем 2 января 1906 г. Рубакин был арестован, но вскоре выпущен под надзор полиции. Летом 1906 г. (уже после окончания Рубакиным училища) члены кружка, пополнившегося рабочими, напали на полицейского и отняли у него оружие. После этого последовал второй арест (был арестован также А. Петрович). О работе кружка в стенах училища Рубакин пишет мало, отмечая лишь, что «организацией митингов обычно занимался наш кружок, который за эти месяцы расширился, в него вошли наиболее революционно настроенные ученики из других, большей частью младших классов, вплоть до пятого».⁴⁹ По-видимому, кружок Рубакина играл ведущую роль в училище во время событий 1905/1906 учебного года, роль, которая в следующем году перешла к одноклассникам Мандельштама.

В этом учебном году Мандельштам стал изучать «Эрфуртскую программу» Карла Каутского⁵⁰ — момент, который и нужно считать точкой отсчета его вовлечения в политическую жизнь. За чтением — по-видимому, на уроке — его застал Вл. В. Гиппиус: «Чего ты

Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С. 67–68). Д. Ф. Трепов в 1905 году был петербургским генерал-губернатором, распоряжение которого о подавлении волнений — «холостых залпов не давать, патронов не жалеть» — было расклеено 13 октября 1905 г.

⁴⁸ «Когда все волновались, когда во всех средних учебных заведениях свирепствовали забастовки, волнения, царствовала анархия, наше училище волновалось мало, волновалось „из солидарности“» (Пинес. Указ. соч. С. 27).

⁴⁹ Рубакин А. Н. Над рекою времени. М., 1966. С. 14, 16–18, 24–25. Об Осипе Мандельштаме Рубакин пишет на с. 13.

⁵⁰ Мандельштам читал, по-видимому, «Комментарии к Эрфуртской программе» Каутского (1892) в одном из изданий периода революции 1905 года, напр.: *Каутский Карл. Эрфуртская программа*. СПб., 1906. Эрфуртская программа Социал-демократической партии Германии была в то время одним из основных документов международного социал-демократического движения. Принята в октябре 1891 на съезде партии в г. Эрфурт. Заменяла Готскую программу 1875 года. Решающее влияние на разработку ее основных теоретических положений оказал Энгельс.

читаешь брошюры? Ну какой в них толк? <...> Хочешь познакомиться с марксизмом? Возьми „Капитал“ Маркса» (с. 204). Эта живая сценка, которой открывается глава «Эрфуртская программа», на удивление точно иллюстрирует статью Вл. Гипшиуса «К вопросу о роли чтения в современном воспитании» (см. Приложение 4) и могла бы послужить к ней эпиграфом. «Капитал» Мандельштам «взял», а также и «Коммунистический манифест» (или, что то же, «Манифест Коммунистической партии», в то время он издавался и с одним, и с другим названием). «Коммунистический манифест» только вскользь и почему-то во множественном числе упомянут в конце главки «Семья Синани» (с. 213), но знаменательная цитата из него вкралась в характеристику социал-демократа Анатолия Надежина, его одноклассника. В следующем же году Мандельштам «пришел в класс совершенно готовым и законченным марксистом» (с. 206).

Поскольку занятия в октябре–декабре едва велись, понятно, почему в это время Мандельштаму нужен был репетитор, которым и стал «Сергей Иванович». А для части учеников наверстать упущенное в следующие месяцы оказалось делом и вовсе непосильным. На состоявшихся 28 февраля и 23 марта 1906 года, накануне экзаменационной сессии, заседаниях педагогического комитета 6 из 18 учеников его класса вообще не были допущены к экзаменам и остались «на второй год», из двенадцати допущенных двое экзамены не сдали и также были оставлены в 7-м классе.⁵¹ Родители Мандель-

⁵¹ Список учеников седьмого класса на начало учебного года: Аршаулов О., Барац В., Дриль А., Зарубин Л., Каменский Ю., Кан М., Корсаков И., Кошкаров Б., Краснокутский Л., Крупин С., Ляндау Ф., Мандельштам О., Надеждин А. (правильно: Надежин. — А. М.), Пржесецкий (правильно: Пржисецкий. — А. М.) А., Синани Б., Слободзинский С., Турба О., Турчанинов В. (выбыл из училища в течение года. — А. М.), Хортик Л. (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 52–54 об.). На заседании Педагогического комитета 23 марта «список оставленных в VII классе снова пересматривается и остается в том же виде» (Там же. Ед. хр. 8. Л. 142), и на следующий день, 24 марта, училищем было дано уведомление о допуске к экзаменам с приложением списка: 1. Аршаулов. 2. Зарубин. 3. Каменский. 4. Кан. 5. Корсаков. 6. Кошкаров. 7. Крупин. 8. Ляндау. 9. Мандельштам. 10. Синани. 11. Слободзинский. 12. Турба, а также уведомление о том, что не допущены к экзаменам: 1. Барац. 2. Дриль. 3. Краснокутский. 4. Надеждин. 5. Пржесецкий. 6. Хортик (Там же. Ед. хр. 10. Л. 329, 330).

Перешли в восьмой класс и окончили училище в 1907 году (третий выпуск) вместе с Мандельштамом еще девять учеников: Аршаулов Олег Вадимович (род. 29 дек. 1887 г.), Зарубин Леонид (Леонтий) Константинович (24 февр. 1889 г.), Каменский Юрий Андреевич (28 окт. 1889, по другим данным — 1888 г.), Кан Макс (4 марта 1890 г.), Кошкаров Борис Алексеевич (21 апр. 1886 г.), Ляндау Федор (Феодосий) Юлианович (6 июля 1888 г.), Синани Борис Борисович (27 дек. 1889 г.), Слободзинский Сергей Николаевич (21 янв. 1889 г.).

штама и его друга Бориса Синани были извещены 6 февраля 1906 г. о недостаточных успехах: «Не успевают в январе: <...> Мандельштам — по тригонометрии, немецкому и рисованию. <...> Синани — по тригонометрии, немецкому, слаб по французскому». ⁵² Но экзамены они сдали успешно: 9 апреля по всеобщей истории оба с оценкой «5»; 13 апреля по русской истории оба — «5»; 21 апреля по алгебре оба с оценкой «5»; 26 апреля по геометрии письменный О. М. — «4», Б. С. — «3»; 28 апреля по геометрии устный О. М. — «4», Б. С. — «3»; 2 мая по космографии (современная астрономия) оба — «5»; 6 мая по географии О. М. — «5», Б. С. — «4». ⁵³ Один из экзаменов, вероятно по французскому языку, ⁵⁴ они сдавали в августе: об этом упоминается в протоколе заседаний педагогического комитета от 31 августа: «Затем переходят к переводу учеников, державших экзамены в августе. 1) Синани; 2) Мандельштам — переводятся, но Синани нужны занятия по фр<анцузскому языку>». ⁵⁵

В главе «Тенишевское училище» Мандельштам с симпатией, осязаемой и сквозь присущую его стилю иронию, пишет о директоре. «Гуманистические туры на колесах» в училище, как там сказано (с. 199), нужно соотносить не с великой любовью Острогорского к своим воспитанникам, не со стремлением привить им «дух языка» и «любовь к литературе», ⁵⁶ но с культивировавшимся под его патронажем либерализмом педагогов («учителя подают руку ученикам», а директор играет с учениками в снежки на переменах ⁵⁷) и, в целом, с декларировавшейся в первые годы существования училища самооценкой «свободная школа» (или, как сказано у Мандельштама на с. 196, «образцовая школа»), со стремлением полностью отказаться от приемов «казенной школы» — оценок, табелей успеваемости, кондуитных журналов, «поощрительных и принудительных мер» (как говорил директор в изложенной выше речи), переходных из класса в класс экзаменов и т. п., то есть ко

Мандельштам был среди них самым младшим: одноклассники были старше его на один-два года, а Аршаулов и Кошкаров — соответственно на 3 и 5 лет.

⁵² ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 7–8.

⁵³ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 10 об.–25 об.

⁵⁴ Среди экзаменационных ведомостей в архиве отсутствует ведомость экзамена по французскому языку, и это предположение кажется единственно вероятным.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 4.

⁵⁶ См.: <Аноним>. А. Я. Острогорский: (Некролог) // Образование. 1908, № 9/10а. С. VIII.

⁵⁷ См.: Пинес. Указ. соч. С. 27; Сахаров А. Б. Памяти Александра Яковлевича Острогорского. С. 73 (паг. 2-я).

всему, что оказалось поколебленным забастовками учеников и педагогов. События 1905 года в училище стали сильнейшей встряской для учителей и директора, и на заседании педагогического комитета 27 января 1906 г. Острогорский обосновал необходимость реформы учебного процесса: «мы все, стараясь как можно далее уйти от нее <схоластики казенной школы>, ударились в другую крайность: мы развиваем, но не учим. Перейдя предел, мы нарушили пропорциональность. При основании училища имелось в виду возбудить в детях самостоятельность и развить в них работоспособность, потому что человек, умеющий работать, сможет приобрести в жизни то, что ему нужно. Достигнуть этого, как мы теперь видим, нам не удалось; расшатанность полная; дефект, очевидно, в корне». ⁵⁸ В результате учебный процесс стал существенно ближе к «казенному»: появились годовые оценки по предметам, таблицы успеваемости ⁵⁹

⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 115.

⁵⁹ В качестве иллюстрации приводим один из выданных в конце этого учебного года:

Сведения об успехах и поведении ученика
6 пар <аллельного> класса Тенишевского училища
Бартмера Андрея за 1905/6 уч <ебный> г <од>.

<Опущены оценки по предметам>

Общие замечания.

Б <артмер> и в текущем году, невзирая на урок прошлого года, продолжал недостаточно серьезно и добросовестно относиться к делу. Он совершенно перестал систематически трудиться, и если он работает и проявляет некоторое усердие, то делает он это урывками, по временам. Между тем при его далеко не блестящих способностях и посредственной памяти исключительно систематическая настойчивая работа может служить гарантией успеха. Только систематическим, сознательным трудом может он пополнить один из существенных недостатков — отсутствие общего развития. Вместо того он играет роль, и довольно видную, среди группы учеников, которые, подобно ему, совершенно перестав работать, отрицательно относятся к училищу и создают себе сферу интересов совершенно несвойственных их возрасту и не соответствующих тем запросам, которые пыталась развить в них школа. Низменный и вредный характер этих интересов, наблюдаемый уже в течение некоторого времени, особенно ярко и рельефно проявился на последней экскурсии. Порнография и алкоголь не могут быть элементами интересов нормально развивающихся юношей. Лишь в надежде на исправление этих учеников и ввиду того, что группа эта вполне беспочвенна и остальные ученики относятся к ней сознательно отрицательно — представляется возможность держать этих учеников в училище.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОМИТЕТА: ОСТАВЛЕН В ТОМ ЖЕ КЛАССЕ НА ½ ГОДА.

ДИРЕКТОР

(ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 56–56 об.)

и был учрежден воспитательский совет.⁶⁰ К тому же времени относится еще одно нововведение: «в целях повышения самостоятельности и работоспособности учеников было постановлено усилить домашнюю работу учеников так, что в средних и старших классах классная работа была перенесена отчасти на самих учащихся».⁶¹ Оно преследовало ту же цель: занять больше внешкольного времени учебной и тем самым отвлечь учеников от политической деятельности.

Каникулы

В основном на время школьных каникул приходилась будоражившая умы деятельность I Государственной Думы (27 апреля — 8 июля 1906 г.).

На каникулах мы видим Мандельштама «с „Эрфуртской программой“ в руках» и в обстановке, зримо насыщенной приметами недавно прошедшего восстания.

То было в поселке Зегевольд (позднее Сигулда) Лифляндской губернии. «В тот год, в Зегевольде, на курляндской реке Аа, стояла ясная осень с паутинкой на ячменных полях. Только что пожгли баронов, и жестокая тишина после усмирения поднималась от спаленных кирпичных служб <...> И вот в Зегевольде, с Эрфуртской программой в руках, я по духу был ближе к Коневскому, чем если бы я поэтизировал на манер Жуковского и романтиков, потому что зримый мир с ячменями, проселочными дорогами, замками и солнечной паутиной я сумел населить, социализировать, рассекая схемами, подставляя под голубую твердь далеко не библейские лестницы, по которым всходили и опускались не ангелы Иакова, а мелкие и крупные собственники, проходя через стадии капиталистического хозяйства» (с. 205–206). По устному сообщению брата, Евгения Мандельштама, они (все три брата) были тем летом в Зегевольде

⁶⁰ Новации были подготовлены во втором семестре и введены в начале следующего учебного года. 13 апреля 1906 г. на заседании педагогического комитета был поставлен «доклад комиссии по пересмотру учебно-воспитательного дела <...> и о предполагаемых реформах» (Повестка. ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 153). См. также: «В 1905–1906 г. в педагогическом комитете был произведен пересмотр некоторых основных положений Тенишевского училища, результатом чего явилось усиление воспитательного дела, переданного в руки особой коллегии — воспитательского совета. <...> В это же время в школе была введена семестровая система» (Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. С. 5–6).

⁶¹ Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. С. 6.

с матерью; поселок носил печать недавних революционных событий: у одной из усадеб стояла разбитая пушка. В воспоминаниях поэта есть хронологический сдвиг: то была не осень, а лето 1906 года; карательная экспедиция здесь была в январе, жертвам расстрела 14 января 1906 года был позднее установлен памятник на сигулдинском кладбище. Впечатления этого лета отразились в двух юношеских стихотворениях Мандельштама, помещенных в третьем выпуске ученического журнала «Пробужденная мысль».⁶²

1906/1907 учебный год

«Когда я пришел в класс совершенно готовым и законченным марксистом, меня ожидал очень серьезный противник. Прислушавшись к самоуверенным моим речам, подошел ко мне мальчик, опоясанный тонким ремешком, почти рыжеволосый и весь какой-то узкий, узкий в плечах, с узким мужественным и нежным лицом, кистями рук и маленькой ступней. <...> Он вызвался быть моим учителем, и я не покидал его, покуда он был жив, и ходил вслед за ним, восхищенный ясностью его ума, бодростью и присутствием духа» (с. 206–207). Это был Борис Синани.

Показательную параллель к приведенной выше цитате из «Шума времени» дает заметка из хроники «Тенишевца» — уже в начале года Мандельштам и Синани сидят на одной парте и в какой-то мере задают тон в классе:

«10-го октября произошел в XV семестре весьма неприятный инцидент. Большая часть класса демонстративно ушла из училища. Поводом к такому поступку послужила отсылка Синани домой за нежелание пересесть на другую парту. Но это только повод. Мотивом же является отношение директора и классных наставников к ученикам XV семестра, которое, по их мнению, вовсе не соответствует издавна сложившемуся в нашем училище отношению к ученикам XV семестра как к людям, одной ногой уже стоящим вне училища, а скорей подходит к ученикам младших классов. Это мнение сложилось у всего класса, не исключая и оставшихся в здании училища. Класс разошелся лишь в мерах выражения недовольства».⁶³

⁶² ПССиП 2020. Т. 1. С. 601. См. также: Мец А. Г. Неизвестные стихотворения Мандельштама // Даугава. 1988. № 2. С. 194–195. О месте «революционного прошлого» в мировоззрении Мандельштама-поэта см.: Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // Тоддес 2019. С. 338 след.

⁶³ Тенишевца. 1906. № 2. 20 окт. С. 20–21.

В те же дни Синани и Мандельштам часто пропускают уроки⁶⁴ и ведут себя вызывающе. «Приходят они, когда им это угодно, хоть ко 2–3 уроку, причем заходят в класс во время урока, не обращая внимания на преподавателя», — говорил Острогорский на очередном заседании педагогического комитета. Один из выступавших педагогов назвал их поведение «наглым», а другой отметил, что «рассядка Синани и Мандельштама произвела свое действие». ⁶⁵

Вероятно, в первой половине учебного года, когда Мандельштам пришел в класс «совершенно готовым и законченным марксистом», сближение его с Борисом Синани (тот был, несомненно, уже членом партии эсеров, ибо эсеры, по приведенной ниже справке, «прямо включали школьников в партию») определялось политической активностью обоих и принадлежностью к левым политическим партиям. Хотя в прямых акциях 1905 года левые партии действовали солидарно, борьба за влияние на массы и соответствующая полемика между двумя партиями в печати и на митингах велась ожесточенная, что и отразилось в нескольких эпизодах главы «Семья Синани»; обобщая, Мандельштам говорил о «глубокой страстной распре с.-р. и с.-д.» (с. 213). По-видимому, их принадлежность к противоборствующим политическим партиям в тот момент и фиксирует недружественная заметка Синани (укрывшегося под псевдонимом) в хронике «Пробужденной мысли»:

«Прекрасный оратор-талмудист О. уже начал свою пламенную речь. „Не только пролетариат, но все трудящиеся...“ — горячится он, но кончить ему не удастся, его хватают, и начинается знаменитый „циркуль“, состоящий в том, что жертву, предварительно свалив на спину, хватают за руки и крутят по полу... <...> Особенно суетятся многочисленные редакторы и издатели недавно начавшего выходить в училище журнала. Должно быть, они ищут новостей. Тут есть самые разнообразные типы, большие и маленькие, с бритыми и небритыми головами, в очках и без очков... <...>

⁶⁴ Оба они отсутствовали в первый день занятий: канцелярия Тенишевского училища обратилась с письмами к Флоре Осиповне Мандельштам и Борису Наумовичу Синани с просьбой сообщить причины, по каким их сыновья не были в училище 1 сентября (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 377). Такой же запрос был дан Б. Н. Синани (и родителям некоторых других учеников) 6 октября 1906 г. (Там же. Л. 390).

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед.хр. 114. Л. 16–19. Извлечения из этого протокола в большем объеме цитируются ниже в тексте статьи.

Но зато в классе в это время произошла „дезинфекция“, и что самое главное — исполнен „суровый долг“, чем и утешает класс О., он же любимый ученик Канта.

Наконец, кончилось. Можно идти домой. И тут поклонник долга О. не забывает великого назначения своей жизни и меняет свои калоши и пальто на чужие (лучшие, конечно).

Вообще это очень интересный тип. Ходят слухи, что однажды он, витая в заоблачных местах „отвлеченного мышленья“, одел курточку ученика 1 класса. К счастью, тот был тут же и, не желая стать жертвой экспроприации, закричал о помощи и этим вывел О. из состояния забвения. Мы думаем, что этот слух несколько преувеличен, тем более что О. в личной беседе заявил, что с экспроприаторами ничего общего не имеет». ⁶⁶

«Не только пролетариат, но и все трудящиеся» в заметке Синани — это слова из уст сторонника партии пролетариата (социал-демократа). Через некоторое время Борису удалось обратить друга «в свою веру»: Мандельштам вступил в партию социалистов-революционеров. ⁶⁷

⁶⁶ XV семестр // Пробужденная мысль. 1906. Вып. I (ноябрь). С. 10–11. Подписано: Бъсь. Приводится по выписке А. Морозова. Псевдоним образован, очевидно, от инициалов Б. С. (Борис Синани); тем же псевдонимом подписан очерк «Анархист» (см. Приложение 3). Мандельштам, как уже говорилось выше, был значительно моложе своих одноклассников, почему и становился мишенью ребяческих забав. По устным воспоминаниям тенишевца Марка Михайловича Вольфа, тогда учившегося в 6-м классе, «„Чиркулъ“ — игра, его вертели, он не сопротивлялся. Его любили» (запись Г. Г. Суперфина). М. М. Вольф оставил и письменные воспоминания (Русский архив в Лидсе. MS. 1080/55, опубликованные в авторском переводе на английский: Sudebnik. London, 2000. Vol. 5, iss. 2), но этот эпизод не был автором записан. За предоставленную возможность ознакомиться с его воспоминаниями благодарю хранителя архива Ричарда Дэвиса и Татьяну Марковну Вольф.

⁶⁷ Согласно сведениям, предоставленным самим поэтом, см.: Писатели современной эпохи: (Био-библиогр. слов. рус. писателей XX в.) / Ред. Б. П. Козьмин. М., 1928. Т. 1. С. 178 (справка написана Д. С. Усовым, см.: *Тименчик Р. Д.* Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43. № 1. С. 75); *Тарсис В.* Современные русские писатели / Ред. и дополнил И. Оксенов. Л., 1930. С. 130. Сколь ни эфемерной была деятельность Мандельштама в рядах партии эсеров, не следует преуменьшать значения этого эпизода в биографии поэта и данной им при вступлении в партию «присяги чудной четвертому сословью» (как сказано в стихотворении «1 января 1924») для самосознания поэта. В середине 1920-х годов бывшие члены разгромленной партии эсеров подвергались гонениям, и Мандельштам, предоставляя указанные сведения для печати, поступал демонстративно.

Отец Бориса, Борис Наумович Синани,⁶⁸ был, по «Шуму времени», «советник и наперсник тогдашних эсеровских цекистов»; Мандельштам был свидетелем посещений М. А. Натансона: «Два три раза... открыто для нас, детей, приходил беседовать к Борису Наумовичу. Восторженный трепет и гордая радость не имели границ: в доме был цекист» (с. 208). Как выяснилось, и сам Б. Н. Синани «в 1886 году состоял под гласным надзором полиции, отменным циркуляром департамента полиции от 23-го сентября того же года».⁶⁹ Его дети вполне унаследовали политические взгляды отца. Евгения, сестра Бориса, по сведениям, обнаруженным нами в архиве, была партийной пропагандисткой района, «на обыске у ней была обнаружена партийная литература, рукописи и прокламации», в связи с чем она была арестована и с 17 апреля по 20 июня 1906 года находилась в Доме предварительного заключения.⁷⁰ Борис Синани шел по тому же пути.⁷¹

⁶⁸ Годы жизни Б. Н. Синани: 1851–1920.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. 1906 г., д. 666. Л. 4. В этой же справке сообщается о знакомых Б. Н. Синани, посетителях его дома: видном народовольце Германе Александровиче Лопатине (1845–1918), публицисте и теоретике народничества Сергее Николаевиче Кривенко (1847–1906), Самуиле Соломоновиче Бабаджане.

⁷⁰ По справке Отделения по охране порядка и общественной безопасности: ГАРФ. Ф. 102. 1910 г., д. 9, ч. 1. Л. 347 об. В этой же справке указано, что компрометирующие Евгению сведения были обнаружены в записях, найденных при обыске у Всеволода Эйхенбаума. В. М. Эйхенбаум (псевд. Волин), брат Б. М. Эйхенбаума, с 1905 года был членом партии социалистов-революционеров, в 1907 г. за участие в экспроприациях был осужден на вечное поселение в Сибирь. Особый отдел вел слежку за Алексеем Павловичем Кудрявцевым (псевд. Мирский, Мешковский), мужем Евгении, имя которого называла и В. Б. Некрасова в семейных воспоминаниях («Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 62). В 1906 г. Евгения была слушательницей Высших женских (Бестужевских) курсов (ГАРФ. Ф. 102. 1906 г., д. 666. Л. 4).

⁷¹ Он был одним из лидеров ученических выступлений в 1905 г.: в записи дневника от 8 декабря 1905 г. В. М. Жирмунский назвал его «главой наших крайних» (*Жирм. 2013. С. 216*). Дальнейшие факты биографии Бориса Борисовича Синани (1889/1890–1911): в 1908 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 51591); в 1909 г. женился на Александре Эдуардовне Монвиж-Монтвид. Борис писал стихи, его художественный этюд «Сон» был помещен в 3-м выпуске «Пробужденной мысли». Возможно, ему принадлежит подписанное именем «Борис» стихотворение «Спящим» в эсеровской газете «Труд» (Б/м. 1907. Июнь. № 15. С. 7–8). Его очерк «Анархист» см. в Приложении III.

Дополним сведения о семье Синани, которые сообщила В. Б. Некрасова («Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 60–64). Брак родителей Бориса не был оформлен (в России имел силу только церковный брак, и для его заключения Борис Наумович должен был принять православие),

По донесению московского охранного отделения департаменту полиции,

«с осени 1905 года все революционные партии стали пользоваться большой популярностью среди молодежи, учащейся в средних учебных заведениях. Много способствовала этому общая ученическая забастовка 1905 года, во время которой агитаторы революционных партий проникали в среду учащихся и производили громадное влияние на молодежь. Среди гимназистов стали образовываться кружки, имевшие целью самообразование, в известном, конечно, направлении. Кружки эти, смотря по характеру занятий и по партийной принадлежности руководителей, носили название социал-демократических или социал-революционных организаций. <...> Они <социал-демократы> смотрели на ученические кружки, главным образом, как на подготовительные школы пропагандистов. Социалисты-революционеры же прямо включали школьников в партию, и это льстило их самолюбию. Тем не менее, по всем данным, первое влияние на молодежь имели социал-демократы».⁷²

Синхронно отмеченному в донесении и в Тенишевском училище уже в самом начале учебного года был организован кружок по самообразованию, заметка о котором появилась в хронике ученического журнала:

«Нам пишут из старших классов: „В связи с движением, охватившем в настоящую минуту все русское государство, в средних учебных заведениях начинают образовываться кружки чисто партийные для ознакомления с программой той или иной политической партии (политическое самообразование). Такой кружок „сочувствующих эсерам“ имеет своих представителей и в нашем училище среди младших учеников старших классов. Кружок изучает программу вышеупомянутой партии и стремится дать своим членам элементарные знания по политической экономии, без которой изучение той или иной политической партии является абсурдом».⁷³

и сын считался незаконнорожденным (согласно метрической выписи в университетском деле Б. Б. Синани). Мать, Варвара Лукинична Попадичева, умерла ок. 1900 г., вскоре после переезда семьи из Колмова в Петербург. Дочь Евгения, по сведениям, сообщенным нам С. С. Синани устно, родилась в 1886 г., Елена — в 1893 г., окончила Стоюнинскую гимназию в 1911 г. Евгения Синани впоследствии была замужем за Виктором Монвиж-Монтвидом. В доме Монвиж-Монтвидов, по свидетельству брата и сестры Виктора, Ксении и Анатолия, Мандельштам появлялся вместе с Борисом, там их звали «Два Аякса».

⁷² Цитируется по кн.: *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция. Л., 1924. С. 153.

⁷³ Об ученических кружках // Тенишевец. 1906. № 1. 1 окт. С. 10.

Организация кружков самообразования, как видно из донесения охранного отделения, шла в русле реализации партийных заданий эсеров и эсдеков, и за этой акцией в Тенишевском училище стояла, вместе с другими, фигура Бориса Синани. Ядро кружка, по-видимому, образовали те же ученики, которые вместе с ним и в то же время основали «оппозиционный» журнал «Пробужденная мысль» (см. ниже) — Анатолий и Вячеслав Надежины,⁷⁴ Юрий Каменский⁷⁵ и, вероятно, О. Мандельштам. Должно быть, в кружке, как и в Первом реальном училище по описанию Н. Яковлева, происходили «дебаты о том, кем лучше быть: эс-эром или эс-деком? Причем „лучше“ означало „радикальнее“. Большинство тяготело к эс-эрству и анархизму».⁷⁶ Сюда же то место из главы «Эрфуртская программа», где живо обрисованы споры между учениками, свидетелем и участником которых был автор: «и социал-демократ перегрызает горло народнику и пьет его эсеровскую кровь, напрасно тот призывает на помощь своих святителей — Чернова, Михайловского и даже... „Исторические письма“ Лаврова» (с. 205).

Н. Яковлев пишет, что в начале этого учебного года «оставшаяся часть учеников <...> была определенно реакционно настроена („желаем заниматься!“) и с нескрываемой враждебностью встречала не только какие-либо выступления, но и всякое вообще проявление общественных интересов».⁷⁷ Такое же состояние умов было и в Тенишевском училище. Директор и педагоги, естественно, стремились отвлечь учеников от участия в политической жизни (о чем директор прямо говорил 8 сентября в приведенной выше речи) и направить их энергию в русло учебы и самодеятельности (ср. попадающее в этот контекст: «нет, русские мальчишки не англичане, их не возьмешь ни спортом, ни кипяченой водой самодеятельности» и далее — с. 204). Одной из инициатив было

⁷⁴ Характеристика Анатолия Надежина в главе «Тенишевское училище»: «разночинец... веселье и беспечность, потому что нечего терять» (с. 199) многозначительна — курсивом нами выделена полуцитата из «Манифеста Коммунистической партии». Анатолий Алексеевич Надежин был социал-демократом, редактировал «оппозиционный» «Тенишевцу» журнал «Пробужденная мысль», в котором выступал с боевыми передовицами.

⁷⁵ О Ю. А. Каменском см. в Приложении 6. В своих воспоминаниях он писал о том, что познакомился с марксизмом 15-ти лет (т.е. в 1903 или 1904 г.) и «вел споры с отцом на социально-политические темы» (Тыняновский сб. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. М.: Водолей, 2009. С. 501).

⁷⁶ Наст. изд., с. 50.

⁷⁷ Наст. изд., с. 52.

основание общешкольного ученического журнала (отдельные классы с 1903 года выпускали свои журналы, быстро прекращавшие существование). Решение было принято еще в конце прошлого учебного года, что явствует из очерка, в котором один из учеников писал о недавних летних намерениях на новый учебный год:

«Лето кончено, в Петербург! <...> Кончено, перестану быть Обломовым и примусь за дело! <...> Основывается журнал. Непременно буду писать!.. Сильней и сильней охватывают меня чувства, и все ярче представляется светлое будущее. Школа — это маленькое государство со своей особой жизнью. У нас будет *свое правительство* — старосты, своя пресса, свои собрания, свой театр. <...> Прошлый год! Что было в прошлую зиму? <...> На улицах пусто — лишь патрули и городовые. А в школе нервные, потрясенные ученики и взволнованные педагоги. Они не понимают друг друга. Всем мучительно хочется помочь народному горю, хоть что-нибудь сделать. И неудержимо, фанатично устремляются юноши в бешеный водоворот жизни. Школа замирает. Потом... Усталые, осунувшиеся лица, угрюмое и немощное молчание, а на улицах больше штыков и нагаек».⁷⁸

Расслоение учеников на две «партии», отмеченное в дневнике В. М. Жирмунского в прошлом году, нашло отражение в истории двух тенишевских журналов.

С 1 октября начал выходить журнал «Тенишевец». В редакцию входили Г. Нечволодов, В. Валенков, В. Жирмунский (ученики 7 класса), И. Ашешов, ученик 6 класса, несколько позднее (с № 4, 10 дек. 1906 г.) — К. Ляндау, ученик 7 класса).⁷⁹ Во втором номе-

⁷⁸ N. M. На пути // Тенишевец. 1906. № 2. 20 окт. С. 15–16.

⁷⁹ Следует отметить, что в редакцию «Тенишевца» не вошел ни один ученик 8-го класса — политически активная группа из них основала, как уже было сказано, журнал «Пробужденная мысль». О Георгии Платоновиче Нечволодове и Владимире Николаевиче Валенкове см. в разделе «Выпускники Тенишевского училища». В записи от 7 декабря 1905 г. В. М. Жирмунский отметил их как своих друзей и единомышленников (*Жирм. 2013. С. 215*). Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) — впоследствии филолог, академик. О его публицистических и литературно-критических выступлениях в «Тенишевце» см.: *Лавров А. В. В. М. Жирмунский в начале пути // Русское подвижничество. М., 1996. С. 339–341*. Впоследствии выступил в печати с анализом поэтики двух первых сборников Мандельштама — «Камня» и «Tristia» (в статьях «Преодолевшие символизм» и «На путях к классицизму», см. статью Н. А. Жирмунской: *Русские писатели, 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 271–272*). Константин Юлианович Ляндау (1890–1969) в 1910-е годы был хорошо известен в среде поэтов, издал сборник стихов «У темной двери»

ре журнал поместил знаменательную статью, прямо призывавшую учеников к отказу от участия в политической жизни:

«Ряд последовавших затем (после октября 1905 года. — А. М.) забастовок средних учебных заведений явился бессмысленнейшей демонстрацией... своей слабости. Товарищи! Во второй половине прошлого года исключали старост, исключали учеников целыми классами за их политические убеждения; отчего гимназичество молчало? Отчего бездействовала знаменитая хвастливая резолюция о круговой поруке? Откуда начало реакции в средней школе? Ответ один — ряд демонстраций своей слабости и потеря сил на политическую борьбу ослабили сами союзы, советы, постановления... Причина тому забастовки. Таким образом, все более и более выясняется, что эти постоянные прекращения занятий не только не полезны, но вредны для общего и для нашего частного дела. <...> Пока наше дело — наша школьная область. В ней мы обязаны, это наш священный долг перед родиной, работать пока, готовясь к работе там, в более широкой жизни. <...> Так опомнитесь вовремя, товарищи, и разорвем цепи гипноза, сковавшего нас в прошлом году».⁸⁰

И тут жизнь училища была ознаменована громким конфликтом. На данную тенденцию «Тенишевца» (тенденцию откровенную) — группа «крайних» ответила изданием «оппозиционного» журнала «Пробужденная мысль».⁸¹ Уже первый его выпуск произвел сильный эффект:

(отрецензированный Н. С. Гумилевым), впоследствии был театральным режиссером; его брат Федор (Феодосий) учился в одном классе с Мандельштамом. О чтении Мандельштамом стихов в «подвале» К. Ляндау, где собирались поэты, см.: *Бабенчиков М. Сергей Есенин // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 180.* Игорь Николаевич Ашешов (1891–1961), сын литератора Н. П. Ашешова, впоследствии окончил Саратовский университет, стал бактериологом, во время Гражданской войны служил в воинской бактериологической лаборатории армий Юга России, затем эмигрировал, занимал должность профессора в Институте Листера в Лондоне.

⁸⁰ О политической забастовке в средней школе // Тенишевец. 1906. № 2. 20 окт. С. 18. Подписано: Бывший староста II призыва. В двух следующих номерах (3 и 4) печаталась статья анонима «Средняя школа и освободительное движение» — той же направленности.

⁸¹ Направление было заявлено учредителями «Пробужденной мысли» еще до выхода первого номера, что было отмечено в зачине полемической заметки: «Новый журнал, еще до своего рожденья объявивший себя „оппозиционным“ <...>» (Тенишевец. 1906. № 3. 15 нояб. С. 31). Имена авторов журнала перечислены нами выше.

«В четверг, 10-го ноября в XIII а и б семестрах не было урока законоведения. В класс пришел Александр Яковлевич, который в присутствии обоих семестров долго говорил с редактором „Пробужденной мысли“. А. Я. упрекал А. Надежина в оплевании как всего училища, так и идеи, положенной в его основу. В заключение А. Я. выразил свое крайнее огорчение по поводу поведения журнала». ⁸²

⁸² Тенишевец. 1906. № 4. 10 дек. С. 51. Конфликт журналов запомнился, один из младших учеников позднее писал в воспоминаниях: «В 1906 г. старшеклассники издавали два враждовавших меж собой журнала, „Пробужденная мысль“ и „Тенишевец“. Первый из них отличался политическим радикализмом и в пылу полемики обозвал „Тенишевца“ „Черносотенцем“. Успеха, однако, „Мысль“ не завоевала. В училище царил дух сдержанного сочувствия революционным идеям. В „активную политику“ и уже тогда, а тем более в последующие годы вовлекалась сравнительно малая часть учащихся. И это не только потому, что директор, при всем своем либерализме был принужден, состоя к тому же гласным Городской думы, осторожничать, да и по всяким педагогическим соображениям тщательнее оберегал своих питомцев-недоросков от преждевременного вовлечения в круг политических интересов. <...> Аполитичный „Тенишевец“, руководимый группой дружных и незаурядных подростков, оказался больше к месту» (Розенталь Л. В. Затея князя // Розенталь Л. В. Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М., 2010. С. 493–494).

Упомянутый автором эпизод действительно имел место: в первом номере «Пробужденной мысли», в разделе «Хроника слухов» сообщалось о выходе из печати журнала «Черносотенец» (с. 12–13), а затем якобы допущенная опечатка исправлялась (на правильное «Тенишевец», с. 16). В связи с реакцией директора на первый номер «Пробужденной мысли», переданной в хронике «Тенишевца», следует привести красноречивый эпизод из предыстории «Пробужденной мысли», рассказанный В. М. Жирмунским: «В Тенишевском училище в 1906 году стал издаваться группой учащихся оппозиционный журнал „Пробужденная мысль“. Журнал печатался типографским способом, и типография требовала от редколлегии учащихся визы директора, что как бы ущемляло самостоятельность учащихся. Когда редакция обратилась по этому вопросу к директору училища, А. Я. Острогорский сказал: „Печатный журнал перестает быть внутренним делом школы, он становится достоянием обществу, в случае чего пятно ложится на всё наше училище, отвечаю я, как директор“ и, подумав минуту, внимательно посмотрел на редактора, ученика VII класса Анатолия Надеждина, и добавил „Но я вам доверяю, типография будет печатать ваш журнал без моей подписи“. Здесь же он написал отношение в типографию, в котором указывал, что, не снимая с себя ответственности за ученический журнал тенишевцев, просит принимать к печати материалы от редакции без визы директора» (цит. по: Зенченко Н. С. Воспитательная работа в общественных средних школах России начала XX века (по материалам петербургских общеобразовательных коммерческих училищ) // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. педагогики. Л., 1958. Т. 182, вып. 3. С. 15). В следующем учебном году право на разрешение печатания журналов перешло к воспитательскому совету (Тенишевец, 1907. Год II. № 1. 15 окт. С. 4, 19–25).

Критике этого выпуска «Пробужденной мысли» «Тенишевец» отвел 3 страницы. Из них мы узнаём о политической стороне материалов «Пробужденной мысли», об инвективах в адрес кадетов, меньшевиков и трудовиков на ее страницах.⁸³ Несомненно, из того же лагеря исходила политическая оценка, которую сохранили воспоминания одного из учеников: «было время, когда многие из нас считали образ действий Александра Яковлевича „кадетством“».⁸⁴

Весь семестр журналы продолжали яростную полемику. Второй выпуск «Пробужденной мысли» вышел 13 декабря.

«Журнал был на этот раз встречен с бóльшим сочувствием, чем раньше; особенно понравились стихотворения. Кивки на „Тенишевец“ и неостроумные выходки на его счет, по-прежнему вызвали много споров, в особенности в XIII семестре, где чуть было не произошла драка между одним из редакторов „Тенишевца“ и одним из почитателей „Мысли“».⁸⁵

Судя по тону статьи Бориса Синани, помещенной в этом выпуске, полемический градус не был снижен:

«Может быть, революция пройдет без нас, но можем ли мы отстраняться от революции? Можем ли мы заниматься в минуты напряжения сил всей страны? Может быть, „разумные“ сотрудники „Тенишевца“ могут — мы же не можем. Вспомните октябрьскую забастовку — кто протестовал против нее? Вспомнили? Даже

⁸³ Тенишевец. 1906. № 3. 15 нояб. С. 30–33. Два первых выпуска «Пробужденной мысли» оказались для нас недоступными. В 1960-е годы они имелись в библиотеке Ленинградского государственного педагогического института (ныне РГПУ) им. А. И. Герцена, куда были переданы академиком В. М. Жирмунским, а в 1970-е числились утраченными. Оба выпуска значатся в генеральном каталоге Библиотеки РАН (шифр 7933), однако с 1970-х гг. их «нет на месте». Третий выпуск был найден в книжном фонде РНБ (шифр 38.66.7.47) благодаря Г. Г. Суперфину. Материалы двух первых выпусков известны нам по цитатам в «Тенишевце», предоставленным в наше распоряжение выпискам А. А. Морозова и по выдержкам из указанной ниже работы Н. С. Зенченко.

⁸⁴ Валенков В. Недавнее прошлое // Александру Яковлевичу Острогорскому, Учителю и другу — Тенишевы. СПб., 1908. С. 10. О сути разногласий кадетов с левыми партиями см.: Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 338–351 (глава «Кадеты и левые») и далее.

⁸⁵ Тенишевец. 1906. № 5. 15 янв. С. 72. В том же номере «от редакции» помещена краткая информация: «„Пробужденная мысль“ в своем 2-м выпуске определила окончательно свое направление. Очевидно, журнал считает себя партийным органом и прямо противопоставляет себя нам как партии; это особенно видно из письма Анатолия Надежина. По этому поводу мы должны заявить, что „Тенишевец“ — беспартиен» (С. 60).

педагоги не возражали, потому что не время было возражать; вопрос был поставлен ребром: или с народом, или против него.⁸⁶ Но теперь... Теперь вы протестуете... Что же, это „очень разумно“. Но не верится нам, что из вас выйдут защитники прав народа! Фразами любите вы отделяться».⁸⁷

В двух первых выпусках материалов Мандельштама обнаружено не было. Третий выпуск «Пробужденной мысли», содержавший два его стихотворения, вышел в марте или апреле 1907 года.⁸⁸

В дневнике С. П. Каблукова есть запись, дающая хронологический ориентир дальнейшему: «В училище <Мандельштам> был с. р. или с. д. и даже говорил рабочим своего района зажигательную речь

⁸⁶ Борис Синани говорит об общешкольном собрании, уже упоминавшемся выше (см. примеч. 27).

⁸⁷ Несколько слов о «молодых стариках» // Пробужденная мысль. СПб., 1906. Вып. II. С. 11. Подписано: Б. С. Цитируется по ст.: *Зенченко Н. С.* Внеклассная работа в общественных средних заведениях России в начале XX века // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. педагогики. 1959. Т. 193, вып. 4. С. 78; автором была допущена неточность в ссылке на источник: подпись означена «Н. С.» вместо правильного «Б. С.»; исправление внесено согласно цитате в другом источнике: *М. В.* <Марк Вольф?> Критика 2-го выпуска «Пробужденной мысли» // Тенишевец. 1906. № 6. 20 февр. С. 92.

⁸⁸ Выходные данные третьего выпуска: Пробужденная мысль. СПб., 1907. Вып. I. Откликов на этот выпуск в периодической печати училища мы не нашли. А. Надежину принадлежит в нем редакторское обращение «К товарищам», Б. Синани — прозаический художественный этюд «Сон» и очерк «Анархист» (см. Приложение 3), Ю. Каменскому — два стихотворения (см. Приложение 6) и критический очерк «Два пути» с разбором номера журнала «Звенья», Мандельштаму — два стихотворения (см.: *ПССиП 2020*. Т. 1. С. 227–228, 601). В следующем учебном году А. Надежину удалось издать еще один номер «Пробужденной мысли», о котором ныне известно лишь по заметке в хронике «Тенишевца»: «5 декабря <1907 г.> вышел, наконец, № 1 беллетристической «Пробужденной мысли». Номер этот, довольно незначительных размеров (12 страниц), содержит преимущественно стихи в декадентском стиле, многие из которых достойны очень и очень серьезного внимания. Под прозрачными псевдонимами легко узнать учеников прошлого выпуска; вероятно это так только пока, так как странно было бы школьному журналу существовать на подобном материале. Больших толков журнал не вызвал и разошелся в весьма незначительном количестве экземпляров.

По поводу заключительной статьи „Пробужденной мысли“, кажется, а может быть, и по поводу всей деятельности этого журнала, в VII семестре появилась карикатура: Женщина с покрытым лицом (не „определенного направления“) держит высоко над головой красное знамя, на котором яркими буквами начертано „А. Надежин“. В другой — кипа номеров „Пробужденной мысли“. Внизу под ней скрывается во мраке захудалый призрак „Тенишевца“ и различные атрибуты школьной жизни <...> (Тенишевец. 1908. Год II. № 4. 15 янв. С. 28).

по поводу провала потолка в Государственной Думе»,⁸⁹ — как установил А. А. Морозов, это происшествие случилось 2 марта 1907 года.⁹⁰ Таким образом, вступление Мандельштама на политическое поприще в рядах эсеров относится ко времени напряженной внутри- и межпартийной полемики во II Государственной Думе (20 февраля — 2 июня 1907 г.). Что касается участия обоих в сходках, то Мандельштам в главе «Семья Синани» как очевидец вспоминает, что «Борис, еще будучи мальчиком, на одной сходке забил и вогнал в пот старого опытного меньшевика Клейнборта»⁹¹ (с. 209).

⁸⁹ Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 241. (Лит. памятники). Аналогичные сведения Мандельштам сообщил на допросе в 1934 г.: «В 1907 г. я уже работал в качестве пропагандиста в эс-эровском кружке и проводил рабочие летучки. В 1908 г. я начинаю увлекаться анархизмом. Уезжая в этом году в Париж, я намеревался связаться там с анархо-синдикалистами. Но в Париже увлечение искусством и формирующееся литературное дарование отодвигают на задний план мои политические увлечения» (*Нерлер 2010*. С. 46). Сходные данные приведены в словаре: Писатели современной эпохи: (Био-библиогр. слов. рус. писателей XX в.) / Ред. Б. П. Козьмин. М., 1928. Т. 1. С. 178.

⁹⁰ Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 79. Происшествие запомнилось и П. Н. Милюкову (Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 420).

⁹¹ Лев Максимович (Наумович) Клейнборт (1875–1950) был, кстати, членом редакции журнала «Образование» и одним из его авторов. Последний революционный эпизод биографии Мандельштама относится, по предположению А. А. Морозова (Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 79), уже к осени 1907 года, после окончания училища: «Поздняя осень в Финляндии, глухая дача в Райволе. Все заколочено, калитки забиты, псы-волкодавы ворчат возле пустых дач. Осенние пальто и старенькие пледы. Жар керосиновой лампы на холодном балконе. Лисья мордочка молодого Т., живущего отраженной славою отца-цекиста. <...> По одному из дачной тематики подходят в английских пальто и котелках. Смирно сидеть, наверх не ходить. Проходя через кухню, приметил большую стриженую голову Гершуни» (с. 212). Не исключено, однако, что он относится к зиме 1906/1907 года: Григорий Гершуни, находившийся на каторге с 1903 года, только 13 октября 1906 года сумел совершить побег из Акатуя. Он бежал в Китай, а затем через Америку вернулся в Россию, где не мог быть ранее конца ноября. Мандельштам пишет: «приметил стриженую голову Гершуни» — следовательно, опознал его по «стриженной» голове (головы каторжникам брили) недавно побывавшего на каторге, а этой приметы осенью 1907 года Гершуни уже не мог иметь. Неудачи исследователей в попытках локализовать в месте и времени этот эпизод привели М. Сальман к выводу о том, что Мандельштам «не ездил... в Райволу, чтобы охранять Совет партии», и далее: «Тут отразился не реальный биографический эпизод, а духовный опыт поэта» (*Сальман М. Г. О разных смыслах автобиографичности у О. Э. Мандельштама: на примере Шума времени // Avtobiografija*. 2013. № 2. С. 140, 146). Мы не разделяем ее выводов: прежде остального следовало предполагать, что Мандельштам мог ошибиться, якобы опознав Гершуни в одном из участников сходки в Райволе (Гершуни в лицо раньше он не мог видеть). В таком случае это мог быть не пленум ЦК или БО, и не Совет партии, а сходка более низкого организационного уровня.

Выполнение партийных заданий, участие в сходках и агитация на рабочих летучках требовало у друзей времени, в ущерб занятиям. Последнее явствует из протокола заседания педагогического комитета Тенишевского училища от 18 ноября 1906 г.:

«Открывая собрание, А. Я. <Острогорский> напоминает присутствующим, что главный вопрос настоящего заседания — поведение и успехи XV сем<естра> — уже обсуждался на одном из прошлых собраний; вторичное возбуждение того же вопроса вызвано разговорами среди уч<еников>, ясно указывающими на возможность деморализации и в других семестрах, вызванной нашим безразличным отношением к поведению уч<еников> XV сем<естра>. Собранию надлежит сегодня решительно высказаться, можно ли терпеть такое возмутительное — небрежное и нерадивое — отношение к делу, какое замечается среди учеников этого семестра, и выработать те или иные меры и дать директивы для педагогических действий. Манкировка в этом семестре поразительна: так, за 2 месяца у Зарубина 18 пропущенных дней, у Мандельштама и К<аменского> по 14 (из всех один Аршаулов не пропустил ни одного дня). Приходят они, когда им это угодно, хоть ко 2–3 уроку, причем заходят в класс во время урока, не обращая внимания на преподавателя; уходят часто с последнего урока, опять-таки когда им заблагорассудится. <...>

С. И. Полнер⁹² говорит, что класс стал заниматься лучше, за исключением Синани, Мандельштама и Зарубина. То же самое подтверждает и В. В. Гиппиус, находящий и внешне их поведение лучшим. Что-то заставило их работать, и, хотя с ними по-прежнему тяжело, все же работать можно, и В. В. затруднился бы применять к ним теперь какие-либо меры строгости, тем более что престиж их теперь свелся к нулю. <...> К. Н. Соколов⁹³ говорит, что его уроки пропускаются не особенно сильно <...> даже такими <учениками>, как Синани, Мандельштам, Каменский; исключение

К вопросу о возможном членстве Мандельштама в ПСР: устав партии эсеров, ограничивший возраст вступающих 20-ю годами, был принят только в мае 1906 г., до этого регламентации не было и в дальнейшем она вряд ли всегда признавалась обязательной, учитывая практику предшествующего времени. Ср.: «С осени 1905 года все революционные партии стали пользоваться большой популярностью среди молодежи, учащейся в средних учебных заведениях. <...> Они [социал-демократы] смотрели на ученические кружки, главным образом, как на подготовительные школы пропагандистов. Социалисты-революционеры же прямо включали школьников в партию, и это льстило их самолюбию» (Из донесения московского охранного отделения Департаменту полиции, с. 34 наст. изд. Из кн.: *Титлинов Б. В. Молодежь и революция. Л., 1924. С. 153*).

⁹² Преподаватель математики.

⁹³ Преподаватель гражданского и торгового права.

опять-таки представляет Зарубин <...> По его мнению, расядка Синани и Мандельштама произвела на них свое действие. <...> С. И. Полнер находит, что манкировка этого семестра никак не больше таковой же в XIII семестре, где имеются такие господа, как Пржеसेцкий <...>. А. Я. Острогорский: <...> „Как будут смотреть на школу другие семестры, если мы переведем⁹⁴ таких уч<еников>, как Синани, Мандельштам, Зарубин“. <...> Г. М. Григорьев⁹⁵ расходуется во взглядах на улучшение занятий в XV семестре со своими товарищами, указывая, что на устроенной им репетиции Синани, Мандельштам и Корсаков отвечали очень слабо. <...> В. В. Гиппиус предлагает оставить слабых в XV семестре, но так как такового нет, то они могут уйти из школы с тем, чтобы в мае держать выпускные экз<амены>. Против этой меры возражает С. И. Полнер, находя, что для таких уч<еников>, как Синани, Мандельштам и Зарубин, она явится громадной льготой. Г. К. Вебер⁹⁶ <...> считает необходимым найти какую-либо меру для борьбы с поведением уч<еников> XV семестра, которое можно охарактеризовать как наглое. <...> В. В. Гиппиус, вспоминая, что этот класс был некогда хорошим, говорит, что уч<еники> отвыкли от работы, что они запутались, что мы, т. е. школа, виноваты в том, что в прошлом пропустили момент, когда м<ожно> б<ыло> повлиять на них убеждением. Они сбились, в чем виновато еще, м. б., и влияние некоторых отдельных преподавателей. И нек<оторых> родителей, добавляет Н. Пл. Вукотич.⁹⁷ Н. И. Березин⁹⁸ соглашается с тем, что убедить этих юношей нельзя, т. к. момент уже утерян, требует самыми строгими мерами добиться хотя бы внешнего уважения к школе; от последнего совершенно отказывается Г. К. Вебер, предлагающий бросить первый камень тому, у кого совесть по отношению к этим ученикам чиста, т. к. было что-то такое с нашей стороны, благодаря чему мы потеряли на них влияние».⁹⁹

Но все обошлось благополучно, и в апреле–мае 1907 года Мандельштам и Синани сдали выпускные экзамены по коммерческой географии, товароведению, гражданскому праву, законоведению,

⁹⁴ Речь идет о переводе учеников из XV в XVI семестр. Семестровая система была введена для того, чтобы оставляемые ученики пропускали не один год занятий, а только полгода. С организационной стороны одним из следствий данного нововведения должен был стать, кроме летнего, зимний выпуск. Действительно, второй выпуск, с датой выдачи аттестатов 15–27 января, был в Тенишевском училище в последующие годы (1910–1916).

⁹⁵ Преподаватель физики.

⁹⁶ Преподаватель истории.

⁹⁷ Преподаватель приготовительного класса.

⁹⁸ Преподаватель географии.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 16–19.

политической экономии, счетоводству, коммерческим вычислениям, физике, немецкому языку, русскому языку, истории торговли и 15 мая получили аттестат.

14 сентября Мандельштам пришел в училище на вечеринку старших классов. Корреспондент отметил: «Потом Мандельштам вызвал гром аплодисментов своим стихотворением „Колесница“, действительно по художественности своей далеко превосходящим большинство произведений школьной беллетристики, да и многое, пожалуй, в современной беллетристике вообще. Впрочем, несколько неясная дикция автора отчасти испортила впечатление от его стихов».¹⁰⁰ На следующей вечеринке, 16 октября (в день отъезда Мандельштама в Париж) Анатолий Надежин, в прошлом году редактировавший «Пробужденную мысль», «прочел стихи Каменского и Мандельштама, вызвавшие сильные аплодисменты».¹⁰¹

В. М. Жирмунский вспоминал, что «потом, когда я был в VIII классе, а он уже кончил Тен<ишевское> Учил<ище>, я слышал, что наш директор Александр Яковлевич Острогорский, человек очень культурный и широких взглядов, собирался напечатать его стихи в редактируемом им журнале „Образование“ (легально-марксистском по своему направлению¹⁰²). Появилось ли там что-нибудь осенью 1907 — весной или летом 1908 г., я не знаю; в сентябре 1908 г. Острогорский скончался».¹⁰³

16 октября 1907 года Мандельштам выехал в Париж, ибо, как вспоминал его брат Евгений,¹⁰⁴ «встревоженная его дружбой и знакомством с революционной молодежью, напуганная арестами, мать решила отправить брата в Париж, где у нее были друзья».

¹⁰⁰ Тенишевец. 1907. Год II. № 1. 15 окт. С. 32. Стихотворение, которое Мандельштам читал на этом вечере, не обнаружено.

¹⁰¹ Тенишевец. 1907. Год II. № 2. 15 ноября. С. 61.

¹⁰² В «Образовании» при Острогорском в 1905–1908 гг. печатались А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, В. И. Ленин. Как уже говорилось выше, членом редакции «Образования» был меньшевик Л. М. Клейнборт, упомянутый в главе «Семья Синани»: «Я <как> сейчас помню, как Борис, еще будучи мальчиком, на одной сходке забил и вогнал в пот старого опытного меньшевика Клейнборта, сотрудника толстых журналов. Клейнборт только отдувался и вопросительно оглядывался: умственное изящество спорщика, видимо, казалось ему неожиданным и новым орудием спора» (с. 209). Журнал помещал стихи Блока (как сказано об Острогорском в главе «Тенишевское училище»: «Он любил Блока (а в какую рань!) и печатал его в своем „Образовании“»), Брюсова, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, С. Парнок.

¹⁰³ Письмо Г. Г. Суперфину от 15 дек. 1969 г. (архив Г. Г. Суперфина). А. Я. Острогорский скончался 1 октября 1908 г. от туберкулеза.

¹⁰⁴ Мандельштам Е. Э. Воспоминания. С. 135.

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВ. ДНЕВНИК

13-е октября <1905 года>. Был в училище. С самого утра носились подозрительные слухи: говорили, что в Андреевский рынок пришли рабочие, прогнали мелких торговцев и стали закрывать магазины, причем вытаскивали из лавок не соглашавшихся их слушать сидельцев. Другие же утверждали, что рынок разграблен. Еще более усилил поднявшееся волнение уход троих учеников, за которыми прислали из дому, а также слух о готовящейся сходке старших учеников в актовом зале; она была назначена после третьей перемены, и я с Чугуновым условились идти туда. На уроке геометрии занимались переписыванием «Марсельезы», которую Чугунов раздавал потом на перемене ученикам IV-а класса (сами мы были в параллельном IV-б классе). На втором уроке нас неожиданно распустили, причем сам директор приказал не собираться на улицах в толпы, а скорее идти домой. Так как в это время на плацу была сходка, то я с Чугуновым поспешно оделись и, обойдя с улицы, направились туда через ворота. Но мы опоздали: сходка уже кончилась. Тогда мы отправились домой. Подойдя к 8-й линии, мы увидели стоявших на углу старшеклассников, оживленно разговаривавших, и присоединились к ним; вскоре к нам стали присоединяться другие реалисты, и так набралась толпа человек в сорок–пятьдесят. Тогда один из старших, некто Цветков (Семен), взобрался на тумбу и сказал речь, в которой объявлял

Из книги: Революционное юношество. 1905–1917 гг. Петербург. Л., 1924. Сб. 1. С. 14–31. Печатается в извлечениях. Пунктуация приведена к современным нормам. При подготовке опущены ссылки на приложенные в оригинале документы и подстрочные примечания автора. В действительности «Дневник» Н. Яковлева, как видно по тексту, является воспоминаниями, написанными на основе дневника. Яковлев был учеником Первого реального училища (Васильевский остров, 12 линия, 5/34).

политическую забастовку до тех пор, пока не кончится забастовка рабочих, приглашал всех на митинги в 8½ ч. вечера этого дня в Горном (институте) и в 2 часа (на другой день) в университете, и в заключение приглашал идти в Ларинскую гимназию для прекращения в ней занятий. Почти все согласились, и мы с пением «Марсельезы» отправились в Ларинскую гимназию (по 6-й линии между Большим и Средним проспектами). Здесь двери оказались закрытыми, но прибежавший на энергичный стук швейцар открыл их, и мы победоносно отправились к директору, который порядком струсил и вскоре сдался. Цветков произнес речь, и затем мы вместе с «ларинскими» гимназистами отправились в VIII гимназию (по 9-й линии между Большим проспектом и набережной), а затем двинулись в соседнюю Василеостровскую женскую гимназию. После долгих пререканий с директором и инспектором учениц, наконец, отпустили; мы построились шпалерами и очистили проход по лестнице. Более храбрые старшие ученицы пошли первыми, а затем и мы, убедившись в исполнении предъявленных требований. Вскоре к нам присоединились ученицы из Покровской женской гимназии (пришедшие, несмотря на отдаленность гимназии, — с конца Большого проспекта), и мы все вместе двинулись к гимназии Кебке, сопровождаемые порядочным количеством рабочих и множеством мальчишек. По дороге зашли в Песковскую женскую гимназию (угол Среднего проспекта и 6-й линии), но здесь успеха не имели, несмотря на все красноречие наших главарей. Сами ученицы отказались присоединиться к нам, а одна даже произнесла краткую речь, обозвав нас новорожденными младенцами в делах политики и предложив нам оставить их заниматься, а самим убираться вон. В гимназии Кебке (в Тучковом переулке между Средним и Волховским переулком) швейцар не хотел нас пускать, тогда мы решили послать трех выборных: от реального училища и от Ларинской и VIII гимназий. Кроме них пошла еще какая-то отчаянная (в смысле растрепанности роскошных белокурых волос) «покровская» гимназистка да я с Кривоноговым успели проскочить; остальных не пустили. После долгих пререканий начальство уступило и распустило учениц. Тут же мы узнали, что гимназии Филологическая, Шаффе, Видемана и Мая поспешили распустить учеников (все эти гимназии на Васильевском Острове.) Тогда мы начали баллотировать вопрос, куда идти: в V гимназию (в Коломенской части), в Морской корпус (на набережной Васильевского Острова) или на Петербургскую сторону, причем решили в пользу последней. Здесь закрыли мы женскую торговую школу (угол Б. Спасской улицы и Большого проспекта) и отправились к Введенской гимназии (по Большому проспекту угол Шамшевой улицы). Подходим — швейцар перед самым носом захлопывает дверь; только что собрались хорошенько на нее приналечь, чтобы высадить (как сделали мы в Василеостровской гимназии), как вдруг раздались крики:

«Казачи! Казачи!» Только что успели выбежать обратно на панель (гимназия стоит немного отступя от улицы с небольшим садиком перед зданием), как к гимназии в самом деле подскакали, размахивая нагайками, казаки (больше 50) и конные городовые. Конечно, уже тут ничего не поделаешь; погнали нас, рабов божиих, вперед по Большому проспекту до Каменноостровского, откуда я и отправился домой. На митинге в Горном не был — не пустили. Вечером из училища принесли бумагу, в которой просили не ходить в училище впредь «до нового извещения».

На другой день, 14-го октября, группа наших реалистов с учащимися других средних учебных заведений, а также взрослыми, студентами и рабочими, пыталась проникнуть в училище, чтобы устроить в нашем громадном актовом зале митинг. Их не пускали, толпа все же ворвалась, но была удалена полицией, вызванной директором Н. Н. Пашковским (прозвище «Холуй»).

25-го октября собрался педагогический совет, на котором группую молодых радикальных учителей, членов Всероссийского учительского союза, было выражено директору «недоверие».

26-го октября ученики были собраны по повесткам, но занятий фактически почти не было. У старших классов шли сходки, требовали удаления администрации. Это раскачало и остальную инертную часть педагогов, а также и родителей, более прогрессивная часть которых снарядила свои депутатии. Директор и инспектор (И. А. Массальский) были вынуждены уйти.

Управление училищем перешло к педагогическому совету, ближайшим образом в лице упомянутой выше группы, в состав которой входили: В. А. Егунов, В. К. Иванов, Г. А. Лучинский, Э. Э. Лямбек, О. К. Нейман, Р. А. Теттенборн, А. И. Янович, с примыкавшими к ним А. П. Глебовским, Г. Г. Гобаром и А. К. Преображенским (известным до того чуть ли не мордобоем с учениками, но теперь притиравшимся к революции). Директором был избран известный преподаватель физики, автор учебника и задачника, С. И. Ковалевский, инспектором — А. И. Янович. Педагогический совет находился в тесном контакте с учениками старших классов и, в частности, допустил их представителей на свои заседания. Три старших класса — V, VI и VII (дополнительный) образовали Совет старост путем посылки в него двух представителей от каждого отделения (все классы у нас были параллельные). <...> Из числа наиболее видных деятелей должно назвать Всеволода Никитина, бывшего постоянным председателем на сходках; братьев Павла и Константина Цурмилен, одного из которых я помню как хорошего оратора; вышеупомянутого Семена Цветкова (позднее судился по процессу с.-р. (максималистов), Николая Минина, Александра Соломонова, Артура Гасса, Андрея Зигеля, Никиту Навроцкого, вскоре затем нашего главного «химика» для «обструкций»; братьев Павла и Александра

Ваничевых, Адама Младеновича, братьев Цабелей, Всеволода Аничкова, Сергея Заводского (позднее он был членом с.-р. университетской группы), братьев Романовских, Вячеслава Лукашевича, Александра Ежкина, Николая Фомина-Томского и др.

Младшим классам Советом старост были даны руководители из числа своих членов, долженствовавшие разъяснять им смысл происходящих событий. Таким руководителем в нашем классе был Николай Минин, но я помню только одну его, и то довольно бледную, беседу. В результате ее выяснилась наша достаточная подготовленность, и IV класс был официально допущен на собрания «с совещательным голосом». Неофициально же и раньше многие из нас постоянно присутствовали на сходках.

Наша «автономия» существовала всего неделю с небольшим. Ее история в миниатюре воспроизводит общероссийское положение того кратковременного периода, «когда начальство ушло».¹ Но оно вернулось, даже слишком поспешно.

3-го декабря занятия в училище вновь были прерваны — на этот раз уже по распоряжению министра народного просвещения — и возобновились только 14 января 1906 года. За это время были удалены восемь человек из числа наиболее активных преподавателей; остались, во внимание к заслугам, только Ковалевский и Нейман. Директором назначен был Н. В. Волков, довольно талантливый историк литературы Петербургского университета и преподаватель словесности в VII гимназии, презревший, однако, науку ради лавров среднешкольного Держиморды. Он сумел как-то сразу сконцентрировать на себе всю ненависть учащихся, так что за ним остались сравнительно мало замеченными: и новый инспектор, И. Д. Яковлев, человек с хитрецей, но довольно благодушный, и одиннадцать новых преподавателей, державшихся, правда, очень осторожно, или же таких глупцов, что к ним даже младшие классы не могли относиться серьезно.

Места уволенных учителей были объявлены Всероссийским учительским союзом под бойкотом, и ученики с энтузиазмом подхватили это постановление. В знак протеста вскоре был произведен ряд грандиозных «обструкций».

Как сейчас вижу пред собою высокую фигуру старшего В., стремительно летящего по коридору, крестя налево и направо рукою, при чем из рукава у него, как снаряды из дула орудия, вылетают одна за другою маленькие стеклянные баночки с раствором, кажется, сероводорода. Рвет дверь встречного пустого класса (ученики в зале на «перемене»), бросает банку и неистово хлопает дверью, так что стекла сыплются. Когда я прибежал в свой класс и нагнулся к парте, со мной чуть не сделалось

¹ Автор использует название книги В. В. Розанова (СПб., 1910), в которой были отражены события 1905–1906 годов.

худо: «снаряд» ударил мне в открытую парту, и я прямо сунулся в нее носом. Портфель мой с книгами потом на морозе не мог выветриться несколько месяцев. А давно ли этот легендарный в те дни герой, Павел В., был просто отчаянным мучителем маленьких ребятишек, пробуя над беззащитными свою действительно незаурядную силу!? А после в «Лентовке» (гимназия Лентовской, куда собрались исключенные из петербургских средних школ), ему был дан высокий пост... буфетчика в ученическом клубе!

Вот другой «обструкционист» — пансионер Адам Младенович. Встречаю его как-то бегущим по коридору со связкою книг, среди которых «Жизнь животных» Брэма и еще несколько, все в дорогих переплетах.

— Куда?!

— В Андреевский (рынок. — *Н. Я.*). Деньги нужны... Обструкция!!

Парень жертвовал, очевидно, лучшим из того, что имел. Смутно представляется мне в роли непосредственного участника обструкции Александр Соломонов, человек более идеологического склада: в то же время он был одним из видных работников Василеостровского района общегородской ученической социал-демократической организации (позже был, кажется, в университетской социал-демократической группе).

Во время обструкций, кроме разливания химических жидкостей, били прямо стекла в дверях и окнах, нашибая зараз рублей на семьсот. Портили, говорят, стены, мебель, но сам я этого не видал.

Младшие классы были всем этим совершенно терроризованы. Третьеклассники тянулись за нами; мы же, средние, посильно помогали старшим: подсовывали на переменах в ученические чернильницы карбит-кальций, от чего чернила пузырями лезли на парты, распространяя довольно едкий запах. Чугунов потихоньку от домашних клал на ночь в горячую печку бутыл с накрошенной в воде редькой и получавшуюся довольно вонючую «специю» разливал на другой день по углам в коридорах и классах училища.

Новая администрация и педагоги усиленно боролись с обструкциями: следили сами, а на сторожей возложили определенно сыскные обязанности; немедленно принимали меры к очищению и освежению здания. Раз на лестнице перед квартирой директора, где жил и наш законоучитель, священник Виктор Смирнов, последний, схватив пожарную кишку, стал собственноручно смывать разлитую жидкость, но набравшие ученики обратили его в бегство, забросав калошами, захваченными из шинельной (раздевальной).

В итоге до половины учеников старших классов было исключено совсем или до экзаменов, или же взято самими родителями для перевода в другие школы. Это несколько разрядило атмосферу, и занятия со

второй половины февраля в общем пошли. Состоялись и выпускные экзамены. Но училище с тех пор приобрело славу второй по «терроризму» из всех петербургских средних школ (после Введенской гимназии, откуда выходили прямо в тюрьму). И слава эта, правда, не без наших дальнейших усилий, держалась настолько долго, что даже весной 1911 года, когда во время последней большой общестуденческой забастовки при Коалиционном комитете формировалась Исполнительная комиссия, меня приглашали как своего рода «спеца», старого обструкциониста.

Параллельно со всем этим в училище нашем шли занятия «кружка самообразования». Организатором его явился Борис Чугунов, подражавший в данном случае своему старшему брату Леониду, у которого собирались его товарищи введенцы (Владимир Курбатов, Аскинази и др.). Надо сказать, что и другие члены нашего кружка в большинстве имели перед собою благие примеры старших: у Сергея Аничкова был старый эс-дек дядюшка, а брат — членом нашего Совета старост; у Сергея Алферова — двоюродный брат был в эсерах-боевиках, у Сергея Куликова старший брат тоже именовал себя эс-эром, у Николая Шундера и Николая Кривоногова родители были сочувствующими, Геннадий Малышев был сыном весьма известного тогда художника на революционные темы, брат же его был, кажется, повешен.

Первоначально, еще до возникновения кружка, Борис являл из себя ярого эс-эра и в таком духе сам один составлял и сам же печатал на гектографе журнал. Но в кружке уже начались дебаты о том, кем лучше быть: эс-эром или эс-деком? Причем «лучше» означало «радикальнее». Большинство тяготело к эс-эрству и анархизму, но роль большевиков в Московском вооруженном восстании уже заставляла задумываться. И публика принялась лить пули для своих охотничьих берданок для предстоящей — в чем никто не сомневался — стрельбы из окон, если не прямо с баррикад.

Эти дебаты да выработка устава отняли много времени. Устав явился результатом сводной работы над двумя проектами (одного — Аничкова и Чугунова, другого, кажется, Малышева), представленными кружку в гектографированном виде и подвергшимися обсуждению в ряде заседаний, причем я, главным образом, вносил различные редакционные поправки, в результате чего и был назначен секретарем с передачей мне материалов на окончательную редакцию. Так они у меня и остались. Хотя целью кружка объявлялось «самообразование во всех его видах» путем «совместного чтения... беллетристики параллельно с критикой, а также политических и научных произведений», но беллетристика с критикой были сразу же отброшены как пережиток старых писаревских времен. Обратились к научной литературе и здесь во второй раз столкнулись с вопросом о политической экономии. Первоначально о ней был особый специальный пункт в проекте Аничкова-Чугунова,

но он был исключен по настоянию анархо-эс-эровского большинства. Теперь им предложили выдвинуть свои теоретические пожелания, но таковых не оказалось. Таким образом, кончили все-таки политической экономией по Богданову («Краткий курс экономической науки»)²

Первые два раза читали, кажется, Чугунов и Аничков. Сошло сносно. Но следующее, мое, очередное чтение не удалось, благодаря провокационному поведению большинства. Тогда я просто завладел книгой для себя, благо Борис с Сергеем уже успели прочесть ее, а остальные вообще не проявляли намерений серьезно заниматься, пробавляясь больше мелкими политическими брошюрами в популярных тогда изданиях: «Молота», «Колокола», «Донской Речи», «Нового Мира» и др. Из них у нас составила значительная библиотечка, переданная затем в училище и там еще приумноженная при посредстве отчасти моем, отчасти одного нашего учителя, доктора П. Г. Мезерницкого, читавшего нам «экономическую географию» (жена его, Софья Ивановна Мезерницкая, была эсдечкой-меньшевичкой и работала в Выборгском партийном районе).

Вместо неудавшегося самообучения путем коллективного чтения, решили прибегнуть к руководительству. При этом, благодаря ли отсутствию надлежащих связей у наших анархо-эс-эров или благодаря вообще их теоретической беспомощности, кружок попал в сферу влияния ученической социал-демократической организации. От нее к нам были делегированы сначала Борис Книпович, бывший всего один-два раза и оставивший серьезное, но сухое впечатление, а затем Вегер (он же Герберт), ведший довольно живо занятия в течение полутора-двух месяцев. Читал он нам, конечно, политическую экономию. Некоторые из нас писали рефераты.

В том же первом полугодии 1906 года произошла самоликвидация «Северного союза» на двух больших собраниях в Военно-медицинской академии и Электротехническом институте. Было постановлено перейти к партийным организациям, что, собственно говоря, лишь оформляло и без того уже существовавшее деление. Наш кружок оказался в социал-демократической организации, причем, хотя собирався на Петербургской стороне (на квартирах «сочувствовавших» родителей Чугунова, Аничкова, Алферова и Шундера), но был отнесен по месту нахождения нашего реального училища к Василеостровскому району. Собрания района происходили у вышеупомянутого нашего реалиста, Александра Соломонова. В него входили представители от Ларинской и VIII гимназий и женских — Покровской, Василеостровской и Шаффе. <...>

² Богданов А. А. Краткий курс экономической науки. М., 1897 (первое издание).

Возвращаюсь к нашему училищу.

В 1906–07 учебном году борьба за автономию против нового начальства, продолжавшего считаться у нас под бойкотом, перешла к нашему классу. Самые старшие, VI и VII классы, были совершенно обессилены многочисленными исключениями и уходами. Более того, оставшаяся часть учеников в них была определенно реакционно настроена («желаем заниматься!») и с нескрываемой враждебностью встречала не только какие-либо выступления, но и всякое вообще проявление общественных интересов. Между тем наши кадры, прошедшие подготовительную школу предшествующего года и вполне сохранившиеся, были еще пополнены переводами из других учебных заведений.

Первый, сентябрь, месяц учебного года прошел выжидательно, хотя наступательная политика администрации сразу же определилась: требовали строгого соблюдения формы в одежде, т. е. ношения курток и ремней взамен вошедших тогда в моду черных сатиновых рубашек-косовороток с подпояской шнурком; дежурных сделали ответственными за поведение класса, т. е. прежде всего за пение, хотя бы даже и не революционных песен, каковое у нас при обилии вокальных талантов по-прежнему процветало. Правда, эти таланты скоро стали настолько известны, что начальство, уже издали заслышав пение, безошибочно писало в книжечку определенные фамилии. Хуже для него обстояло дело с рисунками, которыми наши художники обычно украшали классные доски. Так, помянутому выше законоучителю, священнику Виктору, ученик Исаев нарисовал такого Сатанаила, что батя чуть не осенил себя крестным знаменем. Но виновный, как ни доискивались, выдан не был.

В начале октября был удален преподаватель немецкого языка О. К. Нейман, «замешанный» в прошлом году, но, очевидно, временно оставленный впредь до «успокоения». Теперь с ним свели счеты. Ответом явилась небольшая прокламация группы учеников (написанная, кажется, Л. Пушкиным), помеченная 11-м октября и призывавшая к протесту. Затем произошла обструкция, но довольно незначительная, так что после свежей памяти январских–февральских обструкций особого впечатления не произвела. Начальство, может быть, приняло это за доказательство слабости и продолжало натягивать вожжи. Между прочим, стали строго преследовать за опаздывания на уроки, хотя многие у нас жили за городом, например, в Лигове, на Удельной и т. д. Тогда решено было всем классом (нашим V-б отделением) поддержать товарищей.

Трусливым одиночкам класс разрешил в тот день совсем не приходить, остальные же коллективно опоздали на четверть часа. Дело было строго организовано: на всех мостах — Николаевском, Дворцовом, Биржевом, Тучковом и в различных местах Васильевского Острова были расставлены пикеты; сбравшиеся на них затем одновременно сошлись

на углу Большого проспекта и 12-й линии, и все, построившись в пары по росту — самые высокие впереди, ниже — позади, — торжественно продефилировали, гремя тридцатью парами сапог, через парадный вход, шинельную, все лестницы, до нашего верхнего третьего этажа и весь коридор до самого конца, где находился наш класс, мимо удивленных швейцаров, сторожей, помощников классных наставников и повскакавших с мест учеников других классов. Прибежавшему директору спокойно объяснили, что мы хотели только обратить его внимание на положение некоторых из наших товарищей. Директор потряс бородой (откуда и кличка — «Козел») и вышел. В результате для некоторых было действительно сделано исключение и в нашем, и в других классах. Зато при выдаче второй четверти (т. е. ведомости отметок) на рождестве всему классу оказалась сбавленной отметка за поведение.

Во втором полугодии оба отделения нашего V класса выступили с коллективным письмом директору Волкову. Содержания его я не могу воспроизвести, так как мы, эс-деки, участия в его составлении не принимали, считая всю эту затею оппортунистической. И оказались правы — никакого ответа не последовало. Тогда приступили к решительным действиям.

В появившейся вскоре прокламации, призывавшей к новому протесту, говорилось об «единстве», взывалось к «товарищескому духу» учащихся. Но коллективному выступлению предшествовал индивидуальный акт Владимира Маркова, подложившего нечто вроде адской машины или наливной бомбы в шкафчик с пожарным рукавом на верхней площадке черной лестницы около уборной, как раз за стеною нашего класса. Дело было в первый или второй урок, пришедшийся — случайно или нет, не помню, — все на того же нашего священника Виктора. Для немногих посвященных останутся, пожалуй, незабываемыми те пять минут ожидания, когда Марков, отпросившийся выйти, вернулся в класс. Здоровенный детина, с солидными усиками, имевший тогда, как шутили, уже жену с ребенком, вернулся несколько бледный и с трясущимися руками. И вдруг за стеною ахнуло! Священник, подобрав полы, чуть не бегом устремился из класса. Мы выбежали за ним. Прервались занятия и в других классах. Директор явиться не рискнул. На площадке во время взрыва случился служитель, которому вылетевшей из шкафчика дверцею ударило в спину и затем снесло с третьего во второй этаж. Но особых разрушений не было (бомбочка была слабая), побиты были только стекла в окнах и дверях. Маркова исключили из училища, хотя прямых доказательств против него не было.

Вскоре затем произошла и химическая обструкция. Перед нею пришлось пережить тоже несколько томительных минут, когда во время урока сзади вдруг выпала и с шумом разбилась о пол электрическая лампочка. Передним показалось, что это выпала одна из баночек из стола

наших анархистов на «Камчатке» (задние ряды парт), где хранился главный запас. Испугались, что обструкция будет сорвана!.. Затем на перемене многочисленная рать исполнителей по строгому плану и так ловко разбросали баночки, что никто не был пойман, а занятия пришлось прекратить. Участвовали все партии — эс-эры: Александр Исаев, Михаил Малышев, Андрей Петелин, Петр Пойтелинг, Алексей Сомов, анархисты: Николай Черняев и Роберт Розенстрем, эсэро-поляк Виктор Рукевич и наши, с.-д. — Борис Чугунов, Александр Яргин и я. Исключенным из училища в связи с этим делом оказался только один Исаев, которого определенно подозревали, но только спустя две-три недели нашли возможность придраться, поймав с папиросой. Но всему классу опять сбавили за поведение и в конце года лишили наград. Я потерял при этом свою первую и единственную «первую степень», пришедшуюся, несмотря на все события, как раз в этот год. Но характерно, что даже из моих товарищей по первоученичеству, людей вполне «добропорядочных», никто не пожалел о потерянных наградах: до того силен был даже и в них зловредный «дух товарищества».

Новый, 1907–08, учебный год не принес поначалу особых изменений. По-прежнему подлежал бойкоту директор Волков, оказавшийся интересным преподавателем словесности, но оттого еще более ненавистный, как ренегат от науки, продавшийся реакции. Силы у нас остались почти те же, потому что на место исключенных из нашего отделения в других классах выдвинулись временно отошедший Леонид Пушкив, которого мы догнали в VI классе, и переведенный откуда-то в VII класс Иван Помухин. С их помощью можно было организовать уже Совет старост из представителей трех отделений (отсутствовал VII-б класс), доведя число делегатов от каждого класса с прежних двух до четырех.

Выборы были произведены по классам по спискам, которые прошли, кажется, без возражений. Таким образом, были избраны: от VII-а класса — Иван Помухин, Александр Ассман, Александр Козлов и Михаил Чистяков; от VI-а класса — Леонид Пушкив, Сергей Горбунов, Иван Красиров и Александр Качевский; от нашего, VI-б класса — Михаил Лушин, Виктор Рукевич, Борис Чугунов и я. Дальнейшее конструирование было поручено уже нам самим. Организационное собрание для выработки устава происходило на квартире у нашего старого товарища Сергея Аничкова, перешедшего еще в 1905 году в гимназию Столцова, но не утратившего с нами связи. Кому принадлежал проект устава — не помню. Я секретарствовал и вносил поправки, и материал остался у меня на окончательную редакцию.

Как видно из устава, цели Совета старост были, в сущности, оборонительно-боевые: «обновление и преобразование» школы сводились прежде всего к «защите интересов» и «борьбе со злом» в виде «неудобного подбора лиц, стоящих во главе» администрации, т. е. все того же

Волкова, продолжавшего пользоваться доверием Министерства народного просвещения, несмотря на почти двухлетние беспорядки и волнения в училище. Это было выражением общей потребности освободиться во что бы то ни стало от человека, ставшего в наших глазах каким-то символом всей торжествующей реакции. Но довести борьбу до конца могла только небольшая группа активистов, которую — в виде пятерки Исполнительного комитета — и прикрывал в сущности пленум Совета.

Но тут на помощь Волкову пришла настигшая нас, наконец, волна реакции. До тех пор в нашем училище — да можно бы и вообще сказать, во всей нашей петербургской средней школе — настроение было вполне твердое в смысле уверенности в близком торжестве революции. От 2-й Государственной Думы ждали, что она объявит о созыве Учредительного собрания. После разгона Думы 3-го июня ждали всенародного вооруженного восстания. И только когда к концу года окончательно выяснилось, что на ближайшую поддержку народа нет надежды, таившееся до тех пор подспудно упадочническое интеллигентское настроение вышло наружу. В школе началась эпидемия самоубийств и знаменитое «огарчество» (половое хулиганство).

Хотя самыми крайними «разочаровавшимися» были, в сущности, люди, наименее зачарованные революцией, т. е. наименее сознательно ее пережившие, но все же революционная молодежь понесла в ту пору большой урон. Так, и в нашей среде произошло два самоубийства. Как-то совершенно бессмысленно покончил с собой младший из братьев Ваничевых, способный (он перегнал классом старшего), здоровый, красивый юноша. Сидя в веселой компании, он заспорил с кем-то из товарищей, что смерть не страшна, и в доказательство тут же выстрелил себе из револьвера прямо в сердце. Об этом было много разговоров в училище, на меня же, помню, это тогда произвело впечатление какого-то чистого саморазрушения большой силы, не находившей себе здорового выхода. Еще более трагический случай на почве уже настоящего отчаяния от крушения революции имел место в самой нашей социал-демократической организации: внешне столь спокойный боевик Олоф поехал на Лахту, сел на взморье на край проруби, спустив ноги в воду, и разрядил себе в рот разом оба ствола охотничьего ружья.

Об «огарках» я знаю только понаслышке. Помню лишь, что на мое предложение вступить в наш училищный с.-д. кружок некий К. ответил контрпредложением вступить в кружок «уранистов» и, видя мое недоумение, снисходительно пояснил, что речь идет о педерастии. Настоящих же «огарческих», т. е. соединенных с женщинами, я ни одного кружка не знаю. Зато обыденный разврат расцветал. Одного из членов нашего бывшего «кружка самообразования», купеческого происхождения, старший братец, некогда «октябрьский» эс-эр 1905 года (на манер «мартовских» в революцию 1917 года), а теперь просто торговавший

в лавочке, — свел к проституткам. Двое великовозрастных, отставших в тот год от нашего класса, один — сын купца, другой — помощника пристава, стали регулярно ездить к одной одиночной проститутке, прихватывая с собою третьего компаньона, совсем мальчишку, но богатого маменькиного сынка, оплачивавшего расходы. Помню — правда, много позднее — один характерный разговор в среде самих наших лидеров. Я решительно высказывался против проституции по мотивам идеологического порядка и настаивал на единобрачии в смысле соблюдения чистоты до выбора одной определенной женщины.

— А, черта ли в твоей невинности! Шубы из нее не сошьешь! — отвечал мне один из товарищей при молчаливой поддержке остальных.

Правда, как весьма «интересный» юноша, он тогда уже, кажется, пользовался благосклонностью замужних дам из категории узаконенных проституток. Но остальные?!..

Развитию флирта способствовало само начальство устройством балов в нашем огромном актовом зале. На них продавала билеты и программы «сама» балерина Карсавина, за которой посылались на автомобиле наши самые изящные кавалеры.

— На трупах павших товарищей будете танцевать! — вопияли, бывало, узнав об очередной вечеринке, наши анархо-эсэры, воздымая кулаки и взмахивая шевелюрой (последнее — из уцелевших «завоеваний» революции).

Но затем и сами, по окончании уроков, сдвинув набекрень фуражку-блин и выпустив из-под нее с правой стороны кок (волосы), что делало их похожими на юнкеров, — отправлялись к подъездам Покровских, Василеостровских, Петровских и иных женских гимназий, находившихся хотя бы в диаметрально-противоположном направлении от их местожительства.

Не подверженные соблазнам Венеры отдавали дань Бахусу. «Папаша» К. со своим столь же солидным по возрасту соседом по парте обсуждали обычно сравнительные достоинства рябиновок, спотыкачей и т. п. и, помню, были однажды очень приятно удивлены, когда я, твердокаменный, обмолвился каким-то случайным замечанием о вишневке. Один из старост-пансионеров (не нашего отделения) умудрялся даже во время урока с архи-солидным видом подходить к своему шкафику за классной доской и, крикнув, прикладываясь к бутылочке. Но больше всего процветало, конечно, пиво. У пансионеров завелась даже собственная пивная с задней комнатой, где-то на 16-й линии Васильевского Острова. Значительно позднее, правда, одна, весьма радикальная некогда, компания совершала своеобразные экскурсии — обходы пивных из конца в конец Большого проспекта Петербургской стороны, причем далеко не все из путешественников достигали цели благополучно.

Некоторые, наконец, всецело предалися спорту. Так, Марков, вскоре после исключения из училища, стал известным футбольным «беком» и ездил даже за границу в петербургской сборной футбольной команде (впрочем, он и ранее был чемпионом-велосипедистом). Из наших эсдеков вышел очень хороший «бек» Хухрин. Впрочем, на спорт мы все смотрели положительно, и я сам играл (хоть и скверно) на осенних футбольных состязаниях ОСФРУМ (Об-ва содействия физическому развитию учащейся молодежи). Позднее, познакомившись и работая вместе с одним студентом-технологом, Евгением Петерсом, по первомайским делам, я все никак не мог отделаться от впечатления, что где-то раньше видел его. И он все присматривался ко мне. И только еще позднее, будучи высланными из Петербурга и живя неподалеку друг от друга, мы выяснили, что и он в тот год играл против меня в футбольной команде Тенишевского училища. Наша футбольная команда даже славилась своею дисциплиною, сыгранностью, дружной «пасовкой», благодаря которым в ней не уживались некоторые очень талантливые игроки-индивидуалисты, привыкшие сами водить мяч в одиночку. Значит, и здесь в своем роде сказывался все тот же «дух товарищества». Прощели и различные виды гимнастики, французской борьбы и т. д. <...>

Приложение 2

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА И. Ф. АННЕНСКОГО
ПОПЕЧИТЕЛЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

15 октября 1905 г.
Его превосходительству
Господину Попечителю С.-Петербургского
Учебного округа.

До четвертого урока в пятницу, 14 октября, всё в гимназии было вполне благополучно, хотя приподнятое настроение учеников было и раньше. По получении газет (запоздавших в этот день) дело изменилось: ученики двух седьмых классов обратились, одни на уроке, другие в перемену, к преподавателям вежливо с просьбой походатайствовать за них перед директором, чтобы он освободил их от занятий ввиду того, что положение дел так их волнует, что всё равно работать они не могут.¹ Хотя на просьбу я отвечал отказом, но никакого волнения это не вызвало: все мирно разошлись, и пансионеры вечером спокойно занимались.

Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) — поэт; педагог. В 1895–1905 годах был на должности директора Императорской Николаевской гимназии. О нем см. справку в изд.: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 84–88. Попечителем С.-Петербургского учебного округа (и товарищем министра народного просвещения) в это время был Петр Петрович Извольский (1863–1928).

¹ В упомянутых И. Ф. Анненским «запоздавших газетах» сообщалось о состоявшихся 13 октября сходках в университете, в том числе воспитанников средних учебных заведений, по вопросу о присоединении к всеобщей забастовке. Сообщалось также, что в этот день были закрыты все казенные гимназии (Петербург. газ. 1905. 14 окт. С. 4).

Вечером собрался Педагогический Совет (тщетно я ранее два часа звонил в телефон, чтобы получить указаний Вашего превосходительства), было решено, из опасения столкновения в гимназии желающих учиться с лентяями и забастовщиками, а также химической обструкции,² — в субботу уроков не давать, вывесить об этом объявление на дверях и открыть двери, дабы все желающие ученики могли свободно входить в гимназию, где с половины 9-го собрался педагогический персонал; 2) созвать на воскресенье родительское собрание учеников трех старших классов.

Часть учеников (человек 50) собрались сначала перед гимназией без всякой манифестации и шума — здесь были, главным образом, пришедшие в классы, а также и некоторые пансионеры. Затем, уходя из гимназии, ученики стали группироваться около двух женских гимназий, соблюдая при этом тишину и приличие; здесь были, по-видимому, некоторые пришедшие прямо из дому и не подходившие раньше к нашей гимназии. Полицмейстер уговаривал учеников разойтись, что и было ими сделано, но лишь после того, как отдельные ученики из группы пробрались в женские гимназии, где по просьбе³ их занятия были прекращены.

Об изложенном имею честь донести Вашему превосходительству.
Директор И. Анненский.⁴

² «Химическая обструкция» — акция с целью прекращения занятий в школьном помещении. Для этого учениками применялись химические вещества (чаще всего карбид кальция и сероводород), дающие при реакции выделение зловонного газа, см. в «Дневнике» Н. Яковлева (Приложение 1).

³ Это слово Извольским было подчеркнуто и означено знаками вопроса и восклицательным на левом поле.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 10236. Машинопись, подпись — автограф. На бланке Императорской Николаевской гимназии в г. Царское Село. По тексту судя, «донесение» было затребовано Попечителем учебного округа в связи с сигналами о причастности учеников к приостановке занятий в царско-сельских женских гимназиях. В своей докладной записке Анненский, вероятно, обрисовал ситуацию в смягченных тонах: ученики Царскосельской Николаевской гимназии в феврале 1905 г. подписали «Заявление учащихся петербургских средних учебных заведений о борьбе с полицейским режимом в школе», причем количество подписей от гимназии — 111 — было значительно большим, чем от каждого другого среднего учебного заведения (Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX — начало XX века: сборник документов. СПб., 2000. С. 302–303, со ссылкой на публикацию в газ. «Право» 10 апр. 1905 г., № 14).

Приложение 3

БОРИС СИНАНИ
АНАРХИСТ

...Да, я видел его собственными глазами, собственными ушами слышал, как он говорит. Я ехал на конке, он сидел рядом. По виду никак невозможно было догадаться о его партийных убеждениях. На вид ему было лет 13; толстые губы обиженного «дитяти», наивные, отнюдь не «воинственные» глаза, маленький рост, — все обличало в нем ребенка... Но я ошибся...

Оказалось, что мы находимся в одном и том же училище, только я его никогда раньше не видал. Он, очевидно, знал меня лучше, потому что вдруг спросил:

— Кажется, эс-эры в Петербурге собираются бойкотировать Думу и в этом году? (Этот разговор происходил в начале декабря, и вопрос об участии партии в выборах не был выяснен¹). Я ответил, что ничего подобного не слышал.

Пробужденная мысль. СПб., 1907. Вып. I. С. 5–7. Подписано псевдонимом: Бъсъ.

¹ Левые партии (социал-демократы, эсеры, анархисты) выборы в I Государственную Думу бойкотировали. Дебаты о бойкоте происходили, можно сказать, на глазах у тенишевцев: так, В. И. Ленин «в феврале 1906 года... выступил на собрании о тактике активного бойкота Государственной Думы» в одной из аудиторий училища, о чем гласит мемориальная доска на фасаде здания (в том же месяце А. Я. Острогорский поместил в «Образовании» главы из работы Ленина «Аграрный вопрос и „критики Маркса“»). Выборы во II Государственную Думу состоялись в начале 1907 года. У Синани неточность: резолюция о выборах во II Государственную думу была принята на II Совете партии социалистов-революционеров в 20-х числах октября 1906 г. (Партийные известия. 1906. № 2, 25 ноября).

— Я знаю, что среди петербургских работников идет сильное течение против выборов.

Слыша его авторитетный тон, я счел за лучшее произнести многозначительное «гм». Он продолжал дальше.

— Вообще эс-эров теперь сильно подрывает максимализм;² это течение оттягивает от партии много сил, хотя в сущности в максимализме мало истинного. Я лично (!) вижу в максималистах нечто среднее между социалистами и анархистами, по тактике они стоят ближе к анархистам, но в то же время у них сохранилась программа-минимум, хотя они и называются максималистами.

— Кроме того их учение очень неясно и противоречиво; так, например, Та-гин³ говорит...

Он очень долго доказывал, что Та-гин говорит не то, что нужно, и что, вообще «одни максималисты говорят одно, а другие другое». Кончил он тем, что признал учение максимализма «слабым и нежизненным».

Когда он кончил, я спросил:

— Что же вы, эс-эр?

— Нет, я левее.

— Максималист?

— Нет, тоже левее.

— Вы, может быть, анархист? — робко спросил я. Он и «не поморщился». Самодовольно улыбнулся и спокойно произнес:

— Да, я склоняюсь к анархистам-коммунистам.⁴ Прежде всего потому, что социализм меня не удовлетворяет; он, в сущности, стесняет человеческую личность, как и наш существующий строй, он такой же строй — насилья. Например, я должен трудиться определенное количество часов, я стеснен, я не могу делать того, что хочу. Коммунизм

² *Максималисты* — группа, возникшая в рядах партии эсеров; организационно оформилась в октябре 1906 года в Союз социалистов-революционеров максималистов. С мая 1906 г. имела собственную боевую организацию, вскоре заявившую о себе громкими терактами (в т. ч. покушением на П. А. Столыпина) и экспроприациями. Идеологами и теоретиками этого направления были А. Троицкий, М. Энгельгардт, С. Светлов и др.

³ Криптоним; раскрыть его нам не удалось.

⁴ *Анархисты-коммунисты*. — Одно из основных течений в анархизме (последний в период первой революции был чрезвычайно распространенным, насчитывал до 7000 групп по всей России). По воззрениям были близки к эсерам-максималистам. Широко прибегали к экспроприациям и террору. Один из печатных органов анархистов-коммунистов — «Хлеб и воля» (редакторы — П. А. Кропоткин и М. И. Гольдсмит, Лондон, 30 октября 1906 — 5 июля 1907 гг.). В октябре 1906 г. провели свой съезд в Лондоне. Мандельштам также испытал «увлечение» анархизмом — см. наст. изд., с. 41 (примеч. 89).

устраняет это зло. Кроме того, социалисты — государственники, их социализм невозможен без государства, а между тем, как правильно заметил Кропоткин: «Нет в современном обществе института более вредного, чем государство». То же самое нужно сказать и относительно «права». Социалисты не хотят уничтожать законы, в социализме тоже будут они, может более хорошие, но все же законы, и, как таковые, они будут связывать человеческую личность.

— Значит, вы вообще отрицаете *всякое* право?

— Конечно, всякое право имеет за свою спиной насилие...

— Ну да, конечно, — поспешил согласиться я. — Как анархист-коммунист, вы считаете ненужным участвовать в выборах?

— О, конечно, — с живостью воскликнул он. — Парламентаризм, он не ведет ни к чему хорошему, он приучает народ верить в те грошовые подачки, которые бросает ему буржуазия, как в серьезные завоевания. Парламентаризм отдаляет социальную революцию, он прямо вреден.

— Значит, вы считаете ненужным выбирать и в России, в нашу Думу?

— Да, у нас также вера в то, что «Дума даст», только развращает народ. Думу нужно бойкотировать.

— Но одно дело Западная Европа, другое дело Россия, мы живем в эпоху революции... Кстати, как вы относитесь к нашей Революции?

— Никак.

— Никак?

— Ну да, я не могу наше движение назвать революцией. Революцию я могу признать только одну, социальную, которая произведет окончательный переворот, разрушит право, государство и собственность. Наше же движение, оно может добиться только частичных реформ, а эти частичные завоевания только вредят. Я считаю неоспоримой формулу: «чем хуже, тем лучше». Ну, а отсюда легко прийти к другой, определяющей тактику анархизма: «или всё, или ничего».

— Но вот вы сказали, что наше движение это не Революция, как же вы его находите? Что же оно такое?

— Это бунт.

— Как? — переспросил я.

— Бунт, не революция, а простой бунт, возмущение.

— Но как вы находите такое движение, полезным?

— Отчасти да. Как всякое возмущение, оно поднимает настроение народа, развивает в нем революционный дух, этим оно приближает социальную революцию. Что же касается той программы, которую выдвигает революция, — 8-час<овой> раб<очий> день и т.д., то эти требования, если они будут удовлетворены, принесут только вред.

К несчастью, мне нужно было слезать. Я попрощался с ним. Вдруг слышу, он кричит мне вдогонку:

— А вы против разделения труда?

— Т. е. как?

— Я хотел спросить, как вы относитесь к разделению труда. Я против всякого разделения труда...

Я спрыгнул с конки...

Смею уверить читателя, что все только что мною рассказанное не вымысел и даже не карриатура, не насмешка...

Как это ни печально, но многих этих скороспелых «анархистов» и «максималистов» революция, творя великие перевороты, рождая великанов, так часто создает и этих с детства исковерканных людей...

Владимир Гиппиус.
Фотография 1910-х гг.

Вл. Гиппиус

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВОСПИТАНИИ

*(Речь, произнесенная на годовичном акте
Тенишевского училища)*

I

Среди вопросов, волнующих в настоящее время тех, кто не равнодушен к воспитанию, по крайней мере своих детей, вопрос о чтении учащегося юношества представляет собой отнюдь не узкий вопрос

Печатается по тексту: Рус. школа. 1907. № 11. С. 19–34, с переводом на современный орфографический и пунктуационный режим и с исправлением опечаток. Доклад был прочитан на акте училища 8 сентября 1907 года. Вначале директор А. Я. Острогорский приветствовал выпускников; с ответным словом от имени выпуска 1907 года выступил Сергей Слободзинский (Тенишевец. 1907, год II. № 1, 15 окт. С. 30–31).

Данная статья существенна для понимания характера влияния Вл. В. Гиппиуса на эволюцию Мандельштама в последний год обучения в училище — от увлечения политикой (через год в письме к В. В. Гиппиусу он уже назовет его «периодом моего детского увлечения марксистской догмой») к времени первого периода поэтического творчества, отмеченного эстетизмом.

Из частных в статье следует отметить, в связи с нашей темой, наблюдение Вл. В. Гиппиуса о «поразительном успехе брошюрной литературы политического содержания», в котором обретает свой контекст то его замечание, которое запомнилось Мандельштаму, — «Чего ты читаешь брошюры? Ну какой в них толк? <...> Хочешь познакомиться с марксизмом? Возьми „Капитал“ Маркса» (с. 204). Знаменательное совпадение взглядов учителя и ученика — в характеристике прогресса. Вл. Гиппиус пишет, характеризуя «религию прогресса»: «Люди по пути своего исторического прогресса растеривают много ценных культурных благ, не всегда вознаграждая потом приобретением новых», и Мандельштам применяет слышанное от учителя к своей характеристике смены форм в литературе: «но каждая смена, каждое приобретение сопровождается утратой, потерей» («О природе слова», 1922).

педагогической практики или даже теории, но включает в себе вопросы самой напряженной общественной значительности. И если решение его, где бы то ни было, явилось бы решением одной из более или менее серьезных педагогических задач, у нас он становится задачей исторической судьбы русской жизни. Дело в том, что русское общество, по тем неисповедимым судьбам, которыми оно двигалось, пребывая долгие века в невежестве, в конце концов стало обществом по преимуществу читающим, книжным. Наши исторические обстоятельства были таковы, что школ у нас, как известно, издавна почти не было, а когда они явились, то плохие: сначала устарелые, потом наскоро переведенные со всевозможных языков, для большинства почти невнятных. И во всяком случае можно сказать, что ни прочной общественной среды, ни воспитывающего народного быта не было вовсе, а что в этом отношении проявлялось, то или слишком рано, или слишком поздно. В то же время, чем ближе к современности, тем больше обнаруживалась бездна между ростом могущественной европейской державы, какой стала новая Россия, и вялым существованием вытянутой по швам общественной жизни, скудно ограниченной в образовательных средствах и других умственных впечатлениях. Но, как жизнеспособное в высшей степени и полное великих залогов, русское общество, все более развиваясь до уровня такой повышенной умственной жизни, какая свойственна только самым культурным народам со старинной цивилизацией, — в течение последнего века предалось в особенности литературным занятиям, развернуло своеобразную журнальную деятельность и создало одну из замечательных и оригинальных литератур. Литература заменила нам и среднюю школу, и университет, и парламент. Чем менее оставлялось путей для проявления общественной энергии, тем более оно уходило в себя, разгораясь внутри, и тем все более принимая чисто идейный, отвлеченный характер. Таким образом, исторический ход жизни сделал из русского человека то, что у нас называется развитым человеком, интеллигентом, т. е. человеком чисто умственным, книжным, до крайности возбужденным внутренне и без привычки проявляться вовне; наконец, даже с особым, отрицающим все внешние формы, мировоззрением, с известного рода светским аскетизмом, повторявшим старый церковный аскетизм — в новых условиях и формах.

Могли бы возразить, что такой общественный тип вывелся и заменился другим, более жизненным. Но это возражение опровергают сами события. Как 70-е годы, когда впервые сформировался этот тип русского интеллигента, так и история последних лет показали иное. Надежды на «реалистическое мировоззрение», которым гордились тогда и теперь, — как тогда, так и теперь оказываются тщетными; и оно, в противоречие с своими собственными принципами, в своих отношениях к народной жизни отвлеченно, как и все другие наши отношения

к окружающей жизни, иногда даже более чем те, которые называют себя прямо идеалистическими. Я имею здесь в виду, разумеется, не их теоретическое определение, но значение для исторической действительности, а в этом смысле жизнеотношение русских развитых людей всех оттенков следует назвать одинаково — идеологическим, или даже проще, литературным.

Не знаю, приходилось ли кому-нибудь из вас, господа, прислушиваться к тем суждениям о жизни и людях, которые произносятся обыкновенно нашей молодежью. Меня лично всегда поражала не наивность, что было бы не удивительно, не юношеская идеалистичность, отсутствие чего было бы ужасно, но, если можно так выразиться, литературность точек зрения, оценок, мнений, иногда самих чувств. Я поясню это таким примером. Было время, когда у нас развился тип байронический, нашедший себе самое полное выражение в Евг. Онегине и Печорине. Уже очень скоро после его появления в самой же русской литературе стали над ним смеяться, да и сами поэты, отметившие его, едва ли имели в виду его идеализацию. И поэзия, и критика указывали, как на основную черту, — на книжность типа, не в том смысле, чтобы авторы создали его по книгам, а потому, что самые характеры образовались на книгах, а не на реальной жизни. То же самое относится и к другому типу того времени, к Ленскому, отчасти и к Татьяне. Их в свое время развенчали — противопоставив тип «мыслящего реалиста». Нам теперь тем более кажется, что эти явления давно миновавшие, а между тем, в существе, они дожили до наших дней, изменив только содержание и форму. Пушкинская Татьяна, тургеневская Лиза, Елена, Ася, гончаровская Вера, даже толстовская Наташа и сейчас для молодых девушек имеют такое же обаяние, как для Татьяны ее французские и английские героини; а для юношей если Онегины и Печорины утратили свое жизненное значение, за утратой всех обуславливающих причин, то Базаров, Марк Волохов, Карамазовы, Раскольников, в последнее время — проходимцы или борцы с мещанством Горького, их характеры, их идеи, их образ действия, не говоря уже о способе их выражения, обуславливают то литературное отношение к жизни, на которое я указываю. Наблюдательному человеку легко заметить, что начитанный юноша дает на то или иное явление жизни не собственную, свойственную именно ему, психологическую реакцию, а отмерив ее предварительно меркой излюбленных героев, ставя их на свое место, каждый раз спрашивая себя, как бы они реагировали в данном случае. Выражение Пушкина, первого создателя таких книжных типов, что «любви нас не Природа учит», а первый прочитанный «роман», не только остается в силе и до сих пор, но, сообразно расширившимся запросам и интересам, приложимо не к одной любви, а и к другим душевным переживаниям.

Что же в результате?

Непосредственное чувство жизни утрачивается, человек обезличивается и мельчает. Книги подчиняют себе и не дают самостоятельно развиваться личности.

II

Вопрос, что читать, с которым родители обращаются к школе или к педагогической литературе, заключает в себе, собственно, уже готовое признание безусловной целесообразности не только чтения, но и многочтения. Принципиальная сторона дела не смущает нас.

Таких детей, обеспеченных и интеллигентных классов, которые бы ничего не читали, очень мало, большинство читает всякий вздор, подвернувшийся под руку, не различая подлинной литературы от поддельной или ремесленной, писателей больших от слабых. Многочтение у нас ставится вообще в заслугу мальчику. «Это такой развитой мальчик, он столько читал...» На вопрос, обращенный к такому ученику, что он читал, в ответ мелькают имена большинства писателей, не только русских, но и иностранных, иногда несколько популярно-научных статей. Очень часто все эти Пушкины, Тургеневы, Гоголи, Толстые, Диккенсы, наряду с Немировичем-Данченко, Сенкевичем, Всеv. Соловьевым, в последнее время — Горьким, Кропоткиным или Герценом, и еще такими именами, о которых знают, кроме самих учеников, только издатели их, читаются лет с 10 или даже 9 — тогда к 13–14 годам они действительно могут быть прочитаны; но нередко чтение их начато не больше как за год до предложенного вопроса. В таком случае ясно, что это количество страниц (ученик часто отвечает — всего Тургенева, всего Диккенса, всего Салиаса), все эти томы не могли быть прочитаны, а только просмотрены, проглочены известным, я думаю, знакомым многим из вас, слывших в свое время развитыми мальчиками и девочками, — способом, когда в романах пропускаются или слегка просматриваются так называемые «описания» и быстро прочитываются «разговоры» (напечатанные короткими строчками). Надо согласиться, что такое чтение ни с какой точки зрения не представляет ценности. Нечего и доказывать вред этого поверхностного скольжения внимания едва ли не по заголовкам. Если говорить о воспитательной пользе чтения, то может идти речь только о чтении внимательном, вдумчивом, а читая вдумчиво, много не начитаешь. Многочтение же никоим образом не может являться показателем общего развития. Как постепенно и все увереннее расстаются с ложной мыслью, что спасение в многопредметности и в обширности курсов, так пора вместе с тем перестать ставить многочтение условием общего развития.

Под влиянием господствующей в настоящее время религии прогресса (очень узко по большей части понимаемого) мы склонны думать,

что мерки и оценки настоящего времени всегда выше прежних. Без всякого сомнения, это большое заблуждение, и люди по пути своего исторического прогресса растеривают много ценных культурных благ, не всегда вознаграждая потом приобретением новых. Так и в отношении к чтению. В старину тип читателя был начетчик, под которым едва ли основательно представляют себе человека, много раз перечитавшего одну или несколько книг, оказавшихся у него в руках, выучившего их даже почти наизусть, но не понимавшего их смысла. Последнее едва ли вполне верно. Недостаток образования, разумеется, мог нередко выражаться на несколько внешнем усвоении содержания, но основная черта, однако, в типе начетчика вовсе не эта отрицательная, но положительная и утраченная для читателя наших дней, — это любовь к книге, любовь, в которой сказался бессознательный инстинкт культуры. Незрелый человек, знающий только грамоту, настолько был проникнут жаждой духовных впечатлений, что выучил наизусть чуть ли не всю книгу. Мы гордимся своей современностью, потому что наша эпоха — время всеобщей образованности, и мы вправе этим гордиться, однако в любви к книге старый начетчик был выше нас. У него не было много книг, он не мог прочесть всего Пушкина, всего Тургенева и т. д., но он вчитывался в те две-три, а то и одну книгу, которая у него была. Он уважал и любил ее, он был сосредоточен на ней одной. Это было достойное отношение к книге. Притом не надо забывать, что для него за книгой не стояла писательская личность, его интересовали, как человека еще грубого, сюжет, идеи и выражения. Мы же, утонченные до того, что способны ощутить за книгой личность ее автора, не уважая книги, не уважаем личности писателя.

Развить прежде всего такое отношение к книге как к одному из живых проявлений культурной жизни, к ее стилю как проявлению живой красоты человеческого слова, воскрешая таким образом в современном человеке то, что было ценно в древнем читателе, — это значит сделать книгу живой, не отвлеченной, не мертвой. Но это еще не все! Современный человек способен к большему — книга для него больше, чем стиль, сюжет и идеи. Приучить к чтению как к акту общения с писателем, пробудить ощущение этой живой связи с его личностью — это значит, в сущности, пробудить чувство любви к писателю.

Полюбить Толстого, полюбить Шекспира — как живых людей, со всем богатством их индивидуальности, со всем чувством красоты или правды, свойственным им, — вот настоящий педагогический результат, потому что это общение с носителями культурной мысли есть действительное приобретение для личности читателя. Вдумчивое чтение литературного произведения в наше время есть всегда акт общения между читателем и писателем. Личность автора невидимо с нами, она стоит за каждым написанным им словом, за каждым оттенком, приданным им тому или другому слову, за каждым особым, ему только свойственным

течением речи. Его настроения, его идеи, его чувство красоты, или добра, или правды присваиваются во время чтения читателю.

Это приобщение личности писателя и придает огромное общественно-педагогическое значение литературе, не как абстрактная работа мысли, но как конкретный жизненный фактор. Общение с полной определенным, ценным в том или ином отношении душевного содержания личностью, присвоение себе хотя бы на время, хотя бы в воображении этого содержания не может не оставить впечатления на того, кто к такому впечатлению уже в возможности готов и по своим психологическим свойствам способен. Внутренно пережить хотя полчаса то, что переживала одна из великих индивидуальностей, хотя на полчаса стать подобным им — это значит самому подняться, лично вырасти с помощью чужой личной силы. Читая, мы тянемся к этим великим единицам, и они вводят нас в круг своих обаятельных и достойных человека интересов и страстей, преобразуя нас своим страданием и счастьем.

Вот живая, культурная ценность литературного чтения для человека, способного воспринять читаемое. Поэтому только что сказанное может относиться к возрасту довольно позднему. Таким образом, перед нами естественно стоит вопрос, доступны ли эти интересы, эти восприятия, эти страдания и счастье больших вдохновенных умов мальчику или девочке среднего школьного возраста? Конечно, доступны лишь отчасти, не все, порою становятся доступны, искусственно возбуждая огромной силой поэтического одушевления те чувства, которые, может быть, еще не родились сами по себе, не выношены в душе.

III

Перед нами труднейшая задача, которую решают на практике слишком небрежно, не придавая того значения, какое она имеет, — вопрос о том, желательно ли, чтобы юноши рано начинали жить литературой взрослого человека? И как установить время, когда уже желательно или допустимо? Я говорю, это труднейшая задача воспитания, при решении которой и обнаруживается весь сложный характер современного педагогического дела как одного из проявлений до крайности осложнившихся жизненных отношений. Так и в данном случае. Если эта, быть может самая важная из педагогических проблем, не просто решается на практике теми пределами возраста, которые при счастливых нормальных условиях легко устанавливаются физиологическими симптомами, то для менее счастливых, зато гораздо более частых случаев никакими сколько-нибудь определенными указаниями общего характера она не покроется, более того — всякие общие указания оказались бы здесь сухой и бесполезной доктриной, которыми так изобиловала старая педагогическая литература, отпугивая общество своим ригоризмом от горячего интереса к ней.

Всякое воспитание, если оно задается не внешними целями, но имеет в виду развитие личности, должно быть индивидуализировано — насколько возможно — гибче, применительнее. И если в данном вопросе по отношению к одним следует принять метод охранения, изоляции от ранних сильных и острых влияний, то по отношению к другим — метод «прививки яда», по меткому выражению одного из критиков Тургенева, коснувшегося этой темы в своем анализе рассказа «Фауст», действительно очень интересного с этой стороны. Содержание его, как известно, заключается как раз в драме, разыгравшейся в жизни молодой женщины, с сильными и целомудренно-сдержанными страстями, которую рано разгадала мать и воспитала как бы замораживая ее, строго и заботливо оберегая от всех возбуждающих впечатлений, в частности и литературных. Она вышла замуж и стала матерью, ее жизнь текла покойно и счастливо до первого столкновения с тем, от чего ее так охраняла мать. Молодое существо гибнет от вспыхнувшей в ней с неожиданной силой страсти к тому, кто одним чтением Фауста ввел ее в мир мятежных человеческих страстей. Мать поняла дочь, но приняла ложное педагогическое решение. Сложная, глубокая натура девушки требовала «прививки яда», а не изоляции.

Но как бы то ни было, в каждом отдельном случае новая литература, самим содержанием своим, ставит перед современным воспитателем эту трудно разрешимую задачу, требующую большой психологической наблюдательности и педагогической чуткости, задачу, неизвестную ни древности, ни средним векам, ни запрошлому еще веку. Она заключается именно в том, что вся литература нового времени, естественно наиболее привлекающая к себе молодые умы, порождена смятенным духом XIX века, самое характерное проявление которого — пессимизм. Древняя литература знала пессимизм, но этот пессимизм, открывая в мире присутствие враждебных и неодолимых для человека сил, указывал на благоразумное пользование жизнью как на спасение от них, и самый скептицизм его не переходил в отчаяние, оставаясь или игрой, или работой критического сознания. Если средние века знали пессимизм церковный, то это было отрицание здешнего мира во имя бесспорного для сознания эпохи бытия мира иного, призывавшее человека к полной покорности, в надежде на спасение от зла этого мира, под угрозой мучений в том мире, уже бесконечных. Все это было иногда светло, иногда чрезвычайно мрачно, однако вполне определено. Но тот мятежный дух, который сказался в новой литературе, порожденный идеей беспредельной свободы личности, ни во что не верит и ничем не удовлетворяется. Это дух ненасытный, вечно ищущий, и, чем ближе к нашему времени, — тем он становится спокойнее и мучительнее. Если XV–XVI века родили Микель-Анджело, Реформацию, Шекспира, XVII — Декарта, Спинозу, XVIII — Вольтера,

Руссо, Канта, Гете, то XIX — Байрона, Шопенгауера, Ницше, Толстого, Достоевского и многих других. Изолировать от веяния этого ветра невозможно, и раз неизбежно таков дух времени, неизбежно придется жить в такой атмосфере, то нужно так или иначе считаться с ним. Положение воспитателя оказывается необыкновенно трудным. Как сын своего времени, он сам в существе таков же, как все, но как воспитатель — он не вправе предоставить влияниям времени своего воспитанника только потому, что эти влияния современны. Перед ним не может не стоять задача нравственной ответственности, о которой говорил один из самых чутких наших писателей. Вспомните благородную отповедь поэта на нападки журналиста в бездеятельности у Лермонтова.

Поэт отказывается печатать то, в чем сказались «язвы старых ран», «соблазнительную повесть сокрытых дел и тайных дум, картины хладных разврата», воспоминания о том, что погибло «в омуте страстей».

*Право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
К чему?..
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...*

Поэт отказывается от самого дорогого для каждого писателя — от славы, только бы написанное им не нашло читателей в тех, чье сердце слабо, или в ребенке, еще не искушенном во зле. Это сознание ответственности писателя, так впечатлительно пережитое и переданное великим поэтом и так мало сознаваемое нашими современниками, должно жить в педагогической совести еще горячее, чем у самого писателя, и стоять перед ней как неотступный вопрос при выборе чтения. Приобщить юношу к тем эмоциям, которые в нем еще не пробудились, которые для него преждевременны и заведомо непосильны, есть такое же преступление, как преждевременное приобщение юноши к физиологической жизни взрослого человека во всех ее проявлениях. Но повторим, что, с другой стороны, бесплодны будут усилия и такого воспитателя, который, исходя из соображений идеальной нравственной чистоты и умственного равновесия, — захотел бы изолировать, во что бы то ни стало, своего воспитанника от впечатлений возбужденного и беспокойного духа века. Это было бы повторением ошибки педагогов

XVIII в., строивших абстрактные положения во имя абстрактного идеала в твердой уверенности, что люди по природе все одинаковы и притом одинаково добродетельны. К счастью, ни то, ни другое не верно, хотя с тех пор, как было создано противоположное, воспитание доставляет немало хлопот воспитателям. Легко было воспитание тогда, когда целью ставили, не считаясь с личностью воспитываемого, приготовить в педагогической мастерской спартанского гражданина или бенедиктинского монаха, но наше время ставит иные, сложнее задачи — задачи раскрытия всех сил, присущих данной личности, и даже пробуждение таких, какие мы признаем по опыту и разумению необходимым развить применительно к условиям всемирной культуры и национального быта. Сложные задачи требуют и сложных путей их решения. Если задачей является индивидуально-общественное воспитание, принятое во всем многообразии этих понятий, так и сложность решения этой задачи содержится в самом принципе решения: индивидуализации воспитания в условиях общей культуры и данной среды. Конкретно по отношению к чтению это означает, что русские юноши должны читать прежде всего своих писателей, но не всегда могут читать то же самое. Одному можно усиленно указать на Тургенева, другому на Толстого и пр.

IV

Бесспорное общее соображение, с которым нельзя не считаться в вопросе о чтении, это уже упомянутое соображение о возрасте. Только с возраста, соответствующего средним классам учебного заведения, может идти речь о литературном чтении в только что указанном мною значении. Другой вопрос, как относиться к специально-детской беллетристике, литературе для юношества. Эта литература, без всякого сомнения, не только не удовлетворяет, по большей части, настоящим литературным требованиям, но представляет собой и поддельный продукт, не в том лишь смысле, в каком является поддельной всякая литература для легкого чтения, как ремесленное изделие взамен подлинного художественного произведения, но поддельной потому, что автор книги для детей младшего или старшего возраста в целях педагогического воздействия (соображение в таком виде вовсе чуждое настоящего художника, как узкое и преднамеренное) пользуется средствами художественной литературы и упраздняет тем самым жизненное значение слова как органического проявления душевного переживания писателя. Потому-то так низок, по большей части, литературный уровень этих педагогических изделий. И кого, в самом деле, из эстетически развитых людей не возмущали в этом отношении сочинения Майн-Рида или Жюль-Верна? Разумеется, по литературному качеству они равны лубочным романам и всякой рыночной беллетристике, и чтение их с той точки зрения, с которой оно является приобщением читателя личности писателя, не

может, понятно, иметь никакого значения. Душевное содержание таких писателей ничтожно, форма выражения — ремесленная, культурно-педагогическое влияние поверхностно.

Что же, значит, отбросить их как материал негодный? Отказаться в принципе от специальной литературы для юношества? Это было бы простое, но едва ли верное решение задачи. Прежде, чем отрекаться от подобного рода литературы, как это склонны делать многие из наших педагогов, обратим внимание на то, какой юношеской потребности она отвечает.

Ведь выбрасывая ее, мы тем самым обязуемся удовлетворить иным образом вызвавшую ее потребность. А потребность эта, положительно, есть, и обусловлена как общей психологией молодой души, так, в частности, и условиями нашей общественной жизни. Нечего обманывать себя, русская действительность бедна впечатлениями сколько-нибудь яркими и возбуждающими. Под влиянием ли неблагоприятных естественных или исторических причин, давно замечено, что в нашей жизни мало живописности, основанной на смене резких контрастов, на громадности и изяществе форм, мало драматического развития событий, экспансивности чувств, игры страстей. В раскинутых на огромном пространстве городах, скупо снабженных культурными благами, в деревнях, лишенных их вовсе, наша жизнь шла, надо признаться, до сих пор сонно и вяло. Наша история отличалась стихийными взрывами чувств, но не развитием идей или событий. Наиболее романтические из наших поэтов рвались всегда в напряженную и красочную Западную Европу или до крайности идеализировали на родине то, что могло дать для идеализации какой-нибудь повод, например, стихийную ее силу или великую ее тишину, как бы предчувствие тайны или всемирного призвания в будущем.

Как бы то ни было, пришел или не пришел наш исторический час, или не суждено ему прийти вовсе — психология молодой души остается в существе та же. Это — жажда сильных жизненных впечатлений, потребность ярких красок, игры событий, выступления на историческое поприще больших одаренных личностей. Это — потребность, присущая человеческому духу в его основе, вообще, но молодой душе она свойственна по преимуществу. Она может быть впоследствии заглушена, забита, она может развиваться и в фаустовскую, и в прометеевскую жажду, она может сказаться с течением лет в иных, более сдержанных формах, но отнять у людей эту жажду, педагогу не считаться с нею — это значит быть бездушным доктринером, для которого самая жизнь лишена конкретного содержания и непосредственного интереса.

Не этой ли потребности в известной степени, хотя бы и грубо, удовлетворяет литература для легкого чтения; в раннем же возрасте такие сочинения, как романы Майн-Рида, Жюль Верна и т. п.? Я думаю,

что это именно так, что мы имеем здесь дело с той же психологией пушкинской Татьяны, осужденной на гибель в провинциальной глуши и создавшей себе из романов иной мир, непохожий на скучную обыденность. Есть потребность в ярких впечатлениях жизни, в героизме, в необыкновенном, поражающем. Жизнь не дает их — они заменяются беллетристикой. Если она литературно ничтожна, если она портит вкус к изящному и лишает чтение его серьезного значения, то — в условиях по крайней мере нашей действительности — она заменяет недостающие элементы самой жизни. Поэтому можно с уверенностью сказать, что в какую бы энергичную борьбу ни вступил воспитатель с этой поддельной литературой, ее читатель не уступит ему, пока потребность, удовлетворяемая ею, не найдет себе удовлетворения в чем-нибудь для него равноценном. Уже в настоящее время, когда русская жизнь стала давать больше впечатлений, русское юношество порывисто бросилось на них. Заседания Государственной Думы или стачки рабочих становятся в значительной мере на место Майн-Рида или «Петербургских трущоб». Если мы хотим вступить в борьбу с исключительным влиянием и такого рода впечатлений, мы должны противопоставить им в самой жизни или в литературе что-либо отвечающее той же потребности, но не бороться с ней самой, с этим проявлением неизбежной и законной душевной жажды.

Здесь, кстати, будет уместно коснуться только что задетого мною вопроса, жгучий характер которого, правда, в последние дни несколько ослабел. Я имею в виду поразительный успех брошюрной литературы политического содержания и распространившееся чтение газет. Что касается до крайности возбужденного интереса к совершающимся на наших глазах политическим событиям, то, с точки зрения подъема гражданского чувства, он должен быть, разумеется, поддержан со всей силой педагогического влияния, но он не может быть предоставлен своему собственному течению, как склонны это допускать некоторые в увлечении подъемом гражданского инстинкта. Как всякий преждевременный пробудившийся инстинкт, и гражданский — надлежит до времени ввести внутрь сознания и там дать ему развиваться и окрепнуть. Самая повышенность этого инстинкта в раннем возрасте есть, без всякого сомнения, показатель искусственно вызванного событиями наступления политической зрелости. Радоваться этой преждевременности нечего. Не бороться с таким же преждевременным удовлетворением этого инстинкта, грозящим ослаблением нервной энергии, есть преступление и легкомыслие. Не противиться этому злу может только тот, кто забывает об ответственности перед нацией за современное поколение, которым история ее не кончается. Его энергией создается не только настоящее, но и будущее. Переутомление нации от преждевременного расходования социальной силы есть такая же реальная возможность,

как переутомление отдельного человека. Причина реакции не во внешних условиях, а всегда в самом обществе. Сегодня удовлетворение едва вспыхнувшего, еще не пустившего корней в сознании общественного инстинкта, завтра истощение сил, падение настроения и веры. Чем более современный русский воспитатель желает своей родине неутомимого и непрерывного прогресса, тем с большим напряжением ему приходится вступать в борьбу с ранним удовлетворением раньше срока вспыхнувшего инстинкта, не желающего терпеливо пережить период воздержания и внутреннего роста. Если нравственный долг его своевременно пробудит общественную совесть и ее деятельный порыв, то развитой гражданский разум должен указать ему на необходимость до времени сдержаться не только от выступления на политическом поприще, в целях сохранения национальной энергии, но и от исключительного увлечения вопросами политическими, так как только всестороннее развитие всех личных сил, широкая культурная отзывчивость — истинно жизнеспособны и плодотворны в жизни каждой отдельной нации и целого человечества...

Нельзя забывать, что область политических вопросов — есть область практического приложения общих идеалов. Чем культурно-требовательнее общество, чем глубже и многостороннее его идеализм, тем напряженнее говорят его общественные инстинкты. В то же время практическое приложение требует и знания реальных отношений, и развитого чувства конкретной жизни.

Надо заметить притом, что этот, столь возбужденный в наши дни, интерес к политическим событиям и литературе кроет под собой зачастую не психологию пробудившегося гражданского чувства, но как раз только что упомянутую психологию потребности в впечатлениях, т. е. собственно видоизмененного увлечения Майн-Ридом. Однако отношение воспитателя в данном случае должно быть иное. Если, предоставляя посредственной литературе удовлетворять потребность в впечатлениях, мы грешим перед литературой как перед одной из культурных ценностей (грех, в сущности, не особенно тяжелый и сравнительно легко искупаемый), то, предоставляя политическим явлениям удовлетворять эту потребность, мы развращаем тот самый общественный инстинкт, во имя которого интерес и поддерживается, так как приучаем, таким образом, относиться к политической жизни легкомысленно. Большинству юношей другое, серьезное, отношение, основанное на общем мировоззрении и сознательной вере в будущность своей нации, естественно, еще недоступно, но возможность относиться поверхностно к известному рода явлениям легко может стать привычкой сознания — едва ли желательный результат воспитания для страны, наконец с таким трудом выходящей на простор и нуждающейся в крепких и осмысленных верованиях. Но и более одаренному меньшинству не может быть ни в каком

случае доступна сложность входящих в политические вопросы теоретических и практических идей и отношений. Если большинство, бросившееся на брошюры и газеты, выйдет гражданским ничтожеством, меньшинство, быть может, и <выйдет> высокими, но отвлеченными и узкими идеологами, порождаемыми русской жизнью с тех пор, как она стала сознательной, и так жалко бессильными перед лицом реальной жизни. Отвлеченное и узкое развитие — великое наше общественное зло, с указания на которое я и начал свою речь.

VI

Из всех потребностей человеческой личности наше общество выделяет научные, политические и моральные. К остальным относится безучастно, несмотря на красноречивые проявления религиозных исканий в нашей жизни и литературе, несмотря на редкую артистическую чуткость немногих представителей нашего искусства, стихийную поэтическую силу нашей народной песни. Это пренебрежение к таким двум культурным факторам есть, конечно, явление совершенно временное, развившееся в последние 50 лет под влиянием лихорадочной внутри и сдавленной извне цивилизационной работы. Народ, способный к культуре, не может быть равнодушен к ним.

Не касаясь сейчас одного из затронутых факторов, как не имеющего близкого отношения к поднятому мною вопросу, укажу на другой, тесно связанный с литературой, именно на искусство, которое наша публицистика одно время, во имя господствующего мировоззрения, энергично развенчивала, а затем до последних дней глухо замалчивала. Так в младенческом сознании вступившего в элементарную цивилизационную работу общества была подорвана идея одного из самых жизненных и прекрасных культурных благ. Кроме учения, наше юношество знает только чтение; в наше время, после долгого реакционного перерыва, оно без оглядки сузило круг этого чтения пределами политических вопросов. Лишенное чувства конкретной жизни, оно холодно к религиозным исканиям, оно чуждо искусства, этого бесполезного, как сама жизнь, и великого, как сама жизнь, культурного достояния.

Молодежь, интеллигентно настроенная, много читает. В самом чтении, если только это не легкое чтение, — замена недостающих впечатлений действительной жизни, молодежь всегда ищет удовлетворения моральных или политических запросов, но не эстетических. Искусства она, можно сказать, не знает вовсе. Искусство не составляет обихода русского человека — один из показателей его односторонне рассудочного развития. У него развился жгучий политический инстинкт, у него есть великая литература, нередко несовершенная по форме, но нередко и гениальная по содержанию, — искусства нет.

Школа его состоит из учения и чтения, науки и частью литературы, то заменяющей реальную жизнь, то питающей социальный идеализм. Любимые и популярнейшие писатели те, в которых сильнее всего говорит этот идеализм, да у нас и немного таких, которые были бы вовсе чужды его.

А между тем мы нуждаемся более, чем какой-нибудь другой народ, именно в искусстве. Не в том безжизненном и бессодержательном искусстве буржуазного обывателя, ограниченном в самом себе и переходящем в бесплодную вычурность и манерность, но в том, которое, оставаясь верным своему безотносительному от раздражений текущей жизни служению красоте, несет ее в жизнь как возбуждающий стимул, как ее украшение и освящение, открывая в жизни бесспорное благо и радость, независимо от требований социальной и личной морали, — то искусство, которое было порождено в V веке до Р. Хр. свободолюбивым городом Афинами, вольными итальянскими республиками XV века и к которому зовут теперь лучшие умы благороднейшего и свободнейшего из современных народов — английского. Искусство не рассудочно, как наука, оно, по преимуществу, из всех культурных благ жизненно, потому что оно есть проявление самой любви к жизни и ее формам и выражение самой творческой из способностей человека — фантазии. Оно не теряет своей дорогой цены, становясь прикладным. Требуя всегда личного творчества или личного вкуса, повышая деятельность не одного ума, но и непосредственного живого чувства, оно в высшей степени способствует, таким образом, развитию личности. Кроме пробуждения образовательных стремлений, кроме развития общественноого сознания, внесение в воспитание и искусства, в дополнение к литературе, — такова неотложная задача современной школы, если она хочет быть школой не только книжной, рассудочной, какой она была до сих пор, но истинно прогрессивной, в смысле выработки потребности в широкой и многосторонней культуре. Нельзя сомневаться, что с развитием у нас этой потребности и самые образовательные инстинкты станут напряженнее и углубятся. Никогда еще не было в истории человечества примеров, чтобы подъем интереса к искусству понижал научные интересы. Как раз наоборот: то возбуждение сознания, которым сопровождается любовь к прекрасному как к безотносительному, самоценному культурному благу, всегда возбуждало и теоретическую мысль как проявление интереса также безотносительного и самоценного.

Способное к напряженной политической жизни и лишенное ее в течение долгих веков, русское общество все еще болезненно боится всего, что может, как ему кажется, хоть несколько ослабить его политическую страсть. Но у жизнеспособного народа не может ослабеть эта страсть строительства жизни. Пока он жив, она будет гореть в нем.

Напротив, и у великого народа его развитие может принять одностороннее направление.

Не имея возможности сейчас касаться вопроса об искусстве в народной школе, вопроса, еще не поставленного у нас на очередь, скажу только, что его роль и там будет только прогрессивной, так как, повышая культурную требовательность, оно тем самым поддержит напряженность и обеспечит неутомимость социального движения. Для русского же юношества обеспеченных классов искусство, расширяя круг жизненных впечатлений новыми, чистыми и некнижными источниками, научит воспринимать явления литературы не так узко и сухо, не только со стороны ее общественного или морального содержания, — научит ценить книгу как художественное произведение и писателя, по аналогии с художником, как творца новых явлений. И здесь — в этой, уже культурной, среде, искусство еще более обострит и повысит ее культурную требовательность. Наконец, не забудем интересов и нашей первой национальной учительницы — русской литературы, переживающей сейчас свой кризис. Трудно отрицать, что ее заметное качественное понижение обусловлено понижением вкуса в обществе. Повысится требование читателя — подыметя и литература. Наша педагогическая мысль совершила крупное завоевание, она заменила часть книжного учения практическими занятиями по естествознанию, она сделала этим школу жизненнее, однако ничуть не победила этим и не могла победить ее рационалистического характера, так как естествознание, как бы оно практически ни ставилось, имеет в виду, главным образом, воспитать на конкретном материале метод индуктивного научного мышления — работа чисто интеллектуальная. Естествознание сближает с жизнью, но оно не задается и не может задаваться целью развить остроту и чуткость непосредственного восприятия жизни, а только такое восприятие ее и составляет сущность индивидуального отношения.

Отворим же двери эстетическому воспитанию во имя развития живого чувства жизни, во имя осуществления идеала всесторонней человеческой личности в нашем обществе, во имя его действительного европейского прогресса.

ПРОГРАММЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(X–XVI СЕМЕСТРЫ)

Курс X семестра

[5-й класс, второе полугодие]

Понятие об историческом изучении литературы. Место русской литературы в ряду европейских литератур. Ее возникновение и общий ход развития.

Византийское влияние — и первые произведения письменной литературы в России в связи с судьбой устного народного творчества.¹ Древняя русская образованность — как одно из типических явлений средневековья. Киево-Печерская Лавра и Феодосий Печерский. Паломничество и «духовные стихи».

Печатается по тексту: Справочная книжка Тенишевского училища. Пг., 1915. С. 60–65.

В семейном архиве Синани сохранилась тетрадь с конспектами Мандельштама по истории русской литературы (ныне передана в РНБ). Эти конспекты легко датировать, сличая с программой: они соответствуют курсу 7-го и первой половины 8 класса, т. е. писались со второй половины 1905 года. Тетрадь включает конспекты: «Сентиментализм и романтизм», «Жан-Жак Руссо», «Общественное движение в России», «Карамзин в Англии», «Идеи Руссо у Карамзина», «Идеализм Жуковского», «Белинский о Пушкине» («Борис Годунов», «Домик в Коломне»), «Идеи Руссо у Пушкина», «Преступление и наказание в Борисе Годунове» (последний опубликован П. Нерлером в кн.: «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 5–9). В тетради имеются пометки Вл. В. Гиппиуса. Согласно записи Мандельштама, один из источников конспекта: Гефдинг Георг. Ж. Ж. Руссо и его философия. СПб.: Ред. журн. «Образование» (первое издание — 1898, второе издание — 1902?).

¹ Произведения устного народного творчества изучаются в одном из предшествующих семестров (VII–IX).

Летопись, приписываемая Нестору. Поучение Владимира Мономаха.

Слово о Полку Игореве: 1) как выражение политического самосознания, 2) как художественный памятник в связи с основными понятиями о поэзии вообще, о ее родах, видах и пр.

Умственная жизнь XIII–XV века: 1) монастырское движение, 2) ереси, 3) факты и легенды, подготовившие культурное оживление XVI века.

Курс XI семестра

[6-й класс, первое полугодие]

Общая характеристика русской литературы XVI века в связи с главнейшими явлениями Ренессанса в Зап. Европе.

Четьи-Минеи Митрополита Макария (кратко). Переписка Курбского с Грозным (кратко). Домострой (подробно).

Состояние устного народного творчества (одна из песен об Иване Грозном).

Общий обзор русской литературы XVII века как эпохи перелома: 1) Характерные повести (Горе-Злосчастье и Фрол Скобеев). 2) Юго-западная образованность и ее словесность (кратко). 3) Личность и судьба протопопа Аввакума в связи с расколом.

Культурное значение Петровского преобразования — в сопоставлении с общим ходом западноевропейской истории.

Судьба Стефана Яворского и Феофана Прокоповича (кратко). Посошков и его идеи (кратко). Кантемир и его первая сатира (кратко). Ломоносов — биография, оды: 1) Выбранная из Иова; 2) Вечернее размышление; 3) Утреннее размышление; 4) На день восшествия на престол Имп. Елизаветы 1747 г.), реформа лит. языка.

Классицизм: его происхождение и судьба в новых литературах. Определение французского классицизма. Значение Тредьяковского. Сумароков (трагедии, комедии, сатиры). Организация русского театра (Волков).

Курс XII семестра

[6-й класс, второе полугодие]

Умственная жизнь в Екатерининскую эпоху (личность Императрицы. Комиссия депутатов, идеи Вольтера, Монтескье и Руссо).

Державин: биография, оды: 1) На смерть князя Мещерского; 2) Бог; 3) Фелица; 4) Вельможа). Фон-Визин: биография, содержание «Бригадира», разбор «Недоросля».

Литературная и общественная деятельность Новикова. Масонство и его значение для русского общества. Радищев: биография, «Путешествие из Петербурга в Москву» с литературной и общественной стороны.

Краткая характеристика других популярных писателей этой эпохи (Херасков, Богданович, Княжнин).

Курс XIII семестра

[7-й класс, первое полугодие]

Общая характеристика романтического движения в европейских литературах (сентиментализм и романтизм) в связи с главными явлениями умственной и политической жизни.

Карамзин. 1) Его умственное развитие и литературная деятельность в 90-х годах XVIII века («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза», лирика). 2) «История Государства Российского» с литературной и политической стороны. 3) Язык Карамзина и борьба «шишковцев».

Жуковский: биография, значение его поэзии вообще и переводов — в частности; разбор стихотворений для характеристики сентиментально-романтического направления («Сельское кладбище», «Теон и Эсхин», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Мотылек и Цветы», «Таинственный посетитель», «Море», «Я Музу юную, бывало...»); знакомство с главнейшими балладами, переведенными из Шиллера.

Общественно-политические настроения Александровской эпохи.

Литературная деятельность Крылова и его басни («Водолазы», «Лягушки, просящие царя», «Рыбьи пляски», «Листы и корни», «Пушки и Паруса», «Волк на псарне» и др.).

Грибоедов: биография, разбор «Горя от ума», статья Гончарова «Миллон терзаний».

Курс XIV семестра

[7-й класс, второе полугодие]

Пушкин. Национальное значение его гения; отношение русской критики от современности до наших дней. Биография и очерк литературной деятельности. Лирические стихотворения 20-х годов. (Послания к Чаадаеву, «Деревня», антологические, «Узник», «Наполеон», «Песнь о вещем Олеге», «19 октября 1825 г.»).

Значение «Руслана и Людмилы». Разбор «Кавказского пленника» и «Цыган» — в связи с идеями сентиментализма.

Разбор «Евгения Онегина» с литературной и общественной стороны — в связи с вопросом о романтизме Пушкина.

Отрывок из большой статьи Белинского о Пушкине, касающийся «Евгения Онегина».

Разбор «Бориса Годунова» в связи с вопросом о приемах «классической» и Шекспировской² драмы и общий обзор других драм Пушкина.

² При этом от учеников требуется самостоятельное знакомство с трагедиями Шекспира («Король Лир», «Юлий Цезарь», «Гамлет»).

Кружок Веневитинова и отношение к нему Пушкина. Разбор «Полтавы» и «Медного Всадника» (взгляд Пушкина на Петра Велико-го). Стихотворения Пушкина о призвании поэта и назначении поэзии («Пророк», «Поэт», «Чернь», «Поэту», «Эхо», «Памятник»).

Общий обзор прозы Пушкина.³ Язык Пушкина.

Курс XV семестра

[8-й класс, первое полугодие]

30-е годы в русской литературе: преобладание религиозно-фило-софских интересов, пессимизм и влияние немецкой романтической философии.

Лирика Пушкина 30-х годов. Лирика Баратынского. Чаадаев, его личность и идеи.

Гоголь. Биография и литературная деятельность.

Вопрос о романтизме Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Исторический романтизм. «Тарас Бульба». Натурализм Гоголя. «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Разбор «Ревизора» с литературной и общественной стороны.

Разбор первого тома «Мертвых душ» (типы и общественная идея).

Значение «Шинели».

Лермонтов. Биография. Характеристика его юношеской лирики и разбор наиболее характерных лирических стихотворений эпохи 1836–1841 гг. «Мцыри», «Демон», «Песнь об Иване Васильевиче Грозном...».

Разбор «Героя нашего времени» с литературной и общественной стороны.

Статья Белинского о «Герое нашего времени».

Личность и кружок Станкевича.

Кольцов. Биография, песни и думы.

Курс XVI семестра

[8-й класс, второе полугодие]

Умственные движения 40-х гг. в Западной Европе и в России (позитивизм, реализм и социальность в искусстве).

Белинский. Биография. Два периода в его умственной работе. Значение его критики в связи с общим очерком истории русской литературной критики. Характерные свойства критики Белинского. Отношение его к литературе: 1) XVIII века, 2) пушкинской поры, 3) со-роковых годов.

³ «Капитанская дочка» подробно разбирается в одном из предшествующих семестров (VII–IX).

«Литературные мечтания», «Взгляд на литературу 1846 г.», статьи о Пушкине и Лермонтове.

Спор с Гоголем.

Западники и славянофилы. Главнейшие представители и их идеи.

Первые славянофилы. Общая характеристика их религиозного национализма и его судьба.

Лирика Тютчева. Личность Хомякова и характеристика славянофильских настроений (преимущественно по его стихам). Общественные идеи К. Аксакова.

Художественная литература 40-х годов.

Поэзия Некрасова и Фета.

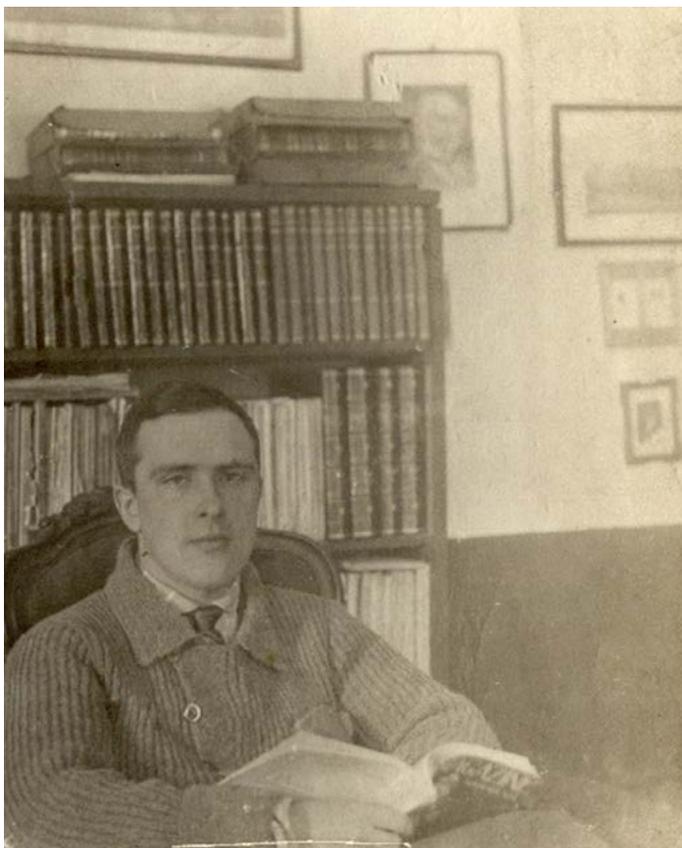
Тургенев. Очерк литературной деятельности. Характеристика его лиризма. Изображение крестьянской жизни. «Записки охотника». Изображение интеллигенции («Гамлет Щигровского уезда», «Рудин»). Женские характеры («Дворянское гнездо», «Ася», «Накануне»).

Из рукописей Ю. А. Каменского

Юрий Андреевич Каменский родился 28 октября 1888 г. в Петербурге. Его детство и юность прошли на мызе Лядно в Новгородской губернии, близ Чудово, недалеко от Сябраниц, где жил Г. И. Успенский. Окончил Тенишевское училище в 1907, и в том же году поступил в Политехнический институт (на экономическое отделение), в котором учился до 1915 года. После окончания института служил в Центральном военно-промышленном комитете, издал исследование: «Представительство общественных групп в военно-промышленных комитетах» (Пг., 1916). В 1920-е годы работал в Петрозаводске, в аппарате правительства Карельской трудовой коммуны, на Украине (в Днепропетровске, Харькове), в 1930-е годы — в Государственном Союзном институте по проектированию предприятий горнорудной промышленности («Гипроруда»), где был начальником экономического отдела. Издал книгу: *Каменский Ю. А., Тишбейн Ю. Р. Железные руды СССР для бессемера, мартена и томаса*. Л.; М.; Свердловск, 1935. В 1953 был награжден орденом В. И. Ленина. Умер в Ленинграде в 1956 году. Похоронен на Богословском кладбище.

В Тенишевском училище Ю. А. Каменский был одноклассником Осипа Мандельштама и Бориса Синани. Круг знакомств семей Каменского и Синани отчасти совпадал: отец Бориса навещал в Сябраницах Глеба Успенского и едва ли не был знаком с отцом Юрия, Андреем Васильевичем Каменским, соседом и приятелем Глеба Успенского. «Дневник» Бориса Наумовича Синани, лечившего Успенского в Колмовской больнице близ Новгорода, и воспоминания дяди Юрия, Льва Карловича Чермака, долгое время жившего в Лядно, были помещены в одном и том же посвященном Г. И. Успенскому томе «Летописей Государственного Литературного музея» (1939. Т. 4). Вместе с Борисом Синани

Юрий Каменский. Лядно, 1910-е гг.
Семейный архив Коротковых

и Анатолием Надежиным Юрий был активным участником «оппозиционного» ученического журнала «Пробужденная мысль», где помещал публицистику, политические и лирические стихи. Согласно его признанию в воспоминаниях, он в 1904–1905 годах «интересовался марксизмом и социальной революцией», что и находит подтверждение в его выступлениях в школьном журнале.

По его стихам в «Пробужденной мысли» видно, что когда Мандельштам писал: «зато Бальмонт в почете, и недурные у него подражатели» (глава «Эрфуртская программа» «Шума времени»), то он мог иметь в виду Каменского.¹ В «Шуме времени» Мандельштам, перечисляя одноклассников и прибавляя к именам характеристики, не называет имени Каменского — признак, вероятно, определенной к нему

¹ По-видимому, Ю. А. Каменский считался в училище, как и Мандельштам, подающим надежды поэтом: 16 октября 1907 г., уже после окончания ими училища, А. Надежин читал на вечеринке тенишевцев стихи Каменского и Мандельштама, «вызвавшие сильные аплодисменты» (Тенишевцев, 1907. № 2). Приводим два его стихотворения из 3-го выпуска «Пробужденной мысли»:

Синие и красные сны

I

Тихих снов хоровод
Стройной цепью плывет
В синеве.
Их сквозная струя
Серебрится, звеня,
При луне.
Что-то шепчет она,
Шелестит, как листва,
В тишине.

Льются звуки несмелые,
Точно призраки белые,
Точно песни печальные,
Поцелуи прощальные.

Звуки льются в голубую вышину
И, баюкая уснувшую волну,
Замирают.
Звуки реют звонко синею мечтой,
Напоенные любовью молодой,
Тихо тают.
В них мерцают звезды яркие страстей,
Вспышки светлые смеющихся огней
Потухают.

симпатии.² По воспоминаниям родственников Каменского известно, что приблизительно в 1914 году Юрий привозил Мандельштама в Лядно, где они «валялись на траве, читали стихи» (И. М. Тагеева, племянница Каменского, запомнила с их голоса строки из стихотворения Брюсова «Морская рыба на песке...» и из «Домби и сына» Мандельштама). Позднее, в 1916 или 1917 году, Мандельштам и Каменский время от времени появлялись в квартире Тагеевых на Таврической улице, и А. М. Тагеев (племянник Ю. А.) вспоминал строки из читавшихся поэтом стихов Марины Цветаевой. Жена Юрия³ не раз рассказывала дочерям, как они с мужем в 1924 или 1925 году навещали Мандельштамов в их квартире на Морской, и как поэт читал им тогда только что написанные воспоминания о Тенишевском училище. В 1930-е годы Мандельштамы навещали Каменских во время своих приездов в Ленинград. Запомнилось какое-то неудовольствие М. И. Калининым и обрывок шуточных стихов о нём: «И пропшикал на прощанье: До свиданья, до свиданья».

Политический климат начала 1950-х годов, когда Ю. А. Каменский начал писать воспоминания, не позволял еще упоминать Мандельштама

Золотой хоровод
 В неизвестность плывет
 В синеве
 И сплетает цветы
 Серебристой мечты
 При луне.

II

Пришли безумные и смелые,
 Сорвали прочь одежды белые,
 Втоптали в грязь
 Узоры тонкие,
 Созвучья нежные
 И звонкие.
 Давно росла их злоба жгучая,
 Давно таилась месть кипучая.
 Они пришли,
 Как сталь, упорные,
 Пропели песни
 Свои гордые,
 Огни кровавого их знамени
 В сияньи рдеющего пламени.

² Отметим еще и следующее обстоятельство: в своей книге Мандельштам называл по именам людей, с которыми в жизни давно потерял связь; с Каменским он связи поддерживал, у них был общий круг знакомых.

³ Юлия Германовна Каменская (урожд. Клюге, в первом браке Климова; 1899–1981).

прямо, но цитаты из стихотворений «Камня» в них свидетельствуют об определенной роли, которую играли стихи его тенишевского товарища в «личной фабуле» (собственное определение Каменского), очерченной в рукописях 1929 года. В тетрадях 1929 года Каменский подводил итог своего духовного опыта и выразил его с большой энергией и убежденностью. Как видно из этих тетрадей, его «личная фабула» в сильнейшей степени определялась мировоззрением В. С. Соловьева. Рукописи Ю. А. Каменского свидетельствуют о глубоком и заинтересованном знакомстве с работами последнего, а также и о стремлении прилагать его идеи к собственному жизненному опыту. Ясно видно и то, что к теологии В. С. Соловьева он пришел, отправляясь от лирики Блока. На ту пору, когда в поэзию властно вступал Александр Блок, пришлось юность Каменского, и в своих воспоминаниях о детстве он несколькими словами упомянул «период юности, когда мной владел дух лирики и культ Прекрасной Дамы» и признавался, что тогда же «точно мое личное, прозвучали для меня стихи „Золота в лазури“ Андрея Белого».⁴

Одну из его рукописей 1929 года, извлечения из которой приводятся ниже, можно назвать оправданием дендизма. Напряженное повествование дает нам представление о поколении петербуржцев, выросшем «под знаком Блока», а после войны и революции остро переживавшем конфликт с новой социальной средой. Эти страницы перекликаются со словами одного из его современников: «Но самое ценное у этих много раз осмеянных и часто оклеветанных дэнди было живое чувство искусства. Дух искусства, пусть легкого, пусть недолговечного, но подлинного, не был им чужд. Не забудем, что из эстетизма родился Мандельштам, которого можно не любить и не принимать, но обойти которого нельзя».⁵

* * *

Рукописи Ю. А. Каменского и его личные документы сохранились в семейном архиве Л. Ю. и А. И. Коротковых, которым приношу благодарность за предоставленные для публикации материалы. В примечаниях использованы воспоминания Льва Карловича Чермака (далее сокращенно: *Чермак*) и Надежды Викторовны Тагеевой (далее сокращенно: *Тагеева*). Оба источника находятся в том же семейном архиве. Использованы также, в записи, устные воспоминания родственников Ю. А. Каменского: его дочери Л. Ю. Коротковой, Л. С. Черкасской, А. М. Тагеева (1908–1994), И. М. Тагеевой (1903–1997).

⁴ См.: Тыняновский сб. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. М.: Водолей, 2009. С. 497.

⁵ Оксенов И. А. Из воспоминаний // Семейный архив Оксеновых.

За помощь в работе над комментарием приношу благодарность Н. Т. Ашимбаевой, Т. В. Васильевой, П. Л. Вахтиной, Д. В. Ворониной, М. Л. Гаспарову, А. Л. Дмитренко, Л. Н. Ивановой, Н. В. Котрелеву, Г. А. Левинтону, Л. Г. Степановой.

I

*Блок и его современники
(трагедия железного дня)*⁶

Блок и его современники стояли на рубеже двух исторических эпох. Годы революции и войны отделяют нас от того берега, где медленным плавным потоком двигалась жизнь культурного мира. И хотя не прошло и одного десятилетия, кажется он бесконечно далеким, как воспоминание об иной жизни. Пришедшие оттуда несут на себе бремя глубокой старости. Они в другом мире (или, как казалось для многих, осталось небытие, хаос призрачного полусуществования, а мир кончился). У современных людей (созданных войной и революцией) новое мироощущение. Они всегда действенны, с примитивно цельным сознанием, с большим запасом воли к жизни, не требующей никаких метафизических и религиозных оправданий. Их желания всегда определены, направлены на конкретное (то, что можно взять, осязать, такова их любовь к искусству).

Уверенность в себе, здоровый наивный эгоизм обеспечивает им успех. Жизнь их разворачивается в фабулу внешних переживаний без отраженных душевных реакций и символических обертонів. <...> Они всегда естественны, всегда настоящие. Они противоположность прежнего интеллигента с его раздвоенным сознанием и пониженной жизненностью. <...> Ценности, созданные культурой символического искусства, начали разлагаться уже с 1910 года. Вместо подлинных мистических переживаний, укрытых маской эстетизма и театральности, осталась одна эта маска. Мистическая интуиция сменилась скукой или кокетством денди, выполняющего по установленным эстетическим канонам привычный обряд.

*Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчатся в снег и темноту.*⁷

⁶ Приводятся фрагменты первой главы из завершённой работы «Проблема Любви в лирике Александра Блока» (ок. 1929 г.).

⁷ Из стихотворения А. Блока «На островах» (1909).

В дальнейшем исчезает и последний соблазн, очарование маски денди, соблазн эстетизма, и остается какая-то абсолютная, безысходная скука, переходящая в оцепенение смерти. <...>

Не катастрофа последних восьми лет вызвала эту духовную смерть. Уже значительно ранее начало чувствоваться внутреннее запустение, точно иссякли потаенные ключи мистической эротики и символической лирики, питавшие интуитивную волю, и разрядилось напряжение духовной атмосферы, где уже слышались голоса, для которых еще не было слов, где, как при наступлении сумерек, бледнел и таял златотканый покров дневного мира и зрим становился мир таинственный духов.⁸ Точно избранные для подвига последнего освобождения отступили, впади в тайный грех; и, как возмездие, простерся над ними тот железный день, о котором говорит поэт. <...>

Символическая лирика давала особую радость узнавания, через нее сообщалось, как бы сигнализировалось о том, что было обретено многими, но не могло быть выражено по своей иррациональной сущности. Одиноким искатели потаенных кладов через искусство протягивали друг другу руки, находили общий путь. В свою эмоциональную символическую лирику, такую личную (всегда о себе) и в то же время близкую современникам, Блок замыкал их сокровенные устремления. Казалось, что души Поэта и его читателей слились в одно и уже не могло быть иных символов-слов для выявления их тайной воли.

II

<Из работы о лирике А. Блока>

Мы живем под знаком лирики, стихи для нас магичны. Закрывают черную рожу мрака, и мы знаем, что нам суждено встретиться и, может, будет поражение. Оттого грусть, светлый стяг над нашими полками не взовьется никогда.⁹ Наш Китеж. И странное чувство, невыразимая прелесть, нам раскрытая, такая хрупкая, женственная. Она будет уничтожена, но это здесь, а там — мы придем к ней, не в потустороннем <мире>, мир един и звучит небывалой музыкой: легкий, доселе не слышанный звон. Это в другом аспекте. Внешне нигилизм. Отрицание семьи, чувства рода, брака, государства, положительной религиозной догматики, это всё как отмирающая скорлупа, из нее возникает небывалое. Активная вражда к носорогу. Носорог — это тот, кто утверждает себя, пожирая. Это и в мысли, в науке, в искусстве — есть носорожье искусство,

⁸ Перефразируются строки из стихотворения Тютчева «День и ночь».

⁹ Цитата из стихотворения А. Блока «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» (1908), из цикла «На поле Куликовом». У Блока: «Светлый стяг над нашими полками Не взывает больше никогда».

например, Арцыбашев,¹⁰ — в быту, в отношениях к людям, и больше всего — в половой сфере. Взять женщину. Мужской и прямо сексуальный подход к ней — это не разврат, это природно-естественный принцип пожирания. Подходя к красивой гордой девушке, носорог чувствует: ты моя самка, и берет ее своим желанием. В женщинах есть ответное, и, если оно заговорит, — всё кончено. Вместо преобразования — половое притяжение, покорность жизни, уничтожение самого ценного; носорог убивает красоту. Мы классифицировали: носорог сознательный, носорог-садист — не так страшно, с ним можно бороться, он выявлен и уже разложен, притом уязвим. Страшнее примитив, для которого это естественная функция, — он и не знает, что может быть иначе. Не черт, а вроде ящера третичной эпохи — это настоящий. <...> Но влечение вверх исчезает, и гаснет свет небывалого, она статична, это смерть. И вот наше чувство — не останавливаться ни на мгновение, в любви как в творчестве, постоянное напряжение, искание новых, небывалых форм, воплощения и преодоления их новой, еще большей ценностью; моя гордыня повелевает, чтобы я был больше того, что я есть, больше того, что я взял, лучше потерять взятое, лучше потерять самого себя, чем окопаться и сидеть на нем, огораживаясь путами привычных связей. Любовь есть, пока со мной дух эроса, пока я чувствую самую любовь как драгоценность, живое существо небывалой прелести, оно растет, раскрывается, и в раскрытии начинают падать пелены. Внешний мир, другие уже прозрачны, звучат ответно — уже не я, а мы. Углубленное чувство жизни, и за всем ясно сквозит ее лик. Эта любовь — дело, творческое преобразование мира в красоту, освобождение Ее из плена эмпирики. Может, это призрак, и романтическое чувство — только приманка для иных природных функций, как оперение у птиц. Не всё ли равно. Это есть в нас, и оно прекрасно, оно уже общее. Не первый раз человек идет новыми, еще не проложенными путями, и те, кто творили жизнь и культуру, всегда шли к неизвестному, а не сидели на готовой полочке. Человек сам творит себя, и нет предела раскрытию. Кто сказал, что потенциальная возможность раскрытия нашей ценности и силы имеет границы? Половое чувство — единственное, которое соединяет не внешней интеллектуальной связью, а внутренним полным единством. Оно стихийно, носорожье — это его обратный атавистический поток, восходящая любовь — это, как во всяком творческом порыве, переход к новым выявлениям от единения животного к раскрытию и утверждению духа. Любовь — новая форма познания.¹¹ Мы духовно настолько

¹⁰ Подразумевается роман М. П. Арцыбашева «Санин» (1907), герою которого присуще отрицание нравственных норм.

¹¹ Здесь и далее автор следует работам В. С. Соловьева «Смысл любви» (1894) и «Оправдание добра» (1897).

выросли, что уже томимся в нашей отграниченности, мы хотим расширяться, мы хотим не знать, не воспринимать окружающее в себе, а быть в нем. Всеединство — вот цель любви. Это не дуализм духа и плоти. Мы не хотим бесполой любви христианства, мы хотим, чтобы при небывалом нарастании напряжения любви сама плоть расплавилась, раскрылась, слилась с духом, стала абсолютно прекрасной. Намеки на это есть в каждой настоящей любви. Аналогия, ведь это можно передать только косвенно, символом, оно невыразимо. Как всякая еще не реализованная реальность, переход при нагревании тела в жидкое, газообразное состояние, а дальше деформация молекул, внутриаомное разложение и освобождение внутриаомной энергии. Разве не может быть того же в нашем душевном мире, и разве не может дух при его росте стать творящей силой не в изображении, а в сущности. Чудо Пигмалиона.¹² Чудо рождения мира в красоте. Раскрытие вечно женственной сущности мира. Почему эта мечта от философии александрийцев. Плотин¹³ проходит непрерывной нитью через мистические учения средневековья: расцвет — XIII век, культ прекрасной дамы, культ мадонны, и в XIX веке период романтики, и у нас декадентство, символизм. И во все эти периоды знали больше, чем говорили, знали в чувстве, в деланьи. Слова мертвы, только искусство говорит об этом, но только для тех, у кого есть отзвук, кто, по выражению Вячеслава Иванова, воспринимает не унисоном психологической поверхности, а контрапунктом душевной глубины.¹⁴ У нас есть чувство обреченности, мы узнали, поняли и полюбили наш путь, но мы не дойдем до конца, пионеры всегда гибнут. Наша гибель страшнее смерти, для тех, кто почувствовал прикосновение любви небывалой и отдался ей после поражения. Жизнь обычная — невыразимое страдание, черная ночь полного одиночества и мрака, ведь человеческое уже чуждо. Невыразимое зрелище торжества носорога и боль за Нее, распинаемую, пожираемую темной, тупой силой. Это наша расплата. Ее знал Блок: «Дева света, где ты, донна Анна. Анна, Анна — тишина».¹⁵ Об этом знали все поэты того времени, и от этого они гибли. Смерть Блока, ужас Андрея Белого: Москва под ударом.¹⁶

¹² Пигмалион — в др.-греч. мифологии царь Кипра, избегавший «земных» женщин и влюбившийся в изваянную им из слоновой кости статую прекрасной женщины. Статую по его мольбе оживила Афродита.

¹³ Плотин (204/205–270) — греческий философ-платоник.

¹⁴ Из «Мыслей о символизме» Вяч. Иванова: «...заставить самое душу слушателя петь со мной другим, нежели я, голосом, не унисоном ее психологической поверхности, но контрапунктом ее сокровенной глубины...» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 4; То же // Иванов В. И. Борозды и межи. М., 1916. С. 148).

¹⁵ Из стихотворения «Шаги командора» (1910–1912).

¹⁶ «Москва под ударом» — роман Андрея Белого (вторая часть трилогии), вышедший в 1926 г.

И удар был. Война четырнадцатого года, проявления и раньше. Распутин, страшная темная сила пола, темная колдовская мистика, поднимающаяся из народных низов. «Серебряный голубь» Андрея Белого,¹⁷ хлысты, а в культурной среде утонченный разврат, наслаждение извращенности, сатанизм. А в пределе тяга к примитиву; в Распутине привлекало и то, что он мужик и хам. Есть необычайная сладость в потере ценного, когда отдаемся и нисходим. От этого наслаждение становится беспредельным, и нужен контраст. В узко сексуальной среде, когда в нее вступает человек с даром иной любви. Уничтожение этого иного, сведение к одному дает огонь небывалой яркости и силы. Это как-то понятно, так и должно быть, ведь всё напряжение, творческая воля к неизвестному прорывается в уже данное, это поток воды в прорвавшейся плотине. И, когда началось, не остановится, пока не смоет всего до конца, тогда или статика опустошенной души как сон, или новое восхождение. И чем ближе свет, чем выше подъем, тем возможнее и страшнее эти прорывы и тем они соблазнительнее. Злая и страшная красота уничтожения. <...> Человек, прошедший путь восхождения, в жизни чувствует острее. Этот путь точно заряжает для жизненных эмоций потрясающей силы. При этом он жизненно беззащитней; ведь он был уведен от жизни и не выработал в себе средств самозащиты: цинизма, шкурности, хитрости, инстинктивного недоверия, осторожности, здравого смысла; потому он сильнее подпадает под удары и острее их воспринимает. Страсть у Блока. Этот страшный размах падения обозначился перед войной. <...> Война — это начало конца, это как в любви. Напряжение культурного, духовного роста прорвалось в страшной разрушающей силе. Но вершины не выдержали, человек исчез. Остались массы, муравейник. С тех пор пошли в ход массы, раньше были люди. С этого времени мы стали эмигрантами. И действовала усовершенствованная мясорубка. Не хочу говорить о войне. Я знал, что от нее надо уходить, Джаксону,¹⁸ кажется, говорил, что самое ценное не наиболее прочно; напротив, оно хрупко и нежно, как ребенок или молодое растение. Война сожрала ценное, осталось зверье. Кровавые закаты, запах гари. Страшная толпа на улицах. Что-то русское, мужицкое, как Ходынка, что-то от погрома. Люди как икра, а на тупых лицах — ужас. Были красивые жесты в начале, потом — только скука и тупое бессмысленное страданье. Чудовище Россия, Российская империя сожрала личность, жило только государство — это осталось до сих пор. Гипертрофированное государство. Потом и оно само стало

¹⁷ Роман Андрея Белого, напечатан в 1909 г. Его герой сближается с хлыстовской сектой и гибнет от рук сектантов.

¹⁸ Приятель Каменского, возможно, — его соученик по Тенишевскому училищу Михаил Николаевич Джаксон (окончил училище в 1910 г.), о нем см. в Приложении 7.

разлагаться, потому что в нем нет мысли, воли и нет органического роста. Это мертвое чудовище, оно и несет только смерть. Мы тогда говорили, что это конец культуры, дальше обростем шерстью, будем бегать на четвереньках и грызться за пищу и самок. Это пришло почти. Во время войны умерла интеллигенция, исчезла общественность, рухнула религия.

Еще о дендизме. Это органическое отрицание хамства, это целомудренная гордость своей красотой. Щит, который ее закрывает. Прекрасное и умирать должно прекрасно, когда всё уже потеряно. Не визжи и не пресмыкайся. Всегда сохраняй свой лед и холод, это охрана целомудрия, прекрасного. Важно не что делать, а как делать, ибо сущность выражается не в фактах и событиях, а в их оформлении. Величайший подвиг можно совершить в такой психологической мотивации, что затошнит. Дендизм — отрицание трусости, дисциплина, его оружие — Юмор и Ирония. Сдержанность в словах и жестах и в то же время легкость. Это сознательное оформление прекрасного в себе самом и во всех своих проявлениях. Конечно, дендизм предполагает огромное внутреннее содержание и страшное напряжение, иначе это только маска, под которой ничего нет. Петербург-город — это воплощение дендизма: строгий, стройный вид, Невы державное течение,¹⁹ а ведь под этим Достоевский и вся страшная мистика города. Петербургский символизм не был криклив, как московский: «Мир искусства», «Аполлон»,²⁰ во всем лик Аполлона, строгие пластические формы архитектуры, корректность и сдержанность в манерах, в переживаниях. Очаровательные женщины, девушки, денди. Женский дендизм я встречал не часто, а он всего нужнее. В женском больше эмоциональной глубины, но нет четкости, женщина легче уходит, в ней атавистические течения сплетаются с новыми веяниями: так легко прекрасная культурная девушка обращается в самку-жену, уходит вся в материнство. <...>

Наша культура и искусство точно преображают жизнь, мы живем уже в ином, в жизни мы скептики-денди. Мой кружок: Шнакенбург — рыцарь прекрасной дамы, барон фон Гринвальдус;²¹ маленький злой трусливый Джаксон — точно заостряет с другой стороны: «я люблю черта, потому что он будит душу». Вальтер — хорошенький ловкий мальчик, необычайно легкий и точно лишенный страха; чего-то у него нет, чем держит жизнь? — умереть так же легко, как поцеловать красивую девушку, а легкость романа точно поездка на острова в туманный осенний петербургский день на хорошей лошади; внешняя четкость.

¹⁹ Строгий, стройный вид... течение — из поэмы Пушкина «Медный всадник».

²⁰ «Мир искусства» (1899–1904), «Аполлон» (1909–1917) — петербургские художественные журналы.

²¹ Герой «Немецкой баллады» Козьмы Пруткова.

Мне нравился Вальтер.²² <...> Оформлялась идеология. Рождение в красоте — это любовь восходящая. Любовь как сила преобразования жизни и как высшая форма творчества искусства. Отрицание внешней рационалистической воли и утверждение воли интуитивной; смутное напряженное ожидание Ее явления и намеки на него, чувство невидимой, но реальной близости; Прекрасная Дама всегда со мной. Странное знание, что в нас воплотилась вершина культуры, что мы близимся к пределу, за которым либо смерть, либо новая жизнь.

Ходим в белые ночи по петербургским улицам и ждем встречи небывалого. Внешне всё четко — холодный гранит, дендизм, Петербург, его дисциплина. О главном не говорится или говорится символически, близость во взаимном понимании главного, целые ночи общения без слов. Ощущение огромной внутренней ценности и мечта о ее раскрытии в любви небывалой, тогда будет как у Блока: «полечу я с восторгами птицы, оставляющей перья в пути».²³

III

*Первое свидание*²⁴

Первое свидание (употребляя выражение Соловьева)²⁵ было, вероятно, на Пасху в деревне (Лядно) в 1905 или 1904 г. Как всегда, на Пасху

²² О приятелях Каменского Шнакенбурге и Вальтере нам не удалось получить сведений. О Джаксоне см. примеч. 18.

²³ Из стихотворения Блока «Очарованный вечер мой долог...» (1903).

²⁴ Следующие четыре фрагмента составляют цельную часть плана конца 1940-х — начала 1950-х годов. «Первое свидание» приводится по рукописи «Три свидания» (1940-е годы). «Второе свидание», «Предки», «Детство. Петербург и Лядно» — по тетради начала 1950-х годов с дневниковыми записями и набросками воспоминаний, в которой эти главки составляют цельный блок. В окончательной редакции воспоминаний о детстве и Лядно (1953) содержится следующее авторское отступление:

«Подумал сейчас, зачем я пишу о прошлом. Для чего закреплять воспоминания. Может, в старости, когда нет настоящего, цепляешься за прошлое, чтобы сохранить его. А оно исчезает от безгранично уходящей в неизмеримую даль жизни, осталась только горсть мелкого песка, ускользающего между пальцами —

*А вечность как морской песок,
Он осыпается с телеги,
Не хватит на кули рогож,
И, недовольный, о ночлеге
Монах рассказывает ложь.*

Я не знаю, всегда ли так изживается жизнь, я не чувствую старости как органического периода, как органично пришла и расцвела юность».

²⁵ Автор проводит аналогию с поэмой В. С. Соловьева «Три свидания» (1898).

много приезжих, студенты — товарищи Андрейки, Васи,²⁶ девушки-курсистки, братья, сестра, Успенские.²⁷ Кто-то приехал из соседей. Пасхальный стол с цветами гиацинтов. Вечером по другую стороны речки Ляденки. Против дома играли в рюхи; кто-то ушел на тягу. Может быть Левушка, мой брат.²⁸ Снег сошел, и местами уже немного проступила зелень. А в ямах в тенистых местах лежит грязно-синий снег. И весенняя дымка. Это хорошо у одного поэта:

*На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Березы ветви поднимали
И незаметно вечерели.²⁹*

Во всех канавах журчит вода, маленькие водопады, и к вечеру это журчанье сливается с отдаленным бормотаньем тетеревов. Какая-то птица повторяет одну фразу: не забудь, не забудь. Иногда нежной эоловой арфой дрожащий звук бекаса. Играть в рюхи кончили и разошлись. На другом берегу сквозь ветви сада — очертания дома и еще неяркие огни в окнах.

Я сижу на берегу разлившейся речки (Ляденки). У самой воды, быстро бегущей; местами крутня, проплывают щепки, последние маленькие льдинки, и монотонное журчанье со звоном льдинок и водяным шорохом.

Я не помню, был ли я влюблен в кого-нибудь. Но была общая влюбленность, с весенним влечением куда-то, со смутной надеждой небывалого. Я писал тогда:

*Будет манить, как прежде,
Ласковой далью весна,
Робкой и грустной надежде
Снова душа предана.*

И я чувствовал всё во мне и вне меня³⁰ единым, выражающим одно. Никакого волнения. Может быть, задумчивая грусть, одна. Я сидел на восток лицом, небо уже темнело, и на нем просквозило Ее лицо и точно приблизилось ко мне вместе с вечеряющим небом.

²⁶ Братья Юрия, Андрей (1869–1942) и Василий (1873–1946).

²⁷ Дочери Г. И. Успенского: Вера (род. 1877), Мария (род. 1879), Ольга (род. 1881).

²⁸ Лев Андреевич Каменский (1876–1940).

²⁹ Начало стихотворения О. Мандельштама (1909).

³⁰ Перефразирован стих Тютчева «Всё во мне, и я во всём!» («Тени сизые смешались...», 1835).

Воспоминания воспоминаний, оно было нежное, как пастель, очень юное, и задумчивое, и улыбчивое, — только это всё не так, то, что я пишу, — условные намеки.

Второе свидание

Кажется, весна 1923 г. Мне 34 года. Петербург эпохи нэпа. Внешне у меня крайний упадок, квартира на 5-й линии (Саломеи) ликвидирована,³¹ не служу с 22-го года, иногда продаю какие-то вещи. Ночую у Полины,³² у Каменских (Л. А.),³³ а иногда просто на улице. Сплошная канитель и пьянство с Вале́й³⁴ <...> И тем не менее внутренне большое утверждение себя. Только смущает теневое существование. Ничего эмпирического. Бываю у Полины, у Радлова Н. Э.,³⁵ у Эльзы,³⁶ у Анатолича,³⁷ у Кабецкого,³⁸ с Вале́й во всяких дебрях. Иногда реставрируюсь у Каменских.

Свадьба Кабецкого и Тамары в Европейской гостинице. Прекрасный номер Кабецкого в 1-м этаже. Еще сохранились заграничные вина, выдержанные, хорошая кухня, банкет. Запомнился Ходотов,³⁹ которого я видел в первый раз, песни под гитару. Его глазки голубые на свет божий не глядят.⁴⁰

³¹ Саломея Николаевна Андреева (урожд. Андроникова; 1888–1982), адресат стихотворения О. Мандельштама «Соломинка». Уехала из Петербурга в Алушту в июне 1917 г. и затем эмигрировала. В ее квартире (Васильевский остров, 5-я линия, 62, кв. 5) жили с зимы 1918/1919 года коммуной: Наталья Владимировна Гвоздева (урожд. Шумкова, во втором браке Султанова, 1895–1976), ее муж Алексей Александрович Гвоздев (1887–1939), В. В. Васильев (см. ниже) и его жена Ольга Константиновна Васильева (урожд. Афанасьева, во втором браке Васильева-Шведе, 1896–1987), Ю. А. Каменский, художник Василий Иванович Шухаев (1887–1973) и его жена Вера Федоровна Шухаева (урожд. Гвоздева, 1897–1979).

³² Подруга В. В. Васильева.

³³ Т. е. в семье брата, Льва Андреевича Каменского.

³⁴ Валентин Венедиктович Васильев (1895–1928), моряк Службы связи Балтфлота; муж О. К. Васильевой.

³⁵ Радлов Николай Эрнестович (1889–1942), художник, в описываемое время сотрудник Института истории искусств.

³⁶ Жена Н. Э. Радлова, Эльза Яковлевна Радлова (урожд. Зандер; 1887–1924), художница.

³⁷ Владимир Анатольевич Яковлев, друг семьи Тагеевых (женой Михаила Леонидовича Тагеева была сестра Юрия Ольга). По профессии химик.

³⁸ Кто именно был Кабецкий, нам не удалось установить. По деталям рассказа о его свадьбе можно предположительно отождествить его с дипломатом Михаилом Вениаминовичем Кобецким (1881–1937).

³⁹ Ходотов Николай Николаевич (1878–1932), актер; создатель нового вида мелодекламации.

⁴⁰ Из фольклорной «Баллады» о самоубийце («Ни во той селе, деревне...»).

Радловы, Эльза, Паллада,⁴¹ журналисты, поэты и т. д. Возвращаюсь домой вечером. Кажется, апрель; ясный тихий вечер. Сел на скамейку в Летнем саду. Адмиралтейство еще не закрыто зеленью. Думал о нем и об идеях Платона.⁴² Если здание исчезнет, идея останется. И точно увидел Адмиралтейство в идее, она не отделялась от здания, а точно обволакивала его. Как Душа.

Вспомнил обложку Добужинского к «Мечтателям». Поэт-денди в цилиндре, крыши Петербурга и на облаках Боги.⁴³ Петербургский классицизм: Бывало, Боги-женолюбцы вниз по закатным янтарям, из тучи выставив трезубцы, сходили к нашим матерям.⁴⁴ А Адмиралтейство, «как плуги брошены, ржавеют якоря, и вот расторгнуты трех измерений узы и открываются священные моря».⁴⁵

Полная легкость и гротеск богемы. Деревья Александровского сада в ажурных ветках и только что раскрывающейся листве. Цветы на стебельках, ветреница-медуница выросла прямо из земли, еще нет зелени.

Листо-жемчужно-серый весенний покров вечера, весенне юный и старинный, а шпиг Адмиралтейства озарен солнцем. Мысли о ней и ощущение полной легкости и возможности всего. И вот начало воплощаться: люди-фигурки ходят на близких аллеях-дорожках большие, на дальних — маленькие, но нет близкого и далекого, и одинаковая четкость, как на картинах раннего Возрождения. Просьба прийти Ее, и знание возможности вещей обличения невидимых.⁴⁶ Вот женщина приходит с грудным ребенком. Попросил (молча) сесть ее рядом и оказать свое. Села, стала кормить ребенка. Эрмитажная мадонна Лита. И еще узнаю души-Психеи как весенние цветы прямо из земли без листьев. Она стала передо мной на дорожке, в свете не ярком, а весеннем

⁴¹ Богданова-Бельская (Дерюжинская, Педди-Кабецкая) Паллада Олимповна (1887–1968) — поэтесса, известная участница жизни петербургской литературно-художественной богемы в 1910-е годы. О ней см.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник-1983. Л., 1985. С. 253; *Тименчик Р. Д.* Богданова-Бельская <...> // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 299.

⁴² Идеи у Платона — идеальные сущности, лишённые телесности и являющиеся подлинно объективной реальностью, находящейся вне конкретных вещей и явлений; составляют собой идеальный мир.

⁴³ По описанию судя, подразумевается журнал «Записки мечтателей» (1919–1922), обложка работы А. И. Головина.

⁴⁴ Неточная цитата (с переменной мест стихов) из поэмы Андрея Белого «Первое свидание».

⁴⁵ Из стихотворения О. Мандельштама «Адмиралтейство» (1913), цитата не вполне точная.

⁴⁶ *...вещей обличения невидимых.* — Из Послания Св. апостола Павла к Евреям (11: 1) в церковнославянском переводе: Есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых.

жемчужно-голубом, и чувство вечного и древнего и юного, как весна, и полнота без нервной восторженности. Красота абсолютная, Реальность бóльшая всего, что когда-либо было. Я видел ее и воспринимал зрением, но как-то особенно — не глазами только, а всем существом. При полной ясности и раскрытии — всего не помню или не видел, обнаженная она или в одежде. Вероятно потому, что обнаженность естественна, как одежда. <...> Как она закрылась внешним миром — не знаю, не помню. Во мне более чем раньше осталось ощущение ее присутствия, знание невыразимое себя во всем и своего пути, грусти и радости вместе.

*Это полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На лугу, на зеленой поляне,
Неразрывный и радостный круг.*⁴⁷

IV

Предки⁴⁸

Их портреты висели в Лядне в кабинете отца и в ситинг рум (комната, где сидят). Дедушка Василий Павлович — портрет, масло, вьющиеся

⁴⁷ Из стихотворения Блока «Пляски осенние» (1905), цитата не вполне точная.

⁴⁸ По линии матери Ю. А. Каменский был правнуком выходца из Вены Леонтия Ивановича Чермака (1770-е гг. — ?), в пансионе которого в Москве обучался Ф. М. Достоевский. Дедом Юрия был Карл Леонтьевич Чермак (1809–1889), многие годы проработавший на педагогическом поприще в Баку, где он и познакомился с Андреем Васильевичем Каменским, отцом Юрия. Женой Карла Леонтьевича (с 1841 г.) была Софья Яковлевна Грегориус (ок. 1825–1894). Их дочь, мать Юрия — Леонтина Карловна Чермак (1848–1918). В 1887 г. Карл Леонтьевич приобрел по соседству с Лядном имение при деревне Крутик (Чермак. С. 43).

Род Каменских происходил из Польши. Согласно семейному преданию, в Россию переселился Федор Пантелеевич Каменский (род. 1739, из польской шляхты. Послужной список и сведения о потомках см. на сайте GENi), он и был автором упоминаемой Ю. А. рукописи. Его сын Павел Федорович, военный, был прадедом Ю. А. В комментируемой главе упоминаются его дети: Василий Павлович (дед Ю. А.), Константин Павлович (биографических сведений о нем нам не удалось получить), Федор Павлович, Павел Павлович (см. ниже), Гавриил Павлович (другой Гавриил Павлович — «дядя Ганя» — был сыном Павла Павловича Каменского, об обоих справки даны ниже).

Отец Юрия, Андрей Васильевич (1843–1913), воспитывался в Англии, в семье своего дяди Гавриила Павловича (см. ниже). Был флотским инженером. В 1860-е годы служил в Баку. Через 6 лет после женитьбы вместе с семьей переехал в Петербург (1874). Там он познакомился с Г. И. Успенским и с тех пор входил в ближайшее окружение писателя. Вышел в отставку в должности главного инженер-механика флота, с чином титулярного советника, был кавалером ордена Св. Князя Владимира.

волосы, опущенные книзу усы, восточные глаза. Он же на картине Брюлова «Запорожцы на приеме у Екатерины II», в жупане. Фотография бабушки — мать отца⁴⁹ (никогда ее не видел), акварель, написанная, кажется, ее сестрой; две миниатюры прадедушек во фраках с торчащими из-под высоких воротничков уголками воротничков.⁵⁰ Масса фотографий, бабушка со стороны матери Софья Яковлевна, мать в длинном платье с треном.⁵¹ Дедушка со стороны матери Карл Леонтьевич и много, много старых фотографий общественных и революционных деятелей, близких людей отца и матери. Успенский Г. И.,⁵² Веймар О. Э., увезший Кропоткина,⁵³ красавица Виктория Ивановна Ребиндер⁵⁴ и много других, забытых мною; у дам длинные с треном платья, кружевные воротнички и манжеты. Мужчины с баками — тесные фраки и сюртуки, с широкими светлыми брюками. Темный фон фотографий. Еще больше предков в версте от нас в доме дяди Гани:⁵⁵ бабушка Мария Федоровна,⁵⁶ а ее отец,

⁴⁹ Мария Андреевна Шестакова (Тагеева. С. 4, паг. 2-я).

⁵⁰ Так в тексте.

⁵¹ Трен — то же, что шлейф.

⁵² Успенский Глеб Иванович (1843–1902) — писатель. Был лично близок к народолюбцам и деятелям народнического движения Н. К. Михайловскому, П. Л. Лаврову, Д. Н. Клеменцу, С. М. Кравчинскому, В. Н. Фигнер и другим; в 1880, по воспоминаниям И. И. Успенского, на квартире Г. Успенского в Петербурге прошло совещание боевой организации «Народной воли» (Летописи Государственного Литературного музея. М., 1939. Т. 4. С. 360). Многие народо-вольцы бывали в доме Успенского в Сябренницах и у его приятеля А. В. Каменского в Лядно. Дети Успенского (вскользь упоминаемые Ю. А. Каменским ниже) принимали активное участие в деятельности боевой организации эсеров, Вера Успенская как раз в описываемое Ю. Каменским время (1904–1906 гг.) была женой Бориса Савинкова, см.: Савинков Б. В. Воспоминания террориста. Л., 1990 (по указателю имен).

⁵³ Веймар Орест Эдуардович (1845–1885), врач, владелец ортопедической клиники в Петербурге; друг П. А. Кропоткина, организатор его побега из тюремного госпиталя (1876), см.: Кропоткин П. А. Записки революционера / После сл. и примеч. В. А. Твардовской. М., 1990. С. 336, 351. Арестован 3 апреля 1879 г., содержался в Петропавловской крепости. Военно-окружным судом 14 мая 1880 г. приговорен к 15 годам каторги. Умер на Каре. По свидетельству Л. К. Чермака, А. В. Каменский выступал на процессе О. Э. Веймара свидетелем со стороны защиты, отчего потерял службу (Чермак. С. 151).

⁵⁴ Ребиндер (урожд. Константинович) Виктория Ивановна (1846–1899/1900).

⁵⁵ Дядя Ганя — Гавриил Павлович Каменский (1853–1912), художник-пейзажист. Сын П. П. и М. Ф. Каменских.

⁵⁶ Каменская Мария Федоровна (урожд. Толстая; 1817–1898), писательница. Мать Гавриила Павловича Каменского («дяди Гани»). См. статью О. Е. Блиńskiej: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 452–453.

Ф. Толстой,⁵⁷ — художник эпохи Александра и Николая I. Его барельефы, воск и бронза. Предки для меня слиты с Лядном, народовольцами и историей Лядна. Но, конечно, они часть его, начиная с автора «Жизни, колеблющейся в счастье и несчастье, российского дворянина К.»,⁵⁸ Эпоха семилетней войны, Елизаветы, Екатерины. По его запискам, написанных в виде писем к одному приятелю, К < аменские > — выходцы из Польши, попавшие в Россию при Сигизмунде III (Смутное время), шляхта. Почему-то ни у кого из них не было имений и крепостных, все служили, но особенно ничем жалованы не были. С самого начала Петербург. Чиновники мелкие, вроде Евгения в «Медном всаднике», или военные невысоких чинов. Автор «Записок жизни, колеблющейся...» после долгой военной службы попал городничим города Таганрога. По его описаниям, городничим, которые не воровали и не брали взяток, было весьма туго (оказывается, попадались и такие). Предок произнес населению Таганрога речь в духе Монтескье. Либеральный период начала царствования Екатерины (Новиков, Радищев). Выступление туманное и невразумительное. Последующие предки по рассказам дяди Гани: старший, Константин Павлович,⁵⁹ игрок, кажется, кавалерист; у многих тяготение к искусству, но увы — стиль Кукольника и отчасти Марлинского. Ф. Ф. Каменский⁶⁰ — скульптор. Но живут в долгах, как-то состоят при Публичной библиотеке или театрах. Богемный уклон. П. П. Каменский воевал на Кавказе, писал рассказы в духе Марлинского, преклонялся перед искусством, человек восторженный и сумбурный. О нем есть в записках Григоровича и Панаева. Женится на Толстой М. Ф. — дочери художника, отличался канительностью и гениальной способностью делать долги, был должен даже великанам, выступавшим в балагане на Марсовом поле.⁶¹ О моем деде Василии Павловиче ничего не знаю. Впрочем, красил <...> носки <...> голландского полотна.⁶² Из поколения моих предков (дедов) карьеру сделал только один Гавриил

⁵⁷ Толстой Федор Петрович (1783–1873), скульптор, гравер, медальер. Вице-президент Российской Академии художеств, почетный член Флорентийской Академии художеств; отец М. Ф. Каменской.

⁵⁸ Автор — Федор Пантелеевич Каменский (*Тагеева*. С. 1, паг. 2-я). Местонахождение рукописи ныне неизвестно.

⁵⁹ Биографических сведений о К. П. Каменском нам не удалось получить.

⁶⁰ Каменский Федор Федорович (1836–1913), скульптор, академик живописи; двоюродный брат А. В. Каменского.

⁶¹ Каменский Павел Павлович (1810–1871) — отец Гавриила Павловича («дяди Гани»). См. о нем статью А. И. Рейтблата: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 459–460. Его жена — Мария Федоровна Каменская, см. примеч. 56. О его «гениальной способности делать долги» см.: Григорович Д. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 71–72.

⁶² Несколько слов в этой фразе неразборчивы.

Павлович. Что-то преподавал в доме Бороздиных или репетировал. Женился на дочери генерала Бороздина. При Николае I и Александре II был экономическим представителем России в Англии. Написал книгу — что-то вроде «Богатства народов», пробовал я ее читать, но увял немедленно.⁶³ Не знаю, была ли у кого-либо из предков связь с декабристами, думаю, что не было; декабристы принадлежали к более аристократической военной среде. Мои предки смахивают на разночинцев. Ведь Пушкин презирал Кукольника и проч. не только по литературным мотивам, но как аристократ-денди — личности дурного тона.⁶⁴ Подозреваю, что мои предки хорошим тоном не блистали. Но все время Петербург. Богема, искусство, хотя бы и второстепенное, — это наложило особую печать.

V

Детство. Петербург и Лядно

В Петербурге помню себя лет 4-х–5. Живем на Васильевском острове. С тех пор помню особый запах Петербургских лестниц. Сырость, кухонный чад и еще что-то. Запах субстанции города. На дворах сажени березовых и осиновых дров. Снег ранний талый, самое притягательное — Исакиевский собор поднимается золотым куполом и темным гранитом ложится над домами за Невой, когда иду гулять с кухаркой Варей, всегда ищу его.

⁶³ Гавриил Павлович Каменский (1824–1898) — экономист. По справке в словаре Брокгауза и Ефрона, «окончил курс в Петербургском университете. С 1848 г. состоял агентом русского мин. финансов в Лондоне; должность эту занимал до самой смерти; был комиссаром русских отделов на международных выставках в Англии и делегатом на разных конференциях, касавшихся торговых сношений России с Англией и другими европейскими государствами. Помещал много статей в лондонской газете „Times“ и в русских изданиях». Издал исследование: Государственное хозяйство Англии за шесть лет управления тори 1887/88–1892/93 гг. СПб., 1895. Был женат на дочери генерала Николая Михайловича Бороздина (1777–1830) Наталье Николаевне. Упоминаемая Ю. А. Каменским книга: Новый опыт о богатстве народном / Гавриила Каменского, бывшего агента Министерства финансов в Лондоне. СПб., 1856.

⁶⁴ *Пушкин презирал Кукольника.* — Что лежит в основе данного суждения автора, нам не удалось выяснить. Об отношении Пушкина к Н. В. Кукольникову см. в статье Н. Г. Охотина, А. Г. Ранчина: Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 215.

ВЫПУСКНИКИ ТЕНИШЕВСКОГО УЧИЛИЩА
(1905–1912)¹

Первый выпуск (1905)

1. Альмединген Борис Алексеевич (род. 1887)
Впоследствии художник театра, живописец и архитектор. Ум. 1960.
2. Максимов Андрей Васильевич (род. 1887)
3. Монтвиж-Монтвид Виктор Эдуардович (род. 1887)
Правильное написание фамилии: Монвиж-Монтвид. Окончил СПб. Политехнический ин-т (1913). Впоследствии экономист, статистик. Был женат на сестре выпускника училища Б. Б. Синани. Ум. 1946 (по др. данным — 1941). Фото на сайте *GENi*.
4. Соколовский Виктор Иосифович (род. 1887)
Внесен в список выпускников Александровского лицея за 1908 г. (выпуск LXIV). Соколовский Виктор Иосифович. Учетно-судный банк в Персии. Ум. в Тифлисе в 1919 (Императорский Александр. Лицей 1811–1961: Памятная Книжка Лицеистов. Изд. Объед. б[ывших] воспитанников Имп. Александр. Лицея. Neuilly-sur-Seine, б. г. С. 146).
5. Сувчинский Борис Корнилиевич (род. 1887)
После Октября в эмиграции. Ум. 26 июля 1967. Похоронен 31 июля 1967 г. после отпевания в Доме Русского Красного Креста в г. Шельна на кладбище Марли-ле-Руа (Русская мысль. Париж. 1967, 3 авг., № 2646).

¹ В первом абзаце приводятся данные аттестата по архиву училища (Ф. 176. Оп. 3). Во втором — краткие справки о жизни и деятельности. Предположительные сведения предваряются знаком звездочки (*).

Читателей, имеющих дополнения или поправки к данным этого раздела, просим сообщать по адресу agmets@mail.ru с пометой: Тенишевское училище.

6. Шнитников Борис Николаевич (род. 1886)

Окончил Политехнический институт. После Октября в эмиграции вместе с отцом и братом В. Н. Шнитниковым (см. ниже). В 1918 — представитель Русского торгового флота в Гонконге. Жил в Париже, Лондоне, США. Муж художницы Л. Е. Чириковой. Автор казахско-английского словаря. Ум. 1961.

Второй выпуск (1906)

7. Ивашкевич Борис Анатольевич (род. 1889)

Окончил СПб. Лесной институт (1913). Впоследствии специалист по лесоведению и лесоводству, профессор. Ум. 1936.

8. Наливкин Дмитрий Васильевич (род. 1889)

Впоследствии геолог и палеонтолог. Академик АН СССР (1946). Ум. 1982.

9. Неведомский Николай Константинович (род. 1888)

Возможно, сын К. Н. Неведомского, владельца усадьбы в Подобино Бежецкого уезда, род., по др. данным, в 1889. В таком случае жена — Вера Алексеевна Неведомская-Королева, автор воспоминаний о встречах с А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилевым, Д. В. Кузьминым-Караваевым (Головкин А. Н. В краю двух культур. Ржев, 2005. С. 85 след.). Ум. 1935 (<https://www.geni.com/people>).

10. Пертель Борис Владимирович (род. 1888)

11. Пётрович Андрей Всеволодович (род. 1888)

12. Поземковский Владимир Михайлович (род. 1890)

*В дальнейшем офицер Семеновского полка, после Октября — бухгалтер. Дядя композитора Никиты Богословского. Выслан в Оренбург в 1935. Расстрелян в 1937.

13. Путвинский Дмитрий Антонович (род. 1888)

14. Рубакин Александр Николаевич (род. 1889)

Впоследствии врач, писатель. Автор книги воспоминаний «Над рекою времени» (М., 1966). Ум. 1979.

15. Шнитников Всеволод Николаевич (род. 1889)

После Октября в эмиграции вместе с отцом и братом (см. выше).

Третий выпуск (1907)

17. Аршаулов Олег Вадимович (род. 1887)

Получил специальность инженера. После Октября в эмиграции вместе с отцом. Ум. 1954. Отец — Аршаулов Вадим Павлович (1859–1942), видный инженер, изобретатель; преподаватель Института путей сообщения и Технологического института.

18. Зарубин Леонтий Константинович (род. 1889)
19. Каменский Юрий Андреевич (род. 1889)
Родился, по другим данным, в 1888. Окончил Политехнический институт, работал экономистом. Автор воспоминаний: Тыняновский сб. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. М.: Водолей, 2009. Ум. 1956.
20. Кан Макс (род. 1890)
21. Корсаков Иван Павлович (род. 1890)
Отец, П. А. Корсаков (1847–1908), — юрист, депутат I Государственной думы. Учился на романо-германском отделении ист.-фил. факультета СПб университета (окончил в 1913). В 1919 состоял в управлении по делам финансов и торговли Северо-Западной области России. Эмигрировал в Эстонию. Ум. 1940. Именная справка и фото на сайте «Русская Эстония».
22. Кошкаров Борис Алексеевич (род. 1886)
23. Ляндау Феодосий Юлианович (род. 1888)
Брат К. Ю. Ляндау (см. ниже).
24. Мандельштам Осип Эмильевич (род. 1891)
Поэт. Ум. в пересыльном лагере в 1938.
25. Синани Борис Борисович (род. 1889)
Учился на юридическом факультете С.-Петербургского университета. Ум. 1911.
26. Слободзинский Сергей Николаевич (род. 1889)
Чиновник Северо-Западной ж/д. Жена — Евгения Алексеевна (<http://terijoki.spb.ru/f3/viewtopic.php?t=7829&start=1515>). Сын сестры писателя Н. Г. Гарина-Михайловского Анны (Нины) и инженера путей сообщения Н. Н. Слободзинского. Ум. 1920 (по др. данным — в 1920-е гг.), источники указаны: Сальман М. Одноклассники // Рус. литература. 2013. № 4. С. 201 (примеч. 15).

Четвертый выпуск (1908)

27. Барац Владимир Семенович (род. 1889)
28. Бобров Владимир Николаевич (род. 1889)
29. Бунаков Борис Алексеевич (род. 1888)
Место рождения: г. Ленинград. Место проживания: г. Ленинград. Дата расстрела: 8 янв. 1938 г. Место смерти: г. Тула. Осудивший орган: Тройка УНКВД Тульской обл. Приговор: ВМН (http://www.memo.ru/memory/tula/tu_1.htm).
30. Валенков Владимир Николаевич (род. 1889)
После окончания Тениш. уч-ща некоторое время работал преподавателем в нём. Перед Великой Отеч. войной работал преподавателем

- в Бресте. В 1960-е гг. жил в Западной Германии, работал учителем в гимназии. Ум. 1971.
31. Вольф Марк Адольфович (род. 1890)
Впоследствии инженер. Жил в Выборге (с 1918 г. на территории Финляндии). Ум. 1964 в Хельсинки.
32. Жирмунский Виктор Максимович (род. 1891)
Впоследствии филолог, известный ученый; академик АН СССР (1966). Ум. 1971.
33. Изнар Вадим Николаевич (род. 1890)
Сын инженера путей сообщения Н. Н. Изнара, автора воспоминаний; после 1920 в эмиграции (Вопросы истории. 2003. № 11. С. 85).
34. Ильин Георгий Алексеевич (род. 1891)
35. Кантакузин Юрий Павлович, князь (род. 1890)
По неуточненным данным, правильное написание его фамилии — Кантакузен, полное имя — Георгий. Yuri (George) Cantacuzino (Rusia-Basarabia). Дата рождения: 1890. Смерть: около 1921. Отец — Павел Михайлович Кантакузин, кн.
36. Ляндау Константин Юлианович (род. 1890)
Впоследствии театральный режиссер. Эмигрировал в 1920. Автор воспоминаний: *Constantin Peter von Landau-Grüningen*. Richtigte Erinnerungen en Sergej Jessenin // Osteuropa. Stuttgart, 1966. Jg. 16. Hf. 9. S. 585–593. Ум. 1969 в Бельгии. См. также: *Соболев А. Л.* К биографии Константина Ляндау, друга и издателя Мандельштама // Мандельштам — читатель. Читатели Мандельштама / Ред. О. Лекманов, А. Устинов. Б/м: Aquilon Books, 2017. С. 113–152.
37. Надежин Анатолий Алексеевич (род. 1889)
Надежин Анатолий Алексеевич род. 1889, 05.04. Окончил эконом. фак. Лен. Политех. ин-та им. М. И. Калинина (1921). Последнее место работы — мл. бухгалтер Управл. Лен. городских жел. дорог (1923–26). Архив РАН, СПб филиал. Ф. 47. Оп. 004. Д. 219.
38. Надежин Вячеслав Алексеевич (род. 1890)
39. Нечволодов Георгий Платонович (род. 1889)
40. Покровский Корнилий Павлович (род. 1891)
Впоследствии гвардейский офицер, после Октября инженер. Адресат одного из посвящений в книге М. А. Кузмина «Форель разбивает лед». Муж А. Д. Радловой в 1926. Кончил жизнь самоубийством в 1938.
41. Померанцев Андрей Андреевич (род. 1890)
42. Рейнгерц Владимир Аркадьевич (род. 1890)
43. Тахтаров Валерий Михайлович (род. 1889)

44. Турба Орест Васильевич (род. 1888)
 В 1914 — младший штатный контролер Курского акцизного управления. Род. 20 апр. 1888 г. (http://www.fgurgia.ru/old/showObject.do?object=147232928&view-Mode=D_10731&link=1).
45. Фалевич Иван Войтехович (род. 1890)
46. Фербер Михаил Борухович (Борисович) (род. 1890)
47. Яковлев Владимир Николаевич (род. 1890)

Пятый выпуск (1909, 15 мая)

48. Балинский Владислав Казимирович (род. 1889)
49. Бартмер Андрей Петрович (род. 1889)
50. Бенуа Эдуард Юльевич (род. 1889)
51. Бершадский Родион Львович (род. 1889)
52. Галунов Иван Андреевич (род. 1890)
 Дата рождения: 1890 г. Место рождения: Ленинградская обл.
 Национальность: русский. Образование: начальное.
 Профессия/место работы: диспетчер.
 Место проживания: Актюбинская обл., Мартукский район, Мартук пос.
 Где и кем арестован: УНКВД по Актюб. обл.
 Дата ареста: 2 июня 1938 г. Статья: 58-1а УК РСФСР. Приговор: ВМН.
 Дата реабилитации: 24 апреля 1989 г. Основания реабилитации: за отсутствием состава преступления. Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; Сведения ДКНБ РК по Актюбинской обл.; МВД Республики Казахстан.
53. Гильбих Георгий Петрович (род. 1890)
54. Счастнев Сергей Сергеевич (род. 1891)
55. Гримм Сергей Оскарлович (род. 1889)
56. Гойнинген-Гюне Владимир Николаевич (род. 1891)
 Род. 18.10.1891. Окончил морской кадетский корпус (1912). Впоследствии военный моряк, лейтенант (1915). Ст. офицер (пом. командира) эскадр. миноносца «Гавриил» в марте 1919 (*Белобров А. П. Воспоминания военного моряка. М.; СПб., 2008. С. 305*). Погиб 21.10.1919 (<http://офицерыфлота.рф/Men/Details/1420?fid=235>).
57. Дейзенрот Вильгельм Вильгельмович (род. 1888)
58. Дурнякин Анатолий Георгиевич (род. 1891)
59. Лучинский Владимир Владимирович (род. 1889)
60. Мейен Георгий Владимирович (род. 1890)
 Военный. Погиб? Фото на генеалогич. сайте GENi.
61. Олышанский Борис Константинович (род. 1891)

62. Пржисецкий Антон Иосифович (род. 1889)
63. Трёмбовецкий Александр Христофорович (род. 1890)
64. Хренов Дмитрий Александрович (род. 1890)
Брат С. А. Хренова (см. № 181). Во время Гражданской войны — офицер, управляющий Чукотским уездом, исследователь Аляски. Сведения см. в Википедии, статье об отце — А. С. Хренове.
65. Шателен Александр Михайлович (род. 1892)
Ум. (погиб?) 1919 — указ в коммент. А. А. Григорова к письмам к М. М. Шателен. Ум. 1918 (по личн. делу) (<http://kostromka.ru/grigorov/letters/76.php>). Отец — М. А. Шателен (1866–1956) — профессор, основатель и ректор СПб Политехн. ин-та, член-корр. РАН, Герой соцтруда, лаур. Стал. прем. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1168. Л. 18–19).
66. Несмачный Георгий Ильич (род. 1891)
*Впоследствии военный, артиллерист. Находился в Кронштадте во время восстания в марте 1921 г.

Шестой выпуск (1909, 15 мая)

67. Афросимов Георгий Александрович (род. 1890)
*В 1959 г. находился во Франции. Ум. 2.10.1977, похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа в Париже. Генеалог. форум ВГД — <http://forum.vgd.ru/395/74191/>.
68. Балабанов Александр Викторович (род. 1891)
*Ум. 1942 во время блокады Ленинграда.
69. Блох Яков Ноевич (род. 1892)
Впоследствии филолог; основатель издательства «Petropolis». С 1922 в эмиграции. Ум. 1968.
70. Витте Юрий Николаевич (род. 1891)
Впоследствии морской офицер, командир эсминца «Бесстрашный». В войсках Колчака с 1918. Попал в плен и расстрелян в 1920.
71. Вольф Марк Михайлович (род. 1891)
Впоследствии юрист, адвокат. После Октября в эмиграции. Ум. 1987 в Лондоне.
72. Даниэль Борис Евгеньевич (род. 1889)
73. Жарин Сергей Иванович (род. 1889)
74. Жуковский Алексей Михайлович (род. 1892)
После Октября в эмиграции. Ум. в Лондоне (сообщение М. М. Вольфа).
75. Козлов Петр Васильевич (род. 1889)
76. Леман Михаил Петрович (род. 1892)
77. Никольский Евгений Дмитриевич (род. 1891)
78. Розеноер Александр Михайлович (род. 1891)

79. Рубашев Ной Иосифович (род. 1891)
После Октября в эмиграции (сообщение М. М. Вольфа).
80. Соколовский Александр Казимирович (род. 1890)
Имеются сведения, подлежащие идентификации:
Родился в 1889 г., Виленская обл., г. Десна; поляк; Смолтрамвай, г. Смоленск, бухгалтер. Арестован 11 февраля 1938 г. УГБ УНКВД Смоленской области. Приговорен: Особое совещание при НКВД СССР 15 июня 1938 г., обв.: 58-10. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 1 июля 1989 г. Прокуратура Смоленской области.
Источник: Книга памяти Смоленской обл.
81. Чемолосов Борис Степанович (род. 1890)
Имеется информация на сайте РГА ВМФ (Ф. 436. Оп. 2. Ед. хр. 968).

Седьмой выпуск (1910, 25 января)

82. Борман Аркадий Альфредович
Аттестат в архиве отсутствует. Имя установлено по «Записи аттестатов...» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 94). Даты жизни: 1891–1974. Сын А. В. Тырковой-Вильямс от первого брака. Активный участник белого движения. После 1920 в эмиграции.
83. Гейслер Александр Николаевич (род. 1892)
Геолог-петрограф. См.: Рос. гос. арх. экономики. Ф. 588 (Гейслер А. Н. 1892–1977 гг.).
84. Голубятников Владимир Дмитриевич (род. 1892)
Голубятников Владимир Дмитриевич 1892–1955. Д-р геол.-минерал. наук. Жена — Половинкина Юлия Иринарховна (1895–1974).
85. Горвиц Николай Михайлович (род. 1891)
86. Джаксон Михаил Николаевич (род. 1891)
В 1920-е заведовал Статистическим подотделом Учетно-экономического отдела Геологического комитета. Арестован в 1928 по обвинению в принадлежности к контрреволюционной и шпионской организации. Приговорен к расстрелу, заменено на 10 лет лишения свободы. В начале 1930-х, оставаясь заключенным, работал в Особом геологическом бюро в Мурманске (см.: Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999).
87. Дурнякин Георгий Георгиевич (род. 1892)
88. Левинсон Арон Иосифович (род. 1890)
89. Ляховский Ефим Соломонович (род. 1890)
90. Пинес Иоахим Семенович (род. 1891)
91. Полунин Аркадий Павлович (род. 1889)
Учился в Политехническом институте и на юридическом факультете Петербургского университета. Ушел на фронт в 1914. Участник походов

в Восточную Пруссию, Месопотамию и Персию. После 1920 в эмиграции. В 1923 вместе с М. М. Конради был привлечен к суду как соучастник убийства В. В. Воровского. Ум. 1933 в Париже при неясных обстоятельствах (см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин: Человек вне сезона. Биография. Архангельск, 2009. Т. 2. С. 459–460 и предшествующие).

92. Путвинский Иван Антонович (род. 1892)

93. Смуров Анатолий Антонович (род. 1891)

Восьмой выпуск (1910, 20 мая)

94. Ашешов Игорь Николаевич (род. 1891)

Впоследствии бактериолог и вирусолог. После 1920 в эмиграции. Ум. 1961 в Лондоне.

95. Беляев Николай Сергеевич (род. 1891)

96. Гориневский Георгий Валентинович (род. 1892)

Учился на физико-математическом факультете СПб университета, с 1912 — на архитектурном факультете Академии Художеств. Работал архитектором в Москве. Входил в «Орден тамплиеров». Арестован в 1937 по делу «Ордена света». В 1938–1942 в Ухтпечлаге и др. лагерях. В 1951 повторно арестован и сослан в Красноярский край, после освобождения жил в Крыму. Ум. 1966. Автор воспоминаний: *Путь.* 1993. № 3.

97. Захер Яков Михайлович (род. 1893)

Впоследствии известный историк. Ум. 1963.

98. Клойбер Николай Адольфович (род. 1892)

99. Копельман Ефим Соломонович (род. 1890)

100. Маркович Александр Львович (род. 1892)

101. Марсер Петр Павлович (род. 1891)

102. Михайлов Виктор Александрович (род. 1890)

103. Мокеев Александр Николаевич (род. 1892)

104. Островский Аркадий Владимирович (род. 1891)

105. Петерс Евгений Ричардович (род. 1892)

106. Розенталь Николай Николаевич (род. 1892)

Впоследствии доктор исторических наук, автор трудов по истории и научному атеизму. Автор воспоминаний (Ныне размещены в Сети). Ум. 1960.

107. Ростовцев Георгий Николаевич (род. 1893)

108. Фон-Рутцен Александр Александрович (род. 1892)

*В советское время носил фамилию Рутцен. Впоследствии экономист. Расстрелян 1938 по обвинению в шпионаже.

109. Сапожников Сергей Алексеевич (род. 1891)

110. Скобельцын Дмитрий Владимирович (род. 1892)
Впоследствии видный физик-ядерщик, академик АН СССР (1946).
Ум. 1990.
111. Федоров Сергей Петрович (род. 1892)

Девятый выпуск (1911, 27 января)

112. Аверин Иван Иванович (род. 1891)
113. Акерман Борис Александрович (род. 1892)
Годы жизни: 1892–1974 (Википедия на каз. языке).
114. Бруни Николай Александрович (род. 1891)
Сын архитектора А. А. Бруни. Окончил С.-Петербургскую консерваторию по классу фортепиано; поэт. Участник I мировой войны, летчик. Репрессирован (1934), расстрелян в лагере (1938).
115. Изъединов Юрий Львович (род. 1891)
*Вероятно, он же — князь Юрий (Георгий) Львович Дондуков-Изъединов (1891–1967) — поручик лейб-гвардии Гусарского полка. Воевал в Вооруженных силах Юга России. В эмиграции во Франции. Ум. 1967 в Париже.
116. Коленкин Александр Александрович (род. 1893)
117. Котылев Виктор Александрович (род. 1891)
118. Леман Георгий Петрович (род. 1893)
119. Ратьков-Рожнов Владимир Александрович (род. 1893)
120. Тенчинский Феликс Люцианович (род. 1891)
121. Фалевич Фаддей Войцехович (род. 1892)
122. Шумков Владимир Владимирович (род. 1892)
Брат Наталии Владимировны Султановой (урожд. Шумкова). Погиб на фронте в I Мировую войну.
123. Эпштейн Георгий Григорьевич (род. 1890)

Десятый выпуск (1911, 15 мая)

124. Беляев Алексей Яковлевич (род. 1891)
125. Веселаго Георгий Сергеевич (род. 1893)
Окончил Политехнический институт, инженер-гидротехник. Участник строительства Волховской ГЭС, Днепровской ГЭС (награжден орденом Ленина). Гл. инженер «Главгидроэнергопроекта». Погиб в железнодорожной катастрофе в 1937.
126. Виррих Владимир Эрнестович (род. 1893)
Сын архитектора Э. Ф. Вирриха. Учился в Институте гражданских инженеров. Во время Первой мировой войны был послан в Америку для

службы в Военной комиссии и затем поступил в Архитектурную школу Колумбийского университета. После Октября оставался в США.

127. Гаген-Торн Орест Оскарович (род. 1892)
Гагенторн Орест Оскарович. Штабс-капитан л.-гв. Московского полка. В белых войсках Северного фронта. Убит 1919.
128. Гассовский Георгий Николаевич (род. 1893)
*Окончил Морской корпус (1917). Мичман. В Добровольческой армии 1918–1920, штурман канонерской лодки «Терец». лейтенант с 1920. В эмиграции во Франции. Ум. 1934.
129. Дьяконов Дмитрий Михайлович (род. 1893)
Родился 5 (17) октября 1893 г. в семье профессора истории русского права Импер. Юрьевск. ун-та М. А. Дьяконова (1855–1919). Летом 1914 и 1915 гг. работал на Мурманской биологической станции в Екатеринбургской гавани Баренцева моря (г. Александровск). Умер осенью 1923.
130. Журавский Владимир Александрович (род. 1893)
131. Измайлов Николай Васильевич (род. 1893)
Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. С 1924 — заведующий Рукописным отделом Пушкинского Дома. В 1929 арестован и в 1931 осужден по «делу Академии наук». В 1957 вновь назначен заведующим Рукописным отделом. Лауреат Пушкинской премии Академии наук СССР (1980). Ум. 1981.
132. Казин Юрий Петрович (род. 1893)
133. Каменка Георгий Борисович (род. 1894)
Каменка Георгий Борисович (1894.02.17, СПб. — 1974.10.14, Париж). В 1904 г. поступил в Тениш. уч-ще, окончил в 1911 г. Осенью того же года поступил на эконом. фак. Политехн. института. Окончил со званием кандидата экономических наук весной 1917 г. Был командирован в Норвегию и Швецию по делам Красного Креста. Жил в Скандинавии до 1919 г., затем переехал в Париж. В 1912–1924 гг. директор транспортного дела, затем банкир. С 1936 г. жил в Булонь-сюр-Сен. Масон. Похоронен на кладбище Батиньоль (Незабытые могилы... М., 2001. Т. 3).
134. Капустин Николай Николаевич (род. 1892)
135. Коварский Лев Абрамович (род. 1893)
136. Конгейм Владимир Моисеевич (род. 1893)
137. Корольков Михаил Михайлович (род. 1891)
138. Кривошеин Николай Григорьевич (род. 1893)
После Октября в эмиграции в Чехословакии, Аргентине. В конце жизни в Казахстане. Доктор наук, профессор. Ум. 1968 (Википедия на каз. яз.).

139. Левинсон-Лессинг Владимир Федорович (род. 1893)
По другим данным, отчество — Францевич. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. Впоследствии известный искусствовед, сотрудник Эрмитажа. Ум. 1972.
140. Никольский Георгий Александрович (род. 1893)
Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. После Октября эмигрировал в Сербию. Нелегально вернулся в Россию, арестован, умер в тюрьме в 1922.
141. Першин Лев Борисович (род. 1893)
142. Покровский Владимир Павлович (род. 1893)
Брат К. П. Покровского (см. выше). Впоследствии гвардейский офицер. После Октября — инженер-гидролог. Ум. 1974.
143. Сувчинский Петр Петрович (род. 1892)
Впоследствии музыковед, общественный деятель. После Октября в эмиграции. Один из основателей политического движения «Евразия». Ум. 1985.
144. Трифонов Иван Николаевич (род. 1895)
145. Троцкий-Сенютович Николай Сергеевич (род. 1894)
146. Хортик Сергей Яковлевич (род. 1893)
Личные дела в архиве РАН, С.-петерб. отд. Экономист.
Хортик Сергей Яковлевич, 1894 г. р. Место проживания: ул. Марата, д. 40, кв. 11. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно (Блокада, т. 32).
147. Хохряков Александр Алексеевич (род. 1891)
148. Черемшанский Георгий Аполлонович (род. 1892)
Черемшанский Юрий Аполлонович. Окончил Николаевское воен. уч-ще. Вышел в лейб-гвардии Казачий Е. В. полк, в рядах которого провел всю Первую мировую войну. В 1917 в Киеве был председателем Казачьего комитета Юго-Западного фронта. Подъесаул. Оказывал помощь ген. Драгомирову и В. Шульгину в переброске на Дон белых офицеров. Эмигрировал в Китай. Ум. 25 авг. 1965 в Вашингтоне.
149. Черепенников Иван Иванович (род. 1893)
Брат Г. И. Черепенникова (см. ниже).

Одиннадцатый выпуск (1912, 25 января)

150. Быстров Сергей Федорович (род. 1892)
151. Генелес Александр Савельевич (род. 1892)
152. Горвиц Михаил Михайлович (род. 1892)
153. Иконников-Галицкий Николай Петрович (род. 1892)
Впоследствии известный ботаник. Ум. 1942.

- 154. Кестлин Георгий Иванович (род. 1892)
- 155. Кузнецовский Яков Яковлевич (род. 1893)
- 156. Кулеш Михаил Сергеевич (род. 1892)
- 157. Сапожников Алексей Алексеевич (род. 1893)

Двенадцатый выпуск (1912, 20 мая)

- 158. Беккер Сергей Борисович (род. 1894)
- 159. Берман Лазарь Васильевич (Вульфович) (род. 1894)
Окончил Петроградский университет (юридический факультет). Впоследствии поэт и писатель. Ум. 1980.
- 160. Бронштейн Абрам Михайлович (род. 1894)
- 161. Валенков Александр Николаевич (род. 1894)
*Ум. 1941 во время блокады Ленинграда.
- 162. Васильев Владимир Михайлович (род. 1894)
Был дипломатом, после Октября в эмиграции (сообщение Л. В. Розенталя).
- 163. Вилькорейский Федор Альбертович (род. 1895)
Погиб на фронте в 1918 (сообщение Л. В. Розенталя).
- 164. Герцман Лев Игнатьевич (род. 1896)
После Октября в эмиграции, репатриировался, стал членом ВКП(б) (сообщение Л. В. Розенталя).
- 165. Гржмелевский Стефан Владиславович (род. 1892)
- 166. Изнар Николай Сергеевич (род. 1893)
- 167. Каминка Александр Августович (род. 1894)
Отец — Август Исаакович Каминка (1865–1940), профессор права, член ЦК партии кадетов; после Октября в эмиграции, сотрудник редакции газ. «Руль».
- 168. Кан Георгий Иосифович (род. 1895)
- 169. Коллонтай Михаил Владимирович (род. 1894).
Сын А. М. Коллонтай от первого брака. Ум. 1958.
- 170. Комаров Владимир Александрович (род. 1894)
- 171. Кривский Георгий Леонидович (род. 1894)
- 172. Купрянов Николай Николаевич (род. 1894)
Впоследствии известный художник-график. Погиб в 1933.
- 173. Лишнеvский Борис Александрович (род. 1893)
Брат Веры Александровны Лишнеvской, жены основателя «Бродячей собаки» Б. К. Пронина (сообщение Л. В. Розенталя).
- 174. Малышев Владимир Николаевич (род. 1895)

175. Матковский Георгий Николаевич (род. 1892)
Матковский Георгий Николаевич, 1892 г. р. Место проживания: ул. Восстания, д. 40/18, кв. 52-а. Дата смерти: февраль 1942. Место захоронения: Пискаревское кладб., братская могила 9 (Блокада, т. 19).
176. Петров Борис Аркадьевич (род. 1893)
177. Петров Семен Александрович (род. 1894)
178. Розенталь Лазарь Владимирович (род. 1894)
Впоследствии искусствовед, автор воспоминаний о Тенишевском училище, см. его книгу «Непримечательные достоверности» (М., 2010). Ум. 1990.
179. Ухтомский Александр Александрович (род. 1892)
Во время I мировой войны — офицер-артиллерист, в гражданской войне — на стороне красных. Впоследствии работал бухгалтером. Ум. 1966.
180. Храбров Олег Николаевич (род. 1894)
181. Хренов Сергей Александрович (род. 1893)
Брат Д. А. Хренова (см. выше). Погиб на фронте в 1917 (сообщение Л. В. Розенталя).
182. Черемшанский Сергей Аполлонович (род. 1894)
183. Черепенников Александр Андреевич (род. 1894)
184. Черепенников Григорий Иванович (род. 1894)
Отец — владелец гастрономического магазина. После Октября вместе с семьей в эмиграции в Стамбуле. Ум. после 1973.
185. Яковлев Михаил Николаевич (род. 1893)

К БИОГРАФИИ

АКМЕИСТЫ: ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГРУППЫ

ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ акмеистов состоялось во Всероссийском Литературном обществе (ВЛО) 25 апреля 1914 года. Содержательные сведения о нем стали известны после того, как были обнаружены три газетных отчета об этом заседании, которые приводим в начале.

*<Аноним> Литературное общество
(Петербург. курьер. 1914. 27 апр.)*

«Последние заседания Литературного общества неизменно посвящаются всестороннему ознакомлению с новейшими течениями в русской литературе.

В пятницу, 25 апреля, выступил ряд виднейших представителей отколовшейся от символистов группы, именующих себя акмеистами. Вступительный чисто теоретический доклад об „аналитическом и синтетическом искусстве“ сделал Н. Гумилев.

Интересным было выступление Сергея Городецкого, уже не в первый раз возвещающего оригинальные „манифесты“ акмеистов.

— Пришедшие на смену предыдущим поколениям акмеисты, — говорит Сергей Городецкий, — с полным правом могли повторить историческую фразу: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет“. Состояние русской литературы было до крайности плачевным. Поняв всю ответственность исторически возложенной на них миссии, акмеисты с места в карьер приступили к „очистительной“ работе, и вот теперь, полтора-два года

Впервые: Пятые Тыняновские чтения: Тез. докл. и материалы для обсуждения. Рига, 1990, под названием «Эпизод истории акмеизма».

спустя, они имеют полное право сказать, что для очищения русской литературы ими сделано очень и очень много.

Чтобы поставить русскую литературу на должную высоту, акмеистам придется еще много поработать, поле их деятельности безгранично широко. Но, избрав единственно верный путь, они „наведут порядок“ в русской литературе.

— Есть, — скромно считает С. Городецкий под громкий смех всего собрания, — лишь две личности, которые могли бы очистить литературу: ваш покорный слуга и Алексей Толстой.

Часть собрания громко возмущается, другая часть добродушно хохочет над этими новоявленными пророками.

Гораздо интереснее было послушать несколько действительно талантливых стихотворений, прочитанных самими авторами: С. Городецким, М. Зенкевичем, О. Мандельштамом и другими. <...>

*Агасфер.¹ В «Литературке»
(Воскрес. веч. газета. 1914. 27 апр.)*

«Последнее очередное собрание Всероссийского Литературного общества <...> можно назвать одним из наиболее оживленных. Чувствовался задор, энергия, живучесть той свежей массы, которая ворвалась в „Литературку“ вместе с молодежью.

Надо ведь сознаться — „стариками“ были бессильны сами в поползновении оживить общество, была инициатива, желание, но не было силы, физической и духовной возможности, нужно было расшевелить, взбудоражить братьев-писателей, и это сделала молодежь.

Права ли она, ошибается ли, — вопрос другой, — но Литературное общество оживилось... Даже развеселилось; кряхтя и охая, засмеялись старички и старушки, расхохоталась возмужалость, загудела молодежь, когда Н. Гумилев десятиэтажным штилем начал давить реализм, издеваться над символизмом и превозносить, как манну небесную, акмеизм...

Весело было, и весело потому, что жалко было молодого г. Гумилева, так неудачно строившего свои доказательства в докладе „Искусство аналитическое и синтетическое“.

Стыдно было, что такой серьезный вопрос остался туманным, непродуманным и, в конце концов, заматытым... Конечно, с другой стороны, нельзя же было требовать от г. Гумилева серьезных вещей...

¹ Псевдоним Иосифа Яковлевича Воронко (1881–1952). См. справку о нем: Тименчик Р. Д. К вопросу о библиографии В. И. Нарбута // De visu. 1993. № 11. С. 56. Справка в «Википедии».

Не менее смехотворным было выступление молодых людей, г. г. Зенкевича и Мандельштама, — последний буквально провалил всё „дело“, начатое было г. Гумилевым.

В итоге „отец“ акмеизма — Сергей Городецкий вызвал бурю заявлением, что, мол, до сих пор русская литература, и в частности поэзия, „была велика и обильна, но порядка в ней не было, а мы, мол (акмеисты), пришли теперь и уже навели кой-какой порядок“. Утюжил г. Городецкий Леонида Андреева, валял Ф. Сологуба, чистил А. Ремизова и С. Ценского, хвалил А. Толстого и т. д., и было весело. Да и кому неизвестно, кем и чем только до сих пор не был г. Городецкий, — не перечить, — простится ему и его новое самозванство.

Весьма дельное отеческое внушение сделал А. М. Редько, отвечавший злополучным акмеистам. <...>».

<Аноним>. *Акмеисты, футуристы, стилизаторы и пр.*
(День. 1914. 27 апр.)

«На этот раз поэты-акмеисты сдержали свое слово, данное совету Литературного общества,² и явились к докладу Н. Гумилева почти в полном составе.

Акмеизм, представленный, кроме докладчика, Сергеем Городецким, Мих. Зенкевичем и О. Мандельштамом, выступил в полной боевой готовности и дал генеральное сражение символистам, реалистам, стилизаторам и футуристам. К сожалению, никто из них „боя“ не принял: символисты, футуристы и стилизаторы блистали своим отсутствием, а реалисты-критики, которым особенно достается не только, впрочем, от акмеистов, но и символистов (доклад А. Н. Чеботаревской³), хранили молчание, прерванное один лишь раз просьбой: вместо теоретических рассуждений о композиции и эйдологии дать несколько живых образцов акмеистической поэзии.

Таким образом, доклад г. Гумилева (искусство аналитическое и синтетическое) особенных споров не вызвал, и выступления Городецкого, Зенкевича и Мандельштама лишь дополнили докладчика, который устанавливает следующее: футуризм есть прямое развитие символизма, вследствие единства их

² Подразумевается произошедшее на заседании ВЛО 7 марта 1914 года, об этом см. ниже.

³ Доклад состоялся 21 марта 1914 г. См.: *Чеботаревская Ан. Н. Критика на критику // Дневники писателей. 1914. № 2.*

аналитического метода; метод акмеизма синтетичен, и, наконец, как общественное явление, акмеизм выступил на смену боваризму XIX века (мечта о преображенной жизни).⁴ При этом символисты не обладают способностью „действовать“ на нас и без особого напряжения воли поняты быть не могут — что, естественно, нервирует читателя, восстанавливает его против поэта. Что же касается футуризма, то он представляет очень благодарный материал с точки зрения экспериментальной психологии, но, разумеется, к поэзии, к действенным отношениям между людьми никак не относится.

Талантливый Михаил Зенкевич выступил с декларацией культурных прав акмеизма. Если хотите, назовите акмеиста неореалистом. Такое название для него почетнее названия символиста или романтика. Но этот „неореализм акмеизма“ не имеет ничего общего ни с обывательским реализмом, ни с подновленным академизмом парнасцев. Представить явление во время его наибольшего напряжения изнутри, наибольшей готовности ко взрыву, а снаружи подвергнуть его давлению, во много раз превышающему давление воздушного столба над землей, — вот задача для акмеиста, и такой идеал наиболее соответствует современной культуре. Атлантами этой новой мировой культуры будут великие страны Азии и одной из первых наша Россия.⁵

Сергей Городецкий был куда менее теоретичен. Дело обстоит очень просто: акмеисты приняли призыв „земля наша велика

⁴ Термин «боваризм» (от имени главной героини романа Флобера «Госпожа Бовари») ввел французский эссеист и философ Жюль де Готье (1858–1942). Означает потерю способности проводить четкую грань между действительностью и фантазией, когда факты реального мира подменяется воображаемыми. Термин использовал ранее И. Анненский в статье «Бальмонт-лирик», вошедшей в «Книгу отражений» (1906), см.: *Анненский И. Ф.* Книги отражений М., 1979. С. 101). На прошедшем раньше диспуте в Психоневрологическом институте 8 февраля 1914 года, Гумилев также говорил, что «символизм есть в сущности боваризм, стремление к недоступному. Символизм бежит от жизни и действия, в то время как мы все стремимся к действию» (*Болтянский Г.* Литературный диспут // Жизнь студентов Психоневрологического института. 1914. 12 февр. С. 2). Мандельштам писал о методе Флобера и «Госпоже Бовари» в статье «Девятнадцатый век» (1921). Диспут 8 февраля имел программный характер, на нем выступил также С. Городецкий, направив свою критику на «реалистический роман» (что смыкается с выступлением на ту же тему В. А. Чудовского, см. ниже в тексте статьи).

⁵ В этом месте корреспондент цитирует авторский текст декларации Зенкевича: согласно устному сообщению М. А. Зенкевича (Р. Д. Тименчику), один из корреспондентов взял у него текст декларации и включил в свой отчет. Благодарим Р. Д. Тименчика как за помощь в подготовке, так и за инициативу в осуществлении первой публикации статьи.

и обильна, но порядка в ней нет“. Акмеисты пришли и „кой-какой порядок уже навели“.

Эффект получился неотразимый — собрание „засмеялось смехом“, какого давно не слышали стены Литературного общества.

А затем следовала декламация акмеистических стихов, за которые особенно горячо благодарили Сергея Городецкого».

Несколько слов о самом обществе. Основатели ВЛО вели генеалогию от Союза взаимопомощи русских писателей при Русском Литературном обществе (1896–1901). После перерыва оно возобновилось как «СПб Литературное общество» (1907–1911), а затем преобразовалось в ВЛО (1912–1914). Сколько-нибудь очерченной программы общество не имело. Вот образчик «целей общества» провозглашенных на одном из этапов его существования (1907): «1) сближение, общение и объединение деятелей всех отраслей литературы на почве литературных интересов; 2) всестороннее содействие развитию и процветанию литературы». Намечалась также и «разработка вопросов чисто профессионального характера». Деятельность общества, ядро которого составляли представители литературно-общественных течений последней четверти прошлого века (почему и были названы в одном из приведенных выше отчетов «стариками»), направлялась его советом, председателем которого в 1914 г. был Ф. Д. Батюшков, заместителем председателя — В. Я. Богучарский-Яковлев, секретарем — К. И. Диксон. Правление ВЛО, как было отмечено в одном из отчетов, стремилось «оживить» деятельность общества, предоставляя на своих заседаниях место для докладов о «новейших течениях в русской литературе». Так, в 1913 году в ВЛО были прочитаны доклады: Ф. Д. Батюшкова «О поэзии Валерия Брюсова», Д. С. Мережковского «Религиозное народничество», М. П. Неведомского «Вступление к беседе о новейшей русской литературе», Г. И. Чулкова «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет». В 1912–1914 годах расширился состав общества. Из литераторов символистского круга его членами стали Ф. К. Сологуб, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Вл. В. Гиппиус, В. И. Гедройц, Д. В. Философов, Е. А. Зноско-Боровский, С. Л. Рафалович, В. А. Чудовский, В. А. Пяст, С. М. Городецкий, Ан. Н. Чеботаревская. Н. С. Гумилев и О. Э. Мандельштам были избраны членами ВЛО за неделю до выступления, 18 апреля 1914 г.⁶

⁶ Все приведенные выше сведения о ВЛО почерпнуты из «Отчетов Всероссийского Литературного общества» за 1912 и 1913 годы (СПб. 1913; СПб. 1914).

Акмеисты уже выступали в ВЛО 15 февраля 1913 года — во второй раз в «зиму Sturm und Drang акмеизма»⁷ — и были встречены в общем доброжелательно,⁸ почему и через год избрали для выступления ту же аудиторию. В целом же провозглашение акмеизма сочувствия не вызвало, а самым болезненным ударом для акмеистов стал вердикт Валерия Брюсова: «Всего вероятнее, через год или два не останется никакого акмеизма. Исчезнет самое имя его».⁹ Уже вскоре в рядах группы началось брожение. 7 июня 1913 года В. И. Нарбут писал М. А. Зенкевичу из Петербурга:

«<...> О Манделе — ни слуху, ни духу.

О Гумиляе — тоже.

Впрочем, ни о ком я так не беспокоился и не беспокоюсь, как о тебе.

Мы ведь — как братья. Да оно и правда: по крови литературной мы — такие. Знаешь, я уверен, что акмеистов только 2:

⁷ Согласно определению Ахматовой: «В зиму Sturm und Drang акмеизма мы несколько раз выступали как группа. Гум<илев> и Гор<одецкий> читали доклады» (Ахматова А. Автобиографическая проза / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Р. Д. Тименчика // Лит. обозрение. 1989, № 5. С. 7). Первое выступление состоялось 19 дек. 1912 г. в «Бродячей собаке».

⁸ Ведущие деятели ВЛО, литераторы народнической и социал-демократической формации, увидели в творчестве акмеистов возврат к реализму. См.: Львов-Рогачевский В. Л. Символисты и наследники их // Современник. 1913. № 7. Он же. Символисты и адамисты // День. 1913. 23 февраля. Он же и через год повторял: «Выступление адамистов-акмеистов — это признание победы реализма» (Современник. 1914. № 2. С. 111). М. Неведомский определил акмеизм как явление «неореализма» (другим явлением неореализма он назвал «Ночные часы» А. Блока) в статье «Еще год молчания» (За семь дней. 1913. № 1. С. 12). О развернувшейся дискуссии см.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Rus. literature. 1974. № 7/8. С. 33 (примеч. 36). В аспекте обсуждавшегося вопроса о соотношении акмеизма и реализма симптоматична фраза Нарбута из приведенного ниже его письма к Зенкевичу от 7 июня 1913 г.: «А мы — и не акмеисты, пожалуй, а — натуралисто-реалисты». Ср. также в позднейших воспоминаниях одного из членов Цеха поэтов: «Публика, литературная улица, посмеялась над словами „цех поэтов“, „акмеизм“ и т. д., но, в общем, приняла новаторов с сочувствием куда более искренним, чем их учителей — символистов. Уклон к реализму был публике по душе: символизм с его религиозным и мистико-философским одушевлением должен был остаться поэзией для немногих. Совет — избегать крайностей — подкупил даже такого критика старого закала, как Неведомский. Старая школа торжествовала победу: молодежь образумилась» (Гиппиус Вас. Вл. Цех поэтов // А. Ахматова. Десятые годы. М., 1989. С. 83–84. См. также: Лит. наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 415).

⁹ Брюсов В. Я. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Рус. мысль. 1913. № 4. С. 142. То же // Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, ст., рец. / Сост. Н. А. Богомолов, Н. А. Котрелев. М., 1990. С. 400).

я да ты. <...> Какая же Анна Андреевна — акмеистка, а Мандель? Сергей — еще туда-сюда, а о Гумилеве — и говорить не приходится. Не характерно ли, что все, кроме тебя, меня да Манделя (он, впрочем, лишь из чувства гурмана), боятся трогать Брюсова, Бальмонта, Сологуба. Иванова Вяч<еслава> Гумилев даже по головке погладил. Совсем как большой, как папа, сознающий свое превосходство в поэзии. Верить ли, Миша, — это — всё — не то, что нужно; это — все, и Гум, и Гор<одецкий>, лгут, шумят оттого, чтобы о них тараторили.

Господь с ними! Какие уж они — акмеисты!

А мы — и не акмеисты, пожалуй, а — натуралисто-реалисты».¹⁰

Осенью, когда после летнего перерыва возобновилась литературно-художественная жизнь Петербурга, в группе наметились черты раскола. Сезон проходил под знаком крепнувшего футуризма, и к этому времени относится давно известное мемуарное свидетельство Георгия Иванова о том, что в 1913 году Мандельштам «до того бурно увлекся кубофутуризмом, что едва не перешел в их группу».¹¹ Сейчас оно конкретизируется как опубликованной недавно записью устных воспоминаний М. А. Зенкевича,¹² так и письмом к последнему В. И. Нарбута:

¹⁰ *Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма / Сост., подгот. текста, примеч. М. Котовой, С. Зенкевича, О. Лекманова. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 239–240.*

¹¹ *Иванов Г. В. Собр. соч.: в 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 619.*

¹² «В это время у нас велись переговоры о блоке между левыми акмеистами и футуристами. И там (на лекции К. Чуковского. — А. М.) должен был выступить Мандельштам от акмеистов. Мы с ним вместе кое-что работали к выступлению, но основное он сам всё сделал <...> Они хотели, чтобы туда вошли я, Нарбут и Мандельштам, и тогда соглашались блокироваться. Посредником был брат Бурлюка, Николай Бурлюк <...> Тут (на лекции К. Чуковского о футуризме. — А. М.) теоретически, не только со стихами, выступал Мандельштам. Он ко мне прибежал и говорил: „Я у них был... я их видел... Это такая богема, богема, знаешь... Я заново переписал свое выступление“ — и так далее. И вот он там выступал. По-другому уже выступал, знаете, как он обычно — с апломбом несколько таким» (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002. С. 26–28). Составители книги О. и М. Фигурновы датируют лекцию Чуковского ноябрем 1913 года (Указ. соч. С. 26), когда в прениях по лекции в Тенишевском зале выступал Маяковский (точная дата — 5 ноября); это предположение — одно из вероятных: ту же лекцию Чуковский впервые прочитал в Петербурге 5 октября (и Маяковский в тот день также выступил в прениях) и повторил 13 октября. О выступлении Мандельштама в прениях по лекции Чуковского сведений из других источников не имеется.

«17/XII <1913>

Милый Миша,

Пишу тебе, излагая те мысли, которые родились у меня после твоего последнего письма. Так. — О сближении с кубофутуристами. Думаю следующее: их успех основан главным образом на скандале (это — безусловно), и при том чисто практическом (т. е. на выступлениях с руганью). Я, конечно, не имею ничего против их литературной платформы. Даже больше: во многом с ней согласен. Поистине, отчего не плюнуть на Пушкина? <...> Антиэстетизм мной, как и тобой, вполне приемлем, при условии его живучести. На днях я пришлю тебе стихи, из которых ты увидишь, что я шагнул еще дальше, пожалуй, в отношении грубостей. И помнишь, Миша, мы говорили о необходимости, чрезвычайно необходимом противоядии Брюсовщине (и Гумилеву, добавлю). Так вот что: шагай дальше. Туда же идут и кубисты. Разница между ними и нами должна быть только в неабсурдности. Нельзя же стихи писать в виде больших и малых букв — только! Следовательно, почва для сближения между ими и нами (тобой и мной), безусловно, есть. Завяжи с ними небольшую дружбу и — переговоры с ними как следует. Я — согласен и на слияние принципиальное. Мы — так сказать — будем у них центром. <...> На акмеизм я, признаться, просто махнул рукой. Что общего (кроме знакомства), в самом деле, между нами и Анной Андр., Гумилевым и Городецким? Тем более что „вожди“ (как теперь стало ясно) преследовали лишь свои цели. <...>

Относительно издания сборников — тоже вполне согласен: да, нужны — и твой, и мой. Можно и вместе (хорошо бы тогда пристегнуть стихи какого-нибудь примкнувшего к нам кубиста). Мандель мне не особенно улыбается для этой именно затеи. Лучше Маяковский или Крученых или еще кто-либо, чем такой тонкий (а Мандель, в сущности, такой) эстет». ¹³

Должно быть, колебания Мандельштама в эти месяцы были известны В. Пясту, поскольку он в своей лекции 7 декабря 1913 г. выделил его (наряду с Ахматовой и Северяниным) в качестве

¹³ Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Указ. соч. С. 242–243. Год написания устанавливается по факту обсуждения в письме стихотворения Зенкевича «Бык на бойне», вскоре напечатанного в № 9/10 журнала «Гиперборей», вышедшем весной 1914 года – эта часть письма нами опущена. В. И. Нарбут жил в это время на хуторе Нарбутовка Глуховского уезда Черниговской губернии. Как видно по тексту письма, оно является ответным; письма Зенкевича Нарбуту не сохранились.

поэтов «вне групп»,¹⁴ а чуть позже писал о Мандельштаме как о «приписанном к акмеизму».¹⁵

Союз с кубофутуристами у Зенкевича, Нарбута и Мандельштама не состоялся, Гумилеву и Городецкому как-то удалось вновь сплотить ряды группы, и 16 января 1914 года Гумилев, Городецкий и Мандельштам вместе «ломали копыя в защиту акмеизма» в прениях по лекции Г. Чулкова «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет»,¹⁶ а на 14 февраля было намечено выступление акмеистов в ВЛО.¹⁷ В назначенный день выступление не состоялось и было перенесено на 7 марта; это последнее освещалось в газетном отчете:

«Совершенно исключительной вышла последняя „пятница“ Литературного общества — и по небрежному отношению Н. Гумилева к той обязанности, которую он взял на себя, обещав Совету прочитать доклад об искусстве аналитическом и синтетическом, и по бесцеремонности некоторых „акмеистов“, которые должны были иллюстрировать теоретические и принципиальные споры об акмеизме, побеждающем символическую поэзию, своими стихотворениями, и, наконец, по „оригинальности“ метода расправы с символистами Сергея Городецкого, выступившего с „критикой критики“ акмеистического творчества.

Перед собранием Литературного общества должна была пройти целая плеяда акмеистов — Гумилев, Мандельштам, Анна Ахматова, Мих. Зенкевич. И та задача, которую поставил себе Сергей Городецкий, — доказать „зубоскальство и провинциальную обывательщину“, преподнесенные критиками акмеизма вместо истинного слова суждения и разбора, — должна была явиться достойным завершением акмеистического парада.

¹⁴ Тезисы лекции были помещены в газете «Речь» (1913. 7 дек.), см также: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник-1983. Л., 1985. С. 218. Отчеты публиковались: День. 1913, 8 дек.; Речь. 1913, 9 дек. Содержание лекции отразилось также в записи дневника И. В. Евдокимова (Лит. наследство. 1982. Т. 93, кн. 3. С. 426, 427). В своей лекции Пяст обсуждал и «теорию» «слова как такового» Крученых, что было намечено в тезисах: «Постепенное освобождение искусства слова от посторонних ему задач. Критика достижений и устремлений русских поэтов-будетлян. Умерла ли Психея».

¹⁵ Отклики: Лит. Искусство. Наука. Прилож. к № 8 газ. «День». 1914. № 1. 9 янв.

¹⁶ Щ. Искусство и жизнь: (Лекция г. Чулкова) // День. 17 янв. С. 3.

¹⁷ Дата устанавливается по письму Н. В. Недоброво к А. Г. Горнфельду (члену правления ВЛО) от 11 февр. 1914 г.: «Как слышно, 14-го в пятницу в Литературном обществе Гумилев и Городецкий будут делать доклады об акмеизме. Мне бы очень хотелось на них присутствовать, но, не зная порядков Общества, я не знаю, как это устроить. <...>» (РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 412. Л. 1).

Увы! Ни докладчик Гумилев, ни его иллюстраторы из „цеха поэтов“ не только не явились засвидетельствовать, что символизм больше не существует, но не предупредили даже об этом совет Литературного общества, и извиняться за „невыполненную программу“ пришлось, разумеется, Ф. Д. Батюшкову.

Таким образом, весь „вечер об акмеизме“ был сведен к тому, что г. С. Городецкий, указав на воспитательное значение акмеизма для некоторых „потерявших образ и подобие человеческие“ футуристов и на скромность как на заслуживающую особой признательности черту акмеистов, — отчитывал своих критиков, явивших образец „искусства непонимания“.

И при этом дело не обошлось без „крепкого словца“, правда, не по адресу критики, а по адресу того ныне сметенного литературного течения, на месте которого воцарился акмеизм.

В литературный спор г. Городецкий впутал... провокацию, и не какую-нибудь, а „величайшую“, т. е. самого Азефа. И „несуразные стены“ помещения Литературного общества, как выразился поэт-акмеист, наполнились возгласами негодования и протеста.

Отстоять акмеизм, — полагает г. Городецкий, — значит ошельмовать символизм. И линия мышления намечается у Сергея Городецкого такая: символизм, дуализм — двуличие — Азеф. Символизм в этике есть зыбкость нравственных устоев. Отсюда: величайшим символистом современности является... Азеф.¹⁸

<...> Слышались требования взять слова об Азефе-символисте назад, но г. Городецкий не пожелал отказаться от авторства и, еще раз „проанализировав метод символизма“, заявил, что „символисты напрасно волнуются“.

Расхлебывать так неудачно заваренную кашу пришлось опять-таки Ф. Д. Батюшкову, который предложил отложить прения до следующей пятницы, когда явятся, может быть, г. Гумилев и другие акмеисты и поединок пройдет под знаком исключительно принципиальных и критических рассуждений, без уклонения в сторону провокации.¹⁹ И все же Сергей Городецкий доставил многочисленному собранию большое удовольствие, когда читал свои стихи». ²⁰

¹⁸ Об этом выпаде Городецкого Ал. Ник. Чеботаревская сообщила Блоку, см.: Блок А. А. Записные книжки. М., 1965. С. 215. Выступление Городецкого на этом заседании отражено и в отчете «Биржевых ведомостей», где были поименованы выступившие в прениях В. Пяст, А. Кремлев, К. Лонгвинович (Утренний вып. 1914, 8 марта. С. 6).

¹⁹ Продолжение состоялось не на следующем заседании, как предполагал Ф. Д. Батюшков, а через полтора месяца — 25 апреля.

²⁰ День. 1914, 9 марта. С. 6.

То, что Городецкий оказался на этом заседании один и вынужден был солировать — следствие его ссоры с Гумилевым. По письмам, которыми они обменялись 16 апреля 1914 года,²¹ и по данным из приведенных выше газетных отчетов можно судить о времени, которое ссора длилась, — с февраля по апрель. Временное примирение все же было достигнуто, и выступление группы состоялось — что показательно, как раз в первую годовщину появления брюсовской статьи. Возвращаясь снова к дате 25 апреля 1914 года и к газетным отчетам об этом дне, отметим, что на заседании ВЛО в этот день каждый из акмеистов²² начинал свое выступление с программной декларации. Выступления Гумилева, Городецкого, Зенкевича отчеты отразили достаточно содержательно, а выступление Мандельштама, засвидетельствованное в двух отчетах, — одной лишь невразумительной репликой о том, что он «буквально провалил все „дело“, начатое было г. Гумилевым» (в «Воскресной вечерней газете»). Что мог иметь в виду корреспондент?

За ответом следует прежде всего обратиться к программному тексту Мандельштама, который к этому времени уже был создан — «Утро акмеизма». Он начинается следующей фразой: «При огромном эмоциональном волнении, связанном с произведениями искусства, желательно, чтобы разговоры об искусстве отличались величайшей сдержанностью». Этот призыв к «сдержанности» и мог прозвучать диссонансом акцентированно-полемическим выступлениям Гумилева и Городецкого, и реплика корреспондента о «провале дела» в отчете в таком случае выглядит мотивированной. Но «Утро акмеизма» попадает в контекст прошедшего выступления шире.

Тезис Гумилева о том, что «футуризм есть прямое развитие символизма, вследствие единства их аналитического метода» (из отчета в газете «День»), — недавний, он заменил провозглашенное год тому назад в программном манифесте положение о том, что именно акмеизм идет «на смену символизма» и должен «принять его наследство».²³ В новом тезисе, вопреки объективности,

²¹ См.: Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46, вып. 1. С. 70–71.

²² Как видно из отчетов, группа выступала не в полном составе: В. И. Нарбута не было тогда в Петербурге, Ахматова в этом выступлении участия не приняла.

²³ Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42 (То же // Соч.: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 17). Следует отметить, что новый тезис Гумилева в определенной мере совпадал с оценкой В. Л. Львова-Рогачевского,

сказалась реакция на уничтожительную статью Брюсова,²⁴ где Брюсов, негируя акмеизм («выдумка, прихоть, столичная причуда»), в то же время нашел «историческое оправдание» футуризму; была в тезисе и доля эпатажа, поскольку футуристы только что, в феврале, выступили с манифестом «Идите к черту!», где были осмеяны, между прочими, Федор Сологуб и «Василий» Брюсов.²⁵ Точно соответствующий новому тезису Гумилева пассаж обнаруживается в «Утре акмеизма»: «Футурист, не справившись с сознательным смыслом как с материалом творчества, легкомысленно выбросил его за борт и по существу повторил грубую ошибку своих предшественников» (т. е. символистов). Другое место в «Утре акмеизма» ясно корреспондирует с декларацией Зенкевича. Зенкевич, согласно цитате в отчете «Дня», писал в «Декларации культурных прав акмеизма»: «Представить явление во время его наибольшего напряжения изнутри <...> а снаружи подвергнуть его давлению, во много раз превышающему давление воздушного столба над землей, — вот задача для акмеиста, и такой идеал наиболее соответствует современной культуре». В «Утре акмеизма» читаем: «Но слишком часто мы упускаем из виду, что поэт возводит явление в десятизначную степень и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает». Декларацию Зенкевича и «Утро акмеизма» сближают также отзвуки прошлогодней дискуссии о чертах реализма в акмеизме,²⁶ в первой: «Если хотите, назовите акмеиста неореалистом», во втором: «Он (художник. — А. М.) не хочет другого рая, кроме бытия, и когда ему говорят о действительности, он только горько усмехается, потому что знает бесконечно более убедительную действительность искусства». Тематическая перекличка двух деклараций соотносится с приведенными выше данными о личном сближении Зенкевича и Мандельштама осенью 1913 года, когда они сообща искали контактов с кубофутуристами.

который в своем докладе «Символизм и реализм» в Психоневрологическом институте 8 февраля 1914 г. (в диспуте по которому, как уже упоминалось нами, выступил Гумилев) назвал футуризм «возвратным тифом символизма», поскольку в нем проявились «выводы и крайности символизма» (Болтянский Г. Указ. соч. С. 1).

²⁴ Как известно, Гумилев рассчитывал на его поддержку — см. письмо В. Я. Брюсову от 28 марта 1913 г. (Лит. наследство. 1994. Т. 98, кн. 2. С. 512).

²⁵ Идите к черту! / Д. Бурлюк, А. Крученых, Б. Лившиц и др. // Рыкающий Парнас. [СПб., 1914]. Вкл. лист перед с. 1.

²⁶ См. примеч. 8.

Попутно отметим еще некоторые мотивы «Утра акмеизма». Здесь в главке IV читаем: «Средневековье, определяя по-своему *удельный вес* человека <...> признавало его за каждым <...> есть сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия», что точно корреспондирует с первым манифестом Гумилева: «Для нас иерархия в мире явлений — только *удельный вес* каждого из них, причем вес ничтожнейшего все-таки неизмеримо больше отсутствия веса, небытия, и поэтому перед лицом небытия — все явления братья».²⁷

Необходимости «чувства граней», заявленной в «Утре акмеизма» (главка VI), требовал также и В. А. Чудовский, на короткий период в начале 1913 года солидаризовавшийся с акмеистами:

«В предвзятой, неизменной „экзотике“ не может быть того, что мы называем акмеистической *полнотой*.

И вот перед новой эпохой, начало которой исповедуем мы, лежит большая и прекрасная задача <...> создать новый, *акмеистический*, т. е. вершинный роман. <...>

В искусстве мы прежде всего требуем определенных *граней*, а современный историзм грани отрицает».²⁸

Глагол «быть» («существовать»), дважды акцентированный в отглагольных существительных «бытие» и «небытие» в формуле «высшей заповеди акмеизма» («Утро акмеизма», главка IV), выражен знаком равно (=) в законе тождества (читается: А есть А), о котором поэт говорит, развивая мысль, в следующей главке: «А=А: какая прекрасная поэтическая тема. Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом». Под «поэтической темой» здесь подразумевается традиция поэтических конструкций «Есть... есть...»: «Есть наслаждение и в дикости лесов, Есть радость на приморском бреге» у Батюшкова, «Певучесть есть в морских волнах, Гармония в стихийных спорах» у Тютчева (который дает немало таких примеров). Тема «закона тождества» дает некоторый ориентир для датировки статьи: 5 сентября 1913 года Мандельштам сдал университетский экзамен по логике,

²⁷ Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 43 (То же // Соч.: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 18).

²⁸ Аполлон. 1913. № 2. С. 76–77. Чудовский намеревался писать статью о стихах Мандельштама, что отражено в дневнике С. П. Каблукова 2 декабря 1912 г., в записи, где передается рассказ Мандельштама о зарождающемся акмеизме (Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 247. (Лит. памятники)).

а включение «нового материала», осваиваемого при подготовке к университетским экзаменам, в творческие тексты отмечалось у Мандельштама неоднократно.²⁹

«Утро акмеизма» содержит и другие, легко распознаваемые, параллели со стихотворениями «Я ненавижу свет...», «Notre Dame», «Бах», со статьями «О собеседнике» и «Франсуа Виллон», но здесь мы их не регистрируем, поскольку все они написаны раньше мая 1913 года — предложенной Н. И. Харджиевым датировки «Утра акмеизма».³⁰ Эта датировка Н. И. Харджиевым в деталях не аргументировалась, но ясно, что он основывался на том, что выражение «слово как таковое» у Мандельштама (повторяется в «Утре акмеизма» трижды, причем в одном случае — в кавычках, в качестве цитаты) указывает на объект полемики — «Декларацию слова как такового» Алексея Крученых, вышедшей в мае 1913 года (точнее — в конце апреля). Но это основание приемлемо для определения только одной границы — «раньше которой не могло быть написано», *terminus ante quem* non, и целиком корректным было бы: «не ранее мая 1913 г.». О наших границах датировки речь поведем ниже. Они также связаны с построениями Крученых, ибо «теорию» свою он продолжал развивать и позже.

Как указала И. Паперно в докладе «Поэтическое слово у Мандельштама и учение о Логосе» на 1-м международном симпозиуме в честь поэта (Bari, 1988), выражение «слово как таковое» было введено Андреем Белым в его статье о книге А. А. Потебни «Мысль и язык» (Логос. 1910. № 2).³¹ Вполне вероятно, что статья А. Белого была известна Мандельштаму со времени ее появления в печати (ср. особенно сближение имен Потебни и Белого как вызвавших к жизни «русскую науку о поэзии» в статье «Литературная Москва», 1922), но несомненно то, что определение «слово как таковое» приобрело актуальность лишь в новом контексте — после выхода названной декларации Крученых (с послесловием Н. Кульбина) в конце апреля 1913 года; вопрос о возможных

²⁹ Как убедительно показала Э. Русинко, источником формулы закона тождества в контексте философствования об оппозиции бытие/небытие в «Утре акмеизма» послужила книга А. Бергсона «Творческая эволюция» (*Rusinko E. Acmeism, postsymbolism, and Henry Bergson // Slavic Review. 1982. Vol. 41, N 3. P. 508*). Мандельштам, однако, переориентирует эту тему с философии на поэзию.

³⁰ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 255 (Б-ка поэта. Большая сер.).

³¹ Паперно И. О природе поэтического слова: богословские источники спора Мандельштама с символизмом // Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 36 (сноска 21).

источниках этого выражения у Крученых здесь для нас не является существенным, и возникающие гипотезы мы не рассматриваем. «Декларация слова как такового» несла в себе следы каких-то попыток консолидации с акмеистами, так как следующее место в ней: «Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена» — варьирует положения С. Городецкого из статьи «Некоторые течения в современной русской поэзии»,³² к чему и относится реплика В. Хлебникова в его письме Крученых от 31 августа 1913 г.: «Пылкие слова в защиту Адама застают вас вдвоем вместе с Городецким».³³ Таким образом, «Декларация слова как такового» и ее автор как будто не могли дать акмеистам поводов для полемики, в то время как в «Утре акмеизма» объектом полемики становится «футурист» (в единственном числе, что у Мандельштама должно быть понято как признак персонификации), «не справившийся с сознательным смыслом». По поэтической практике и теоретическим выступлениям лишь имя Алексея Крученых удовлетворяет условиям персонификации «футуриста» в «Утре акмеизма»; неувязка проясняется при обращении к созданным позже «Декларации слова...» текстам Крученых.

В статье «Новые пути слова» (сентябрь 1913 года) Крученых писал:

«Ясное и решительное доказательство тому, что до сих пор слово было в кандалах, является его подчиненность смыслу до сих пор утверждали:

„мысль диктует свои законы слову, а не наоборот“.

Мы указали на эту ошибку и дали свободный язык, заумный и вселенский.

Через мысль шли художники прежние к слову, мы же через слово к непосредственному постижению. <...>

В искусстве мы заявили:

СЛОВО ШИРЕ СМЫСЛА

слово (и составляющие его — звуки) не только куца мысль, не только логика, но, главным образом, заумное (иррациональные части, мистические и эстетические)».³⁴

³² Аполлон. 1913. № 1. С. 49 и след.

³³ Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 367. Данное место письма впервые прокомментировал М. Б. Мейлах (Об именах Ахматовой: 1. Анна // Rus. Lit. 1975. N 10/11. P. 36–37).

³⁴ Трое / Е. Гуро, В. Хлебников, А. Крученых. СПб., 1913. С. 22, 25.

В цитированном отрывке Крученых атакует связь «слова» с «мыслью», «логикой», «смыслом», что точно соответствует фокусу полемики в «Утре акмеизма» (— «не справившийся с сознательным смыслом»). Следующий шаг был сделан Крученых в его статье «О художественных произведениях» (сборник «Слово, как таковое», вышел в октябре):

«Мы же думаем, что язык должен быть прежде всего *языком* и если уж напоминать что-нибудь, то скорее всего пилу или отравленную стрелу дикаря. <...>

Из вышеизложенного видно, что до нас речетворцы слишком много разбирались в человеческой „душе“ (загадки духа, страстей и чувств), но плохо знали, что душу создают баячи, а так как мы, баячи будетляне, больше думали о слове, чем об затасканной предшественниками „Психее“, то она умерла в одиночестве и теперь в нашей власти создать любую новую... захотим ли?.. Нет!.. пусть уж лучше проживут словом как таковым, а не собой».³⁵

В те же месяцы «теория» Крученых получает резонанс. Виктор Шкловский опирается на выводы Крученых в своем докладе «Место футуризма в истории языка», прочитанном 23 декабря 1913 года в «Бродячей собаке» («„Тугой язык“ Крученых и „полированная поверхность“ Владимира Короленко»³⁶), а из другого лагеря положения Крученых контраковались: один из тезисов лекции Г. Чулкова 16 января 1914 года — «Слово как таковое. Смерть Психеи» — указывает на предмет полемики («Психея», по Крученых, «умерла» — см. выше). На этой лекции Гумилев, Городецкий и Мандельштам выступили в прениях.

Далее свой вклад в разрешение проблемы поэтического слова вносит Н. Кульбин в вышедшей в начале февраля декларации «Что есть слово (II-я декларация слова, как такового)»,³⁷ в сносках которой зафиксировано соавторство и Мандельштама, и Крученых:

«В слове — идея (первое лицо человека и вселенной — сознание).

Разгадка слова — в букве.

³⁵ Слово, как таковое / А. Крученых, В. Хлебников. М., 1913. С. 10–11.

³⁶ Из тезисов, см.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник-1983. Л., 1985. С. 221.

³⁷ Датирована автором 27-м января 1914 г.; содержит указание на то, что брошюра является приложением к книге «Буква как таковая» А. Крученых и Н. Кульбина.

Буква — элемент слова, как такового.

Она — символ, содержащий идею слова (имя), фоническую форму и начертательную.

Слово — имя* (наречение).

Тело слова — буква.**

Значение каждой буквы — своеобразное, непреложное.

Каждая буква — уже имя.

Словесность — творческое сочетание имен.

Словесное творчество — брачная борьба диссонирующих элементов слова, удовлетворяющая созвучным разрешением или дающая эстетическую неудовлетворенность.

Результат этого творчества — словесные ценности.

Словесность — совокупность словесных организмов,**³⁸ словесных неделимых».³⁸

Таким образом, концепция «слова как такового» осенью и зимой 1913/1914 года была в центре интенсивного обсуждения, одной из сторон которого был Мандельштам со своим «Утром акмеизма». Согласно цитированному нами мемуарному свидетельству Зенкевича, относящемуся к октябрю-декабрю 1913 года, Мандельштам в это время «заново переписал свое выступление», т. е. переработал или доработал изложение своего credo. В это же время он обсуждал тему с Кульбиным (общий тезис в работе «Что есть слово»³⁹). Из анализа дат следует, что «Утро акмеизма» появилось в результате некоторой, более или менее продолжительной, работы, завершённой не ранее декабря 1913 года. Собственная интерпретация темы изложена в самом начале статьи:

«Медленно рождалось „слово как таковое“. Постепенно, один за другим, все элементы слова втягивались в понятие формы, только сознательный смысл, Логос, до сих пор ошибочно

* Это положение выработано мною совместно с Осипом Мандельштамом. (Примеч. Н. Кульбина. — *Ред.*)

** Это положение выработано мною совместно с А. Крученых: который говорит об обязательности слова. (Примеч. Н. Кульбина. — *Ред.*)

*** В книге К. Эрберга «Цель творчества» есть ценная строка: Словесность — организация слов. Очень ценны мнения Д. Бурлюка об организации слова. (Примеч. Н. Кульбина. — *Ред.*)

³⁸ *Кульбин Н. И.* Что есть слово: (II декларация слова, как такового). СПб., [1914]. С. 1.

³⁹ Имея в виду, должно быть, этот общий Кульбина и Мандельштама тезис, Городецкий вскоре заметил, что акмеизм «кульбинисты вставляли... как тоже занятное стеклышко, в пеструю мозаику кульбинизмов» (*Городецкий С. М.* Цветущий посох. СПб., 1914. С. 16).

и произвольно почитается содержанием. От этого ненужного почета Логос только проигрывает. Логос требует только равноправия с другими элементами слова. Футурист, не справившись с сознательным смыслом как с материалом творчества, легкомысленно выбросил его за борт и по существу повторил грубую ошибку своих предшественников».

Подведем краткий итог. Сопоставление «Утра акмеизма» с приведенными выше текстами обнаруживает связь с рассмотренным выше тезисом Гумилева, выработанным не раньше осени 1913 года, и содержит критику «теории» Крученых (имплицитно включая его имя), которую следует отнести к зиме 1913/1914 года, когда завершились неудачей попытки Мандельштама и Зенкевича наладить взаимодействие с кубофутуристами. Можно утверждать, что время создания известной нам редакции статьи относится не ко времени выхода «Декларации слова, как такового» в конце апреля 1913 года, а к более позднему: не раньше осени 1913 года, не позднее апреля 1914 года.⁴⁰ Представляется несомненным, что 25 апреля 1914 года в ВЛО Мандельштам выступил с чтением «Утра акмеизма» как манифеста.

В качестве эпилога приведем примечательный текст Хлебникова. Его оппозиции удивительно точно соответствуют позициям оппонентов в описанном нами споре «о природе слова», а уподобление «слова» «камню» дает прямую аналогию к «Утру акмеизма».

«Слово живет двойной жизнью. То оно просто растет как растение, плодит друзду звучных камней, соседних ему, и тогда начало звука живет самовитой жизнью, а доля разума, названная словом, стоит в тени, или же слово идет на службу разуму, звук перестает быть „всевеликим“ и самодержавным; звук становится „именем“ и покорно исполняет приказы разума; тогда этот второй вечной игрой цветет друзой себе подобных камней».⁴¹

⁴⁰ Вероятность существования ранней редакции статьи (ранее осени 1913 года) не исключена, но маловероятна: главы I и V, во всяком случае, как показывает проведенный выше анализ мотивов, в эту гипотетическую редакцию не входили.

⁴¹ Хлебников В. О современной поэзии // Пути творчества. Харьков 1920. № 6/7. С. 70. У Хлебникова в той же статье встречается образ «дерева слов» — у Мандельштама же «дерево слова» находим в стихотворении «Листьев сочувственный шорох...», 1910.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В КРЕМЛЕ (1918)

ОБ ЭТОМ несколько экзотическом эпизоде известно из воспоминаний Надежды Мандельштам: весной 1918 года поэт оказался в Кремле, в квартире секретаря Совнаркома и личного секретаря Ленина Н. П. Горбунова:

«По приезде в Москву, например, в восемнадцатом году — он приехал с правительственными поездами — ему пришлось несколько дней прожить в Кремле у Горбунова. Однажды утром в общей столовой, куда он вышел завтракать, лакей, прежде дворцовый, а потом обслуживавший революционное правительство и не утративший почтительно-лакейских манер, сообщил О. М., что сейчас сам Троцкий “выйдут кушать кофий”».¹

Этот случай в биографии поэта выглядит полностью изолированным от предшествующего и последующего, лишенным контекста. Отправную точку для реконструкции обстоятельств удается найти благодаря воспоминаниям Л. Д. Троцкого, уснастившему свои мемуары красочными деталями и яркими характеристиками. Если взять в приведенной выше цитате ключевыми словами «общая столовая» и «лакей» и открыть автобиографию Троцкого на главе «В Москве», то находим:

Впервые: Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 54. С. 160–163.

¹ Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: «Книга», 1989. С. 97; *НЯМ* 2014. Т. 1. С. 182. В 1918 году Мандельштам еще не был знаком со своей будущей женой, и она передает его рассказ, относящийся, вероятно, к киевскому периоду 1919 года — времени их знакомства.

«В Кавалерском корпусе, напротив Потешного дворца, жили до революции чиновники Кремля. Весь нижний этаж занимал сановный комендант. Его квартиру теперь разбили на несколько частей. С Лениным мы поселились через коридор. **Столовая была общая.**

<...> Низший состав оставался на местах. Они принимали нас с тревогой. Режим тут был суровый, крепостной, служба переходила от отца к сыну. Среди бесчисленных кремлевских **лакеев** и всяких иных служителей было немало старцев, которые прислуживали нескольким императорам. Один из них, небольшой бритый старичок Ступишин, человек долга, был в свое время грозой служителей. Теперь младшие поглядывали на него со смесью старого уважения и нового вызова. Он неутомимо шаркал по коридорам, ставил на место кресла, сметал пыль, поддерживая видимость прежнего порядка. За обедом нам подавали жидкие щи и гречневую кашу с шелухой в придворных тарелках. <...>

— Старичка Ступишина заметили? — спрашивал я Ленина.

— Как же его не заметить, — отвечал он с мягкой иронией»²
(выделения наши — А. М.).

Совпадения в мемуарных источниках, а также излагаемые ниже сведения о местах жительства Ленина в Москве приводят к выводу: описанный в *Воспоминаниях* случай произошел в Кавалерском корпусе Кремля, а по времени — не раньше приезда в Москву Троцкого. Попытка уточнить время действия рассматривается ниже, а пока — несколько слов о Кавалерском корпусе.

Это здание, единственное из трех одноименных, существовавших в 1918 году, пережило все кремлевские перестройки и сейчас называется 5-м корпусом Кремля. Фасадом смотрит на Дворцовую улицу (тогда переименованную в Коммунистическую). Выход на улицу сейчас закрыт, и попасть к фасаду можно только по специальному разрешению. Вот фотография.

² Троцкий Л. Д. *Моя жизнь: Опыт автобиографии*. М.: «ПРОЗАиК», 2014. С. 288–291. Далее — *Моя жизнь*.

Обратимся к передвижениям действующих лиц на исторической сцене.

Переезд правительства в Москву начался 10 марта, когда из Петрограда отбыл первый поезд с Лениным и его семьей. По прибытии их поместили в гостинице «Националь» (переименованной в 1-й Дом Советов), в номере 107. Там же разместились прибывшие с первым поездом члены Совнаркома и само учреждение. Существуют разногласия в дате, когда Ленин переехал из «Националя» в Кавалерский корпус. Биохроника вождя называет дату 19 марта³, однако будущий комендант Кремля П. Д. Мальков, приехавший в Москву 20 или 21 марта, в своих воспоминаниях пересказывает разговор со Свердловым, из которого явствует, что переезд в Кавалерский корпус еще только готовился.⁴ Другие источники

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М.: Политиздат, 1974. С. 321. Далее сокращенно: *Биохроника*.

⁴ «Я внимательно слушал четкие, предельно ясные и уверенные указания Якова Михайловича. Мои задачи становились мне все яснее, а Яков Михайлович продолжал: «Распределением квартир в Кремле тоже вы будете заниматься. Подумайте об оборудовании квартир: мебель, посуда, постельное белье. Ведь у большинства товарищей ничего нет, даже пары простыней, чашек, тарелок. А жить люди должны по-человечески. И столовую в Кремле надо поскорее наладить, небольшую, для наиболее загруженных и нуждающихся в усиленном питании товарищей — наркомов, их заместителей, членов коллегий. Есть у меня на примете отличный товарищ — Надежда Николаевна Воронцова. Хорошая из нее получится заведующая. Вот ей и поручите это дело. Да, когда будете оборудовать квартиры, — а мы в ближайшее время ряд товарищей из «Националя», «Метрополя» переселим в Кремль — на дворцовое имущество особо не рассчитывайте, лучше берите из гостиниц, из того же «Националя»» (Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987. С. 144–145).

называют конец марта или начало апреля, — по-видимому, более точную дату. Ее мы и будем придерживаться.

После отъезда Ленина Троцкий еще некоторое время оставался в Петрограде, занимаясь ликвидационными делами, и в Москву прибыл не позднее 17 марта.⁵ Жил также в «Национале», и одновременно с Лениным переехал в Кавалерский корпус на 2-й этаж. Квартира Ленина имела номер 24. В следующую квартиру — в здании Судебных установлений (Сенат), последнюю в Кремле, — Ленин переехал осенью, приблизительно в октябре. В Сенате после смерти вождя была устроена мемориальная квартира, которую со временем перевели в Горки, и ныне в Кремле ни одного мемориального комплекса, связанного с Лениным, нет.

Горбунов переехал в Москву еще позднее. По содержанию его записок и ответов Ленина в *Биохронике*, весь март и начало апреля он занимался делами в Петрограде (хотя, возможно, время от времени совершал кратковременные поездки в Москву), и только в промежутке между 5 и 10 апреля *Биохроника* фиксирует то, что он вернулся к исполнению обязанностей секретаря Совнаркома.⁶ Квартиру он, надо думать, занимал, как и раньше, рядом или вблизи от ленинской. Таким образом, Мандельштам мог появиться в Кавалерском корпусе не раньше первой декады апреля.

Мандельштам в конце февраля устроился на должность делопроизводителя секретариата Комиссии с чрезвычайными полномочиями для разгрузки и эвакуации Петрограда.⁷ Должно быть, именно здесь он познакомился с Горбуновым, который, как удалось выяснить при обзоре ленинских документов, был направлен в состав этой Комиссии от Совнаркома.⁸ В течение марта, как уже отмечено выше, Горбунов занимался делами эвакуации в должности

⁵ «Чтоб смягчить впечатление от разжалования октябрьской столицы, я оставался еще, в течение недели или полутора, в Питере. Железнодорожная администрация продержала меня при отъезде на вокзале несколько лишних часов: саботаж свертывался, но еще был силен. В Москву я прибыл на другой день после назначения меня комиссаром по военным делам» (*Моя жизнь*. С. 288).

⁶ *Биохроника*. С. 362.

⁷ *Нерлер П.* Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 275. Комиссия, вскоре переименованная в Коллегию, в тревожное время немецкого наступления занималась эвакуацией из Петрограда сырьевых запасов и продукции крупнейших оборонных заводов (Адмиралтейского, Балтийского судостроительных, Обуховского, Охтинского снарядного, Шлиссельбургского порохового и др.).

⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 417.

«председателя Всероссийской эвакуационной комиссии».⁹ Когда он окончательно уезжал в Москву в начале апреля, — вероятно, в одном из «правительственных поездов» (как говорится в процитированных воспоминаниях Н. Мандельштам)¹⁰, — Мандельштам мог присоединиться к нему, но, не исключено, приехал позже. С 8 по 30 апреля в летописи его жизни сведений о местопребывании не находим. 13 апреля его имени нет в анонсе и в отчетах о вечеринке в Академии художеств, в этот период он и мог быть в Москве. С 1 по 7 мая поэт находится в Петрограде — увольняется из Комиссии по разгрузке и участвует в «Утре о России» в Академии Художеств, а к 21-му мая окончательно перебирается в Москву — живет в гостинице «Метрополь» (2-й Дом Советов) и 1 июня приступает к работе в Наркомпросе.¹¹ Таким образом, вероятность его поездки в Москву вместе с Горбуновым приблизительно 8–9 апреля есть, но настолько же вероятно, что он явился к Горбунову в апреле позднее. Зачем?

Однажды, когда мы обсуждали кремлевский эпизод с Сашей Морозовым¹², тот сказал мне: «Мандельштам дал Горбунову меморандум и попросил передать его Ленину. Горбунов ответил, что Ленину он передавать не станет, но поместит в его архив». Мне кажется, что я воспроизвожу эти две фразы Саши почти точно, поэтому заключаю их в кавычки. По контексту разговора, ключевое слово следовало бы также взять в кавычки и дать с прописной, как «Меморандум», потому что подразумевалось произведение Мандельштама. Ничего о содержании Морозов, как я также уверен по контексту разговора, не знал, как, вероятно, не знала его Надежда Яковлевна, от которой он и получил эти сведения. Гадая о содержании этого произведения, прежде всего следует иметь в виду буквальное значение названия — это дипломатический документ, вручаемый представителем одной высокой договаривающейся стороны представителю другой такой же стороны с изложением взглядов на какой-либо вопрос. Отсюда можно предполагать, что содержание касалось актуальных политических событий. Также можно предполагать, что в нем имелись какие-то

⁹ *Биохроника*. С. 343.

¹⁰ Правительственные поезда в течение марта продолжали перевозить в Москву персонал и имущество наркоматов. Так, П. Д. Мальков 20 или 21 марта приехал с поездом, перевозившим Наркоминдел (*Мальков П. Указ. соч.* С. 140).

¹¹ *Летопись 2019*. С. 128–129.

¹² Александр Анатольевич Морозов (1932–2008), о нем см. статью в «Википедии».

переклички с написанными в близкое время прозой и стихами. Имею в виду прежде всего «Государство и ритм», где говорится, что «антифилологический характер нашей эпохи не мешает считать ее гуманистической», а характер актуальной действительности определяется как «филологическое предательство». ¹³ Аналогичные пассажи есть и в статье 1920 года «Слово и культура». Определенным стимулом к попытке установить отношения с главой государства могла явиться недавно вышедшая отдельным изданием (не позднее 31 марта по данным *Биохроники*) работа В. И. Ленина «Государство и революция», две титульные темы которой явились стержневыми в мандельштамовском «Гимне» («Прославим, братья, сумерки свободы...»), написанном в июне. Так ли, иначе ли, но «Меморандум» был хорошим поводом, чтобы явиться к Горбунову в Кремль. А заодно — попросить содействия в устройстве на работу в Москве (Надежда Мандельштам на той же странице «Воспоминаний» пишет о встрече поэта с Г. В. Чичериным в Наркоминделе по этому вопросу, что могло быть устроено по звонку или записке Горбунова).

В свое время я сделал скромную попытку поиска «Меморандума» в РГАСПИ — смотрел описи, расспрашивал консультанта читального зала. Он ответил, что если бы такой документ в фондах имелся, то был бы уже давно опубликован. И все-таки хотелось бы надеяться, что «Меморандум» найдется.

¹³ ПССУП 2020. Т. 2. С. 40.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ: 1919–1920 ГОДЫ

ЭТУ ТЕМУ в свое время осветил ростовский исследователь Леонид Санкин. В своей статье «Осип Манделъштам в Ростове-на-Дону»¹ он обобщил известные к тому времени по документам и воспоминаниям сведения о пребывании Манделъштама в Ростове в 1921 и 1922 годах и прибавил к ним данные, которые ему удалось собрать самому. Имеются, однако, предположительные или косвенные сведения о более ранних появлениях поэта в этом городе.

Дважды, в 1927-м и 1930 г., Манделъштам совершил поездки в Сухум. В первый раз — на отдых, с заездом в Армавир, где жил тогда его брат Александр, во второй раз — в санаторий, с продолжением поездки по направлению к Тифлису и к Эривани. Таким образом, во время этих поездок остановок в Ростове было четыре, и в каких-то из них поэт с женой могли прервать путешествие для того, чтобы повидаться со свойственниками, родителями жены его брата Александра — Э. С. Гурвич. Эти моменты в биографии поэта, однако, малозначительны, куда больший интерес представляет для нас 1919 г., когда Манделъштам, покинув Киев в начале сентября, в конечном пункте своего путешествия оказался в Феодосии.

Каким был его маршрут? Из Киева он выехал, как известно по воспоминаниям Н. Я. Манделъштам и ее письмам к Манделъштаму 1919 г.², в Харьков, вскоре после того, как в Киев вступила Добровольческая армия, а в Крыму был уже не позднее 13/26 сентября.

Впервые: Звезда. 2014. № 11. С. 217–219.

¹ <http://www.proza.ru/2006/02/08-267>; то же // Культура. Ростов-на-Дону, 2012. № 17 (<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3378&level1=main&level2=articles>).

² ПССиП 2020. Т. 3. С. 515–516, 754–757.

Ближайшим из Харькова в Феодосию был путь по железной дороге через Джанкой, как и сейчас. Однако И. Г. Эренбург, направляясь в тот же конечный пункт через два-три месяца, проследовал из Харькова поездом в Ростов-на-Дону и далее в Мариуполь, а затем до Керчи и Феодосии морским путем.

Путь через Ростов-на-Дону был намечен им заранее, так как, остановившись в Харькове почти на месяц, свою спутницу Ядвигу Sommer он отправил дожидаться в Ростов.³ Вряд ли можно усомниться в том, что этот маршрут был избран из соображений безопасности — большей, чем через Джанкой, по охваченной партизанским движением и не контролируемой Добровольческой армией той части юга Украины.

Обратимся к обстоятельствам отъезда Мандельштама из Киева. Все, что известно о них, — в фразе из воспоминаний Н. Мандельштам. Во «Второй книге» она пишет: «Он собрался в несколько минут, воспользовавшись неожиданной оказией — на Харьков отправляли специальный вагон с актерами».⁴ Можно предполагать, что «специальный» вагон понадобился актерам для того, чтобы вывезти театральные реквизиты. Затем, имеются отрывочные и подлежащие уточнению сведения о том, кто мог быть пассажирами этого вагона.

При взгляде на Ростов-на-Дону выясняется, что уже в октябре (по старому стилю) 1919 г. в городе открылся театр-кабаре «Гротеск», часть актеров которого, в том числе инициаторы А. Г. Алексеев (Лифшиц) и Ф. Н. Курихин, прибыли из Киева.⁵ Генеалогию «Гротеска» исследователи возводят к петроградскому театрику «Би-ба-бо», артистическое ядро которого после переезда в Киев в 1919 г. основало театр-кабаре «Кривой Джимми» («Подвал Кривого Джимми»). Основными сотрудниками театра в Киеве были К. А. Марджанов, Н. Я. Агнивцев, Ф. Н. Курихин. По сообщению

³ Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, воспоминаниях современников). Т. 1 (1891—1923). СПб., 1993. С. 173–176. Цитированные в этом издании воспоминания Я. И. Sommer содержат ошибки: в частности, описывая отъезд из Киева и дальнейший путь до Ростова-на-Дону и пребывание в нем, она упоминает О. Мандельштама; на самом деле Мандельштам в то время был уже в Коктебеле, см.: *Летопись 2019*. С. 148. При публикации мемуаров Я. И. Sommer указанные выше фрагменты воспоминаний были исключены (Минувшее: Исторический альманах. Т. 17. М.; СПб., 1994. С. 116–170).

⁴ *НЯМ 2014*. Т. 2. С. 46.

⁵ [Аноним.] Театр-кабаре «Гротеск» // <http://www.rostovteatr.ru/theater/museum/127>, со ссылкой на хроникальную заметку в журнале «Орфей» (1919, № 1) и на воспоминания А. Г. Алексеева.

анонимного автора в статье «Театральное искусство Киева» (в «Википедии»), «Кривой Джимми» был закрыт в сентябре⁶, то есть вскоре после вступления Добровольческой армии в Киев. Кстати, смена власти в Киеве для «Кривого Джимми» могла явиться одной из причин более или менее срочной «эвакуации» из города, так как, по имеющемуся сообщению, «это был один из очень немногих театров миниатюр, получивших в 1919 году положительные отзывы в большевистской прессе»⁷, а один из руководителей театра, К. А. Марджанов, при большевиках был назначен комиссаром киевских театров.

После отъезда из Киева часть труппы «Кривого Джимми», возглавляемая Н. Я. Агнивцевым, осела в Харькове и 5 октября (по старому стилю) открыла антрепризу под тем же названием.⁸ Другая группа актеров, как было сказано выше, не обосновываясь в Харькове, проследовала в Ростов-на-Дону. Не исключено, что Мандельштам мог продолжить свой путь вместе с ней. Впрочем, никаких известий о его пребывании в Ростове-на-Дону в сентябре 1919 г. до сих пор не появилось — что, возможно, объясняется кратковременностью его остановки в городе.

* * *

В 1975 г. я встретился с Ильей Борисовичем Березарком, чтобы расспросить его о встречах с Мандельштамом, и он начал свой рассказ с того, что видел Мандельштама в ростовском «Подвале поэтов»: поэт прочитал там стихотворение, после чего его «арестовали» (цитирую свою запись, считаю сейчас, что была *попытка* арестовать), но вмешался Рюрик Рок и Мандельштама отпустили. По процитированной Березарком строчке я определил, что это был «Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...»). На уточняющие вопросы по этому эпизоду Березарк за давностью лет ничего сообщить не смог.

В то время, не имея достаточных данных ни о культурной и литературной жизни Ростова-на-Дону, ни о биографии Рюрика Рока, я не мог составить представления о достоверности этого сообщения Березарка. Случай проверить полученные от него сведения представился, когда я начал исследовать период работы Мандельштама в газете «Московский комсомолец» и смотреть подшивку этой

⁶ <https://ru.wikipedia.org>. Здесь, по-видимому, время указано по новому стилю. Добровольческая армия вступила в Киев 18/30 августа.

⁷ Прокопчук Я. Театри мініатюр та кабаре в Україні на початку ХХ століття // http://vk.com/topic-42452588_28037194.

⁸ За эти сведения приношу благодарность П. Е. Поберезкиной.

газеты: Березарк во время помянутой беседы со мной сообщил о том, что он печатал там бытовые очерки, подписывая их псевдонимами — «Латаль», «И. Б-к». Действительно, очерки, подписанные этими псевдонимами, в номерах газеты нашлись, что послужило для меня доводом в пользу хорошей памяти мемуариста.

Эпизод, рассказанный Березарком, хорошо локализуется имеющимися ныне сведениями как о Мандельштаме, так и о Рюрике Роке периода Гражданской войны. Пересечение биографий произошло в первых числах октября 1920 г., когда Мандельштам (вместе с братом Александром) попал в Ростов-на-Дону на пути из Тифлиса в Москву, куда добирался вместе с Ильей Эренбургом, Любовью Эренбург, Ядвигой Соммер и еще несколькими попутчиками. Относительно короткий временной период поездки неплохо документирован: отъезд из Тифлиса — не ранее 30 сентября, появление Мандельштама в Петрограде — около 6 октября (см.: *Летопись 2019*. С. 160, 162). Ростов-на-Дону и Харьков были на их пути (о чем Эренбург вскользь упомянул в воспоминаниях⁹), причем нужно отметить, что поездов дальнего следования в то время не было и на каждой узловой станции нужно было делать пересадку, чем Мандельштам и воспользовался в Ростове-на-Дону, заглянув в подвальныйчик. Чтобы понять дальнейшее, следует знать, что в то время (и еще долго впоследствии) ЧК направляла в общественные места для наблюдения секретных сотрудников.

Что касается Рюрика Рока, то он прибыл в Ростов-на-Дону из Москвы летом того же года вместе с группой ничевоков, и тогда же или несколько раньше, в рамках деятельности незадолго до того образованного ростовского отделения Всероссийского Союза поэтов, был открыт «Подвал поэтов» (Газетный переулоч, д. 46). Из Ростова-на-Дону он вернулся в Москву не ранее середины октября.¹⁰

Спустя год, в дни кратковременного пребывания Мандельштама в Москве (апрель 1921 г.), Рюрик Рок согласился стать секундантом Мандельштама после вызова последним В. Шершеневича на дуэль¹¹, что могло быть следствием определенной степени доверия и приязни, установившихся в их отношениях к тому времени.

⁹ «На четвертый или на пятый день нас ожидали новые неприятности: где-то между Ростовом и Харьковом к поезду подошли махновцы» (*Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь // Эренбург И. Г. Собрание сочинений. В 8 т. М., 2000. Т. 7. С. 112*).

¹⁰ [Соболев А. Л.] Летейская библиотека-42 // <http://lucas-v-eyden.livejournal.com/90460.html>.

¹¹ *Нерлер П. М. Мандельштам и Шершеневич // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 97–100.*

ЗАМЕТКИ
К КОММЕНТАРИЮ

«СЕРГЕЙ ИВАНЫЧ»

ЯРКАЯ И УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ автобиографическая проза О. Э. Мандельштама «Шум времени», написанная в 1923–1924 годах, была и остается одним из центров внимания читателей и исследователей вплоть до настоящего времени. Одна из наиболее интригующих главок ее получила название «Сергей Иваныч» — по имени-отчеству персонажа, который в ней описан. Время действия — начало Революции 1905 года. «Сергей Иваныч» взят репетитором к юному Мандельштаму, а с другой стороны вовлечен в бурные революционные события. С изрядной долей иронии (окрасившей все главы его книжки), Мандельштам пишет: «Конечно, Сергей Иваныч не был революционером. Да останется за ним кличка: репетитор революции. Как химера, он рассыпался при свете исторического дня. По мере приближения девятьсот пятого года и часа сгущалась его таинственность и нарастал мрачный авторитет. Он должен был выявиться, должен был во что-нибудь разрешиться, — ну хоть показать револьвер из боевой дружины или дать другое вещественное доказательство своего посвящения в революцию. И вот, в самые тревожные девятьсот пятые дни, Сергей Иваныч становится опекуном сладко и безопасно перепуганных обывателей и, зажмурившись, как кот от удовольствия, приносит достоверные сведения о неминуемом в такой-то день погроме петербургской

Впервые: Slavica Revalensia. 2017. Vol. IV. С. 64–74.

Здесь и далее цитаты из «Шума времени» приводятся по изд.: ПССиП 2020. Т. 2 с указанием только номеров страниц.

интеллигенции. Как член дружины, он обещает прийти с браунингом, гарантируя полную безопасность» (с. 201–202).

Долгое время фамилия и биографические данные этого «героя» одной из глав «Шума времени» оставались невыясненными. Впервые сведения о нем приведены в 1990 г. в комментариях к 2-томнику Мандельштама: Сергей Иванович Белявский (1883–1953) учился на математическом отделении физико-математического факультета С.-Петербургского университета до 1906 г. В 1909 г. принят сверхштатным астрономом в Пулковскую обсерваторию, и почти сразу же переведен в Симеиз, заведующим филиалом обсерватории, где проработал до 1925 г. В 1937–1944 гг. был директором Пулковской обсерватории, избран членом-корреспондентом АН СССР. Окончил Рижскую гимназию (что имеет отдаленное соответствие в словах «мелкие губернаторы западного края были у него в роду» «Шума времени»)¹. В одном из документов (1902 года) университетского дела указан его адрес — Николаевская ул., д. 33 (где он снимал полкомнаты) — не совпадающий со сказанным в «Шуме времени»: «в сотых номерах Невского, за Николаевским вокзалом» (с. 200).

С помощью М. А. Котовой (приносим ей живейшую благодарность) нам удалось найти дополнительные материалы к биографии Белявского, и в сумме имеющиеся в настоящее время документы позволяют нарисовать следующую картину.

С первых лет учебы в университете Белявский определился со своей будущей профессией, занимался в научном студенческом кружке при университете и выполнил, согласно «Отчетам С.-Петербургского Императорского университета» и «Известиям Астрономического кружка С.-Петербургского университета», несколько серьезных научных работ. Уже тогда (и позднее) он отметился в науке открытием нескольких малых планет, а также комет и астероидов (по одной из них получили название в его честь).

В октябре 1905 г. университет, один из очагов революционного движения, был закрыт властями, и в то же время были прекращены занятия в гимназиях и училищах. В средних учебных заведениях весь первый семестр занятия возобновлялись только sporadически, и перед учениками стоял вопрос о том, как освоить программу. Об остроте проблемы свидетельствует тот факт, что восемь из восемнадцати соучеников Мандельштама были оставлены

¹ Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 395. В коммент. П. Нерлера.

на второй год.² Мандельштаму хорошо давались предметы гуманитарного профиля, а по предметам математического цикла (алгебре, геометрии, тригонометрии) он отставал или вовсе не успевал³ и, следовательно, нуждался в репетиторе по отмеченным предметам. Заниматься с Белявским он начал не позднее середины октября — по «Шуму времени» устанавливается внутренняя дата, 18 октября, когда в городах России начались погромы, и Белявский ведет разговоры на эту тему.⁴ Репетиции продолжались, по-видимому, до самой экзаменационной сессии, т. к. еще и в феврале 1906 г. Мандельштам числился не успевающим по алгебре и тригонометрии. По «Шуму времени», Мандельштам проводил с Белявским (в группе с несколькими учениками? — см.: «был клиентом нашего дома, как и многих других» — с. 200) относительно много времени в течение дня в октябре–декабре, когда занятия в училище проводились редко (в какой-то период времени приезжая на занятия из Царского Села⁵), и совместное писание «реферата» по истории о «причинах падения Римской империи» было частью их общего времяпровождения, в порядке которого Белявский однажды и привел ученика к себе домой — тот «содрогнулся от густого и едкого запаха жилища Сергея Иваныча» (с. 200). Тема реферата входила в программу курса всеобщей истории, экзамен по которому Мандельштам сдал на «отлично» 9 апреля 1906 г.

По-видимому, сближению между репетитором и учеником способствовали одинаковые политические симпатии. Как видно из «Шума времени», Белявский был «членом дружины» — одной из тех, которые создавались Советом рабочих депутатов в каждом районе Петербурга для защиты от погромщиков. Можно уверенно предполагать также, что для Белявского участие в дружине было обусловлено влиянием минуты подъема революции, и не исключено даже, что он, как и Мандельштам в следующем году, стал на короткий период членом одной из левых партий. Таких неустойчивых называли несколько позднее «октябрьскими эсерами (эсдеками, анархистами)», чему в «Шуме времени» и соответствует прозвище «химера». Данное предположение подкрепляет справка

² См. в наст. изд., с. 26.

³ В феврале 1906 г. не успевал по алгебре и тригонометрии (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 8; Ед. хр. 97. Л. 54). См. в наст. изд., с. 26. После занятий с Белявским отставание было преодолено, и экзамены по алгебре и геометрии весной 1906 г. были сданы успешно (Там же. С. 27).

⁴ ПССУП 2020. Т. 2. С. 202.

⁵ См. в наст. изд., с. 20–21, примеч. 31.

Департамента полиции о том, что С. И. Белявский «к дознаниям по делам политического характера не привлечен и под надзором полиции не состоит».⁶

Университет оставался закрыт и в первой половине следующего года. Белявский 12 января 1906 г. подал прошение о выдаче выпускного свидетельства и получил его 16 января. Согласно цитированному нами в примеч. 6 документу, он получил должность «хранителя астрономического кабинета С.-Петербургского Университета»⁷, на которой оставался до конца 1908 г., когда был принят на «должность сверхштатного астронома Николаевской Главной Обсерватории» (т. е. Пулковской обсерватории). Поскольку название должности соответствует сказанному в «Шуме времени» — «служит ассистентом на Пулковской вышке в астрономической обсерватории», то встречу с ним «много позже девятьсот пятого года» (с. 202) следует датировать началом 1909 года, когда Мандельштам находился в Петербурге.⁸

⁶ Приводим документ полностью:

Секретно.

В Управление по делам о воинской повинности.

Вследствие записки от 31 января 1909 года за № 44074 Департамент Полиции уведомляет Управление по делам о воинской повинности, что означенный в той записке Сергей Иванов Белявский к дознаниям по делам политического характера не привлечен и под надзором полиции не состоит.

Подп. за Вице-Директора <подпись неразборчива>
25 января 1910 года.

(ГАРФ. Ф. 102. Оп. 108. Д. 106. Л. 123).

Справка была выдана в ответ на запрос Управления по делам о воинской повинности: «не встречается ли со стороны Департамента Полиции каких-либо препятствий к освобождению от призыва на действительную военную службу бывшего хранителя астрономического кабинета С.-Петербургского Университета, приписанного к призывному участку гор. Риги, Сергея Иванова Белявского, оставившего педагогическую службу до истечения 5-летнего обязательного срока и поступившего на должность сверхштатного астронома Николаевской Главной Обсерватории» (Там же. Л. 121).

⁷ Астрономический кабинет был в составе университетской обсерватории, расположенной в Петергофе. Современный адрес: Университетский пр., 28. Позднее — Астрономический институт С.-Петербургского государственного университета им. В. В. Соболева.

⁸ Комментатор «Сочинений» датирует их встречу 1923 годом, когда Мандельштам отдыхал в Гаспре, а Белявский был директором обсерватории в Симеизе (*Мандельштам О. Э. Сочинения. С. 395*). Однако это предположение представляется невероятным, поскольку директор Симеизской обсерватории не мог в 1923 г. говорить о себе как ассистенте в астрономической обсерватории, да еще Пулковской.

На этом биографические пересечения бывших репетитора и ученика заканчиваются, однако есть еще биографическое свидетельство, которое проливает некоторый свет на психологический портрет Белявского, хотя относится оно уже к более позднему времени — второй половине 1930-х годов. Мемуарист пишет: «Очень остро стоял в то время в Пулкове вопрос о новом постоянном директоре. В Пулкове кандидатуры не было, так как остались люди либо очень молодые, либо очень пожилые. Тогда в Академии наук вспомнили о сотруднике Симеизского отделения Сергее Ивановиче Белявском. Он зарекомендовал себя открывателем астероидов. По разным причинам в Академии решили, что лучшего директора искать не нужно. Белявский имел очень представительную внешность. Он был высокого роста, держался прямо и солидно, говорил медленно и с достоинством.⁹ Его седая голова с орлиным носом производила впечатление.

Однако при назначении Белявского директором не учли или вообще не знали, что он перенес базедову болезнь, по поводу которой у него была удалена щитовидная железа. Заболевание сопровождалось тяжелыми психическими последствиями. Это, конечно, не его вина, а беда. Но из-за его „странностей“, о которых знали только постоянно имевшие с ним дело люди, общение с ним было затруднено. В частности, по этой причине, когда подошел срок принятия его из кандидатов в члены партии, то это несколько лет откладывалось. Он не совершал ничего предосудительного. Откладывая каждый раз прием, надеялись, что дело как-то прояснится.

Вскоре после приезда в Пулково новый директор стал вызывать удивление у сотрудников тем, что ни разу не был на научных докладах, которые перестали делать в кабинете директора, а также крайней своей мелочностью. Так, лампочки для карманных фонариков и бумагу, отсчитывая каждый лист, выдавал только он сам. Чтобы узнать о каком-либо сотруднике, он никогда не требовал у него отчета или объяснения, а расспрашивал кого-нибудь другого. <...>

Первые признаки мании преследования у Белявского обнаружались, когда он объявил о готовившемся на него покушении через отверстие в его туалете, которое по небрежности было оставлено рабочими, производившими ремонт. Была создана специальная комиссия для расследования этого „покушения“.

⁹ В «Шуме времени» поэт в словах «мрачный авторитет» чутко отразил те же черты характера Белявского.

На входной двери в комнате перед кабинетом он велел укрепить замок с электромагнитом, открывающийся нажатием кнопки на его столе. Когда кто-нибудь стучал в его дверь, то он смотрел через маленькое отверстие в двери на посетителя и, если последний не вызывал его подозрений, то он отбежал к своему столу и нажатием кнопки открывал дверь». ¹⁰

Эта грустная история, кажется нам, в чем-то перекликается с концом главы «Сергей Иваныч» в «Шуме времени»:

«Если бы Сергей Иваныч превратился в чистый логарифм звездных скоростей или функцию пространства, я бы не удивился: он должен был уйти из жизни, до того он был химера» (с. 202).

¹⁰ Гневнышев М. Н. Свершения и тревоги Пулкова: (Страницы воспоминаний) // Историко-астрономические исследования. М., 1989. Вып. 21. С. 354–357.

«ТРАНХОПС» И ОКОЛО (ПО АРХИВУ М. Л. ЛОЗИНСКОГО)

I. Пролог и День рождения

Зимой 1910/1911 года дружеская компания во главе с М. Лозинским пыталась осуществить постановку арлекинад «Чорт в зеленом, или услуга за услугу» и «Арлекин в библиотеке».¹ В компанию входили:

Первая часть («сессии» 22 мая 1911, 15 октября 1912, 15 марта 1913) впервые опубл. в издании: *Natales grate numeras?* Сб. статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008; вторая часть («сессии» 20 декабря 1911, 1 апреля 1912, октября–ноября 1912) — на сайте «Ruthenia», в разделе «Габриэлиада: к 65-летию Г. Г. Суперфина»; третья часть — в журнале «Toronto Slavic Quarterly» № 41 (2012). Указанные публикации были инициированы И. В. Платоновой-Лозинской, текст и комментарии подготовил А. Г. Мец. Настоящая публикация дополнена новым материалом и исчерпывает известный на сегодняшний день материал архива М. Л. Лозинского на эту тему.

¹ «Арлекин в библиотеке» — рамочная композиция, включавшая две итальянские комедии: А. Бельмура «Влюбившийся в себя самого или Нарцисс» и П. А. Д. Метастазियो «Подряточник оперы в острова Канарийские»; обе в переводе В. К. Третьяковского изданы в 1733 и 1734 гг. соответственно и поставлены на сцене при дворе императрицы Анны Иоанновны. Название исходит из намерения осуществить постановку в библиотеке квартиры отца М. Л. Лозинского (Николаевская, 68). Автором композиции был В. Н. Соловьев. О его участии в подготовке несостоявшейся инсценировки см.: *Галанина Ю. Е. Владимир Николаевич Соловьев: Начало пути // Временник Зубовского института. 2018. № 1 (20). С. 61–68.*

Об этом проекте Лозинский сообщил брату, Г. Л. Лозинскому, письмом в Париж от 9 дек. 1910 г. (АЛ).

— Владимир Николаевич Соловьев (1888–1941) — начинающий теоретик театра, сценарист и режиссер², впоследствии известный театральный педагог, многолетний друг Лозинского, он же автор сценария «Чорта в зеленом»³;

— Борис Сергеевич Мосолов (1886–1941) — в это время, как и М. Л. Лозинский⁴, студент университета (романо-германского отделения, окончил в 1911 г.), сотрудник В. Э. Мейерхольда «в работе над замыслом „Маскарада“»⁵;

— его брат, Петр Сергеевич Мосолов (1883–1920?) — пианист⁶;

— Константин Андреевич Вогак (1887–1938) — в это время студент университета (окончил в один год — 1914 — с Лозинским), поэт, в скором будущем — член Цеха поэтов, театральный критик и педагог;

— Всеволод Владимирович Воинов (1880–1945) — художник, работавший в это время в театре В. Ф. Комиссаржевской (то есть в недавнем прошлом сотрудник В. Э. Мейерхольда по этому театру), знакомый Лозинского по семейной линии,

— Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев (1886–1959) — юрист, литератор (ранее участвовал в университетском „Кружке молодых“)⁷, знакомый Лозинского по университету, юридический факультет которого они оба окончили в 1909 г.⁸;

² Знакомство М. Лозинского и В. Соловьева, возможно, завязалось в университете, где они в одно время (1908) посещали семинар С. А. Венгерова. Выступал со статьями по теории театра в журналах «Аполлон» (см. также: *Дмитриев П. В.* Псевдонимы В. Н. Соловьева в журнале «Аполлон» // Записки Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки. Выпуск 4/5. СПб., 2003) и «Любовь к трем апельсинам». В 1911 г. по его сценарию В. Э. Мейерхольд поставил спектакль «Арлекин, ходагай свадеб».

³ Этот сценарий был опубликован в журн. «Новая студия» (1912. № 6). На экземпляре, подаренном автором Лозинскому, надписано: «Директору „Арлекин в библиотеке“ Беппо, dr Фаусту от бедного мима Люсциниуса и печального Артюра. 1912 г. 12. X» (нотариус Беппо — роль М. Лозинского в пьесе, Dr. Faust — его «маска»; Артюр — «маска» В. Н. Соловьева, см. ниже список присутствовавших).

⁴ Окончив университет по юридическому факультету в 1909 г., М. Лозинский поступил на историко-филологический факультет (славяно-русское отделение) и окончил курс его в 1914 г., см. статью И. В. Платоновой-Лозинской, К. М. Поливанова в издании: Рус. писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 382.

⁵ *Тименчик Р. Д.* Георгий Иванов как объект и субъект // Новое лит. обозрение. 1995. № 16. С. 344.

⁶ *Пяст Вл.* Встречи / Вступ. статья, подготовка текста, комментарии Р. Д. Тименчика. М., 1997. С. 262.

⁷ О нем см. также: Лит. наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 93.

⁸ Проект дарственной надписи Д. В. Кузьмину-Караваеву на «Горном ключе» (1916): «давнишнему другу, видевшему „потоков рождение“» (архив Лозинского).

— Татьяна Борисовна Шапирова (1885–1955), вскоре ставшая женой Лозинского⁹, ее брат А. Б. Шапиров и другие лица.¹⁰

Подготовкой руководил Комитет в составе: директора М. Л. Лозинского, режиссера В. Н. Соловьева, секретаря К. А. Вогака, композитора М. А. Кузмина и других лиц; в целом эту затею следует проецировать на опыт возрождения *Commedia dell'arte* в Доме интермедий В. Э. Мейерхольда с его практикой привлечения начинающих актеров и дилетантов. Как раз в это время театр прекратил существование, пережив перед тем жестокий кризис из-за разногласий между руководителями¹¹, повлекший переход в управлении к «Товариществу актеров, поэтов, художников и музыкантов» — в котором можно видеть аналогию созданному М. Лозинским Комитету. Отзвук этих собраний — в книге воспоминаний В. Пяста «Встречи», в которых автор, упоминая о «заседаниях „Трангопса“» в квартире Лозинского — «посвященные благоглупостям в стиле Дружининского „Чернокнижия“» — продолжал: «да зачитыванию рефератов на театральные темы: я подразумеваю *Commedia dell'arte*, — которая... вошла в моду в близких к Мейерхольду кругах на смену увядшему нерасцветши увлечению испанским театром...».¹²

Каким путем произошло знакомство Лозинского с М. А. Кузминым, прямых сведений не имеется, однако легко представить, что посредником был упомянутый Б. С. Мосолов, и что познакомились они как раз в описываемое время: имя Лозинского появляется в дневнике Кузмина 9 января 1911 г.: «Мосолов заехал, чтобы везти к Лозинскому. Долго и весело обсуждали приглашения и разделения. Там мило».¹³

⁹ О ней см.: *Анциферов Н. П.* Издум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 485.

¹⁰ В. Лебедева, А. Краковский, Т. Цулукидзе, К. А. Нилус, С. Р. Кудырский, Е. Марк, С. Саббатовский; родственники В. В. Воинова — Я. Воинов, С. Воинов, Мих. Воинов. Кудырский и Сабатовский — бывшие соученики В. Соловьева по гимназии и его друзья, см.: *Галанина Ю. Е.* Указ. соч. С. 54.

¹¹ О причинах см.: *Галанина Ю. Е.* К истории петербургского «Дома интермедий» // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова. М., 2009. С. 109–117.

¹² *Пяст Вл.* Встречи. С. 172.

¹³ *Кузмин М. А.* Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и комментю Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 251–252. По времени к этой записи примыкает письмо Лозинского Кузмину от 10 января 1911 г.:

Глубокоуважаемый Михаил Алексеевич,
не зная, увидите ли Вы сегодня В. Э. Мейерхольда, сообщая Вам, что он будет на репетиции во вторник 11-го числа в 7 ½ вечера, и очень прошу Вас непременно приехать.

Уважающий Вас

М. Лозинский
(РГАЛИ. Ф 232. Оп. 1. Ед. хр. 272).

В письме речь идет, по-видимому, о том же театральном начинании Соловьева, Мосолова и Лозинского.

Вскоре, однако, проект был «отложен на неопределенное время» (письмо Лозинского брату от 19 янв. 1911 г.), и по этому поводу Лозинским было получено сохранившееся в его архиве письмо:

Многоуважаемый Михаил Леонидович,

мне очень жаль, поверьте, что наше дело откладывается, не только по самому этому факту, но также и потому, что я лишен буду повода вместе работать и видеться с милыми участниками, к которым я успел привыкнуть. Конечно, если я буду в Петербурге и свободен, всегда рад возобновить свое участие в «Арлекине». Привет и благодарность Вам и прочим «арлекинам».

Уважающий вас

М. Кузмин

Предшественником «Транхопса» стало собрание дружеского кружка 22 марта 1911 г. по случаю новоселья недавно обвенчавшейся (9 февраля 1911 г.) четы Лозинских, в квартире по адресу: Румянцевская площадь, 1, кв. 7. О нем известно по письму М. Лозинского А. Блоку от 19 марта: на этом собрании В. Н. Соловьев, на пари с Лозинским, должен был читать свою «миниатюрную книгу „начал“, небольших отрывков не существующих, якобы погибших произведений, снабдив ее мистификаторским предисловием».¹⁴

После неудачи с постановками арлекинад Лозинский продолжает навещать Кузмина, о чем последний оставляет запись 31 января, а 16 мая записывает: «Утром пришли Мосолов и Лозинский. Играли много французов, хотят основывать новое общество, веселиться, говорили о Мейере: все-таки, его всегда влечет к недоноскам, довольно бездарным».¹⁵ И основание «нового общества» вскоре состоялось. Материалы первого заседания, как и всех последующих, заключены в особую папку. Были написаны: сонет-акrostих-буриме «Володя Соловьев» и еще два стихотворения вольной формы. Стихам в папке предшествует список присутствовавших:

¹⁴ Лит. наследство. 1982. Т. 92, кн. 3. С. 124; Лит. обозрение. 1986. № 7. С. 110.

¹⁵ Кузмин М. А. Указ. соч. С. 283. Мейер — В. Э. Мейерхольд.

Τραγῶψ Νῆ 1
22 мая 1911¹⁶

Конст. Андр. — Παv — Великий Пан
Соловьев — Arthur — Артюр
Лозинский Dr. Faust
Борис Серг.)
Гарднер)
Кузьм.-Карав.
Алексей Ант.¹⁷

На листе 1 (здесь и далее нумерация листов условная). В списке фигурируют уже упоминавшиеся К. А. Вогак, В. Н. Соловьев, М. Л. Лозинский, Б. С. Мосолов; Вадим Данилович Гарднер (1880–1956) — поэт, к этому времени — автор сборника «Стихотворения» (1908). Окончил С.-Петербургский университет в 1909 г. В 1913 г. входил в Цех поэтов. С 1921 г. жил в Финляндии. Алексей Ант<ович> — неустановленное лицо.

На день открытия Транхопса (сонет)

В великий час возникнет мой сонет<.>
Открылся вход к нетленному кумиру<.>
Лучи блестят неведомых планет,
Очей небес — зовут к святому миру.

Далекий путь... Но в нас сомнений нет.
Я вижу ход к таинственному миру.
Смелей, плывем — как плыл порой венет
От бедных стран — к алою, нарду, мврду.

Лусциниус, забудь ты звон монет.
Оброк коням — Баяну иль Ратмиру.
Вольны глазеть бинокли и лорнет,

Иемен иль степь считать врагом Памиру...
Ей-ей вольны — А ты — ты не корнет.
Веди ты нас — в прекрасную Пальмиру.

¹⁶ Поздняя обложка. Автограф М. Лозинского, красным карандашом. Орфография старая.

¹⁷ Лист 1. Ручкой М. Лозинского, записи прозвищ не завершены (на месте скобок, вероятно, предполагались сноски). Простой карандаш. На поле — обрывочные записи: Κοβερνήτης Кувырнетесь (и другие).

Лист 2. Беловой автограф К. Вогака, на обороте черновика того же стихотворения. *Mvpo* (с ижицей) — благовоние. *Лусциниус* (*Volmar Luscinus*) — псевдоним В. Н. Соловьева.

В моих устах рождается сонет
Он посвящен безвестному кумиру
Людская молвь не крестит им планет,
Огнем ночей сердца зовущих к миру<.>

Другим кадят. Ему ж курильниц нет<.>
Я пел его. Он будет славен миру.
Сложив сонет, как лучших дней Венет<,>
Отныне к слов его приближу мврру<.>

Лусциниус, Пегас мой вниз свернет<.>
Опасен путь по горному Памиру<.>
Высоких рифм не достает на „нет“

Иамб мой хром, подобен Казимиру<.>
Ей-ей<,> он нищ, как путник без монет<,>
Вселивший во полночную Пальмиру.

Лист 3. Черновой автограф М. Лозинского. Под стихотворением помета: 5-ст. ямб с цезурой после второй стопы. Заданные рифмы были записаны на правом поле и включены в текст. Вместо «венет» первоначально было «корнет». *Отныне к слов его приближу мврру* <.> Так в автографе, синтаксис и, соответственно, смысл не вполне ясны. Возможно, правильно: *Отныне слов его приближу к мврру...* или: *Отныне к слов его приближу мврру...* Как видно, сложность задания сильно сказалась на связности смысла обоих сонетов, и в следующих образцах соревнователи перешли к более свободным формам.

Благоухающий, как Фета нежный стих<,>
В ночной тиши расцвел таинственный транхопс<.>
О имя сладкое, призывней старых лобз!
Для тех, кто сердцем тих, раскрылся твой диптих<.>

Налево волны рифм, направо струи вин,
Цезуры легкие, и легкое шабли...
Как вы могли забыть, зачем Вы не пришли<.>
Вы прёзрели, один, святой завет, Кузмин.

Лист 4. Черновой автограф М. Лозинского. На правом поле — схема структуры стихотворения. На нижнем поле — список запрещенных рифм: ропс — хеопс — мопс — клопс. К установившемуся названию — транхопс — см. не точно совпадающую транслитерацию в греческий алфавит на л. 1: Τραγχοψ. На мой вопрос об этимологии слова Михаил Леонович Гаспаров, предугадав почти все перечисленные запрещенные рифмы, отвечал (25.I.1997): «„транг(х)опс“ никакого отношения к греческому языку не имеет; при желании можно увидеть в „-опс“ созвучие с греч. корнем „глядеть“ (или с римской богиней плодородия Ops), а в „тран.“ — созвучие с латинской приставкой trans-, но г/х ниоткуда не выводимо. Когда это слово попадалось мне в мемуарах, я не сомневался, что оно было сочинено ad hoc (допустим, как рифма к „мопс“ и/или „Хеопс“, „шнельклопс“); в атмосфере шуточных стихов это легко вообразимо, подобие есть у Огдена Нэша). Конечно, все участники знали сонет Малларме, где к опух — Phénix — Стух он откровенно присоединил рифму nul ptux, / Aboli bibelot d'inanité sonore — слово, которое взял для псевдонима Б. Садовской».

Борис Сергеич Мосолов
Сказал: „Да будут крылья!“
— И тотчас был снаряд готов
Без всякого усилья.

Они прошли все этажи,
Еще поднялись выше,
Сильны, отважны и свежи
Взошли до самой крыши.

Борис Сергеич Мосолов
Поднялся с крыши первый
И поравнялся — вот каков —
С Публичною Минервой.

А уважаемый Кузмин
Увидев, что остался
Совсем покинут и один —
Весьма разволновался.

Взмахнув крылами в свой черед,
Над Кирочною взвился,
Но не dokonчив свой полет,
До крайности смутился.

Увидел проволоку он ряд
Над Армией и Флотом
И, задержавши свой снаряд,
Облился хладным потом.

Спустился. Вскрикнул: Чорт! Хеопс,
А мне еще не близко!
Пешком придется на Транхопс
Итти до обелиска.

А Мосолов летел стрелой,
Обвеян горним светом,
Над Зимним Буффом, над Невой,
Над университетом,

И он летел, летел, устал,
Утратил в друга веру,
И без него один упал
К Румянцевскому скверу.

Звенят стаканы. Пир горой,
Ликуют транхопсисты,
Кричат: „Да здравствует герой!“ —
Неистовы, но исты.

Ура! Виват! Mon cher ami!
Виват, Борис Сергеич!
Куда ж девался, черт возьми,
Михайло Алексеич?!¹⁸

Лист 5. Простой карандаш. Строфы 5, 6, 7, 11 (и первоначально — 8) рукой М. Лозинского, остальные рукой К. Вогака. Идентичный текст имеется в фонде Б. С. Мосолова в РГАЛИ, с пометой: «22 мая 1911 г. на

¹⁸ Примечания В. Пяста во «Встречах», к стихам 12–32: «То есть с изображением Минервы над Публичною Библиотекой. Здание Армии и Флота на углу Кирочной и Литейной было покрыто сетью электрических проводов. Зимний Буфф, иначе Панаевский Театр, находился на Адмиралтейской набережной; после пожара, вследствие ветхости, не отстраивался. Румянцевский сквер — на набережной Васильевского острова, рядом с Кадетским корпусом» (с. 172); ко всему стихотворению: «Я особенно обращаю внимание на египетский стиль, соответствующий городу Сфинсков (в той его части, где происходит Трангопс), взятый как в манере ругани одного из героев, так и в сочетании эпитетов по адресу другого» (с. 173).

Румянцевской площади. Присутствовали авторы (М. Лозинский, К. Вогак) и В. Н. Соловьев, праздную день рождения последнего» (*Пяст Вл. Встречи*. С. 367). В. Пяст, получивший текст, предположительно, от Лозинского, привел его с неточностью: «Да здравствует герой, / Неистовый, но истый» и писал, ошибаясь: «такой строки мог быть автором только один Каменный Михаил Лозинский» (Там же. С. 172–173).

II. СЕССИЯ 20 ДЕКАБРЯ 1911 Г.

Очередная сессия «Транхопса» состоялась 20 декабря 1911 г. в новой квартире Лозинского, которую он снял в начале осени того же года, по адресу: Тучков пер. 5, кв. 5. Изменился и состав дружеского круга Лозинского: теперь это члены только что основанного (20 октября) Цеха поэтов, куда Лозинский вошел 10 ноября того же года. Присутствовали:

— Владимир Степанович Чернявский (1889–1948) — в те годы студент университета, впоследствии — актер;

— Николай Александрович Бруни (1891–1938, расстрелян) — недавний выпускник Тенишевского училища (1911), студент С.-Петербургской Консерватории. Вероятно, в тот день он еще не был избран членом Цеха и присутствовал на заседании «гостем», почему и участвовал в писании шуточных стихов, как видно из нижеследующего, «вне конкурса»;

— Мария Людвиговна Моравская (1889–1947) — поэтесса, в недалеком будущем издала несколько сборников стихов и книг стихов для детей¹⁹;

— Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко; 1891–1945, погибла в фашистском концлагере), в это время — слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов, жена «стряпчего» Цеха поэтов Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева;

— Владимир Иванович Нарбут (1888–1938, расстрелян), в это время — студент С.-Петербургского университета, руководитель отдела поэзии студенческого журнала «*Gaudeamus*», автор поэтического сборника «Стихи» (СПб., 1910);

— Василий Васильевич Гиппиус (1890–1942), в это время — студент С.-Петербургского университета (историко-филологического факультета), поэт и литературный критик, член Цеха поэтов (с 1911); впоследствии профессор Пермского университета, научный сотрудник Пушкинского Лома.

¹⁹ О раннем периоде ее биографии см. в статье Р. Д. Тименчика: Рус. писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. Т. 4. М., 1999. С. 124–125.

— Леонид Васильевич Лебедев (1889–?) — студент С.-Петербургского университета (историко-филологического факультета, окончил в 1913 г.)²⁰, член Цеха поэтов.²¹

Участвовал также поэт Владимир Алексеевич Пяст, упомянувший об этом заседании в своих воспоминаниях, о чем ниже.

В тот день на непосредственно предшествующем сессии «Транхопса» заседании Цеха присутствовали также Н. С. Гумилев и А. А. Ахматова, участвовать в «Транхопсе» не оставшиеся, так как должны были успеть к последнему поезду в Царское Село, — что можно уверенно предполагать по следующему месту стихотворения Лебедева: «Ахматова-пиит с искусным Гумилевым! / Далече вас умчал проворный паровоз. / Ей, роком вы от бед охранены суровым. / Мне стоил сей сонет потоков горьких слёз».

Следует заметить, что тяга к писанию шуточных стихов реализовалась в среде Цеха не только на «Транхопсе»: так, незадолго, 10 декабря, члены Цеха поэтов — Е. Кузьмина-Караваева, Вас. Гиппиус, О. Мандельштам, В. Пяст и Д. Кузьмин-Караваев — в ресторане «Вена» устроили выборы «короля поэтов» и писали по этому поводу шуточные приветствия А. Блоку.²²

Как известно, Цех поэтов был создан Гумилевым и С. М. Городецким в противовес Академии стиха (иначе — Поэтическая академия, официальное название — Общество ревнителей художественного слова), руководимой Вяч. Ивановым. В то же время члены Цеха участвовали и в работе Академии — так, на ее заседании 11 ноября 1911 г. были прочитаны и обсуждены стихотворения Ахматовой, М. А. Зенкевича и Вас. Гиппиуса.²³ Когда и где были сказаны Вячеславом Ивановым слова, перифразированные в акrostихе, точно установить не удается, по видимому — в самые недавние дни, и вероятнее — дома, на «башне», в один из «понедельников», на которых бывали Мандельштам (в этот период — часто), Нарбут²⁴, Моравская, Кузьмина-Караваева.

²⁰ В те же годы на физико-математическом отделении университета учился еще один Леонид Васильевич Лебедев. Идентификация осуществлялась на основании атрибуции почерка в документах из личного дела «нашего» Лебедева: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 52844.

²¹ Печтал стихи в «Неделе „Современного слова“» (с 1908 г.) и других повременных изданиях. Его фамилия названа К. Мочульским в перечне «досто-славных людей»: *Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому* / Вступ. статья, публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое лит. обозрение. 1999. № 35. С. 146.

²² Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 231; *Пяст Вл.* Встречи. С. 171. Неназванные Пястом «пятый» участник голосования за титул «короля поэтов» был, по нашему мнению, Д. В. Кузьмин-Караваев, а «одна поэтесса» — Е. Ю. Кузьмина-Караваева.

²³ Русская художественная летопись. 1911. № 20. С. 321, отчет В. А. Чудовского.

²⁴ См., например: *Мандельштам О.* Камень. Л., 1990. (Лит. памятники). С. 246; *Кузьмин М. А.* Указ. соч. С. 316.

Итак, переходим к текстам.

<Сонет-акростих «Цех ест Академию»>

Цех Поэтов
20.XII.1911
Сонет-акростих
Тучков, 5

Авторы:

« <i>Sit modus in rebus</i> » ²⁵	— Л. В. Лебедев
«Вроде сонета»	— Е. Ю. Кузьмина-Караваяева
«Суровый Дант не презирал сонета»	— В<ас>. В. Гиппиус
«Гюльнара»	— В. А. Пяст
«Чик-чик»	— М. Л. Моравская
«Два нуля»	— В. И. Нарбут
«Головой вниз»	— М. Л. Лозинский
«Бри, бди»	— Чернявский

Вне конкурса: Н. А. Бруни

Обложка. Автограф М. Лозинского, синий карандаш.

<Л. В. Лебедев>

Царит молва гремучая по всей пустыне:
Ест академию «зело-предерзкий» цех.
Хоть не великий пост, и не Успенский ныне, —
Есть Академию, бесспорно, смертный грех.

Смотри, цеховики стараются в гордыне:
Такой сонет соорудить совсем не смех.
А лица строгие, как будто у святыни,
Как в смертный час, взопрели до ручьев у всех.

²⁵ *Sit modus in rebus* — Да будет мера во всем (лат.). Это перифраз из «Сатир» Горация: *Est modus in rebus* (II, 1, 106).

Ахматова-пиит с искусным Гумилевым!
Далече вас умчал проворный паровоз.
Ей, роком вы от бед охранены суровым.

Мне стоил сей сонет потоков горьких слёз,
И сладкая еще гадательна награда:
Юстиция, — возри на злые муки ада.

Автограф, карандаш. Подписано девизом: *Sit modus in rebus. Успенский пост* — с 1 по 14 августа (ст. стиля), перед праздником Успения Пресвятой Богородицы.

<Е. Ю. Кузьмина-Караваева>

Цена намечена судьбою:
Еще не снялися мы с мест,
Хоть Вячеслав гремит трубою:
«Ест Цех нас, ест».

Свершен прекрасный путь тобою.
То заключен великий трест.
А академия нас к бою
Кровавому за этот жест,

Алкая мести<, > вызывает;
Дрожа, речет: «ах, долго время я
Единою была, святая академия!

Мне цех всё сердце разрывает!»
И скоро мудрый наш ревнитель
Юдоль скорбей примет, как обитель!

Автограф, карандаш. Подписано девизом: *Вроде сонета.*

<Василий Гиппиус>

Цветком волшебным распустился цех<,>
Его и Гумилев и Городецкий<,>
Хваля Олимп, произвели на грех<,>
Едя в кондитерской пирог немецкий.

Склонился перед ним «Журнал для всех»,
Толкнул его «Галченоч» в двери детской,
Ахматова, с своей улыбкой светской<,>
Коринною его была — да эх! —

Ах, срифмовал бы жест и надоест<,>
Да страшны кулаки и зубы Пяста<,>
Его Недоброво и тот не съест<.>

Мне лучше на стихах поставить крест<.>
Истертые, мелькающие часто<,>
Юлите<,> рифмы<,> прочь<,> вас стало за сто.

Автограф, карандаш. Подписано девизом: Суровый Дант не презирал сонета. *Едя в кондитерской пирог немецкий...* — Ср. в воспоминаниях Ахматовой: «Инициаторами были Гумилев и Городецкий <...> Они несколько раз встречались в каких-то ресторанах и сговаривались» (Будыко М. И. Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 488). *Склонился перед ним „Журнал для всех“, / Толкнул его „Галченоч“ в двери детской.* В «Новом журнале для всех» в 1911 г. печатался Л. В. Лебедев, а с начала 1912 г. — С. М. Городецкий и В. И. Нарбут; в детском журнале «Галчонок» — Н. С. Гумилев, С. М. Городецкий, М. Л. Моравская. *Ах, срифмовал бы жест и надоест<,> Да страшны кулаки и зубы Пяста<,> Его Недоброво и тот не съест<.>* Возможно, речь идет о дисгармонии предупредных согласных в рифме. Вопрос о рифме обсуждался на собраниях «про-Академии» на «башне» Вяч. Иванова в 1909 г.²⁶ Николай Владимирович Недоброво (1882–1919) — поэт и литературный критик, так же, как и Пяст, автор работ по стиховедению и активный участник деятельности Академии стиха.

²⁶ Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 92–97.

<В. А. Пяст>

Цари стиха собрались во цех,
 Ездок ретивый, Дмитрий Караваев,
 Ходок известный, ярый враг трамваев,
 Калош презритель, зрящий в них помех-

У для ходьбы — то не Борис Бугаев,
 Шаманов враг, но тот <, > чьё имя всех
 Артельцев привлекает; кто до «Вех»
 Еще и не касался — шалопаев —

То яростный гонитель — Гумилев;
 Я вам скажу, кто избран синдик третий —
 Сережа Городецкий то — заметь и

Тревожный стих приготавливай — не рёв,
 Воспеть того иль ту, чьё имя славно,
 А начала писать стихи недавно.

Автограф, карандаш. Подписано девизом: Гюльнара. Этому собранию Цеха и писанию шуточных стихов Пяст посвятил две страницы во «Встречах», где процитировал свое стихотворение, мотивируя изменение акростиха в нем — «Цех ест яства», и отредактировал два стиха в тексте.²⁷ Со слов Пяста стихотворение было записано в альбом М. Шкапской 8 декабря 1924 г., с пояснением к двум последним стихам: «Сиречь Ахматова».²⁸ *Артельцы*. Подразумеваются члены Цеха поэтов. *Кто до „Вех“ / Еще и не касался — шалопаев — / То яростный гонитель — Гумилев*. Речь идет о критических выступлениях Гумилева, вероятно, с аллюзией на его статью «Поэзия в „Весех“» (Аполлон. 1910. № 9).²⁹

²⁷ Пяст Вл. Встречи. С. 143. Здесь ст. 3: «Ходок заклятый, ярый враг трамваев», ст. 7: «Арабов устрашает, кто до „Вех“».

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 246.

²⁹ Синтаксис стихотворения сложен; характеристика «Шаманов враг» — относится, по-видимому, к Гумилеву (под «шаманом» мог подразумеваться «Борис Бугаев», о манере чтения стихов которым некоторые мемуаристы писали как о «шаманстве»). Характеристику «Ходок известный, ярый враг трамваев, Калош презритель, зрящий в них помех- У для ходьбы» относим к Д. В. Кузьмину-Караваеву. Противоречие с идущим выше «ездок ретивый» — кажущееся: здесь, вероятно, подразумевается тяга к дальним поездкам или путешествиям.

<М. Л. Моравская>

Ценней всего на Божьем мире смех<,>
Его изгонит Иванов наверно,
Хорей и ямб отстукивая мерно...
Ест цех его — бунтующий наш цех!

Среди хореев нет для нас утех,
Такое общество скучно безмерно!
А Вячеславу <мы> поверим суеверно —
Корней Чуковский выругает всех,

Ах, что за рок, печальный и постылый
До Академии дойти стопой унылой
Сидеть и ждать всех ссылок на Илиаду...

Мы не могли б бывать там часто кряду,
Июнь прохладней, чем споры Иванова,
Юдоль всей Греции тревожащего сна.

Автограф, карандаш. Подписано девизом: Чик-чик. *Корней Чуковский выругает всех*. Подразумеваются литературно-критические выступления К. И. Чуковского в периодической печати тех лет.

<В. И. Нарбут>

Целый день ворчит Иванов:
«Если тяжек первый грех
Хищной прелестью обманов
Еле понятых утех, —

Срок придет<,> и, не увянув,
Телом крепким, как орех,
Академию диванов
Колесом пушу на Цех.

А, уж если не поможет
Дионис на этот раз
(Э, да ринусь на-авось!), —

Михаил Кузмин стреножит
Ихний пыл томленьем глаз —
Южной дружбой». Удалось!

Автограф, карандаш. Подписано девизом: Два нуля. Удачный экспромт Нарбута был вскоре отредактирован коллективно (как это происходило впоследствии с «Антологией античной глупости» Мандельштама) или переработан автором, и в таком виде вошел в «фольклор» Цеха поэтов:

Не расцвел и не увянув,
С телом крепким как орех,
Вячеслав, Чеслав Иванов
На посмешище для всех
Академию диванов
Колесом пустил на Цех.

(Пяст В. Встречи. С. 171). Позднее его цитировала Ахматова в «Листках из дневника» (Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 188).

<М. Л. Лозинский>

Царит еще над ширью этих мест
Един Иванов в башне из гранита <,>
Хоть в ней уж реже хлопает подъезд <,>
Езда не так к Таврической сердита <.>

Скажи, Иванов, ты не сел ли в бест <,>
Твоя твердыня что-то позабыта.
Ах, неужели время ставит крест <,>
Крест навсегда на имени пиита.

Ах, на Тучковом не одно ребя
Донос ужасный пишет на тебя!
Еще не всё однако же пропало <.>

Молодозелен многобуйный цех
И гордость многих молния карала
Юпитера в бестрепетных руцех.

Автограф, карандаш. Подписано девизом: Головой вниз.

<В. С. Чернявский>

Цените откровения утех
Еще вовек неведомых доньне!
Хочу сказать, какую всем в пустыне
Еду духовную готовит цех...

Сонеты цеха не оставят в спине
Того<,> кто ныне не отринет смех<,>
А ночью, право, с шуткою не грех
К старейшей обратиться половине...

Ах, академия, ах, старшая сестра<,>
Должна ли ты так к цеху быть ревнива<,>
Его ли молодые вечера

Могла ты так позорить некрасиво<.>
Иератический король пера
Юнейших принцев судит торопливо.

Автограф, карандаш. Подписано девизом: Бри! Бди! Источник девиза: Бри! — реплика персонажа в пьесе А. Блока «Незнакомка» (наблюдение Г. А. Левинтона), Бди! — афоризм Козьмы Пруткива.

<Н. А. Бруни>

Цари и боги в мире струнном<,>
Един был властный ваш успех.
Хотели в мире вы подлунном
Едой духовной быть для всех.

Сурово сжали без помех
Тугим кольцом, кольцом чугунным,
Академическим... Вдруг цех,
Кольцо порвав<,> напал, как гунны!

«Ах<,> что? Ах<,> где? Куда, откуда!
Далёко ли и что за чудо
Еще неожиданно родилось <.>

Мы жили доблестно <, > покуда <...>
 Иуда этот цех — Иуда!
 Юпитер! Гибнет славный росс».

Автограф, черная тушь. На обороте: М. Л. Лозинскому. Для коллекции от Н. А. Бруни. Ату его!

На следующем листе записаны результаты конкурса, показывающие, что на баллотировках Лозинский и Нарбут собрали одинаковое число голосов.

III. Сессия 1 апреля 1912 г.³⁰

Ей предшествовало заседание Академии стиха 18 февраля 1912 г., посвященное чтению и обсуждению докладов Вяч. Иванова и А. Белого, тексты которых были напечатаны в номере первом журнала «Труды и дни», в связи с выходом которого писались публикуемые ниже «дуодецимы» (стихотворения в двенадцать строк) с акростихом «Труды и дни — гил[ь]». В прениях по докладам «синдики» Цеха Д. В. Кузьмин-Караваев, С. М. Городецкий и Н. С. Гумилев выступили согласованно: по отчету Н. В. Недоброво, Городецкий «сказал слова... в которых заключалась формула его полного обособления от символизма», а Гумилев «также заявил о своем отрицательном отношении к символизму» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 26–27).

Номер первый «Трудов и дней» вышел в двадцатых числах марта 1912 г. Из авторов, упоминаемых в следующих ниже «дуодецимах», в номер вошли работы: *Иванов Вяч.* Мысли о символизме; *Белый Андрей.* О символизме; *Пяст В.* Нечто о каноне; *Кузьмин М.* «Сог ardens» Вячеслава Иванова. О журнале см. статью А. В. Лаврова в его кн. «Русские символисты: этюды и разыскания» (М., 2007. С. 499–514).

³⁰ Следует упомянуть о собрании Цеха поэтов 1 февраля 1912 г., на котором был написан цикл куплетов хвалебного и шуточного содержания (авторы: А. Ахматова, С. Городецкий, В. Нарбут, М. Лозинский, Ал. Толстой), см.: *Тыменчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник РО ИРЛИ на 1974 год. Л., 1976. С. 59–60. По жанру, однако, к «транхопсам» мы их не относим.

<Акrostих «Труды и дни — гил[ь]»>

Дуодецима
(1 ½ октавы)
1 апреля 1912
Царское Село

1. Вас. Гиппиус
2. Гумилев
3. Кузьмин-Караваев
4. Лозинский

Обложка. Рукой М. Лозинского, красный и простой карандаш. Над заглавием — рисунок лиры.

<Д. В. Кузьмин-Караваев>

Ты, Вячеслав, и ты<,> Андрей, руды,
Раз навсегда зарытой у Ани,
Уколупнув осколок, у воды
Друг другу кажете: и вот огни
Ызывные горят; отражены сады;
Изошрены усладой ясной, дни
Достигли радостной вершины; киль
На корабле судьбин трещит; и пыль,
Излучена размахом бурь, ложится у воды.
Гиль, господа, мечтать, что мстит Ани
И губит. Нет. Он просто мечет в пыль.
Лишь мы высокой честности узрели шпиль.

Царское Село. 1 апреля 1912.

Машинопись. Рукой Лозинского приписано имя автора. *Руды, Раз навсегда зарытой у Ани... мечтать, что мстит Ани И губит. Нет. Он просто мечет в пыль.* Раскрыть тайну Ани (собств., муж.) нам не удалось.

<М. Лозинский>

Труды и дни, бесплодные труды,
 Растерянно потерянные дни!
 Ужель источник ключевой воды
 Дрянною тряпкой мнят заткнуть они!
 Ычжоуские твердыни не тверды
 И не страшны корейские огни <—>
 Дни и труды, паля за 200 миль,
 На нас упав, развеются, как пыль <.>
 И мы стоим, бодры и молоды
 Гроза <на> нас, но мы выросли, как пни,
 И зеленея, как трава ковыль,
 Лелеем зерна будущего быль.

Черновой автограф, карандаш. Позднейшая приписка М. Лозинского: М. Лозинский. 1 апреля 912. Ц. Село. *Ычжоуские твердыни не тверды И не страшны корейские огни*. Обыгрываются реалии Русско-японской войны 1904–1905 гг.

<Вас. Гиппиус>

Тебя поём, что розовой звезды
 Родился розовее — притяни
 Урода, Гумилев, скорей в суды
 Димитрий, стряпчий; правдой осени
 Ыройский Цех, поток святой воды <,>
 И <,> счастье рая, свет свой урони <.>
 Долой академическую пыль <,>
 Не нужен ни Ренье, ни Рене Гиль <,>
 И с бородой ты иль без бороды <,>
 Гордись, о цеховик — переверни
 Историю российскую — не ты ль
 Ликующий ее поднимешь киль.

Черновой автограф, чернила. Позднейшая приписка М. Лозинского: Вас. Гиппиус. 1 апр. 912. Ц. Село.

<Н. Гумилев>

Так было раз<:> на все лады
Рыча на всё и вся, они
Условились издать труды
Дабы свои наполнить дни
Ы, цеху крикнули, горды:
Идем на вы, хотим грызни<.>
Диванов князь Иванов иль
Неврозный Белый вóпят<:> пиль<!>
И что же<:> мышь в часы беды
Грызет<,> кряхтя<,> „Труды и дни“<,>
И Аполлон на эту гиль
Лишь стонет<:> Муза, Муза, ты ль.

Черновой автограф, чернила. Позднейшая запись М. Лозинского: Н. Гумилев. 1 апр. 1912. Ц. Село. *Диванов князь Иванов* — перефразированные строки Нарбута из его «транхопса» 20 декабря 1911 г. (см. выше). *Неврозный Белый вóпят <:> пиль <!>*. Первоначально было: *Неврозный Белый Пяст Кузмин*.

IV

В архиве Лозинского сохранился недатированный сонет-акrostих Гумилева «Брюсов и Сологуб», уже известный читателю по нескольким публикациям³¹. Форма — сонет-акrostих — приводит к предположению о том, что он был написан в рамках «транхопса», и что были другие сонеты-акrostихи, во всяком случае М. Лозинского, которые до нашего времени не дошли или не разысканы. Из текста, а также из обстоятельных комментариев к указанным выше изданиям видно, что: 1) тема

³¹ Впервые: Литературное обозрение. 1987. № 7. С. 107, в публ. А. В. Лаврова «Не покоряясь магии имен: Н. Гумилев — критик. Новые страницы». Далее: *Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии* / Сост. Г. М. Фридендера, коммент. и подгот. текста Р. Д. Тименчика. М., 1990. С. 324; *Гумилев Н. С. Соч. в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 291–292*, в обоих изд. — в коммент. Р. Д. Тименчика; *Викторова С. А. К истории творческих взаимоотношений Игоря Северянина и Федора Сологуба* // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 4 (http://history.yar.ru/vestnik/novye_Issledovaniy/29_8/).

сонета связана с выходом «эгофутуристского» альманаха «Орлы над пропастью», в котором вместе с эгофутуристами (из них в сонете названы Игорь Северянин, Константин Олимпов и Михаил Пруссак) участие приняли В. Я. Брюсов (незадолго до того хвально писавший о поэзии Северянина в обзоре «Сегодняшний день русской поэзии»³²) и Ф. К. Сологуб (вскоре написавший и предисловие к «Громокипящему кубку» Игоря Северянина) — в своей рецензии на альманах (Гиперборей. 1912. № 3) Гумилев отозвался о его стихотворении как о «самом дурном» из всех написанных Сологубом; 2) в это время, осенью 1912 г., Гумилев вел переговоры с Северяниным о вхождении в Цех поэтов (казавшиеся успешными, ибо в ноябре, во втором номере «Гиперборей», органе Цеха поэтов, Северянин поместил письмо о своем выходе из группы «Его» и вскоре передал для публикации в «Гиперборее» три стихотворения³³), что подразумевается в словах *«Игорь Васильич был совсем не глуп<, > Сбежал от них и остальных турусов»*.

Приводим текст в нашем прочтении, несколько отличающемся от предшествующих публикаций:

Беда пришла для символизма <—> Брюсов
 Решил: теперь мне Северянин люб<.>
 Юдоль печали<,> Федор Сологуб<,>
 Сказал: и я не из породы трусов<.>

Однако столько ж минусов<,> как плюсов
 В афере этой; с молоком у губ
 Игорь Васильич был совсем не глуп<,>
 Сбежал от них и остальных турусов<.>

³² Русская мысль. 1912. № 7. Здесь он назвал Северянина «настоящим поэтом, поэзия которого все более и более приобретает законченные и строгие очертания» (цитируется по изд.: Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924 / Составители Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. М., 1990. С. 367). О поэзии Гумилева в том же обзоре Брюсов писал намного сдержаннее (Указ. соч. С. 364–365), что должно было задевать Гумилева тем сильнее, что он считал себя учеником Брюсова. Об отношениях с Брюсовым см. вступительную статью Р. Д. Тищенко и Р. Л. Щербакова к публикации переписки Брюсова и Гумилева в кн.: Лит. наследство. 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 400–411.

³³ См.: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. С. 325, упомянутые здесь стихотворения Северянина находятся в архиве Лозинского. В указанном издании обстоятельно прокомментированы отношения Гумилева и Северянина: 18 октября 1912 г. Северянин был в Царском Селе у Гумилева; их отношения не прерывались еще в течение двух-трех месяцев, так, из письма Северянина Гумилеву от 20 ноября явствует, что Гумилев был намерен нанести Северянину ответный визит.

Орлы над бездной, где же простыня <, >
Любимая, что <, > ласково маня <, >
Открыл под вами Игорь Северянин <. >

Грозит вам бездна, имя ей просак <, >
Уж вам друзья Олимпов и Прусак <, >
Был символизм <, > и вот он <в> сердце ранен <. >

Автограф с правкой. На обороте листа с рисунками и записями делового характера, относящимися к итальянскому путешествию Гумилева в апреле–мае 1912 г., это обстоятельство позволяет предполагать, что Гумилев писал сонет у себя дома, в Царском Селе. Если верно наше предположение о том, что сонет написан в рамках «транхопса», то это могло произойти после одного из ближайших заседаний Цеха в Царском Селе — 1 или 10 октября, 1 или 15 ноября. *Где же простыня... Открыл под вами Игорь Северянин.* Подразумевается прием, применявшийся в то время для спасения людей при пожаре: под окнами растягивали простыни, на которые люди прыгали из окон; таким способом ослаблялся удар о землю.

V. Сессия 15 октября 1912 г. «ПАСТОРАЛЬ»

Следующий сонет написан по мотивам прошедшего 15 октября 1912 года юбилейного заседания университетского Неофилологического общества, доклад на котором, «Эволюция романтической теории» (на что намек в словах «романтическим собакам»), прочитал декан романо-германского отделения, профессор Федор Александрович Браун (1862–1942). В письме к В. М. Жирмунскому от 19 октября К. В. Мочульский отозвался о докладе с иронией (упомяная также выступление в прениях философа Эрнеста Львовича Радлова, 1854–1928): «...читал свой доклад, показавшийся мне интересным не столько новизною материала, сколько своеобразным и тонким методом его расположения и остроумием выводов. Правда, я представлял себе его более строго-научным, но если принять во внимание популярное издание, для которого он писан, то тогда эти требования покажутся излишними. Возражал один Радлов, объявивший, что из реферата он вывел, что у Фр. Шлегеля никакого собственного мировоззрения не было: живи он в наше время, он с радостью сделался бы нищеанцем. Федор Александрович с этим согласился».³⁴

³⁴ Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому / Вступ. статья, публ. и примеч. А. В. Лаврова // Новое лит. обозрение. 1999. № 35. С. 143–144.

Для понимания текста следует еще знать, что на заседании подавали чай с печеньем, которое, согласно стихотворению, поглощал Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) — приват-доцент по кафедре западных литератур. Коган Петр Семенович (1872–1932) — приват-доцент по кафедре романо-германской филологии университета.

Пастораль

В германских пущах слышен рёв позаун
И стук тревожный факультетских дятлов.
Студент, косматых не пригладив патлов,
Спешит на травлю баснословных фаун

Но романтическим собакам „down!“
Вскричал свирепый доезжачий Радлов.
Так вот чем кончился твоих наяд лов,
О, рыцарь Университета Браун!

А между тем, печенья в рот напичкав,
Идей течение запрудил Аничков.
Со стула встал и прочь пошел Коган,

Сказав: „Доклад сегодня был поган!
Увы, то не доклад, а коты клизма,
Известного под кличкой романтизма!“

М. Лозинский
О. Мандельштам
В. Гиппиус

Волховской 2.
15 октября 1912.

Беловой автограф М. Лозинского. Черная тушь. Из приложенных черновиков видно, что первый катрен сочинен М. Лозинским, ст. 5 и 10–14 — О. Мандельштамом, остальные стихи — Василием Гиппиусом при участии О. Мандельштама. «Down!» (англ.) — «лечь!» (приказание собаке). В слове «позаун» (транслитерация нем. rosaune — труба органа или тромбон) — вероятно, намек на строку стихотворения профессора Д. К. Петрова из его сборника «Элегии и песни», в цитированном выше письме к Жирмунскому Мочульский писал: «По-моему, вообще не легкая задача описать жизнь Петрова красками: она — сплошной трубный звук (см. „увеселяемы трубою“ и Сборник Стихов *passim*)».

В письме от первой половины мая 1913 г. Мочульский процитировал первую строку «Пасторали».³⁵

VI. СЕССИЯ 28 ДЕКАБРЯ 1912 ГОДА

По письму М. Л. Лозинского к С. С. Граалю-Арельскому, в этот день состоялось «полуцеховое собрание в честь приехавшей в ПБ на праздники Е. Ю. Кузьминой-Караваевой» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 761. Л. 3). В Цехе поэтов Е. Ю. принимала участие начиная с первых собраний, на одном из них прочитала доклад о поэзии Лозинского (письмо Лозинского к брату от 6/19 дек. 1911 г.; текст доклада сохранился) и позднее под маркой Цеха издала сборник стихов «Скифские черепки» (март 1912 г.); о ее участии в Цехе см.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. P. 25, 32. В Петербург Кузьмина-Караваева приехала из своего имения в Анапе, где находилась с лета. Весной 1913 г., оставив мужа, Д. В. Кузьмина-Караваева, вернулась в Анапу (см. предисловие А. Н. Шустова к изданию: Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб., 2000. С. 10). От нынешнего заседания сохранились стихи Кузьминой-Караваевой и триолеты Василия Гиппиуса.

<Е. Ю. Кузьмина-Караваева>

28/ХII/12

Они сидели в полутьме
На волховском, на переулке,
И пили чай, и ели булки,
И сочиняли бу-Римэ.
Но булки вышли, чай иссяк<,>
Иссяк и спор об акмеизме<,>
Блеснул сонет об романтизме<,>
И о подушке думал всяк<.>
Читатель, ах, транхопс наш высмей.

Автограф, карандаш. Позднейшая запись М. Лозинского: Волховской 2. 28 марта 1914 (в числах года и месяца Лозинский ошибся, неверно прочитав цифры даты Кузьминой-Караваевой).

«Сонет об романтизме» (вероятно, писавшийся на заданные рифмы) в архиве Лозинского не сохранился. В поздние годы Ахматовой по

³⁵ Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому // Новое лит. обозрение. 1999. № 35. С. 142; 162.

памяти были записаны «обрывки сочиненной Цехом пародии на знаменитый сонет Пушкина», который пока что не удастся увязать ни с одной «сессией» транхопса; приведем его здесь:

Valére Brussoff не презирал сонета,
Венки из них Иванов заплетал,
Размеры их любил супруг Анеты,
Не плоше ль их Волошин лопотал.

И многие пленялись им поэты,
Кузмин его извощиком избрал,
Когда, забыв воланы и ракеты,
Скакал за Блоком, да не доскакал.

Владимир Нарбут, этот волк заправский,
<пробел> в метафизический сюртук облек
<.....>
И для него Зенкевич пренебрег
Алмазными росинками Моравской.

(Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 186).

<Вас. Гиппиус>

По пятницам в «Гиперборее»
Расцвет литературных роз.
И всех садов земных пестрее
По пятницам в «Гиперборее»,
Как под жезлом воздушной феи,
Цветник прельстительный возрос,
По пятницам в «Гиперборее»
Расцвет литературных роз.

Выходит Михаил Лозинский,
Покуривая и шутя,
С душой отцовско-материнской,
Выходит Михаил Лозинский,
Лелея лаской материнской*
Свое журнальное дитя,

Выходит Михаил Лозинский,
Покуривая и шутя.

У Николая Гумилева
Высоко задрана нога,
Далёко в Царском воеет Лёва,
У Николая Гумилева
Для символического клёва
Рассыпанные жемчуга,
У Николая Гумилева
Высоко задрана нога.

Печальным взором и пьянящим
Ахматова глядит на всех,
Глядит в глаза гостей молчащих,
Печальным взором и пьянящим,
Был выхухолем настоящим
Ее благоуханный мех.
Печальным взором и пьянящим
Ахматова глядит на всех.

Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Покачивает головой,
В акмеистичное ландо сев,
Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Одежды символизма сбросив,
Сверкает речью огневой,
Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Покачивает головой.

А Гиппиус на дальнем стуле
Марает вольный триолет,
Напал на стену (но на ту ли?),
А Гиппиус на дальнем стуле,
Горяч, как самовары в Туле,
Пронзителен, как пистолет.
А Гиппиус на дальнем стуле,
Марает вольный триолет.

28 декабря 1912

* Рукой лаская исполинской [вариант]

Черновой автограф рукой Вас. В. Гиппиуса. Сноска и дата — рукой Лозинского.

Впервые полностью: Ахматова А. Десятые годы / Сост., примеч. Р. Д. Тименчика, К. М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 80–82, с неточностями в тексте строфы 5. Цитировалось Ахматовой: Ахматова А. Листки из дневника // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 187, а также И. Одоевцевой (со слов Н. Гумилева) с пародийным вариантом стиха 30: «У ней на сумке драный мех» (Одоевцева И. В. Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М., 1998. С. 230). Вторую строфу триолета процитировал по памяти Георгий Иванов в очерке «Гиперборей» (Звено. Париж, 1924. 7 июля. С. 2).

Триолет (франц. *triolet*) — стихотворение из восьми стихов на две рифмы, при этом первый стих в обязательном порядке повторяется в четвёртой и седьмой, а второй стих — в завершающей строке.

По пятницам в «Гиперборее». — Редакционные собрания журнала «Гиперборей» проходили в квартире Лозинского по пятницам.

VII. СЕССИЯ 15 МАРТА 1913 г. СОНЕТ-АКРОСТИХ «НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ»

Нижеследующие «транхопсы» писались в Царском Селе, в доме Н. Гумилева. Конкретный повод к писанию ясен из первых трех строк сонета М. Л. Лозинского:

Несчастье! я все истратил спички
И вышел мой излюбленный табак<.>
Какое горе стать рабом привычки<!>
О<,> закурить бы! Вновь увидит зрак

Любовь оранг-утанга и калмычки<,>
Аддис-Абебы благовонный знак<,>
И прыть Синдбада, что на легкой гичке
Гигантский Понт переплывал сквозь мрак<.>

Увидит небо дальних Абиссиний<,>
Моря Левкиппа в славе вечно синей<,>
И Чад, и Чад изысканный жираф<.>

Легко и вольно может жить курильщик<:>
Ему не страшен врач, смешон могильщик<,>
В его дому вином наполнен шкаф.

Беловой автограф с правкой. На поле записаны (обязательные) рифмовые слова: «спички», «табак». Позднейшая запись М. Лозинского: Царское Село. 15-III-13. Дата — день рождения Н. Гумилева (по новому стилю), и празднование было совмещено с собранием Цеха поэтов. В сонете Лозинского обыгрываются мотивы стихотворений Гумилева: «Орел Синдбада», «Жираф», «Озеро Чад». *Моря Левкиппа в славе вечной синей*. Не ясно, какой из трех Левкиппов (один — основатель древней атомистики и два мифических — царь Мессении; сын царя Эномая, влюбленный в нимфу Дафну) упомянут Лозинским. В стихах Гумилева до 1913 г. Левкипп не упоминается.

«Ответный» сонет-акrostих Гумилева отложился в РГАЛИ³⁶:

Никогда не сделаю я так<:>
Исповедать всем мои привычки<.>
Как! носить клеймо позорной клички <—>
О самом себе слагатель врак.

Лучше буду я курить табак<,>
А Мочульский пусть дает мне спички<,>
И другие птички-невелички
Говорят сонеты так и сяк.

У меня уже четыре книги<,>
Мальчик и жена — мои вериги<,>
И не стану я писать сонет.

Любят только дети упражнений<,>
Если я поэт, то без сомнений
Вам на просьбы я отвечу «нет»!

«Четыре книги», вышедшие к 1913 году, а также «мальчик и жена» в стихотворении Гумилева, кажется, в пояснениях не нуждаются. Упоминаемый Гумилевым К. В. Мочульский ранее, в начале февраля, сообщил В. М. Жирмунскому: «Я последнее время очень сблизился с поэтом

³⁶ Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 3. Полностью напечатано в первой публ. данной «сессии» «Транхопса», см. выше; ранее две строки из него процитировал Р. Д. Тименчик в статье: Неизвестные письма Гумилева // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 76).

Гумилевым, который мне очень симпатичен (представь!), в котором я нашел больше того, что ждал. Он готовится теперь к проверочным испытаниям по греческому и латинскому языкам, и я занимаюсь с ним сими предметами». ³⁷ Мочульский, очевидно, был приглашен на день рождения и присутствовал при рождении сонета.

VIII. СЕССИЯ 17 ФЕВРАЛЯ 1914 ГОДА

В этот день собравшиеся (в квартире М. Л. Лозинского? в доме Гумилевых в Царском Селе?) трудились над сочинением стихов «Антологии античной глупости». На листе с этой датой рукой Лозинского и неустановленного лица записаны три из них, «героем» которых был Лозинский. ³⁸ На обороте листа — рисунок Лозинского, изображающий сцену закрытия Цеха поэтов Левого Гумилевым с надписью: «[Пусть] Вот Левушка подрастет и закроет цех!» (см. иллюстрацию).

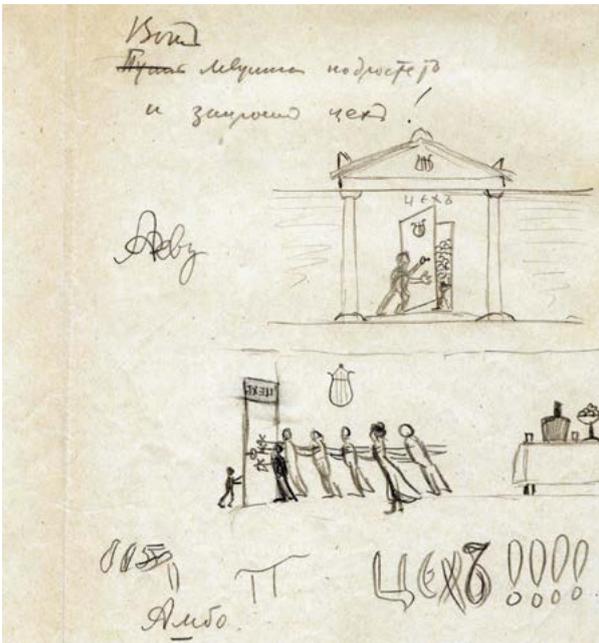

Иллюстрация к сессии 17 февраля 1914 г.

³⁷ Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому. С. 158.

³⁸ См. стихи 4, 5, 6 из этого цикла и комментарий к ним: ПССиП 2020. Т. 1. С. 290, 625.

Комментарием к рисунку Лозинского могут служить слова Ахматовой: «в зиму 1913–14 (после разгрома акмеизма) мы стали тяготиться Цехом и даже дали Городецкому и Гумилеву составленное Осипом и мной прошение о закрытии Цеха».³⁹ Решение о закрытии Цеха поэтов было принято Гумилевым и Городецким 21 дек. 1914 г., о чем последний известил Лозинского письмом от 13 янв. 1915 г. (архив М. Л. Лозинского).

IX. СЕССИЯ 28 МАЯ 1915 ГОДА

От этой сессии сохранился только сонет-акrostих «Хозяину К. Лян-дау», написанный М. Л. Лозинским, — как следует из текста, в квартире Ляндау, называемой в мемуарах «подвалом» (на самом деле — полуподвалом), по адресу: Фонтанка 23, кв. 3. Константин Юлианович Ляндау (1890–1969), в то время — студент университета (историко-филологического факультета) и начинающий поэт (в 1916 издал сборник стихов «У темной двери»⁴⁰ и собрал, вместе с Е. Г. Лисенковым, «Альманах Муз»), а впоследствии — театральный режиссер (эмигрировал в 1920, умер в Бельгии), в 1915 г. снял и со вкусом обставил квартиру по указанному адресу, которая стала местом собраний поэтов (М. Кузмин, Ю. Юркун, С. Есенин, В. Чернявский, Вас. Гиппиус, Рюрик Ивнев, М. Струве, О. Мандельштам, В. Шилейко и мн. другие).

Увы, опознать в «Хусейн-оглы», воспетом Лозинским, реальную фигуру не удается.

Хусейн оглы<,> чьё ложе отоманка<,>
Объятый жаждой северных картин<,>
Задумал плыть туда, где ложем тин
Янтарный груз струит к Неве Фонтанка<.>

И есть ли грезам лучшая приманка<,>
Но он<,> как муха в нитях паутин<,>
Узнал, что в мире есть всему изнанка<,>
Когда попал в Пирее в карантин.

Летели годы. Всё менялось. Питер
Явил вселенной перемену литер.
Но ни чертогов, где портреты Дау

³⁹ Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 192.

⁴⁰ Рецензировался Гумилевым, см.: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Комментар., подгот. текста Р. Д. Тименчика. М.: Современник, 1990. С. 204, 336.

Досель Хусейн не видел, ни канала
Адмиралтейского, ни див подвала,
Устроенного для себя Ландау.

Черновой автограф, карандаш. Позднейшая помета М. Лозинского:
28.V.15.

Х. СЕССИЯ 20 ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА

Во время сессии писался сонет на заданные рифмы: «Федор Сологуб», «Вячеслав Иванов», «Иосиф Мандельштам», «Гумилев». Сохранился только опыт М. Л. Лозинского, записавшего рифмы на правом поле листа. Темой было прошедшее 12 декабря заседание Общества ревнителей художественного слова, первая часть которого была посвящена «собеседованию» по общей теории стихосложения (под председательством Н. В. Недоброво). «Вторая часть вечера была, по обычаю „Академии Стиха“, отдана слушанию (под руководством проф. Зелинского) стихов. Свои произведения читали Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский, Владимир Пяст» (*Litotes*. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон, 1916. № 2. С. 55–56). Содержание терцетов получит свое объяснение, если сопоставить его с мемуарным наброском Г. В. Адамовича, посвященном стихотворению «Я не увижу знаменитой „Федры“...» Мандельштама: «На одном из вечеров в „Аполлоне“, незадолго до революции, Мандельштам читал их в присутствии Вячеслава Иванова. Тот отнесся к ним холодно, тут же превознеся до небес довольно заурядные стихи, прочитанные В. Пястом. На Гумилеве лица не было. Оценку Вяч. Иванова он приписал его заведомой вражде к акмеизму и был тем более ею возмущен».⁴¹

⁴¹ Опыты. 1956. № 6. С. 93. О том же случае Адамович писал на 20 лет раньше с некоторыми отличиями в деталях: «Брюсов учил писать хорошие стихи, а Вячеслав Иванов мечтал писать стихи так, чтобы изменилась жизнь... Даже Гумилев, убежденнейший последователь Брюсова, это признавал и чувствовал. Он нередко на Вячеслава негодовал (вспоминая случай, когда тот, публично восхитившись бледными виршиами Пяста, снисходительно поморщившись, разобрал затем, как „довольно любопытный“ опыт, великолепнейшее стихотворение Осипа Мандельштама о Расине: на Гумилеве лица не было!), но именно потому, что слишком его ценил, потому, что знал, как затемняют иногда разум случайные дружеские пристрастия» (*Адамович Г. Две статьи // Последние новости*. 1938. 13 января. № 6137. С. 3). За помощь в подготовке комментария приношу благодарность О. А. Коростелеву.

<М. Лозинский>

Когда сухих не размыкая губ<,>
На кафедру поднялся Сологуб
И тихо лопнул многогрешный Федор<,>
Suavillinum распространился odor<.>

Сей сладостный восславить кенотаф
Ему вослед поднялся Вячеслав,
И тоже лопнул, но в громах, Иванов,
Распространяя душный клуб дурманов.

Присутствовавший Мандельштам Иосиф,
На полуслове Третий Камень бросив<,>
Сжег все проекты будущих стихов<.>

Его журил, как старший, Гумилев:
Такая робость, милый, неприлична<,>
Их жизнь дурна, но смерть акмеистична.

Черновой автограф, карандаш. Позднейшая помета М. Лозинского: 20.XII.1915. У М. А. Струве. *Suavillinum odor* — сладчайший аромат (лат.)

Михаил Александрович Струве (1890–1948) — поэт, член второго Цеха поэтов; в 1916 издал сборник стихов «Стая» (отрецензирован Н. С. Гумилевым). В 1915 г. жил в одном доме с Лозинским (Каменноостровский проспект, д. 73–75): В. Пяст в «Поэме о трех городах» обходит квартиры знакомых в доме, «где жил и работал Лозинский», и вспоминает:

.....Заходим ко Струве
Или Струвэ, как поэта тогда называли
В «Цехе поэтов». Поэты тогда убывали
(вариант в сноске: воевали),
Как вообще молодежь...

(Архив М. Л. Лозинского)

Вероятно, М. Струве, наряду с Лозинским, принял участие в писании сонета: известен его ранний опыт в этом направлении, отраженный в письме к Вл. В. Гиппиусу от 22 декабря 1913 г.: «Володя! Вчера вечером я с Васей (Гиппиусом. — А. М.) сидел в „Вилле Ренессанс“. Нам вздумалось писать сонет — программу проведенного вечера. Задания были таковы: 1) акrostих „Миша и Вася кутят“ и 2) рифмы — Сабуров, апаш, „Ренессанс“ и Тато.

Сонет

Меня увлек Грановскую Сабуров
И не пустил в собачий стан апаш.
Шалишь, апаш, я всех храбрее буров,
А ты — наглец, ты — хуже всех пропаж.

И пусть покажет ловкий карандаш
Владычество изящных каламбуров.
Апаш — ничто, когда толпой амуров
Сражен навек я — Афродиты паж...

Я устремился быстро в „Ренессанс“ —
К напевам дев, к пленительному Тато;
Увы <, > ничтожен мой бюджетный шанс, —

Там царь — банкир с лицом оранг-утанга;
Я — лишь поэт, и весь мой декаданс
Теряется, как прах в потоках Ганга.

М. Струве». ⁴²

⁴² РО ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 4. Ед. хр. 57. *Вилла „Ренессанс“* — увеселительное заведение в районе Лиговки; *Грановская* Елена Маврикиевна (1877–1968) — актриса, работала в антрепризах Симона Федоровича *Сабурова* (1868–1929), в т. ч. в «Пассаже» (ныне театр „Комедия“ им. Н. П. Акимова). *Собачий стан* — «Бродячая собака».

«КАК КОНИ МЕДЛЕННО СТУПАЮТ...»

СТАТЬЯ Е. Е. Топильской «Фольклорная аллюзия в лирике Мандельштама воронежского периода»¹ обосновывает необходимость изучения фольклорной аллюзии как особого слоя реминисцентных явлений в стихах Мандельштама, что и предопределяет ценность работы. Мы же обращаемся только к одному примеру из нее, который дает повод для полемики. Автор статьи анализирует фольклоризм «чужие люди» в «Я живу на важных огородах...» и в «Как кони медленно ступают...» и устанавливает тождество его функции в обоих стихотворениях: «фольклоризм способствует воплощению релевантных мотивов отчужденности и безразличия... приданию обоим лирическим текстам сходной эмоциональной модальности (горе, печаль)» (с. 269). Приведем текст второго стихотворения (выделения в тексте — наши):

*Как кони медленно ступают,
Как мало в фонарях огня!
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.
А я **вверяю**сь их заботе.
Мне холодно, я спать хочу;
Подбросило на повороте,
Навстречу звездному лучу.*

Впервые: Тыняновский сборник: Девятыне Тыняновские чтения. М., 2002. Вып. 11. С. 366–375.

¹ В сб.: «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные мандельштамовские чтения. Воронеж, 1995. С. 265–275.

*Горячей головы качанье
И нежный лед руки чужой,
И темных елей очертанья,
Еще невиданные мной.
1911*

На самом деле сравнение двух стихотворений показывает иное: если в «Я живу на важных огородах...» фразеологизм функционирует так же, как в фольклоре, то в «Как кони...» его функция противоположна, это — «забота», которой «ввернется» поэт. Источник фольклоризма с противоположным знаком функциональности — пушкинские «Цыганы», рассказ Старика об Овидии:

*Не разумел он ничего,
И слаб, и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.*

Приведенное место из «Цыган» Мандельштам дважды цитирует в статьях — «Слове и культуре» и «О природе слова»,² причем в первой статье — в сочетании со словом «забота», как и в «Как кони медленно ступают...».

² ПССиП 2020. Т. 2. С. 43 и 64. Функция этой цитаты из «Цыган» в статьях Мандельштама рассматривается в работе: Тоддес Е. А. К теме: Мандельштам и Пушкин // Тоддес 2019. С. 519–521, 734.

«НАРОДНЫЙ ВОЖДЬ» В «ГИМНЕ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП

СТИХОТВОРЕНИЕ 1918 года «Гимн» («Прославим, братья, сумерки свободы...») критиками и исследователями до последнего времени устойчиво воспринималось как переломное в отношении поэта к Октябрьской революции.¹ Об основаниях к тому — ниже, а здесь скажем, что попытки его анализа наталкиваются на существенные трудности: настолько сюжет, символика и даже лексика в нем слабо отличаются от традиционных, присущих жанру. Из трех действующих в стихотворении активных сил — «мы» («братья», «мужи»), «народ», «вождь» — только последний образ осознается как нуждающийся в персонификации, которая, в свою очередь, встречается с необходимостью объяснить, почему «вождь» «берет бремя власти» — «в слезах». Первая из известных нам интерпретаций принадлежит Г. Маргвелашвили, который связал образ «вождя» в стихах с «народным вождем и рулевым революции —

Доклад на международном симпозиуме в честь столетия Мандельштама. School of Slavonic and East European Studies. London, 1991, 1–5 июля. Впервые опубликован: Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Эрмитаж, 1994. С. 249–254, под загл.: О теме власти патриарха в стихах О. Мандельштама 1917–1918 годов. (Предварительное сообщение).

¹ Стихотворение было впервые напечатано в левозсеровской газете «Знамя труда» 24 мая 1918 года с пометой «Москва, май 1918». Прямых откликов на стихотворение в печати не было, но несколько позднее В. Перцов в своей книге «Новое в современной русской поэзии» заметил, что оно «прошло через всю литературную Россию» (Рига, 1921. С. 6).

Лениным».² Автор статьи не дал тому какого-либо обоснования — по-видимому, из-за казавшейся в то время самоочевидности такой ассоциации, но также, вероятно, повинуваясь некоторой, более или менее длительной, устной традиции в истолковании этого образа.³ Эту персонификацию безоговорочно принял С. Бройд, апеллируя между прочим и к «Словарю современного русского языка».⁴ С основанием указывая на посвященные Ленину стихи Д. Бедного «Вождю» (Правда. 1918. 4 мая), автор не оговаривает, однако, совсем свежей недавности этой традиции. Обращаясь к выделенному нами выше определению «в слезах», Бройд истолковал его как признак «высокоэмоционального характера ленинского присвоения власти».⁵ В вышедшей несколько раньше, чем книга Бройда, статье Н. Нильсон подверг правомерность данной персонификации сомнению: «Как и „судия“ в первой строфе, „народный вождь“ скорее общепозэтический, отвлеченный концепт, не имеющий прямой связи с актуальной действительностью — „вождь“ принадлежал к поэтическому и политическому словарю послеоктябрьских лет. Его способ принятия бремени власти „в слезах“ напоминает нам героя классической или романтической трагедии больше, чем Ленина; можно было бы также думать о Христе, несущем свой крест. Слезы могли быть вызваны не только сложностью его задачи, но и состраданием к прошлому».⁶ Новые предположения выдвинули исследователи

² Маргвелашвили Г. Г. Об Осипе Мандельштаме // Лит. Грузия. 1967. № 1. С. 81.

³ На один из источников такой традиции сейчас можно указать — это была интерпретация Д. П. Святополк-Мирского. В статье «О современном состоянии русской поэзии», подготовленной в 1922 году для журнала «Русская мысль», но оставшейся в рукописи, он, цитируя стихотворение, продолжал: «Это из „Сумерек свободы“, оды Ленину, которого он прославил за то, за что, кажется, никто другой его не славил: за мужество ответственности —

Прославим власти роковое бремя,
Ее невыносимый гнет».

Статья была извлечена из архива журнала и опубликована в 1978 году Дж. Смитом: Нов. журн. 1978. Кн. 131. С. 102, 111–115; перепечатана: Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия / Сост., примеч. В. В. Перхина. СПб., 2002. С. 79, 312–313).

⁴ Brojde S. Osip Mandelstam and his age. Cambridge (Mass.); London, 1975. P. 59.

⁵ Там же. P. 51.

⁶ Nilsson N. A. Mandelstam and the Revolution // Scando-Slavica. 1973. Vol. 19. P. 12.

следующего поколения. О. Ронен в биографической статье о Мандельштаме писал, что в этом образе «сливаются» патриарх Тихон и А. Керенский,⁷ а Д. Сегал высказался в пользу А. Керенского, относимая к весне 1917 года.⁸

Как представляется, нам удалось найти точный источник этого образа. Это речь патриарха Тихона, произнесенная им сразу по избрании в патриархи на Всероссийском поместном соборе духовенства и мирян 5 (18) ноября 1917 года. В исторический момент восстановления патриаршества в России вновь избранный патриарх произнес краткую речь: «Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано „Плач и стон и горе“, каковой свиток и должен был съесть пророк Иезекииль. Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении... Подобно древнему вождю еврейского народа пророку Моисею, и мне придется говорить ко Господу: „Зачем мучаешь раба Твоего и почему Ты возложил на меня бремя всего народа...“».⁹ Из двух библейских цитат в речи патриарха текстуально складывается образ «народного вождя, в слезах берущего бремя власти».

Не вызывает сомнения, что эта речь была известна Мандельштаму. Тогда же, в ноябрьском стихотворении 1917 года «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...» он уподобляет себя патриарху

⁷ В т. 10 справочного издания «European writers» (1990). В переводе на русский язык: Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 14. Вплоть до нашего доклада на симпозиуме статья Ронена, в связи с отсутствием в то время указанного издания в библиотеках Ленинграда, нам не была известна; его предположение не было нам известно и в изустной передаче.

На появление в печати нашей статьи в сб. «Столетие Мандельштама» О. Ронен откликнулся: «Надо мной смеялись: такой антисоветчик, что даже здесь [в образе „народного вождя“ ст-ния] не хочет признать Ленина. Но позже Мец нашел совершенно дословные источники мандельштамовских образов именно в речах патриарха Тихона» (Омри Ронен: «За меня вступился народ» [Беседа с Г. Амелиным] // Независимая газета. 1999. № 9. С. 10, 12). См. также: P.-A. Bodin. The Poet and the Patriarch // Rus. Literature. 2012. Vol. LXXI-I. P. 45.

⁸ Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее: Ист. альм. 1987. Вып. 3. С. 186–190.

⁹ Вечер. 1917. 13 (26) нояб. Текст выступления патриарха в этой газете сокращен приблизительно вдвое, полностью см.: Всерос. церковно-обществ. вестник. 1917. 12 нояб. С. 1. В речи цитируются: Книга пророка Иезекииля 2: 10; Четвертая книга Моисеева. Числа 11: 11. Образ «вождя» у Мандельштама повторяется еще раз в переводе стихотворения Макса Бартеля «Петербург» (здесь «вождь старинный»), и симптоматично, по связи с нашим сюжетом, что в переводе имеется в виду библейский Моисей.

и провидит, что ему придется надеть «митру мрака». «Митра мрака» здесь поясняется: это бремя «неосвященного мира, чреватого слепотой и муками раздора». Митра — высокий головной убор круглой формы, атрибут облачения священников высшего сана; как атрибут власти в русском языке она связана со словом «бремя» через известную поговорку «Тяжела ты, шапка Мономаха». «Мрак» — сквозной мотив поэзии Мандельштама, чаще в производной форме «сумрак» («Вернись в смесительное лоно...», «Как светотени мученик Рембрандт...»), и входит в лексический ареал «иудейской темы», но не исключительно: как видно из стихотворения, он является приметой и вообще «неосвященного мира». Тот же акцент и в «Гимне»: «власти бремя» — «сумрачное» («сумеречен» весь фон в стихотворении). Следующий стих в «Гимне» — «Ее невыносимый гнет» — дает некую дополнительную окраску, если взглянуть на него сквозь призму того же сюжета Чисел: «Я один не могу нести всего народа сего; потому что он тяжел для меня».¹⁰

В речи патриарх уподобил себя Моисею, выводящему народ из Египта, что у Мандельштама получило резонанс в другом ноябрьском стихотворении — «Среди священников левитом молодым...», также косвенно связанному с избранием патриарха. Оно было посвящено поборнику восстановления патриаршества А. В. Карташеву, и вскоре напечатано в газете «Страна» 7 апреля 1918 года («Кто знает, может быть...» было помещено в той же газете 21 апреля). Исторические реалии стихотворения таковы. Видный деятель Религиозно-философского общества в Петербурге, ученый-богослов, педагог, Карташев после Февраля становится товарищем (заместителем) обер-прокурора Синода, а затем министром исповеданий Временного правительства. Мандельштам знал Карташева по Религиозно-философскому обществу, заседания которого он посещал, и по беседам со своим старшим другом С. П. Каблуковым, секретарем Христианской секции этого общества.¹¹ Главным делом Карташева в 1917 году была подготовка Всероссийского поместного собора духовенства и мирян, и восстановление патриаршества — давнее чаяние Религиозно-философского общества в Петербурге — нужно считать во многом результатом его трудов. В мае 1917 года Карташев привлек Каблукова к работе по подготовке собора, и тот вошел в комиссии по делам монашества и по

¹⁰ Числа 11: 14 (синодальный перевод).

¹¹ О С. П. Каблукове см.: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 356–357. (Лит. памятники).

реформе духовно-учебных заведений, получил направление от этих комиссий на Всероссийский съезд духовенства и мирян (предсоборное совещание). 8 ноября 1917 года он, узнав об избрании патриарха, записал в своем дневнике: «Со всеми подлинно православными я безмерно радуюсь восстановлению патриаршества в России как исполнению моей заветной и давней мечты». ¹² Когда в ноябре 1917 года Мандельштам общался с Каблуковым, это событие не могло не стать предметом их бесед, так же как и судьба А. В. Карташева, от которого Каблуков в те дни получал письма из Петропавловской крепости, где Карташев был заключен вместе с другими членами Временного правительства. В январе 1918 года Мандельштам принял участие в благотворительном «утреннике» Красного Креста, сбор от которого предназначался узникам Петропавловской крепости. ¹³

После освобождения из заключения, 25 января 1918 года, Карташев скрывался у знакомых, в том числе и у Каблукова, но затем жил легально в Москве, где Мандельштам мог видеть его в мае. ¹⁴ По материалам «Красной книги ВЧК», он принял участие в деятельности подпольного Национального центра. ¹⁵ С конца марта Карташев активно выступает в московской печати по актуальным вопросам церковной жизни. На апрель приходится некоторое смягчение политики новой власти по отношению к церкви. ¹⁶ 1 апреля 1918 года Совет Народных Комиссаров в связи с приближающимися праздниками — 1 мая и Пасхи (5 мая) — выделил деньги на проведение обоих праздников; 28 апреля, в Вербное воскресенье, был разрешен крестовый ход из собора Василия Блаженного в Успенский собор Кремля (Кремль в то время был закрытой территорией). С другой стороны, в эти месяцы наметился перелом в сознании леволиберальной интеллигенции по отношению к церкви. Он зафиксирован в статье Карташева «Церковь», напечатанной 21 апреля в газете «Наше слово»: «вожди ¹⁷ <...> не понимая ее

¹² ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 48. Л. 375.

¹³ Об этом «утреннике» см. в статье «Как сделан „Арзамас“ Георгия Иванова» в наст. изд.

¹⁴ См.: Сахаров А. Н. Апостол истории «Святой Руси»: (Антон Владимирович Карташев) // Отеч. история. 1998. № 5. С. 92.

¹⁵ Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 2. С. 39, 147.

¹⁶ Ранее, 21 января 1918 года, был издан дискриминационный Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (не наделявший церковь правами юридического лица) и проведена конфискация церковного имущества.

¹⁷ Речь идет о «вождях» либеральной интеллигенции до Октября.

(власти. — А. М.) созидательной и целительной силы, замалчивали государственную национальность и чурались национальной государственности, не понимая ее ничем другим не заменимых цементирующих и культурных сил для великого державного тела государства <...> Слава Богу, прозревающие начинают видеть камни, которыми пренебрегли жидущие <...> Новыми, добрыми глазами смотрят и на нашу церковь. Перемена психологии полная и почти неожиданная».

3 мая в той же газете была помещена статья Карташева «Итоги церковного собора», где говорилось: «В годину невиданного крушения великого государства и предательства всех национальных ценностей собор сберег в целостности среди развалин одну из твердынь русского национального духа, его культуры и самой русской государственности — нашу отечественную церковь <...> Это теперь реальная точка опоры, единственный пока маяк нашего национального воскресения».

О своих политических симпатиях того времени Мандельштам дал откровенные признания на следствии: «Октябрьский переворот воспринимаю резко отрицательно. На Советское правительство смотрю как на правительство захватчиков, и это находит выражение в моем опубликованном в „Воле народа“ стихотворении „Керенский“¹⁸». ¹⁹ Пафос и других стихотворений, опубликованных им в те месяцы, соответствует показаниям поэта на следствии.

Атмосфера общественно-политической жизни в обеих столицах не исследована еще в степени, достаточной для продолжения нашей аргументации. Те или иные настроения в общественной среде могли быть неустойчивыми. Но в нашем случае требуется принять во внимание, что это было время, непосредственно предшествующее началу Гражданской войны (25 мая 1918 года — мятеж Чехословацкого корпуса), напряженность не могла не ощущаться, и, очевидно, настроения в пользу единения вокруг «третьей» силы, церкви, усиливались из-за этого в значительной степени. Сейчас мы в состоянии привести лишь отдельные свидетельства о подобных настроениях. Так, М. А. Волошин в «белом» Крыму выступил со статьей «Вся власть Патриарху»: «Какова должна быть конструкция временной власти, общей для всей России? Вот вопрос, который стоит сейчас перед нами и перед союзниками <...> Не случайно русская Церковь в тот самый момент, когда довершался разгром

¹⁸ Стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...».

¹⁹ *Нерлер 2010*. С. 46.

Русского государства, была возглавлена Патриархом. Не случайно большинство Собора, бывшее против Патриархата, тем не менее установила его, интуитивно повинувшись скрытому гению Русской истории. При развале Русского государства Патриарх, естественно, становится духовным главой России.

Как в то время, когда насущной исторической задачей момента было разрушение России, проводимое последовательно и неуклонно по гениальным планам германского генерального штаба, лозунг момента был прекрасно сформулирован Лениным в его книге „Вся власть Советам!“, так теперь, когда дело идет о воссоздании единой России, лозунгом должна стать формула: „Вся власть Патриарху“.

Патриарх в настоящее время естественный глава России. Ему надлежит направлять действия Добровольческой Армии, ему право созвания Земского Собора; он предлагает Собору возможные формы постоянной власти, он благословляет власть, утвержденную Собором.

Это все вполне согласуется с исторической ролью Патриарха, который всегда принимает на себя временный распорядок светскими делами в эпохи смут и междуцарствий».²⁰

В этом сюжете получают свой контекст слова Н. С. Гумилева, который в 1921 году в ответ на вопрос, кто будет править после падения большевиков, ответил неожиданным: «Патриарх».²¹ Вполне вероятно, что настроения в пользу патриарха зародились в мае 1918 года, и именно они отозвались в «Гимне». Если так, то в этой связи открывается возможность нового прочтения «Гимна», своим центральным мотивом идущего от «небывалой свободы» в стихах «Камня».

²⁰ Таврический голос. Симферополь, 1918. 22 дек. Текст статьи предоставлен нам В. П. Купченко, которому за это благодарен.

²¹ Свидетельство Д. Д. Бушена, см.: Дедюлин С. В. «Со мной говорил Гумилев...» // Рус. мысль. 1987. 5 июня. Лит. прил. № 3/4. С. XI. Перепечатано: Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 86.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

1. МЕТАМОРФОЗА БАСНИ*

*По нашим временам куда как стали редки
Любители почивших в бозе... Вот
В старинный склеп, где тихо тлеют предки,
Он входит. Снял сомбреро. На киот
Перекрестился. Долг потомка справил
И, в меру закусив, в вагоне лег костыми.
А вор его без шляпы и оставил.*

Читатель, не кути с случайными людьми!

1924

Это стихотворение стало известным относительно поздно — по публикации в 1991 году в небольшой книжечке серии «Библиотека „Крокодила“» под названием «Извозчик и Дант».¹ И текст, и дата вопросов не вызывали — это басня, с традиционным для жанра введением и моралью в заключение. Подобные басни Мандельштам писал и публиковал в середине 1920-х годов и позднее. Получить сведения о действительном происхождении стихов нам не удавалось в течение многих лет, и источник текста остается неизвестен до сих пор. Закономерно возникало предположение, что стихи могли быть найдены кем-либо напечатанными в одном из повременных изданий означенного года.

* Впервые: Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 63. С. 1–2.

¹ Мандельштам О. Извозчик и Дант / Сост., подгот. текста и примеч. Б. С. Мягкова. М.: «Правда», 1991. (Б-ка «Крокодила»). С. 23.

Спустя двадцать лет после выхода книжечки с басней С. Василенко опубликовал письмо Б. С. Кузина к А. А. Морозову (написанное, очевидно, по просьбе Морозова) со сведениями о шуточных стихах, обращенных на Юлия Вермеля (1906–1938, расстрелян), писавшихся в кружке его друзей-биологов в начале 1930-х годов.² В этом письме Кузин помещает среди стихов этого цикла текст басни полностью (но без даты), а вслед за ним приводит четверостишие, которое называет «вариантом второй строфы»:

*Не крестится. С улыбкою сатира
Он крадется — пойми его, зачем.
И каплет кровь с священного потира, —
Ни в Эммаус нельзя, ни в Вифлеем.*

Однако, обращает на себя внимание следующее: с введением «варианта» (являющегося новой концовкой стихотворения) происходит радикальная трансформация действующего лица. Если в «басне» это особа добронравная, почитающая православную традицию предков (что иронически обыгрывается), то в «варианте» (новой концовке) облик изменяется на противоположный — это чернокнижник, на глазах читателя практикующий один из магических обрядов, при котором используется кровь жертвы (обычно курицы), оскверняющая «священный потир».

Налицо переделка, имеющая цель «перелицовку» стихотворения под нового героя, а именно — Юлия Вермеля. Использовать свою старую басню для переделки в 1931 или 1932 году поэт мог счесть возможным из-за переклички ее мотивов с написанными (другими авторами?) для «вермелевского» цикла стихами «Как поехал Вермель в Дмитров...» (мотив «шляпы»), «Спит безмятежно...» («предок тризной почтен»). Вставная концовка перекликается со стихотворением «Счастья в Москве отчаяв...» («Вермель черта ущипнет»).

2. «НАЧАЛЬНИК ЕВРЕЕВ» («КАНЦОНА»)

В стихе 19-м названного стихотворения так (перифрастически) назван царь Давид, упоминаемый там же прямо (стих 14) и еще раз перифрастически — «псалмопевец» (стих 12).³ В примечаниях

² Сохрани мою речь. М., 2011. Вып. 5, ч. 1. С. 176. Публ. С. Василенко.

³ См.: ПССиП 2020. Т. 1. С. 139.

мы писали: «Подразумевается царь Давид; слово „начальник“ здесь взято в редком, но сохранившемся в языке русской православной церкви вплоть до XX века значении „положивший начало“, „основатель“, „основоположник“». В словарях языка XIX–XX веков мы данного значения слова «начальник» не нашли, опираемся на единственный известный нам пример словоупотребления — из «Архипастырского воззвания к духовенству, членам приходских советов и ко всем православным христианам» Вениамина, митрополита Петроградского: «Окружая водруженный посреди храма св. Крест и с верою взирая на распятого на нем Начальника веры нашей и Совершителя ее Иисуса <...>».⁴

3. «ЗА ТЫСЯЧУ КРИКЛИВЫХ ПОПУГАЕВ» («ЕЩЕ ДАЛЕКО МНЕ ДО ПАТРИАРХА...»)⁵

Стихотворение печатается по последней авторской редакции, где стихи 49–50:

*...И Тинторетто пестрому дивлюсь
За тысячу крикливых попугаев.*⁶

Интерпретация этих строчек литературоведами повлекла за собой поиски попугаев на картинах Тинторетто.⁷ Однако, секрет процитированных строчек раскрывается благодаря ранней редакции, где они имеют следующий вид: «...И Тинторетто пестрому дивлюсь / Как тысяча крикливых попугаев».⁸ Отсюда ясно, что поэт обращает сравнение с попугаями на себя.⁹ Аналогичный пример самоуничижительного эпитета — в версии черновика следующего стихотворения — «Довольно кукситься...»: «Как будто дурью голову шампунем / Мне вымыл парикмахер Франсуа».¹⁰ В окончательной редакции поэт так же, как и в предшествующем стихотворении, текст исправил: «Как будто в корень голову шампунем...».

⁴ Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 8 (27 апр.). С. 1.

⁵ Данный текст сокращен по сравнению с первой публикацией: *Мец А.* Секрет попугаев // *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 63. С. 2–3.

⁶ *ПССУП 2020*. Т. 1. С. 144.

⁷ См.: *Мец А. Г.* Секрет попугаев. С. 2–3.

⁸ По тексту из архива М. А. Зенкевича, см.: *ПССУП. 2020*. Т. 1. С. 436.

⁹ См.: *Мец А. Г.* Секрет попугаев. С. 4.

¹⁰ *ПССУП 2020*. Т. 1. С. 436.

4. «ЖЕЛЕЗО»
(«ИДУТ ГОДА ЖЕЛЕЗНЫМИ ПОЛКАМИ...»)¹¹

Филологический экскурс в статье историка: «Специфическое влияние оказывало рабочее, особенно „металлическое“ прошлое значительной части партийной элиты. Не случайно, на наш взгляд, одновременно с „орабочением“ ЦК и съездов нарастали требования железной дисциплины, единоначалия, безусловного подчинения. Все чаще звучали требования выместить оппозицию „железной метлой“, пройти по спинам оппозиции „каленным железом“ и т. д. В целом нарастала частота эпитетов „стальной“, „железный“. Возможно, сама фамилия Сталина становилась знаменем тех, кто гордился партией, выкованной „сталью, углем, железом“ и потому негибкой. Этот фактор в совокупности с низким культурным уровнем и внутренней неуверенностью способствовал культивированию приоритета грубой силы, чувства удовлетворения от того, что „партия многих ставила на колени и поставит еще не раз“» (Березкина О. Революционная элита переходного периода (1921–1927) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 73–74).

5. ИНТЕРМЕДИЯ
(«ПУСТИ МЕНЯ, ОТДАЙ МЕНЯ, ВОРОНЕЖ...»)

*Я вновь везу тебе, Воронеж,
Багаж веселья и огня.
Надеюсь, ты не проворонишь
И встретишь ласково меня.*

(Афиша артиста малых жанров Виталия Лазаренко — Коммуна. Воронеж. 1934. 10 дек. С. 4).

6. «МЫ ЖИВЕМ, ПОД СОБОЮ НЕ ЧУЯ СТРАНЫ...»

Одно из разночтений в обнаруженном в следственном деле автографе стихотворения не встречается больше ни в одной записи свидетелей-современников — «тараканьи глазища» (вместо «усища», как в остальных записях). В НБП оно объяснено следствием

¹¹ Текст см.: ПССиП 2020. Т. 1. С. 278, «Железо» — «домашнее» название стихотворения, см. там же, с. 618. Упоминается автором в письмах 166, 167, 214 (ПССиП 2020. Т. 3. С. 442, 479).

описки;¹² сейчас к корпусу прямых и косвенных показаний современников о тексте следует прибавить не распознанную ранее цитату в «Листках из дневника» Ахматовой: «Из каждого окна на нас глядели тараканы усища „виновника торжества“». ¹³ «Листики из дневника» писались в 1957–1963 годах, до первой публикации стихотворения (1963), что повышает ценность цитаты как текстологического источника.

«Смеются усища» примыкают к занимавшей Мандельштама физиономике сталинского лица, и соответствующие наблюдения интенсивно использованы в «Оде» («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...»): в первой строфе автор дважды говорит о намерении «исправить» линию брови на его портрете, а в четвертой соответственно одическому заданию реинтерпретируется вся совокупность данных: «глаза», снова «бровь», «рот», «веко», «морщинки» («зоркий слух» включает сюда и уши). Осколки портрета находим в одновременно писавшихся стихотворениях:

*И брони боевой и бровь, и голова
Вместе с глазами любовно собраны.*

(«Обороняет сон мою донскую сонь...»,
3–11 февр. 1937)

*Смотрит века могучая веха
И бровей начинается взмах.*

(«Средь народного шума и спеха...», янв. 1937)

Сталин смеется еще один раз — «могучим смехом» — в последнем стихотворении, «Стансах» 1937 года.

В связи со сказанным привлечем внимание к зарисовке очевидца: «Особенностью лица Сталина, придающей ему некоторую жесткость, являются идущие косо наверх брови. Они кустятся и торчат под висками острыми волосиками. Когда Сталин смеется, а делает это он довольно часто, быстро жмурясь и нагибаясь, брови и усы бегут врозь и вверх, и в нем появляется нечто хитрое, я бы сказал, кошачье».¹⁴

¹² Заметим, что описки подобного характера репрезентируют версии, пробовавшиеся в процессе сочинения стихотворения; ср. в наст. изд., с. 300–301; см. также НБП. С. 621 (примеч. 261), то же: ПССиП 2020. Т. 1. С. 585, примеч. «Еще не умер ты, еще ты не один...».

¹³ Вопр. лит. 1989. № 2. С. 209 (подготовка текста В. Виленкина).

¹⁴ Зелинский К. Л. Вечер у Горького // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1992. № 10. С. 102. Публикация осуществлена без текстологической справки, но, согласно другой публикации, запись сделана на следующий день после встречи

7. ТАРАКАНЬИ «УСИЩА»? «ГЛАЗИЩА»?*

Стихотворение «Мы живем, под собою...» было впервые опубликовано в 1963 году в журнале «Мосты» (Франкфурт-на-Майне, кн. 10) в редакции, сохранившейся в памяти Н. Мандельштам, где соответствующая строка о Сталине читалась: «Тараканьи смеются усища». В СССР стихи долгое время оставались достоянием узкого круга людей, но с началом перестройки (1988) стали перепечатываться в отечественной прессе в той же редакции¹⁵ и приобрели широкую известность.

Приблизительно через год были опубликованы материалы следственного дела Мандельштама 1934 года, в том числе записанный им собственноручно текст стихотворения.¹⁶ Соответствующая строчка в этой записи читалась: «Тараканьи смеются глазища». Началось (и продолжается до настоящего времени) обсуждение вариантов этой строки при их цитировании как кандидатов на «основной текст».

Полемика ведется также и в интернете.¹⁷

Параллельно стала актуальной тема наличия/отсутствия в «Тараканище» Корнея Чуковского аллюзии на Сталина, но, как быстро выяснилось, «сказка» Чуковского, напечатанная в 1923 году, намеков на сталинские времена нести не могла. Тем не менее связь с мандельштамовским стихотворением установилась: «...не случайно в „Тараканище“ многие увидели потом метафору сталинского режима. А стихотворение Мандельштама превратило догадку в уверенность, антисталинские стихи Мандельштама буквально подчинили себе и сказку Чуковского. <...> „Тараканище“

со Сталиным. А. Зелинским был на год раньше опубликован отредактированный автором в 1940-х годах „вариант“: *Зелинский К. Л.* Одна встреча у Горького: (Запись из дневника) // *Вопр. лит.* 1991. № 5. Приведенное нами место в этой публикации (с. 156) — с незначительными стилистическими изменениями, но с заменой «кошачьего» сравнения на «тигриное». Публикатор указал архивный источник: РГАЛИ. Ф. 1640. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 112–146 и указал время записи (с. 144–145).

* Впервые: *Toronto Slavic Quarterly*. 2018. № 63. С. 2–4.

¹⁵ Радуга (Таллинн), 1988. № 3. С. 17, в публ. Б. Соколова; Ленинградский рабочий, 1988, 3 июня. С. 13, в отрывке из воспоминаний В. Каверина «Эпилот»; «Огонек». 1988, № 47. С. 26, в ст. Б. Сарнова.

¹⁶ *Московские новости*. 1989. 9 апр., *Огонек*. 1991, № 1.

¹⁷ В «Живом журнале» («LiveJournal»), например, прошел спонтанный опрос пользователей на эту тему, причем подавляющее большинство участвовавших (около 20 человек) отдало предпочтение варианту с «усищами» (<http://alikh-manov.livejournal.com/145424.html>).

навсегда соединило со Сталиным стихотворение Мандельштама». ¹⁸ Если понятно, что Чуковский со своим эпическим Тараканом действительно никакой политической цели в виду не имел, то вопрос о том, содержит ли стихотворение Мандельштама аллюзию на «Тараканище» (что отмечает Е. Иванова выше), никогда, насколько нам известно, не обсуждался. Между тем ответ на него имеет значение для решения вопроса о происхождении двух упомянутых выше редакций стиха. Сказки Чуковского, в том числе «Тараканище», до 1933 года выдержали несколько изданий и были хорошо известны в образованных слоях населения. Мандельштам, и сам писавший стихи для детей в 1920-е годы, несомненно их хорошо знал, и вероятно, обладая хорошей памятью, мог процитировать какие-то эпизоды наизусть. У Чуковского «усы» и производные от этого слова упоминаются в сказке более 5 раз ¹⁹ и являются одними из маркеров сюжета. Если Мандельштам сознательно использовал в своем стихотворении намек на «Тараканище», то не мог в то же время не учитывать звучание финала этой детской сказки (убийство «таракана»), бросающего криминальный отсвет на его собственное стихотворение. Если бы к следователю попал вариант с «усищами» и он понял бы, какую он несет аллюзию, то обвинение в призыве к террору стало бы вполне вероятным. Так, прочитав эти стихи Э. Герштейн, поэт сказал: «— Смотрите — никому. Если дойдет, меня могут... РАССТРЕЛЯТЬ!» ²⁰

Вероятно, поэтому был заготовлен завуалированный вариант, в котором поэт убрал «усища», заменив их на «глазища».

¹⁸ Иванова Е. В. Был ли у Тараканища прототип? // Наше наследие. 2016. № 116. С. 143, 145). В 2011 г. об этом писал Давид Эйдельман: «Корней Чуковский, автор такой веселой детской классики, как „Доктор Айболит“ и „Крокодил“, написал „Тараканище“ в начале 1920-х годов. Имел ли он при этом в виду Сталина? Некоторым читателям тараканьи усы напоминают о знаменитых усах советского диктатора. Русский поэт Осип Мандельштам, арестованный и затравленный до смерти во время сталинских чисток, распространил эту метафору, написав в 1934 году: „Тараканьи смеются усища, и сияют его голенища“» (<http://davidaidelman.livejournal.com/911518.html>).

¹⁹ «Усами шевелит», «тараканьих усов испугались». «покорились звери усатому», «и усов от него не осталось». Если дать волю воображению и представить, в каком направлении мог идти поиск вариантов этого образа, то мыслим был бы и вариант «тараканьи щекочут усища».

²⁰ Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб.: «Инапресс», 1998. С. 51.

8. «Ода»

В главе «Ода»²¹ «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам показана сеть образных соответствий, связывающих ее с окружающими стихами (и дана убедительная филологическая интерпретация этих связей): «Искусственно задуманное стихотворение... стало маткой целого цикла противоположно направленных, враждебных ему стихов <...> А самой первой реакцией на „Оду“ была жалоба, что „мое прямое дело тараторит вкось“, потому что „по нему прошлось другое, надсмеялось, сбило ось“». ²² Н. Я. Мандельштам сопоставляла «Оду» только со стихами «Второй воронежской тетради». Последние стихи, написанные через полгода после «Оды» — «На утесы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» (4 июля 1937) и «Стансы» (4–5 июля 1937) ей не были тогда известны. Между тем оба стихотворения политически насыщены, и интерпретация их также бросает ответ на действительную интенцию «Оды». Обратимся к текстам.

Так, в «Стансах» 1937 года поэт присоединяется к стремлению Лили Поповой «оборонить» Сталина (мотив, повторяющий «Оду», где был призыв «беречь и охранять» вождя, а также одновременно написанного стихотворения «Обороняет сон мою донскую сонь...»). Логически ясное развитие темы неожиданно прерывается не очень понятной характеристикой:

.....
*С могучим смехом в грозный час,
Находкой выхода прямого
 Ошеломляющего нас.*

Смысл проясняется при сопоставлении с обращенным к Сталину стихотворением «Ты должен мной повелевать...» (1935), где обнаруживается парафраз:

*Ты должен мной повелевать,
 А я обязан быть послушным.

Так пробуй выдуманый метод
 Напропалую, напрямик.*

Это стихотворение, вполне вменяемое по юридическим меркам 1935 года, ни поэтом, ни его женой на бумаге не фиксировалось и стало известно только по записи С. Б. Рудакова.

²¹ «Ода» — «домашнее» название стихотворения «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...». В сборнике, подготовленном для Союза писателей в 1937 году, была озаглавлена как «Стихи о Сталине» (*Нерлер 2010*. С. 98. В рец. П. Павленко).

²² *НЯМ 2014*. С. 290.

«Ты должен мной повелевать...» писалось в одно время со «Стансами» 1935 года.²³ Эти последние окружены «вольными стихами» — в той же мере, что и «Ода». Стихотворение «Мир начинался страшен и велик...» (апрель 1935) к «вольным» стихам не относится, как относится, скажем, «Я живу на важных огородах...»; оно, скорее, стоит на полпути от «вольных стихов» к «Стансам» 1935 г. Но в нем содержится засвидетельствованная поэтом двусмысленность — средство, которое применялось и в «Оде», и в других «политических» стихах 1935–1937 годов. Что следует из воспоминаний Я. Я. Рогинского:

«Однажды он появился у меня и с ходу стал читать только что написанные стихи:

*Мир начинался страшен и велик
<.....>
Привет тебе, скрепитель добровольный
Трудящихся, твой каменноугольный
Могучий мозг — гори, гори стране.*

<...> А потом неожиданно спросил: — Как вы считаете, Яков Яковлевич, вам было бы приятно, если бы вам сказали, что у вас мозг каменноугольный?»²⁴ Согласно Рогинскому, поэт читает раннюю редакцию стихотворения; в окончательной редакции соответствующих строк — «Скрепитель дальнзоркий... Твой угольный, твой горький...» — двусмысленность едва ли не акцентирована еще больше.

Отношение поэта к «советской действительности» красноречиво и недвусмысленно дано в писавшемся в один день со «Стансами» 1937 года стихотворением «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», где строки

*Словно ходят по лугу, по лугу
Косари умалишенные...*

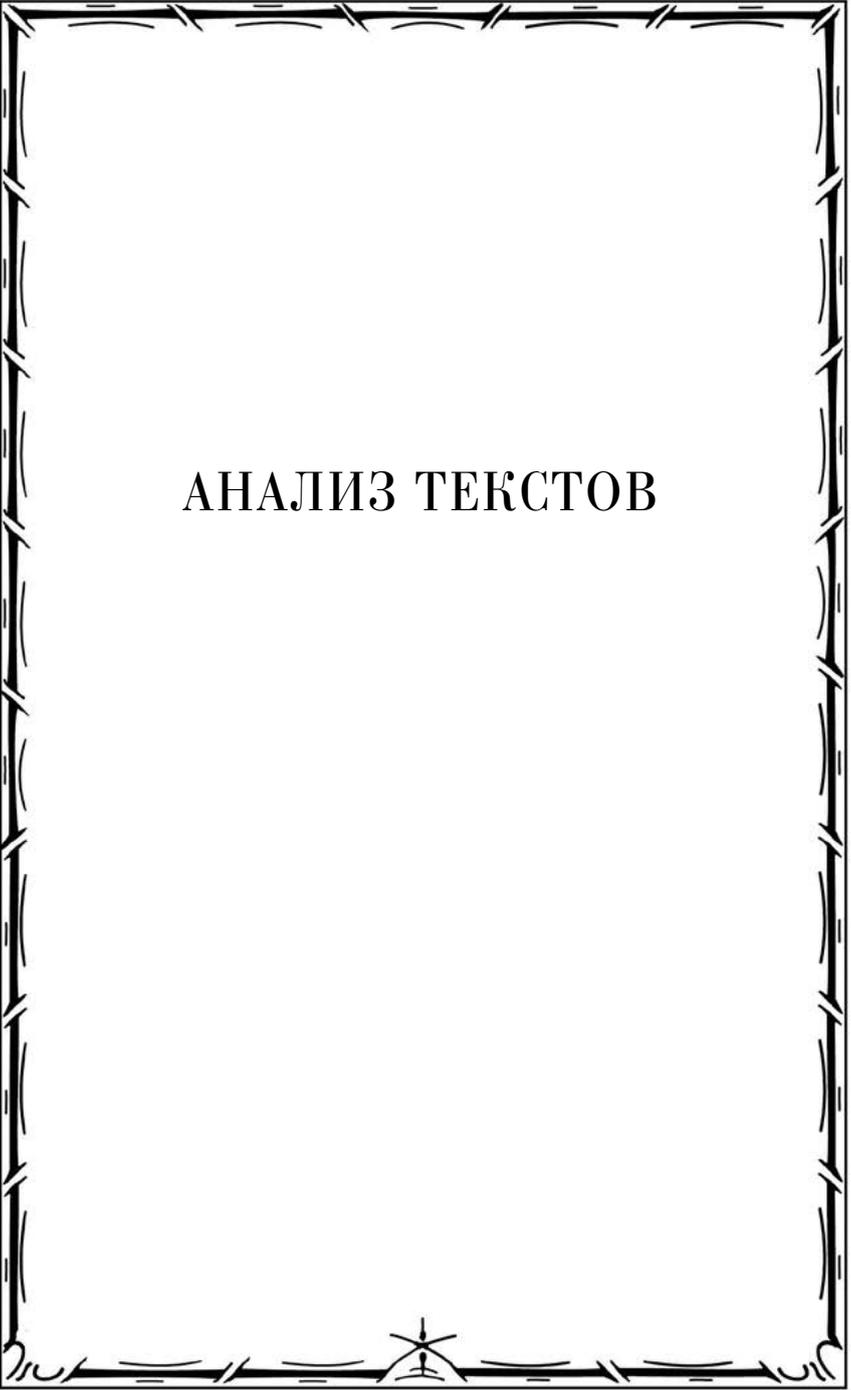
— передают впечатление от наличного в 1937 году состояния советского общества. Этот образ уже встречался у Мандельштама в стихотворении «Я по лесенке приставной...» (1922), где было:

*Из гнезда упавших щеглов
Косари приносят назад —
Из горящих вырвусь рядов...*

Образ претерпел динамическое развитие: «косари» в 1937 году уже не обнаруживают человеческих качеств, и из «горящих рядов» выхода не предвидится...

²³ Е. А. Тоддес привел данные, уточняющие время создания стихотворения «Ты должен мной повелевать...»; теперь его следует датировать: не ранее 4 мая 1935 г. (Б. М. Эйхенбаум в 30-е – 50-е гг. // Тоддес 2019. С. 659, сноска 9).

²⁴ Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 43.

АНАЛИЗ ТЕКСТОВ

О СОСТАВЕ И КОМПОЗИЦИИ КНИГИ «КАМЕНЬ»

ТЕКСТЫ СТИХОТВОРЕНИЙ О. Э. Мандельштама устойчивы. Законченное стихотворение «отпадало», и автор, как правило, не возвращался к работе над ним. В дальнейшем, при работе над очередным сборником, в текст иных вносились поправки, касавшиеся одной или нескольких строк, заглавия, даты.

Наиболее сложен вопрос о составе авторских сборников, и в частности «Камня». Начиная с его второго издания и до последнего прижизненного сборника «Стихотворения» при составлении книг действовали факторы, препятствовавшие осуществлению воли автора в полной мере.

Существенно важной в глазах поэта являлась композиция сборников — порядок следования стихотворений в них. Принцип композиции у него последовательно хронологический, но в пределах одного года не выдерживается строго, что в целом верно определено Н. И. Харджиевым, подготовившим издание 1973 года.¹ Это определение, однако, оказалось не исчерпывающим, так как

Впервые: Русская литература. 1988. № 3. С. 179–182. По теме см. также: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 281–282. (Лит. памятники).

¹ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973 (Б-ка поэта. Большая сер.), далее сокращенно: БП. Другие сокращения приняты в настоящей статье: К1 — «Камень» (Спб., 1913); К2 — «Камень» (Пг., 1916); К3 — «Камень» (М.; Пг., 1923); Т — «Tristia» (Пг.; Берлин, 1922); С — «Стихотворения» (М.; Л., 1928); АМ — архив О. Э. Мандельштама (находится в Библиотеке Принстонского университета, Отдел рукописей, шифр: СО 539); ККабл — «Камень» (второе издание, экземпляр С. П. Каблукова, находится в АМ).

целый ряд стихов в «Камне» отклоняются от этого принципа более существенно, располагаясь в композиционном ряду за рамкой года своего создания. Вопрос о соответствии места этих стихотворений воле автора поставлен ниже.

Первое издание «Камня» вышло в конце марта 1913 года. Из уже значительного количества стихотворений, написанных к этому времени, автор отобрал для книги только 23. Второе издание (K2) вышло в декабре 1915 года. Книга должна была включать 69 стихотворений, но два из них были сняты военной цензурой («Заснула чернь. Зияет площадь аркой...» и «Императорский виссон...»). Составляя ее, Мандельштам «реабилитировал» и включил в состав 16 стихотворений 1908–1912 годов, не вошедших в K1, в то же время одно из входивших в K1 — «Змей» — в K2 не было включено. Не вошли в это издание и некоторые стихотворения 1915 года, уже написанные ко времени подготовки книги к печати и включавшиеся поэтом в следующие сборники: «Уничтожает пламень...», «От вторника и до субботы...», «Вот дароносица, как солнце золотое...», «Обиженно уходят на холмы...».

Состав «Tristia», вышедшей в августе 1922 года, имеет определенное значение для истории «Камня»: в нее вошли 7 стихотворений 1908–1915 годов, не входивших в K1 и K2: «На перламутровый челнок...», «Только детские книги читать...», «От легкой жизни мы сошли с ума...», «Американка», «Уничтожает пламень...», «Вот дароносица, как солнце золотое...», «Природа — тот же Рим и отразилась в нем...». То, что известно об истории издания этой книги, позволяет заключить, что состав ее первоначально определен поэтом и тексты, в нее вошедшие, авторитетны; на этом первом этапе работа над книгой прервалась; несомненно, что композиция сборника и его название не авторские. Значительное число стихотворений (а возможно, и все они) напечатаны по автографам: за это говорит нумерация строф, наличие дат под стихами и особенности пунктуации.

Отсутствие дат под пятнадцатью стихотворениями указывает на незавершенность работы автора над книгой. Начиная с этого сборника и до «Стихотворений» варьируется состав новой «книги» (впоследствии получившей все же установившееся не-авторское название «Tristia») и ее границы, с одной стороны, с «Камнем», с другой — с третьей «книгой», «Стихами 1921–1925 годов». Во «Вторую книгу» (вышла в конце мая 1923 года) стихотворения

периода «Камня» уже не включены, однако вышедшее почти одновременно третье издание «Камня» еще содержит ряд стихотворений 1916–1922 годов. За исключением последних, в его состав вошли 68 стихотворений 1908–1915 годов, в том числе не входившие в *К2*: «На перламутровый челнок...», «Только детские книги читать...», «Американка», «Уничтожает пламень...», «Природа — тот же Рим и отразилась в нем...» (все — из предшествовавшей *T*), «Пусть имена цветущих городов...», «От вторника и до субботы...», «Обиженно уходят на холмы...»; не включены (в сравнении с *К2*): «Из полутемной залы вдруг...», «Душный сумрак кроет ложе...», «Паденье — неизменный спутник страха...», «Царское Село», «Поговорим о Риме — дивный град...», «Encyclica», «И поныне на Афоне...». Отметим, что в *К3* не вошли два стихотворения соответствующего периода из *T* — «От легкой жизни мы сошли с ума...» и «Вот дароносица, как солнце золотое...».

В «Стихотворениях» (вышли в апреле 1928 года) автором окончательно определены границы между разделами («книгами»), принявшими вновь хронологический характер (как и в *К2*). Стихотворения «Камня» здесь включают стихи 1908–1915 годов (с одним, указанным ниже, исключением). Всего их 73; сюда вошли, кроме «Обиженно уходят на холмы...», все стихотворения соответствующего периода из *К3* и одно стихотворение 1916 года — «Собирались элины войною...» — входившее в *К3* и *T*; прибавлены: «Из омота, злого и вязкого...», «Как тень внезапных облаков...», «"Здесь я стою — я не могу иначе..."», «На луне не растет...» (все — не входили в предшествующие сборники); восстановлено в составе входившее в *К2* «И поныне на Афоне...».

В 1935 и 1937 годах О. Э. Мандельштам несколько раз возвращался к «Камню», внося поправки в тексты нескольких стихотворений и исключив из его состава «Есть ценностей незыблемая скала...» и «Ни триумфа, ни войны...».

В 1973 году «Библиотека поэта» издала «Стихотворения» О. Э. Мандельштама. Подготовку текстов и примечаний в книге осуществил Н. И. Харджиев. В результате большой подготовительной работы в книге оказалось учтенным и использованным преобладающее большинство сохранившихся источников текстов и прижизненных публикаций. В этом издании для большинства помещенных стихотворений установлен их основной текст. Отдельные неточности и нерешенные вопросы не снижают высокой ценности этого издания (эта оценка не относится к избыточной ошибками и произвольными оценками вступительной

статье А. Дымшица). К таким вопросам относится, в частности, и определение состава и композиции «Камня». Так, представляется произвольным решение об изменении места стихотворений при уточнении года их написания; три стихотворения при этом были перенесены из «Камня» в «Tristia».

Как показано выше, состав «Камня» пополнялся вплоть до последнего авторского сборника (С). В то же время некоторые стихотворения из состава исключались. Приводим перечень стихотворений «Камня», не вошедших в одноименный раздел «Стихотворений», но включавшихся в предшествующие сборники: «Змей» (K1), «Из полутемной залы, вдруг...» (K2), «Душный сумрак кроет ложе...» (K2), «Паденье — неизменный спутник страха...» (K2), «Царское Село» (K1, K2), «Поговорим о Риме — дивный град...» (K2), «От легкой жизни мы сошли с ума...» (Т), «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...» и «Императорский виссон...» (оба из K2 исключены военной цензурой), «Encyclica» (K2), «Вот дароносица, как солнце золотое...» (Т), «Обиженно уходят на холмы...» (K3).

Анализ причин исключения для каждого стихотворения мы не ставим здесь задачей. Выскажем лишь отдельные предположения. Так, не вызывает сомнения наличие авторской воли при исключении стихотворений «Змей», «Из полутемной залы, вдруг...», «Паденье — неизменный спутник страха...»². Как показывают архивные материалы (авторский оригинал и верстка «Стихотворений»³), к области цензурных вмешательств относится исключение стихотворения «Царское Село». Самоцензура, конечно, также должна была иметь место — семь стихотворений из вышеприведенного перечня могли быть отвергнуты в 1928 году из-за лексики, связанной с атрибутами императорской власти или богослужебных христианских обрядов. Нежелание давать лишний повод для пристрастных нападок критики могло заставить поэта отказаться от помещения в K3 и С стихотворения «От легкой жизни мы сошли с ума...». Эти восемь стихотворений должны учитываться при определении состава «Камня» при дальнейших его переизданиях. За пределами восьми названных стихотворений основной корпус «Камня» определяется составом его в С, дополненный стихотворением «Царское Село» (исключенным из С редактором) и за вычетом

² Это стихотворение было исключено, вероятно, из-за содержавшегося в его тексте «проклятия»; возможно, по сходным мотивам — из-за содержавшегося в тексте резкого эпитета — позднее было исключено из состава «Камня» стихотворение «Ни триумфа, ни войны...».

³ РО ИРЛИ. Ф. 124. Ед. хр. 208.

стихотворений, исключенных поэтом в 1935, 1937 годах («Ни триумфа, ни войны...» и «Есть ценностей незыблемая скала...»).

Композиция «Камня» в основном определилась уже в К2. Как говорилось выше, она соответствует хронологическому принципу, который, однако, не соблюден последовательно. Стихи Мандельштама с самого начала его поэтической деятельности связаны с общественно-политическими событиями современности, но по времени написания отделены от них большим или меньшим промежуток времени. Этой дистанцией и обусловлены отступления от хронологического принципа в композиции «Камня»: стихотворения одного сюжетного гнезда могли — по времени написания — перемежаться с другими; при этом сюжетные связи между соседними в композиционном ряду стихами нарушались. Ограничимся здесь лишь самым общим соображением, ибо сам принцип композиции, как и отступления от него, есть реализация глубинных творческих устремлений поэта; исследованию же композиции должно предшествовать выяснение авторской воли относительно порядка следования стихотворений в книге.

Преобладающее большинство автографов Мандельштама имеет даты, даже на завершенных в черновике редакциях; дата у него — обязательный компонент авторизации текста. Автографы (списки) без дат или давались в редакции периодических изданий (альманахов), которые в те годы помещали стихотворения, как правило, без дат, или предназначались в корпус подготавливаемой книги (в расчете на то, что дата будет проставлена в корректуре). Лишь в К3 под стихотворениями отсутствуют даты (неизвестно по чьей инициативе — автора или редакции); во всех остальных авторских сборниках стихотворения напечатаны с датами (за некоторыми исключениями); есть в них и стихотворения с неточными датами. Приводим список таких стихотворений⁴ с указанием (во втором столбце) сборника, в котором помещено стихотворение, и в третьем столбце — источника точной (или предпочтительной) даты. В том случае, если в третьем столбце указан авторский сборник, подразумевается, что дата подтверждается автографом или авторитетным мемуарным свидетельством.

⁴ В список не включены стихотворения «Природа — тот же Рим и отразилась в нем...» и «Пусть имена цветущих городов...», время создания которых устанавливается по косвенным данным, см. в наст. изд., с. 215–220.

«На перламутровый челнок....»	б/д, среди стихов 1909 г. (С)	1911 (АМ)
Казино	б/д (К2)	1912 (К1)
«„Здесь я стою“...»	1913 (С)	1915 (ККабл)
«Мы напряженного молчанья...»	1913 (К2, С)	1912 (ИРЛИ)
Домби и сын	1913 (К2, С)	1914 (АМ)
«Летают Валькирии...»	1913 (К2, С)	1914 (АМ)
«Поговорим о Риме...»	1913 (К2)	1914 (АМ)
«Ни триумфа, ни войны...»	б/д (С)	1914 (К2, АЛ)
Посох	б/д (С)	1914 (К2)
«Уничтожает пламень...»	1914 (С)	1915 (АМ)
Аббат	1914 (С)	1915 (К2)
«И поныне на Афоне...»	б/д (С)	1915 (К2)
«Собирались элины войною...»	1914 (С)	1916 (Т)

Оценивая расхождение дат в списке, можно с достаточной уверенностью судить о том, что поэт не выверял даты стихов по своему архиву и предшествовавшим сборникам. Ошибка памяти в дате стихотворения на несколько месяцев (но выходящая за пределы календарного года) могла возникнуть уже через два года после его создания (см. в таблице «Домби и сын», «Летают Валькирии...», «Поговорим о Риме...»). Однако разницу в два года объяснить ошибкой памяти едва ли можно, и для стихотворения «Собирались элины войною...» есть данные, проливающие свет на причину изменения даты под ним, как и под стихотворением «Ни триумфа, ни войны...». Это их заглавия, полученные ими еще в КЗ,— соответственно «1914» и «1913». Эти заглавия функционально связывают оба стихотворения, обозначая у Мандельштама (как и у Ахматовой) границу между XIX и XX веком. Следует учесть и то обстоятельство, что в С все стихотворения 1916 года уже отнесены к «Tristia», и эта дата в «Камне» выглядела бы аномальной. Сказанное выше приводит нас к заключению о том, что дата под стихотворением «Собирались элины войною...» изменена поэтом намеренно, из «высших» соображений; «Ни триумфа, ни войны...» по тем же причинам оставлено в С без даты.

Все сказанное выше в отношении композиции склоняет нас к признанию авторской воли прежде всего в отношении положения стихотворений в последнем авторском сборнике (С); хронология стихотворений в нем — фактор, организующий композицию, но лишь в общем виде.

К ВОПРОСУ О ДАТАХ

СТИХОТВОРЕНИЯ «Природа — тот же Рим и отразилась в нем...» (далее — ПТР), «Пусть имена цветущих городов...» (далее — ПИ) и «Когда держался Рим в союзе с естеством...» (другая редакция ПТР) датированы нами 1914 годом.¹ Полученные дополнительные сведения обязывают вернуться к вопросу о времени их создания. Приведем тексты стихотворений.

*Природа — тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи.*

*Природа — тот же Рим! И, кажется, опять
Нам незначем богов напрасно беспокоить —
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!*

*Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной:
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.*

¹ Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. А. Г. Меца. СПб., 1995. С. 119, 339. (Новая б-ка поэта). См. также: ПССиЛ 2020. Т. 1. С. 60, 263, 493, 610.

*Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны;
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари!*

*Когда держался Рим в союзе с естеством,
Носились образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе — как в цирке голубом —
На форуме полей и в колоннаде рощи;*

*А ныне человек — ни раб, ни властелин,
Не опьянен собой, а только отуманен;
Невольно думаешь: всемирный горожанин!
А хочется сказать: всемирный гражданин!*

Определение времени создания этих стихотворений до сих пор основывается на косвенных данных. Они не датированы ни в одном из архивных источников текстов (из источников ясно лишь, что ПИ и ПТР написаны в одно время), а датировка «1914» под ПИ в «Стихотворениях» (1928) нуждается в критической проверке, поскольку некоторые из дат в этой книге оказались ошибочными (тем же годом, например, помечено «Собирались элины войною...», на самом деле написанное в 1916 году); А. А. Морозов, как увидим ниже, вовсе не обращался к дате ПИ в «Стихотворениях» как к аргументу.

История текстологических решений такова. Н. И. Харджиев в издании 1973 г.² датировал ПИ 1917 годом на том основании, что его автограф (недатированный) в РГАЛИ находится на одном листе со стихотворением 1917 г. «Кто знает? Может быть, не хватит мне свечи...» (и, на том же основании, ПТР), и перенес оба стихотворения из раздела «Камень» в «Tristia». Ему возражал А. А. Морозов в примечании к записи дневника С. П. Каблукова от 6 сентября 1914 года: «Такой „двойчаткой“ здесь могут быть только два восьмистишия — „Пусть имена цветущих городов...“ и „Природа — тот же Рим и отразилась в нем...“ (они же, как, очевидно, не прошедшие цензуру, подклеены к стихотворению „О временах простых и грубых...“ в сборнике, составленном Каблуковым на основе печатного издания „Камня“ 1916 г.). Н. И. Харджиев <...> не прав,

² *Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 105, 274. (Б-ка поэта. Большая сер.) (далее — БП).*

отнеся эти стихи, и без всяких видимых причин, к 1917 году. Во втором стихотворении строчка „Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать...“ — по всей очевидности, имеет своим содержанием сараевское убийство (15 июня) и подготовку мировой войны». ³

В издании «Камня»,⁴ соглашаясь с доводами А. А. Морозова, мы привели дополнительный аргумент: «Беловой автограф на бланке журнала „Аполлон“, вместе со стихотворением „Пусть имена цветущих городов...“ (в виде цикла), с визой редактора: „Аполлон № 9. Набор — корпус. С. Маковский“. По визе с большой степенью вероятности можно датировать 1914 годом, поскольку в последующие годы ноябрьский выпуск входил лишь в сдвоенные номера журнала» (с. 313; то же обоснование мы дали в *НБП*, см. с. 535). Иными словами, предполагалось, что в визе редактора номер журнала должен был точно соответствовать осуществившемуся в тираже (одинарный — одинарному, сдвоенный — сдвоенному). Однако позже в архиве М. Л. Лозинского нам встретился лист со стихами В. К. Шилейко, виза Маковского на котором указывала одинарный номер журнала (2), а в тираже он вышел сдвоенным номером (1/2). Таким образом аргумент, который мы считали решающим, потерял силу, и к определению времени написания стихотворений приходится вернуться снова. Приведем исходные данные.

Источники текста

А. Списки С. П. Каблукова. ПИ и ПТР, без дат (с вариантом — «Когда держался Рим в союзе с естеством...»), на одном листе, нумерованы соответственно «III» и «IV», подклеены во второе издание «Камня» к с. 67 над стихотворением «На площадь выбежав, свободен...»; на развороте слева (с. 66) — стихотворение «О временах простых и грубых...». Нумерация Каблукова указывает на местоположение в цикле, несомненно, вместе со стихотворением «На площадь...», к которому подклеен лист, и с «О временах...», что будет ясно из дальнейшего. Цикл «Рим» засвидетельствован двумя записями от сентября 1914 года в дневнике Каблукова⁵ (но вошедшие в цикл стихотворения не названы) и в публикации

³ Мандельштам в записях дневника С. П. Каблукова // Вестн. рус. христиан. движения. 1979. № 129. С. 146. Цитируем по republicации: Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 82.

⁴ Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 248. (Лит. памятники).

⁵ Там же. С. 248, записи № 26 и 27.

журнала «Голос жизни» (1915. № 14), где под заглавием «Из цикла „Рим“» напечатаны «О временах простых и грубых...», «На площадь выбежав, свободен...» и «Посох мой — моя свобода...», под номерами 1, 2, 3 (все стихи — 1914 года).

Б. Автографы ПИ и ПТР в архиве М. Л. Лозинского. Без дат, на одном листе, нумерованы в виде цикла, с визой Маковского о наборе (см. выше).

В. Автограф ПИ в РГАЛИ. Без даты, на одном листе со стихотворением 1917 года «Кто знает?..».

Публикации. Во второе издание «Камня» стихотворения не вошли. Первые публикации осуществились в начале 1918 года в газетах «Вечерняя звезда» (ПИ) и «Петроградское эхо» («Когда держался Рим в союзе с естеством...»). ПТР — в «Tristia» (1922), во всех публикациях без дат. В третьем издании «Камня» ПИ и ПТР помещены между стихами 1915 года («Обиженно уходят на холмы...» — «С веселым ржанием пасутся табуны...»), в «Стихотворениях» — в разделе «Камень», между стихами 1914 года «Есть ценностей незыблемая скала...» — «Я не слыхал рассказов Оссиана...», причем только в этом сборнике одно из стихотворений (ПИ) датировано («1914»).

Сумма противоречий

Основное противоречие — между предполагаемыми ранними датировками «1914» (или «1915») и невключением ПИ и ПТР во второе издание «Камня» (декабрь 1915), а также их поздними (1918) первыми публикациями. А. А. Морозов в своей аргументации (см. выше) объяснил невключение цензурным вмешательством, однако это объяснение противоречит содержанию записи дневника Каблукова за 30 декабря 1915 года, в которой исключенные цензурой стихотворения названы. Существенно, что и не обнаруживается оснований, по которым эти стихи могли бы привлечь внимание цензуры. А предположению о неудовлетворенности автора ПИ и ПТР противоречит попытка напечатать их в «Аполлоне» — все стихотворения, печатавшиеся в «Аполлоне» в 1913–1915 годах, во второе издание «Камня» были включены.

Данные к анализу

Сложившаяся текстологическая ситуация обязывает рассмотреть возможность датировки ПИ и ПТР каждым годом между крайними датами 1914–1917.

(1). Первые публикации в 1918 году являются существенным, но не решающим аргументом — Мандельштам публиковал некоторые свои стихотворения и через несколько лет после их создания (к обсуждению последнего обстоятельства мы еще должны будем вернуться). Факт, на который опирается аргумент Харджиева в пользу «1917», является лишь производным от обстоятельств, связанных с подготовкой первых публикаций стихотворений в конце 1917 — начале 1918, как раз в связи с чем, по-видимому, автограф ПИ в РГАЛИ и был записан на одном листе со стихотворением «Кто знает?..»; А. А. Морозов в устной беседе сообщил нам, что этот лист происходит из фонда Вяч. Полонского, которому, вероятно, был дан автором для публикации в одном из повременных изданий. Есть еще косвенные данные, которые нужно принимать во внимание.

— Анализ динамики публикаций стихов Мандельштама в «Аполлоне» (ноль в 1915 и 1917) и виз Маковского на его автографах в архиве М. Л. Лозинского (все другие стихотворения с визами были напечатаны) дает некоторые основания к предпочтению 1917 года (для дат виз на ПТР и ПИ), поскольку тогда можно было бы невключение стихов Мандельштама в номер связать с издательскими трудностями, предшествовавшими прекращению журнала; тогда же из тиража был исключен заверстаный в № 8/10 перевод В. К. Шилейко «Хождение Иштар» (корректурные экземпляры — в архиве М. Л. Лозинского).

— Мотив «гражданственности» в «Когда держался Рим в союзе с естеством...» перекликается с «обетованным гражданством» в варианте стихотворения «Декабрист» (1917).⁶

— Если согласиться с тем, что образ «Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать» в ПТР несет аллюзию на политические реалии (по А. А. Морозову — «сараевское убийство»), то следует учитывать не менее подходящее событие — похороны «жертв революции» Февраля 1917 года (23 марта на Марсовом поле).

(2). В пользу «1914» (или «1915») самым обоснованным остается аргумент А. А. Морозова о местоположении списков ПИ и ПТР в «Камне», принадлежавшем С. П. Каблукову. Наличие на этих списках нумерации, указывающей на существование цикла, позволяет привлечь дополнительные данные. Нумерация предполагает, что в цикл «Рим» входило не менее пяти стихотворений:

⁶ ПССиП 2020. Т. 1. С. 416.

«О временах...», «На площадь...» и «Посох мой — моя свобода...» (помещенных в «Голосе жизни») плюс ПИ и ПТР. К ним тематически примыкают: «Поговорим о Риме...», «Ни триумфа, ни войны...», «Есть обитаемая духом...» (все — 1914); «С веселым ржанием пасутся табуны...», «Обиженно уходят на холмы...», «Негодование старческой кифары...» (все — 1915). Два последних стихотворения во второе издание «Камня» не вошли, их списки подклеены Каблуковым в другом месте «Камня» и без означений, которые могли бы указывать на принадлежность к циклу. Эти данные позволяют с высокой степенью вероятности датировать списки ПИ и ПТР временем не позднее начала 1915 года.

К сказанному прибавим еще два наблюдения. «Вечный купол небес» («Есть обитаемая духом...») перекликается с первым членом триады образов в ПТР, в которой он мог бы занять место вместе с «форумом полей и колоннадой рощи» (но в ПТР он дан иначе: «В прозрачном воздухе, как в цирке голубом»), а «Есть... камни, чтобы строить» в ПТР устанавливает связь с соответствующими местами в «Утре акмеизма» (осень 1913 или начало 1914).⁷

Вывод. Противоречие между крайними датами можно объяснить с помощью одного допущения. Существует небольшая группа стихотворений, отношение автора к которым со временем изменилось: они не были включены во второе издание «Камня», но включались в следующие сборники.⁸ Возможно, что в 1914 году (наиболее вероятное, на наш взгляд, время создания ПИ и ПТР) оба стихотворения автор считал несовершенными и не предназначал для печати до 1917 года. Но из-за сложности вопроса предлагаем это объяснение только в качестве рабочей гипотезы.

⁷ О датировке «Утра акмеизма» см. в статье «Акмеисты: последнее выступление группы» в наст. изд.

⁸ Об этой группе стихотворений см. «О составе и композиции книги „Камень“» в наст. изд. См. также: Мец А. Г. «Камень»: (К творческой истории книги) // Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 280–281. (Лит. памятники).

«ГРИФЕЛЬНАЯ ОДА»: ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИИ ТЕКСТА

І. ВВЕДЕНИЕ

История изучения черновиков «Грифельной оды» насчитывает уже более 30 лет. Первой по времени к ним обратилась Дж. Бейнс.¹ Ее целью была, как и заявлено в названии статьи, семантическая интерпретация образов стихотворения с привлечением текста некоторых черновиков.² Вскоре отдельные сведения об этих черновиках были даны Н. И. Харджиевым в примечаниях к тому стихов Мандельштама в большой серии «Библиотеки поэта».³

Углубленное исследование рукописей «Грифельной оды», и также с акцентом на семантику, предприняла И. М. Семенко в работе «О черновиках „Грифельной оды“».⁴ Она выделила в них три редакции: А, В, С и опубликовала большинство семантически значимых слоев текста. И. М. Семенко не ставила перед собой

¹ *Baines, J. 'Mandel'shtam's Грифельная ода: A Commentary in the Light of the Unpublished Rough Drafts' // Oxford Slavonic Papers, New Series. 1972. Vol. V. P. 61–82.*

² К достоинствам работы следует отнести некоторые находки комментария. В ней (кажется, впервые) поставлены в связь образ «дубов зеленых» и «темный дуб» лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...».

³ *Мандельштам О. Стихотворения / Сост. подгот. текста и примеч. Н. И. Харджиева. Л., 1973. (Б-ка поэта. Большая сер.).*

⁴ Впервые: Развитие метафор в «Грифельной оде» О. Э. Мандельштама (от черновых редакций к окончательному тексту) // Учен. зап. Тартус. ун-та. 1985. Вып. 680. С. 117–136. (Блоковский сб. № 6). Мы будем цитировать ее работу по изданию: *Семенко И. М. О черновиках «Грифельной оды» // Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама / Сост. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Подгот. текста и примеч. С. В. Василенко. М., 1997. С. 6–30. Далее сокращенно — ППМ.*

задачу определить текст редакции А, а также и установить последовательность, в какой поэт вел работу, в чем сказалась ее профессиональная корректность: свой этап исследования она, несомненно, мыслила как предварительный. В ее чтения отдельных стихов в дальнейшем вносились коррективы.⁵

Новое обращение к рукописям, корпус которых пополнился к этому времени авторизованной копией ранней редакции, обнаруженной в фонде журнала «Красная новь»⁶ (далее — рукопись (редакция) КН), предпринял М. Л. Гаспаров в работе «„Грифельная ода“ Мандельштама: история текста и история смысла»⁷ (далее: *ИТИС*). Он провел большую и результативную работу: дал краткое палеографическое описание листов рукописи и присвоил им нумерацию; определил, что редакция В была самой ранней из сохранившихся и расположил те же три редакции в последовательности В («первая»), А («вторая»), С («третья»); выделил все без исключения слои правки текста и показал их привязку в листах черновиков. Обращаясь в нашей статье к той же теме и отмечая достоинства работы М. Л. Гаспарова, мы будем вынуждены дать характеристику и ее недостаткам, как они нам представляются по результатам собственного исследования. Основным является недооценка ранней редакции, сохранившейся в архиве журнала «Красная новь». В *ИТИС* она лишь упомянута по частному поводу, а текст ее приведен схематически (с. 182–183), между тем как сопоставление редакции КН с остальными черновиками позволяет выделить в группе рукописей А три самостоятельных редакции — две семистрофные и одну девятистрофную — и точно привязать к каждой из них сводки отдельных строф на листах 7–11 и 2 об. Мы показываем также, что рукописи завершения редакции В утрачены. Об этой лакуне сигнализирует фрагмент — сохранившийся от редакции В1 лист 2, который в работе М. Л. Гаспарова отнесен

⁵ В издании: Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. А. Г. Меца. СПб., 1995. С. 466–468 (Новая б-ка поэта), М. Л. Гаспаровым в статье, о которой речь идет ниже, и С. В. Василенко в *ППМ* (С. 135–136). Всего таких мест около десяти; все три издания одинаково определили места текста, нуждающиеся в коррекции, и в большинстве совпали в предложенных чтениях. В настоящей статье эти места мы специально не отмечаем.

⁶ Впервые текст помещен полностью в издании: Мандельштам О. Соч.: в 2 т. / Подгот. текста А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера. Т. 1. С. 383–384; 497 (комментарий). За пределами комментария осталось указание на заполнение первоначально оставленного пробела, см. в наст. статье, с. 263.

⁷ *Philologica*. 1995. № 3/4. С. 153–198.

к редакции А. Соответственно текст в указанной позиции не может быть представлен как «переписанный» с одних сохранившихся листов на другие. В некоторых местах автор прибег к упрощениям: тексты на листах 11 и 7, где имелись сводки больше чем одной строфы, в целом виде не представлены, но без оговорок разделены и разнесены к этапам эволюции соответствующих строф; почти все имеющиеся в рукописях варианты означены как слои последовательной правки.

Здесь необходимо отозваться также об «истории смысла» «Грифельной оды» как одной из задач, поставленных в *ИТИС*. Инструментом анализа была избрана схема из книги О. Ронена,⁸ и только она одна, — большой собственно семантический материал подтекстов автор не стал привлекать («контексты и подтексты — мы сознательно не затрагиваем: здесь нам прибавить нечего» — *ИТИС*. С. 155). Саму схему и предшествующий абзац автор охарактеризовал так: «О чем говорится в „Грифельной оде“? Ронен отвечает: о процессе поэтического творчества — в близких Мандельштаму метафорах из области минералогии и метеорологии. Вот как выглядит в его изложении план оды по строфам — „последовательные стадии поэтического процесса“ (Ronen 1983, 44–45)» (далее следует перевод «плана»). Однако в этой посылке имелась существенная неточность интерпретации. У Ронена ни здесь, ни в каком-либо другом месте не говорится, что «Грифельная ода» — стихи о процессе поэтического творчества, и имеющаяся схема — отнюдь не «план оды по строфам». В данном месте специальной главы, посвященной исключительно исследованию композиции стихотворения на разных уровнях (лексико-грамматическом, смысловых полей), речь идет о частном случае: кольцевая композиция «управляет» (также и) смысловым полем «поэзия, творчество»;⁹ вслед дается схема топической прикреплённости

⁸ Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 44–45.

⁹ Приводим текст подлинника (абзац, предшествующий схеме):

On the other hand, the compositional principle of the ring governs the semantic field of „poetry, creativity“, developed in GO both directly and in M.'s favorite mineralogical and meteorological images, and in such a way as to recreate in the ode the very impetus that has dictated it. Let us consider more closely the consecutive stages of the poetic process depicted in the ode: (далее следует упомянутая схема). Перевод: С другой стороны, композиционный принцип кольца управляет семантическим полем «поэзия, творчество», разработанным в ГО и прямо, и в излюбленных Мандельштамом минералогических и метеорологических образах, и таким образом <призван> как бы оживить в оде самый импульс, который диктовал ее. Давайте рассмотрим ближе последовательные стадии поэтического процесса, изображенного в оде: (далее следует схема).

этого поля в стихотворении, причем схема не содержит строфы III, а стихи 45–48 и 51–52 соответственно заданию зафиксированы дважды. Указанные обстоятельства препятствуют тому, чтобы поставленную в ИТИС задачу считать решенной адекватно.

Многие авторы отмечали особую сложность семантической организации «Грифельной оды» (иногда определяя ее как «зашифрованность»). И до сих пор такие образы, как «На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок» (в основном тексте) или «Трех овчарок патриарх» (в черновиках), как нам представляется, удовлетворительно не раскрыты ни одним из исследователей. Относительно некоторых других образов и сюжета в целом другие работы, в том числе наш комментарий,¹⁰ дают иную, сравнительно с предложенной М. Л. Гаспаровым, интерпретацию, и, таким образом, ряд моментов «истории смысла» пока остаются дискуссионными. В то же время для восстановления «истории текста» оказываются достаточными традиционные текстологические процедуры, и в настоящее время представляется целесообразным две эти задачи не объединять.

Поэтому настоящая работа посвящена только «истории текста». «Историю смысла» «Грифельной оды» все еще приходится считать идеальной задачей, однако мы не испытываем скепсиса в отношении перспектив ее решения. Залогом конечного успеха является устойчивый интерес к ней со стороны исследователей. Уточнение истории текста призвано способствовать продвижению на этом пути. Так, мы показываем, что одной из первых записей на черновике были строки «И я теперь учу язык Который клекота короче». Здесь сказано, как представляется, о языке современности, побуждении «сменить строй лиры». Такое понимание позволяет провести параллели со стихами 1922 года: «И подумал: зачем будить Удлиненных звучаний рой <...> Из горящих вырвусь рядов И вернусь в родной звукоряд» («Я по лесенке приставной...»); «Время <...> ловит слово-колобок» («Как растет хлебов опара...») и другими, восстановить общий контекст, скрепляющий эту тему с внетекстовой реальностью.¹¹

Целесообразно начать нашу работу с некоторых общих наблюдений над мандельштамовскими рукописями (стихов, прозу здесь не затрагиваем) и над манерой работы Мандельштама. Почерк его был очень выработанным и четким с юношеских лет,

¹⁰ НБП. С. 567–569; ПССиП 2020. Т. 1. С. 528–529.

¹¹ О связи текста стихотворения с актуальной политической реальностью см.: НБП. С. 568; ПССиП 2020. Т. 1. С. 529.

с исключительным чувством соразмерности, как у профессионала — художника или чертежника. В беловиках (и в черновиках большей частью) линии строк выдерживаются строго параллельно, расстояние между строками и величины пробелов между строками одинаковы. Понятны поэтому эмоции С. Б. Рудакова при виде привезенного в Воронеж архива: «Лица, мне, с моей тягой к пейзажу, к графике, безумное наслаждение доставила Над́ин: Оськины рукописи. Это и лес, и парки, и луга, и даже безводные пустыни. До 300 листков, от мазаных черновиков до беловых редакций, оформленные изумительно (в простоте, конечно)». ¹² В черновиках почерк небрежнее, но строчки нигде не «наползают» друг на друга, сохраняются интервалы между строками. Описок почти нет, сокращений мало. В черновиках имеются знаки препинания. ¹³ Процесс писания требует движения руки с пером слева направо вслед за линией строки; в черновиках последний стих строфы Мандельштам иногда пишет с отступом (абзацем), а порой и в три строчки, чтобы не переносить руку справа налево, что давало некоторую экономию времени.

Из особенностей графики беловых автографов Мандельштама отметим одну, с помощью которой можно будет ориентироваться во фрагментах беловых (а иногда и черновых) сводок «Грифельной оды». При строго горизонтальных линиях строк (изредка к концу равномерно отклоняющихся кверху или, напротив, сгибающихся книзу), вертикальная линия, соединяющая заглавные (первые) буквы всех строчек стиха на листе (будем называть ее в дальнейшем: **линия колонки строк**) — прямая, очень выдержанная. Угол, образованный этой линией с горизонтальной, близок к прямому (почти всегда — несколько меньший, чем прямой), иногда уменьшается до 70°–80° (приблизительно), оставаясь одинаковым для всей рукописи (черновики «Грифельной оды», листы 3–6; 12–14). В дальнейшем мы будем говорить о нем: **угол наклона линии колонки**.

В ряде случаев при изучении черновиков «Грифельной оды» возникают особые сложности. Во-первых там, где правка позиции стихов или строф проведена не знаками при самом тексте (чертой, стрелкой), а цифрами их номеров, предварительно проставленных на верхнем или левом поле.

¹² Письмо С. Б. Рудакова к жене от 16 января 1936 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 г. СПб., 1997. С. 127.

¹³ Отмечено также И. М. Семенко: *ППМ*. С. 6.

Во-вторых там, где, закончив работу над сводкой текста¹⁴ и авторизовав очередную завершенную редакцию (датой, подписью), Мандельштам спустя некоторый срок на том же (уже правленном) тексте продолжал работу.

Для выяснения этих вопросов, а также и других приемов работы Мандельштама над текстом (определения формы линий зачеркивания и знаков вставок, состояния оборотов листов, цифровых помет и т. п.) нам приходилось искать аналогии в рукописях других его стихотворений. Укажем эти рукописи, характеризуя интересующие нас особенности.

— Две полубеловые сводки стихотворения «Соломинка» с обширной правкой чернового характера, без нумерации строф, не авторизованы, завершенной редакцией не образуют. Архив Мандельштама¹⁵ (далее: АМ). См. иллюстрации 1 и 2.

— Полубеловая сводка стихотворения «Собирались эллины войною...» с правкой чернового характера, с нумерацией строф. АМ. См. иллюстрацию 3.

— Полубеловая сводка стихотворения «О этот воздух, смутой пьяный...» с черновой правкой. Строфы отделены друг от друга короткими отчерками. В ходе работы нумерованы строфы 3 и 4. АМ. См. иллюстрацию 4.

— Полубеловая сводка стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...». В строфах правка чернового характера. Ряд строф зачеркнут, затем восстановлен. Порядок нумерации не сплошной (отдельные строфы не нумерованы), дважды менялся. Цифры номеров строф проставлены сначала над строфами, после

¹⁴ В классификации рукописей мы следуем классической работе С. М. Бонди «О чтении рукописей Пушкина» (*Бонди С. М. Над пушкинскими текстами. М.: Высшая школа, 2006. С. 217–270*). Пользуемся случаем сказать, что все отмеченные Бонди разновидности беловиков — беловые и полубеловые сводки (которые мы различаем по полностью или не полностью нанесенной пунктуации), черновики и их «особые случаи» (сводки отдельных строф) и описанная Бонди процессуальность работы (с. 233–239) в полной мере соответствуют и материалу рукописей Мандельштама. Тем самым еще раз подтверждается вывод Бонди, что черновики Пушкина «являются типичными для черновиков поэта вообще» (с. 218).

¹⁵ Эти автографы были изучены нами по фотокопиям из собрания Ю. Л. Фрейдина во время подготовки издания 1995 года, см.: *НБП. С. 520*, затем по микрофильму, предоставленном Библиотекой Принстонского университета, в Отделе рукописей и редких книг которой подлинники находятся с 1981 г. (Princeton University Libraries. Department of Rare Books and Special Collections. Osip Mandelstam Papers. CO 539. Box 4. Folder 13).

варианты нумерации даны на полях. В предпоследней строфе номерами на полях показана перестановка первого и второго двустишия. Ниже текста — цифры подсчета. Использован оборот листа (в условиях дефицита бумаги в 1920 г.). Редакция авторизована подписью и пометой «Ноябрь 1920. Петербург». РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 452. См. иллюстрации 5 и 5а.

— «Стихи о неизвестном солдате». Сводка Н. Я. Мандельштам с правкой автора, приводящей к 3-й редакции. Авторизована датой и пометой. Изменения в порядке строф показаны и стрелками, и цифрами на полях. Два знака переноса-вставки, аналогичные имеющемуся на листе 10 «Грифельной оды». ИРЛИ. Ф. 803. Оп. 1. Ед. хр. 27. См. иллюстрацию 6.

При определении стадий работы появляется необходимость учитывать то обстоятельство, что уже найденный текст окончательной редакции (целого стихотворения или отдельных строф), позднее входивший во все сборники без изменения, Мандельштам в черновиках пытался изменить, а затем снова возвращался к означенной редакции. Таких случаев в рукописях «Грифельной оды» несколько. Показательный пример — в следующей рукописи.

— Беловой автограф стихотворения «Ода Бетховену» с заглавием и датой. Строфы нумерованы. По тексту беловой записи завершённой редакции (в будущем основного текста стихотворения) с заглавием и датой — обширная черновая правка. На двух сложенных в тетрадку листах. На первом листе — цифры подсчета. ИРЛИ. Ф. 428. Оп. 1. Ед. хр. 141. См. иллюстрации 7 и 7а.

Еще один вопрос особой сложности возникает при изучении черновика «Грифельной оды» на листе 1 в связи с нашим предположением о том, что он является первой фиксацией текста стихотворения. Мандельштам, по-видимому, никогда не вел рабочих тетрадей, а работал только на отдельных листах. Поэтому очень редко можно судить о том, насколько тот или иной черновик близок к первой фиксации текста.¹⁶ Уникальное с этой точки зрения свидетельство, освещающее кратковременный промежуток между первым импульсом и началом записи, содержится в одном из воронежских писем С. Б. Рудакова: «Вчера были на концерте скрипачки Бариновой <...> Мандельштам написал <...> 4 строки. <...>

¹⁶ Несомненным представляется только один лист с первоначальным наброском стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (РО ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 68).

Кому кому-то не самим в органы власти
 и неким образом ради денег и власти
 интеллект формирует не только для интеллекта
 но для неких целей существующих сейчас

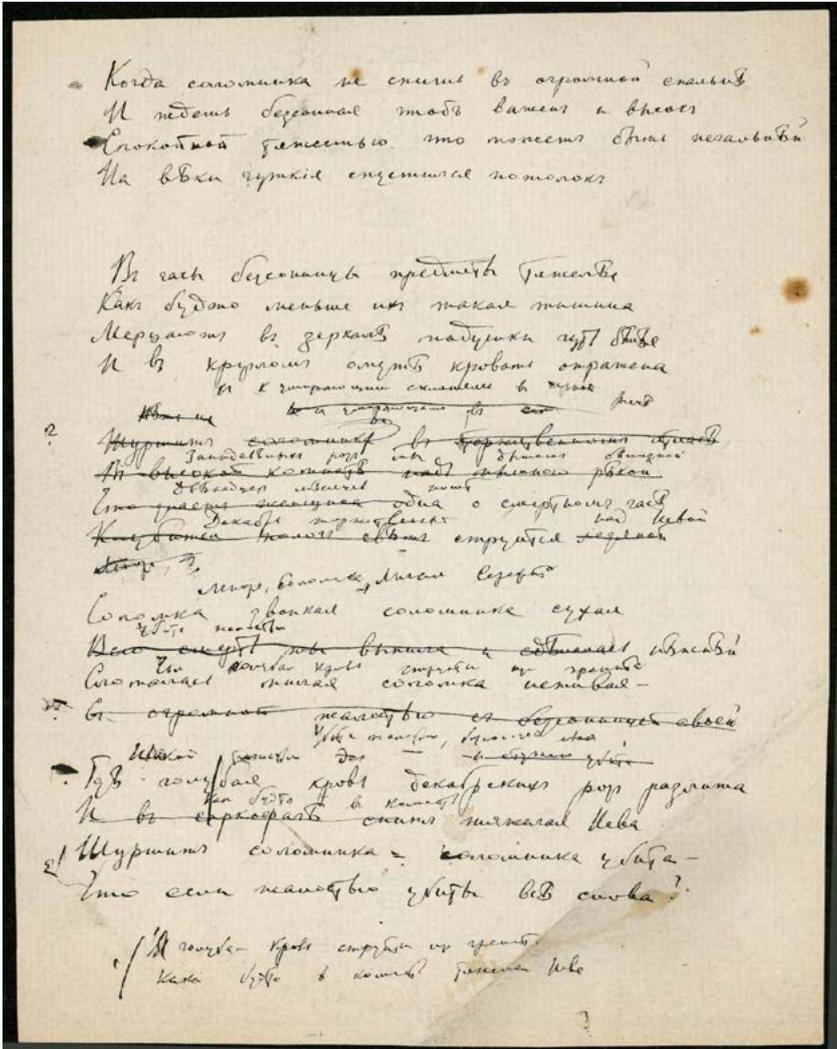
И так безжалостно продаются знания
 как это можно не только продать
 отдают в руках неких и неких
 и в руках неких и неких

* а в результате неким и неким
 Миллионы миллионов в руках неких
 Бандитские же и некие интеллект
 Интеллект интеллект неким и неким
 Денег неким неким неким

* Ленин, Коммуна, Ленин
 Учен и неким неким неким
 Учен неким и неким неким
 Учен неким неким неким неким
 Учен неким неким неким неким

* Учен неким неким неким неким
 Учен неким неким неким неким
 Учен неким неким неким неким
 Учен неким неким неким неким

Илл. 1

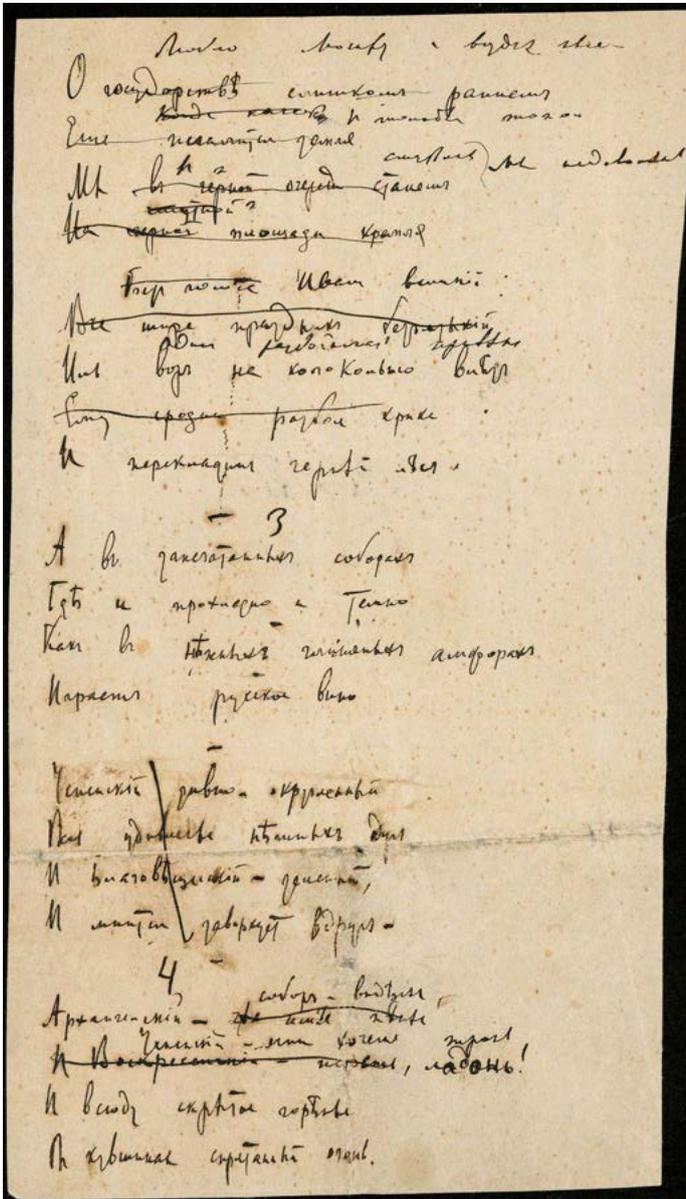

Илл. 1 и 2. «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...».

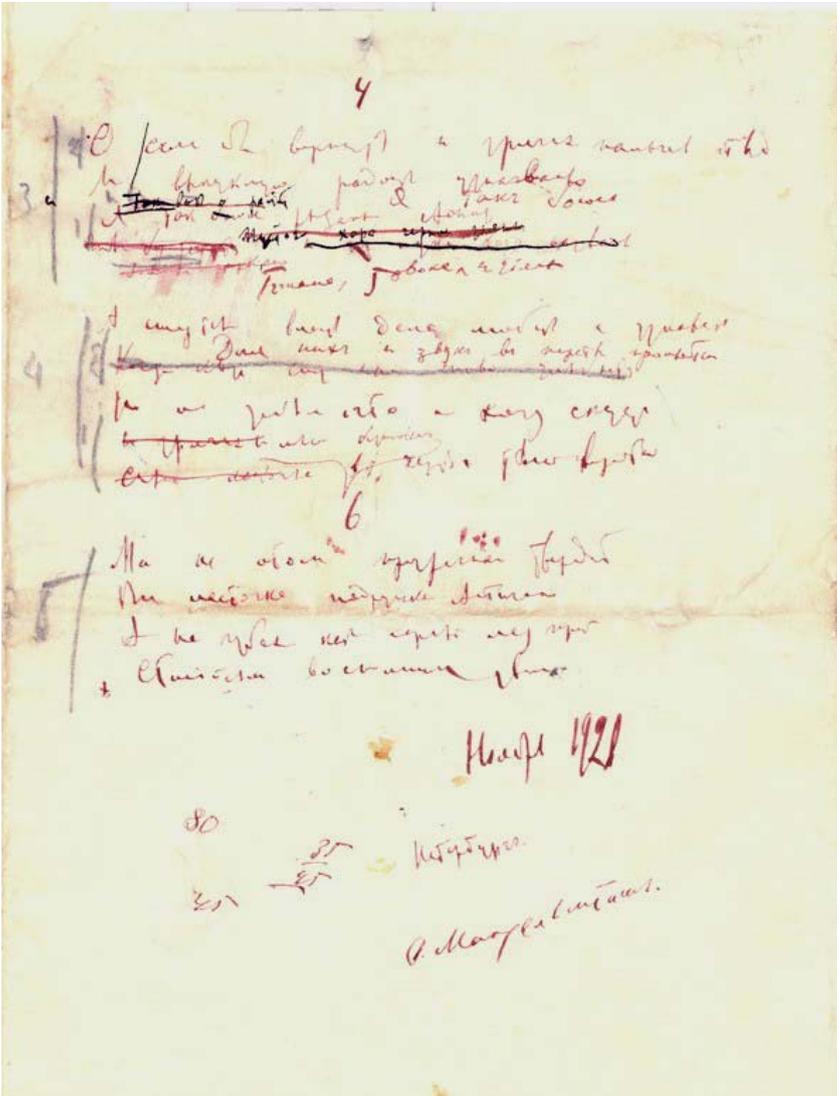
Две полубеловые сводки с черновой разработкой.

Обратите внимание на выдержанную линию колонки строк.

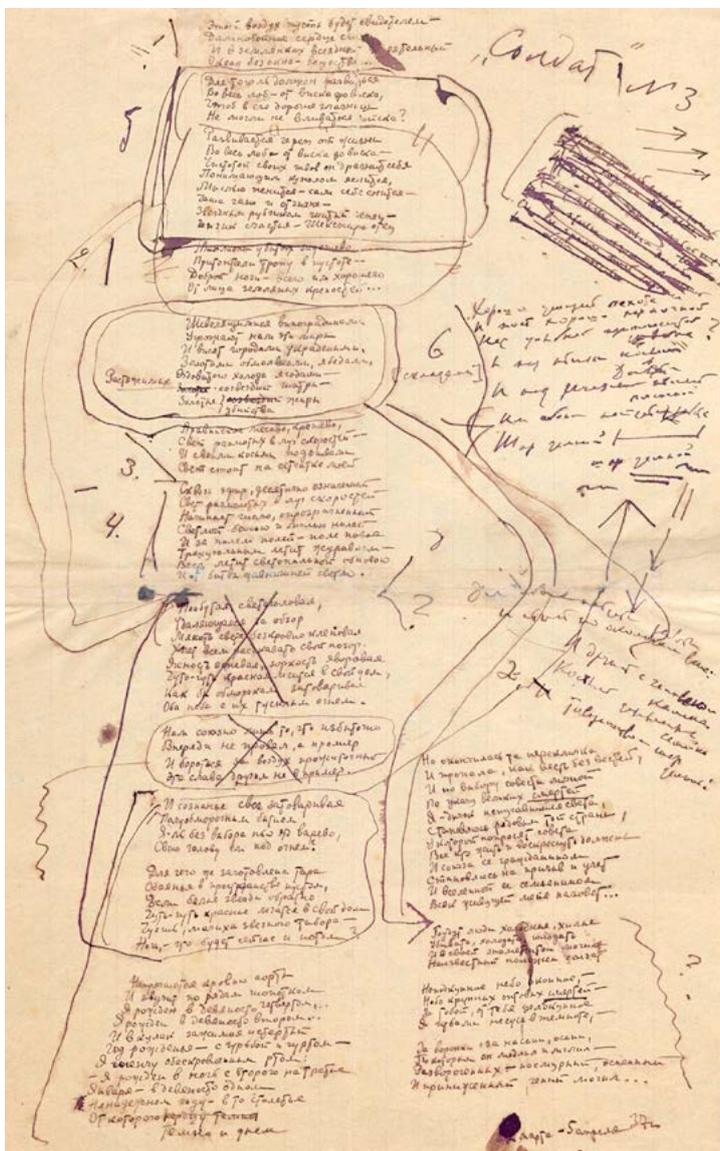
Строфы не нумерованы, следовательно, их порядок не определен.

Илл. 4. «О ЭТОТ ВОЗДУХ, СМУТОЙ ПЬЯНЫЙ...».
Полубеловая сводка ранней редакции с черновой разработкой.
Обратите внимание: цифрами определено положение
только двух строф из пяти.

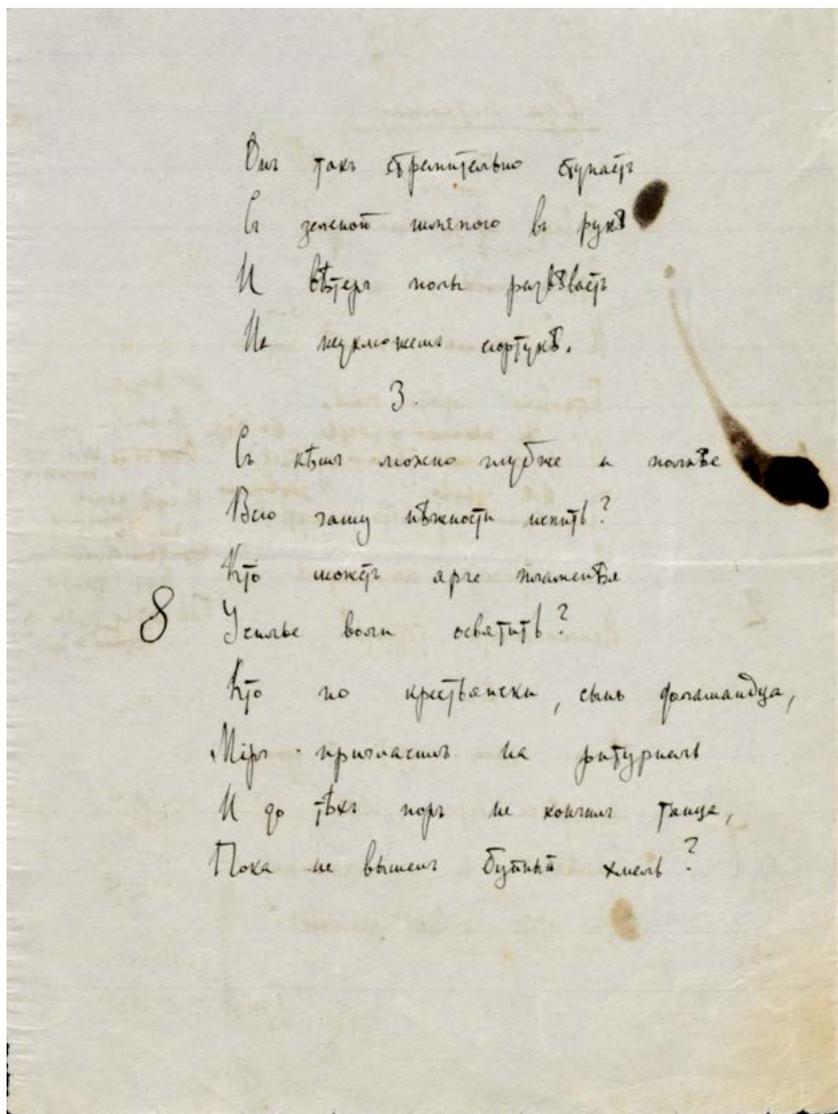

Илл. 5 и 5а. «Я слово позабыл, что я хотел сказать...». Полубеловая сводка с правкой на лицевой стороне листа и обороте. Первоначально строфы нумерованы цифрами над строфами, затем цифры изменения последовательности — карандашом на левом поле. В предпоследней строфе так же указано изменение позиций первого и второго двустийий. Обратите внимание на цифры подсчета (строк?) внизу на обороте листа.

Илл. 6. «Стихи о неизвестном солдате».

Сводка Н. Я. Мандельштам с правкой автора, приводящей к 3-й редакции. Авторизована датой и пометой. Изменения в порядке стрóf показаны и стрелками, и цифрами на полях. Два знака переноса-вставки, аналогичные имеющемуся на листе 10 «Грифельной оде».

Илл. 7 и 7а. «Ода Бетховену».

На левом поле цифрами показаны новые положения строф.
 Обратите внимание на цифры подсчета (строк?)
 на правом поле илл. 7.

*Играй же на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту.
Три черта было, ты четвертый,
Последний, чудный черт в цвету.*

Это должно стать концом 6-строфной вещи, у которой дома появилось и начало:

*За длиннопалым Паганини
Бегут цыганскою толпой
Все скрипачи».*¹⁷

Стихотворение, о котором пишет Рудаков, — «За Паганини длиннопалым...» (1935). Из его сообщения следует, что первой в стихотворении появилась *заключительная* строфа, второй — *начальная*, и *до письменной фиксации* строф было сложено не меньше двух. Предварительный расчет объема поэтической вещи (самая возможность которого впечатляет) оказался выполненным почти точно: 6 строф при четырех стихах в строфе — 24 строки, а в окончательном тексте стихотворения — 23 строки.

Наконец, в связи с некоторыми частными вопросами, ответы на которые рукописи прямо не дают, возникает необходимость в рабочих гипотезах. Так, в нескольких местах ИТИС пишется о том, что «большинство черновиков „Грифельной оды“ сохранилось на разрезанных листочках» (с. 153, 156), а далее на с. 166 выдвинуто предположение о гипотетическом листе, который был разрезан на листы 2–6 архива Мандельштама. В связи с этим выскажем следующее суждение. Интенсивная работа над рукописью требует, чтобы во время работы весь необходимый текст был перед глазами. Использование оборотов, особенно с правленным текстом, затрудняет работу, и обороты листов в черновиках Мандельштама (не только «Грифельной оды») заполнены очень редко. На определенном этапе площадь некоторых листов исписывалась, для продолжения работы места не оставалось, и они откладывались со стола или уничтожались. Текст с такого листа предварительно сводился на другой лист (если не был забракован окончательно). Обороты таких отброшенных листов с зачеркнутым текстом могли быть использованы на следующем этапе, как это видно по

¹⁷ Письмо С. Б. Рудакова к жене от 6 апреля 1935 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб., 1995. С. 34.

листу 2 «Грифельной оды». Другое обстоятельство состоит в том, что характер использования бумаги как материала для письма определялся ее дефицитом; в то время и еще долго впоследствии бумагу использовали экономно. Беловые автографы всегда или почти всегда создавались Мандельштамом на форматных листах и, предпочтительно, хорошего качества; для беловых (полубеловых) сводок использовались листы с большой площадью. Для черновых сводок использовались обрезки бумаги — как это видно по листу 7, на обороте которого сохранились концы строк прозы,¹⁸ или по обороту уже приводившегося в пример листа 2. Данная причина, когда прибегают к разрезанию бумаги, относится к стадии подготовки к работе (до заполнения листа текстом). После заполнения листа текстом он мог быть разрезан по двум причинам: 1) компактно расположенная часть текста или забракована, или сведена на другой лист; 2) возникла необходимость изменить композицию, переместив на столе компактно расположенную часть текста. Материал рукописей «Грифельной оды» и другой, нам известный, не дают основания для предположений о том, что лист разрезался больше чем на две части.

Переходим к анализу листов рукописи, см. иллюстрации 8–25. Все 14 листов палеографически описаны в работе М. Л. Гаспарова (*ИТИС*).¹⁹ Авторизованная копия ранней редакции находится в фонде журнала «Красная Новь» (РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 1165. Л. 123, 124, 126),²⁰ см. иллюстрации 26–28. Не рассматриваем машинопись с правкой из авторского оригинала «Второй книги» (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 10), так как ее текст не отличается от первопечатного. По той же причине не учитываем два поздних списка из собраний Н. И. Харджиева и А. М. Эфроса.²¹

И. М. Семенко в *ППМ* выделила в черновиках группы автографов (редакции) А, В, С. Это деление, для удобства сравнения результатов, сохранил М. Л. Гаспаров в *ИТИС*, а также присвоил

¹⁸ Согласно М. Л. Гаспарову, это строки из перевода «Кромдейра Старого» Жюль Ромэна (*ИТИС*. С. 156).

¹⁹ Не всюду последовательно: так, не указан тип линовки для листов 12–14.

²⁰ Рукой Н. Я. Мандельштам, заглавие рукой автора. Датирована 8-м марта 1923 г. В журнал, вместе с еще одним стихотворением, была дана для публикации, которая не осуществилась.

²¹ См. *ПССиП 2020*. Т. 1. С. 528. В этих списках имеется эпитафия: «И звезда с звездой говорит», акцентирующий связь с лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...».

листам нумерацию 1–14. Мы, также для удобства сравнения, будем пользоваться этой нумерацией и — с модификацией — тем же делением групп автографов.

Строфа в «Грифельной оде» состоит из 8 стихов с рифмовкой *AbAbCdCd* (с модификацией в последней строфе). Работа над стихотворением у Мандельштама нередко шла отдельно над одним из двух входящих в строфу катренов. Вслед за автором мы в случае необходимости обозначаем катрены номером строфы и буквой а (первый катрен) или б (второй катрен).

В итоге работы над «Грифельной одой» ее окончательный текст был помещен во «Второй книге» (1923; та же редакция в «Стихотворениях», 1928). Вопросы об основном тексте «Грифельной оды», зависящего от оценки характера поправок 1935 (или 1936) года, мы здесь не касаемся.

Хронологические рамки работы над стихотворением: начало — первые числа марта или конец февраля (по дате «8 марта» в рукописи КН), завершение — не позднее конца марта 1923 года (по визе Мандельштама с датой «20/IV/23 г.» на корректурных гранках «Второй книги» — ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 5²²).

Среди черновиков «Грифельной оды» выделяются листы 12–14, где заключительная редакция текста совпадает с первопечатной и положение которых поэтому не вызывает сомнений. Эти листы рассматриваются нами последними. Большой черновик на листе 1, М. Л. Гаспаровым в *ИТИС* идентифицированный как наиболее ранняя из дошедших до нас рукописей «Грифельной оды», рассматривается первым и в нашей статье. Вслед за ним рассматриваем текст на листе 2. Далее следует большой связный текст на листах 3, 5–6 и лист 4, который включен в текст этой редакции предположительно. После этих листов, где анализ мог быть проведен относительно проще, обращаемся к листам 7–11 и 2 об., представляющих собой сводки одной или двух строф.

²² Авторский оригинал «Второй книги» визирован А. К. Воронским к печати 5 марта 1923 г. (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 4), однако «Грифельная ода» еще не была завершена к этому времени — редакция КН, как было сказано, датирована 8-м марта; машинопись «Грифельной оды» была присоединена к авторскому оригиналу позже и отложилась в ИМЛИ в другой единице хранения (ИМЛИ. Ф. 225. Оп. 1. Ед. хр. 10).

II. ПЕРВЫЙ ЧЕРНОВИК И УТРАЧЕННАЯ РЕДАКЦИЯ

Лист 1 (см. иллюстрацию 8). Черновой автограф. Обрат чистый.

Порядок записи на листе относительно хорошо поддается реконструкции благодаря графическим особенностям. Первыми на этом листе с типографской линовкой (лист оборван по левому краю, реконструкцию текста в местах обрыва показываем в угловых скобках) были нанесены два наброска. Первый — чуть выше середины листа, строго по линовке, несколько более крупным почерком, чем будут записаны тексты строф:

*<И чт>об ни вывела рука
<Скаж>и кто может угадать*

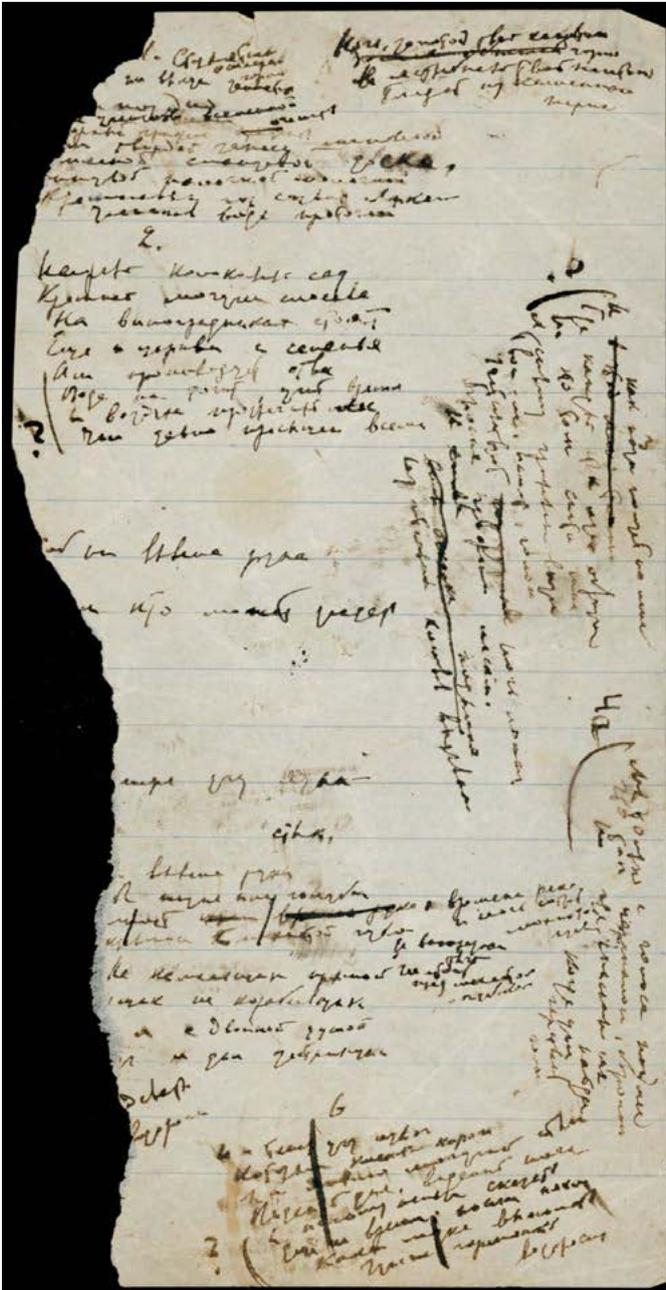
Ниже оставлен пробел в две линии линовки (который при дальнейшей работе не был заполнен), и таким же почерком вписан еще один набросок:

*<И я> теперь учу язык —
<пробел> стык*

Эти наброски похожи на схематические записи строф, описанные И. М. Семенко в работе «За гремучую доблесть грядущих веков»,²³ но не являются таковыми. Схематическая запись — сокращение целой строфы, сделанное для экономии времени при быстрой черновой работе (в них первое и последнее слово строфы соединены косой чертой), и естественно, что полный текст на тех же листах не раскрыт. В нашем случае, напротив, наброски были здесь же разработаны в полные тексты строф. Строчки первого наброска попали в разные строфы: первая стала, без изменений, первым стихом **предпоследней** строфы, вторая — трансформировалась в первый стих второго катрена **последней** (6-й по начальной нумерации) строфы «И никому нельзя сказать» («угадать» наброска рифмуется со сказать/выжимать (и также с «давать» в третьем аналогичном наброске, см. ниже²⁴). Второй набросок был разработан в первый катрен **последней** строфы. Поскольку обе строфы,

²³ ППМ. С. 50, ср. иллюстрацию 8.

²⁴ Ср. флексивные рифмы ломая/вырывая и пойдем/найдем в других строфах на этом листе. Как представляется, они, в качестве присущих оде XVIII века, реализуют в «Грифельной оде» стилистическое задание.

Илл. 8. Лист 1 черновики «Грифельной оды»

предпоследняя и последняя, как будет показано ниже, сочинялись непосредственно в ходе работы на листе, предшествовавшие им наброски являются, несомненно, теми элементами остова строф, которые возникли в памяти как первоначальные семантические доминанты. Далее мы будем называть их «**опорные записи**» (кроме уже приведенных, на листе есть еще две). Аналогий такому приему в черновиках Мандельштама мы больше не встречали, а последовательность работы имеет прямую аналогию в приведенном выше примере из письма С. Б. Рудакова о сочинении стихотворения «За Паганини длиннопалым...» — и там, и здесь работа начиналась «с конца». Вся совокупность особенностей дает основания к предположению о том, что перед нами — первая запись текста «Грифельной оды».

В ИТИС описанные наброски интерпретируются как записи, «следы которых остались на левом краю листа 1».²⁵ Между тем они отнюдь не являются «следами» — их текст пострадал от обрыва точно настолько же, как и примыкающих строф. Положение их на листе 1 хорошо видно на фототипии в ППМ, см. также табл. 1 нашей статьи.

Дальнейший ход работы на листе 1 таков. Вначале шла работа над предпоследней строфой, затем строфой 6, строфой 2, строфой 1, катреном без определенного места отнесения, после чего лист был повернут на 90° и поперек линовки на правом поле записаны строфа 3 и катрен 4а. В этой последовательности и рассмотрим текст.

Предпоследняя строфа номера не получила; она записана в два приема: строки 1–2 и 5–8, затем в пробел вписаны строки 3–4. В ней, как было сказано выше, разработана тема первой опорной записи. Вид первоначальной записи и последующей правки:

<p><i><И чтоб ни> вывела рука <Хотя бы> жизнь или голубка <Всё> смоет времени рука <Сотрет> крылом с мохнатой губкой <Кто я?> Не каменщик прямой, <Не кровельщик,> не корабельщик <Двурушник> я с двойной душой <Я ночи друг> я дня застрельщик.</i></p>	<p><i>Все смоет времени река И ночь сотрет мохнатой губкой (Вариант: Да виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой)</i></p>
--	---

²⁵ ИТИС. С. 158. К этой цитате мы еще раз вернемся после окончания анализа текста на листе 1.

Вид этой строфы на листе вполне ясен, между тем в ППМ и ИТИС она вообще не идентифицирована как целое, ее текст контаминирован с текстами других катренов с ориентацией на окончательную редакцию стихотворения.

Строфа 6. Далее, ниже предпоследней строфы, косо относительно линовки, была внесена еще одна опорная запись — в две строки:

*<край обрыва> давать
<край обрыва> водоросли*

И сразу вслед, также несколько косо, что компенсировало недостаток места на нижнем поле, сразу с номером, вписана строфа 6, во втором катрене которой эта запись была реализована. Текст строфы правке не подвергался (см. табл. 1, 2), но ее катрены поочередно (строки 5–6 перед этим отчеркнуты на левом поле) зачеркнуты. Материалом текста этой строфы послужили все три опорные записи (см. выше).

Строфа 2 была записана в один прием и правке не подвергалась. Второй ее катрен был отчеркнут на левом поле вертикальной чертой со знаком вопроса. Текст см. в табл. 1 и 2.

Строфа 1 записывалась в несколько приемов. Вначале в пробел, оставленный перед строфой 2, вписан второй катрен. Затем, также в 2 или 3 приема, записан первый катрен. Последним записан 1-й стих, причем ниже остался незачеркнутым предшествующий его вариант, от которого сохранилось только слово «поздно» (реконструкция: <Еще не> поздно <заплатить>). Рядом на правом поле записан катрен без определенного места отнесения «Ночь, золотой твой кипяток <...> жерла».

Вид строфы 1 после окончания работы над ней:

1

*<Какой> же выкуп заплатить
<З>a ученичество вселенной
<Чтоб го>рный грифель [прцучить] очинить
<Д>ля твердой записи мгновенной.
<На> мягкой сланцевой доске
<Св>инцовой палочкой молочной
Кремневых гор созвать Ликей —
Учеников воды проточной.*

После завершения работы над ним текст на листе принял следующий вид (угловыми скобками показан обрыв текста):

Таблица 1

<i>Стервятника</i>	<i>Ночь, золотой твой кипяток</i>
<i>ошпарил</i>	<i>[1 нрзб обжигает] горло</i>
<i>горло</i>	<i>И ястребиный твой желток</i>
	<i>Глядит из каменного</i>
	<i>жерла</i>

1

<> же выкуп заплатить
 <>е поздно
 <> ученичество вселенной
 <> орный грифель [приучить] очинить
 <> ля твердой записи мгновенной
 <> мягкой сланцевой доске
 <>инцовой палочкой молочной
 Кремневых гор созвать Ликей —
 Учеников воды проточной.

2

Нагорный колокольный сад
 Кремней могучее слоенье
 На виноградниках стоят
 Еще и церкви и селенья.
 Им проповедует отвес
 Вода их точит, учит время
 И воздуха прозрачный лес
 Уже давно пресыщен всеми.

<>об ни вывела рука
 <>и кто может угадать

<>теперь учу язык
 стык

<>вывела рука
 <> „жизнь“ или „голубка“
 <> смоем времени рука
 <>крылом с мохнатой губкой.
 <> Не каменщик прямой
 <>щик не корабельщик,
 <> я с двойной душой,
 <>уг, я дня застрельщик.

Таблица 1 (окончание)

<p><>давать <>водоросли</p> <p>6</p> <p><i>И я теперь учу язык Который клекота короче И я ловлю могучий стык Видений дня, видений ночи. И никому нельзя сказать, Еще не время, после, после Какая мука выжимать Чужих гармоний водоросли</i></p>
--

Строфа 3 записана на правом поле. Показываем движение текста:

<i>Начальная запись</i>
<p><i>И в этой мягкой тишине Где каждый стык луной обрызган Иль это только снится мне Я слышу грифельные визги Твои ли, память, голоса Учительствуют хор державе</i></p>

Затем последняя строка зачеркнута и дано продолжение:

1-й слой правки	2-й слой правки
<p><i>И в этой мягкой тишине Где каждый стык луной обрызган Иль это только снится мне Я слышу грифельные визги Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая Бросая грифели лесам И вновь осколки подымая</i></p>	<p><i>И как паук ползет по мне</i></p> <p><i>Из птичьих клювов вырывая.</i></p>

После правки первый катрен отчеркнут слева со знаком вопроса.

Катрен 4а не правился, текст см. в табл. 2.

Вид текста на листе 1 после окончания работы (обрыв текста восполнен без оговорок, опорные записи не указаны):

Таблица 2

1

Какой же выкуп заплатить
 За ученичество вселенной
 Чтоб горный грифель очинить
 Для твердой записи мгновенной
 На мягкой сланцевой доске
 Свинцовой палочкой молочной
 Кремневых гор созвать Ликей —
 Учеников воды проточной.

2

Нагорный колокольный сад
 Кремней могучее слоенье
 На виноградниках стоят
 Еще и церкви и селенья.
 Им проповедует отвес
 Вода их точит, учит время
 И воздуха прозрачный лес
 Уже давно пресыщен всеми.

3

И как паук ползет по мне
 Где каждый стык луной обрызган
 Иль это только снится мне
 Я слышу грифельные визги.
 Твои ли, память, голоса
 Учительствуют, ночь ломая,
 Бросая грифели лесам,
 Из птичьих клювов вырывая?

4а

Мы только с голоса пойдем
 Что там царапалось, боролось
 Но где спасенье мы найдем
 Когда уже черствеет голос

<без определенного места отнесения>

Ночь, золотой твой кипяток
 Стервятника ошпарил горло
 И ястребиный твой желток
 Глядит из каменного жерла

Таблица 2 (окончание)

<p><без номера></p> <p><i>И чтоб ни вывела рука Хотя бы „жизнь“ или „голубка“ Все смоев времени река И ночь сотрет мохнатой губкой. Кто я? Не каменщик прямой Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик.</i></p> <p>6</p> <p><i>[И я теперь учу язык Который клетота короче И я ловлю могучий стык Видений дня, видений ночи. И никому нельзя сказать, Еще не время, после, после Какая мука выжимать Чужих гармоний водоросли]</i></p>
--

Таким образом, текст на листе 1 в последней фазе работы не завершен и редакции не образует. Работа над ним или была продолжена на другом листе вчерне, или же непосредственно продолжалась сводкой, фрагментом которой является лист 2.

В ППМ текст листа 1 был представлен как «ранняя редакция», а в составе последней искажено действительное строфическое строение: несколько катренов контаминированы с ориентацией на строфику окончательной редакции.²⁶ Точно такую же текстуально редакцию дает ИТИС,²⁷ усложняя ее конъектурой целой строфы. В обоснование конъектуры автор пишет: «Мы знаем,²⁸ что автограф В (лист 1) — не первая запись текста „Оды“: ей предшествовали другие, следы которых остались на левом краю л. 1. Мы можем предположить, что среди этих первых записей была и строфа <I> — приблизительно в том виде, в котором она появляется в автографе А (л. 3)». Интерпретацию набросков, которые здесь

²⁶ ППМ. С. 29–30.

²⁷ ИТИС. С. 158–160.

²⁸ Откуда знаем — не сообщается; это утверждение высказано только в ИТИС.

характеризуются как «предшествующие записи», «следы которых остались на левом краю листа 1», мы дали выше; для еще одной гипотетической строфы на листе не было места. Теперь покажем, что конъектура нарушает и логику текста: на этом этапе гипотетическая строфа еще не могла быть и сочиненной поэтом.

Таблица 2а

<p>Строфа 1 на листе 1 (окончательный вид). Жирным шрифтом выделены лексические соответствия со строфой 1 редакции А1</p>	<p>Строфа 1 редакции А1 (лист 3, см. табл. 4), введенная в ИТИС конъектурой</p>
<p>1 <i>Какой же выкуп заплатить За ученичество вселенной Чтоб горный грифель очинить Для твердой записи мгновенной На мягкой сланцевой доске Свинцовой палочкой молочной Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной.</i></p>	<p><i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень, На мягком сланце облаков Молочных грифелей зарницы — Не ученичество миров, А бред овечьей огневицы!</i></p>
<p>Заключительная строфа на листе 1</p>	<p>Заключительная строфа в редакции А1 (лист 6, см. табл. 4)</p>
<p>6 <i>И я теперь учу язык Который клекота короче И я ловлю могучий стык Видений дня, видений ночи. И никому нельзя сказать, Еще не время, после, после Какая мука выжимать Чужих гармоний водоросли</i></p>	<p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, С прослойкой тьмы, с прослойкой света, И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>

Первое обстоятельство, противоречащее предположению М. Л. Гаспарова, заключается в следующем. В редакции А1 строфа 1 и заключительная связаны в кольцевую композицию, обеспеченную, во-первых, повторением трех стихов: «Кремнистый путь из старой песни», «Кремня и воздуха язык», «Кремень с водой, с подковой перстень» и, во-вторых, повторением в обеих рифмы язык/стык (той самой, которая была намечена во второй опорной записи). Кроме того, в заключительной строфе эта рифма стала сквозной (единственный случай на всё стихотворение): дневник/язык/персты/в стык. Тематически в кольцевую композицию связаны и лексические элементы: ученичество — учу, грифельный

рисунок — грифельное лето, сланец — прослойка.²⁹ К вопросу об объеме обработки двух строф, составляющих кольцо, добавим еще, что в сквозной рифме поэтом проведена искусная аранжировка: рифма *дневник/язык* основана на ударном гласном и замыкающем слог согласном, *персты/в стык* — на богатой аллитерации в группе предударных согласных, так что перебив в рифмовке налицо, и в то же время заключительное «в стык» образует рифму по обоим признакам. Богатая аллитерация связывает «персты» с другой парой рифм последнего катрена: *песни/перстень*. Из совокупности приведенных данных с необходимостью следует, что строфы 1 и 7 в редакции А1 связаны неразрывно, первая требует наличия и последней строфы в той же редакции. Не противоречащим этим обстоятельствам могла быть только конъектура обеих (первой и последней) строф А1, но такое решение не может быть аргументировано. Попутно добавим, что переработка первой и заключительной строф в показанном выше объеме не могла не отразиться в черновиках, и эти черновики впоследствии были утрачены.

Второе обстоятельство заключается в наличии генетической связи между первой строфой редакции А1 и первой строфой черновика В. Выделенные в таблице 2а лексические соответствия показывают, что в строфе 1 А1 из 26 полнозначных слов 8 соответствуют строфе 1 черновика В, 2 (*язык, стык*) — строфе 6 того же черновика, что полностью проясняет временную последовательность: в А1 строфа 1 могла появиться только на следующем этапе в результате переработки текста на листе 1. Оба обстоятельства демонстрируют, какой путь прошла первая строфа от листа 1 до листа 3, и делают несомненным вывод о том, что ее тексты на листе В и в редакции А1 не могли сосуществовать в одной и той же редакции стихотворения.³⁰

²⁹ Отмечено в кн.: *Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 37–38.* Редакция первой строфы в А1 отличается от окончательной редакции 1923 года, которую рассматривает Ронен, незначительно, и отличия могут в интересующем нас аспекте не приниматься во внимание.

³⁰ В подтверждение решения в ИТИС приведен также следующий аргумент: «Против этого (т. е. того, что на листе 1 строфа «Какой же выкуп заплатить...» была первой. — А. М.) есть только один довод: никакое стихотворение (кроме, разве, нарочито фрагментарного) не может начинаться противительной частицей *же*. Если строфа начинается *Какой же выкуп заплатить // За ученичество вселенной <купюра автора>*, значит, ей предшествовал какой-то другой текст, где уже была поставлена тема „ученичества“» (с. 158). Заметим: текст начинается не с частицы «же», а, как и показано у автора в цитате, со слова «какой»; частица «же» имеет здесь не противительный, а усилительный характер. Зачин для оды вполне традиционный: словом «Какой» (*-ая, -ую*) начинали оды и Державин, и Ломоносов.

Лист 2, лицевая сторона (см. иллюстрацию 9). (Оборот листа был использован на следующей стадии работы, о нем речь пойдет при анализе листов 7–11). Полубеловая (почти без знаков препинания) сводка с 1-й строфы листа 1. Без номера. Нижняя кромка листа представлена неровной линией обрыва. Текст зачеркнут двумя жирными перекрещивающимися линиями. По точке пересечения линий зачеркивания — вблизи нижнего края — можно уверенно судить о том, что данный лист — верхняя половина имевшегося первоначально листа вдвое большей длины с записью двух строф и что обе они были зачеркнуты упомянутыми линиями «накрест»; по заглавию (заглавие проставлялось после окончания работы над текстом) — о том, что этот впоследствии разрезанный лист был первым из нескольких, заключавших в совокупности полный текст очередной редакции объемом не менее 48 стихов (т. е. не меньше, чем на листе 1). При размещении по две строфы на листе (аналогично следующей сводке) общее число листов в этой утраченной редакции было не менее трех. Таким образом, лицевая сторона листа 2 — фрагмент, уцелевший потому, что оборот листа был использован на следующем этапе.³¹ Присвоим этой утраченной редакции имя В1. Текст сохранившейся строфы тот же, что на листе 1, но единственная поправка в 3-м стихе приводит его к первоначальной редакции:

Таблица 3

<p>Грифельная ода</p> <p><i>Какой же выкуп заплатить</i> <i>За ученичество вселенной</i> <i>Чтоб горный грифель [очинить] приучить</i> <i>Для твердой записи мгновенной.</i> <i>На мягком сланце облаков</i> <i>Свинцовой палочкой молочной</i> <i>Кремневых гор созвать Ликей</i> <i>Учеников воды проточной</i></p>
--

³¹ Следует отметить также, что на этой стороне листа крупно выведена цифра «36», выделенная двумя горизонтальными чертами. В начале статьи при описании рукописей «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» и «Ода Бетховену» мы указали, что на листах имеются цифры арифметических подсчетов. Вероятно, поэт подсчитывал нечто во время перерывов в работе. Что именно — однозначной интерпретации не поддается. Выскажем пока сугубо предварительное предположение о том, что это могли быть подсчеты стихотворных строк. На рукописи «Оды Бетховену» это могло быть число стихов, которые требовалось сочинить дополнительно.

И. М. Семенко считала этот текст более ранним, чем текст листа 1: «Приведенная строфа перебелена поэтом <...> в автографе В и помечена цифрой 1»,³² чего не могло быть: в ходе работы на листе 1 эта строфа была записана не менее чем в три приема, т. е. сочинялась, а не была перебелена.

III. ДВЕ СЕМИСТРОФНЫЕ РЕДАКЦИИ

Из оставшихся обратимся к **листам 3–6** (см. иллюстрации 11–14). На листах 3 и 5–6 — беловая (со всеми знаками препинания) сводка стихотворения с правкой текста и номеров строф. Одинаковый угол наклона линии колонки и почерк не оставляют сомнения в том, что это три листа одной и той же сводки. Первоначальная нумерация строф на них: 1 и строфа без номера (лист 3); 4 и 5 (лист 5); 6 и 7 (лист 6). Из нумерации видно, что недостает минимум одного листа со строфами под номерами 2 и 3. На **листе 4** (см. иллюстрацию 12), более узком (ширина 9,5 см при 12,5 см других листов) и вдвое меньшей длины (10 см и 20,5 см, по данным М. Л. Гаспарова), находится одна нумерованная строфа 3 (полубеловая, без знаков препинания, сводка). Текст написан таким же почерком и с приблизительно таким же острым (около 70°) углом наклона линии колонки, как и на листах 3 и 5–6. Большой отступ колонки стихов от левого поля листа (в сопоставлении с листами 3, 5, 6) и расположение цифры номера строфы по самой верхней кромке дают основание утверждать, что лист 4 — нижняя половина разрезанного пополам листа из сводки, выполненной в близкое время, а с определенной долей вероятности (сомнения вызывает отсутствие пунктуации, тщательно проведенной на листах 3, 5, 6) он может быть отнесен к той же сводке.

В ИТИС утверждается, что весь текст листов 2–6 был первоначально записан на одном листе, который был после записи разрезан (и таким образом приобрел свой нынешний вид — пять листов) (с. 166). Аргументы не приведены — между тем как ни по одному признаку невозможно считать это утверждение хоть в какой-то степени вероятным. Не поднимая вопроса о прагматической целесообразности такого акта и не повторяя того, что говорилось о листах 2 и 4, укажем лишь на частное обстоятельство. При реконструкции этого гипотетического листа наличные полноформатные

³² ППМ. С. 14.

листы 3, 5, 6 (полулисты 2 и 4 составляют лишь $\frac{1}{4}$ гипотетической площади) пришлось бы располагать только в одном горизонтальном ряду: при размещении хотя бы двух листов в вертикальный ряд третья строфа будет иметь необъяснимое смещение влево, а линия наклона колонок получит необъяснимый зигзаг.

Таким образом, будем рассматривать листы 3–6 как единую сводку, созданную на 4-х листах, из которых сохранилось три с половиной, с утраченной верхней половиной листа 4 со строфой 2.³³ Эта сводка сразу же была авторизована в редакцию подписью и датой «Март 1923». Текст на листах 3–6 до и после правки, с учетом лакуны на месте строфы 2, имеет такой вид:

Таблица 4

Листы 3–6, до правки. Жирным шрифтом выделен текст, подвергшийся правке	Листы 3–6 после правки
Грифельная Ода	Грифель
1 (лист 3) <i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочных грифелей зарницы — Не ученичество миров, А бред овечьей огневицы!</i>	1 (лист 3) <i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i>
<Строфа без номера> (лист 3) <i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою вселенной. Откуда-ж грифеля почин Для твердой записи мгновенной? И на слоистой ли доске Последыш молнии молочной Кремневых гор созвал Ликей, Учеников воды проточной?</i>	<Строфа без номера, с вар. второго катрена, переработана и зачеркнута> (лист 3) <i>Мы стоя спим в густой ночи Уткнувшись в око в<о> вселенной. Откуда-ж грифеля почин Для твердой записи мгновенной? Зачем на сланцевой доске Последыш молнии молочной Кремневых гор собрал Ликей, Учеников воды проточной?</i>

³³ О тексте, заполнявшем утраченный полулист, см. при анализе листа 7.

Таблица 4 (продолжение)

<p><Лакуна строфы 2 на месте утраченной верхней части листа 4></p>	<p><Лакуна строфы 2 на месте утраченной верхней части листа 4></p>
<p>3 (лист 4) <i>Нагорный колокольный сад Кремней мозгучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья Им проповедует отвес Вода их учит, точит время И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми</i>³⁴</p>	<p>3 (лист 4) <i>Нагорный колокольный сад Кремней мозгучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья</i> (второй катрен зачеркнут)</p>
<p>4 (лист 5) <i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — Иль это только снится мне — Я слышу грифельные визги. Твои-ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i></p>	<p>[4] 6 (лист 5) <i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне</i>³⁵ <i>Я слышу грифельные визги. Твои-ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i></p>
<p>5 (лист 5) <i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, Но где спасенье мы найдем Когда уже черствеет голос И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>	<p>[5][7] 4 (лист 5) <i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>

³⁴ Этапы работы над строфой: были подчеркнуты слова «Нагорный» и «проповедует», что, в сопоставлении с окончательным текстом, следует признать отметкой, означающей неудовлетворенность поэта: стих 1 в окончательной редакции был переработан. Затем второй катрен был отчеркнут на левом поле и там же нанесен еще один знак неясного назначения, позднее зачеркнутый. В конце работы был зачеркнут весь второй катрен.

³⁵ Предшествующая незавершенная версия: <пробел> в безлесной крутизне. На левом поле имелась проба заполнения пробела, которую нам не удалось прочитать (замарано).

Таблица 4 (окончание)

<p>6 (лист 6)</p> <p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Ночь, золотой твой кипяток Стервятника ошпарил горло И ястребиный твой желток Глядит из каменного жерла.</i></p>	<p>[6][7?] 8 (лист 6)</p> <p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на верной почве.</i></p>
<p>7 (лист 6)</p> <p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык — Спрослойкой тьмы, спрослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>	<p>[7] 9 (лист 6)</p> <p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, спрослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>

Правка в строфах <без номера>, 4 и 6 была более объемной, чем показано в таблице. Приводим ее дополнительно

Строфа без номера (лист 3)

Исходный текст и правка первого катрена (выделен текст, подвергшийся правке):

*Мы стоя спим в густой ночи
Под теплой шапкою вселенной
Откуда-ж грифеля почин
Для твердой записи мгновенной?*

<p><i>Мы стоя спим в густой ночи Уткнувшись в око в<о> вселенной.³⁶ Откуда-ж грифеля почин Для твердой записи мгновенной?</i></p>	<p>вариант (не зачеркнут)</p> <p><i>Без шапок стоя спят одни Колодники лесов дубовых И <пробел> родник Ломает зуб камней свинцовых</i></p>
--	--

³⁶ Предшествующая версия: Овечье небо над вселенной (зачеркнута); вариант: Уткнувшись мирно в шерсть вселенной (не зачеркнут). Избранный из двух вариант отчеркнут на поле знаком «птички».

Исходный текст и правка второго катрена (выделен текст, подвергшийся правке):

*И на слоистой ли доске
Последьи молнии молочной
Кремневых гор созвал Ликей,
Учеников воды проточной?*

<p><i>И на слоистой ли доске Последней молнии молочной Кремневых гор созвать Ликей, Учеников воды проточной</i></p>	<p><i>Зачем на сланцевой доске Последьи молнии молочной Кремневых гор собрал Ликей, Учеников воды проточной?</i></p>
--	--

В конце работы вся строфа зачеркнута вертикальной чертой.

В **строфе 4** над строками катрена «Твои-ли, память <...> вырывая» записан вариант:³⁷

*И как [стереть] стряхнуть, как сбить с руки
Голодных грифелей кормленьё³⁸
И крохоборствую, с доски³⁹
Стереть дневное впечатленьё*

Катрен с почти совпадающим текстом есть на листе 9 (о соотношении их см. ниже при анализе листа 7).

В **строфе 6** над строками второго катрена «Ночь, золотой твой <...> жерла», был записан, а затем зачеркнут набросок варианта:

*Я как горящую кору
Кр⁴⁰ <пробел> освежаю сердце
И утираюсь⁴¹ поутру*

³⁷ В ИТИС данный вариант ошибочно рассматривается как возникший в результате правки предшествующего текста (с. 171).

³⁸ Вариант: Птенца голодного кормленьё.

³⁹ Предшествующая зачеркнутая версия: И с мягкой сланцевой доски.

⁴⁰ Предполагалось, вероятно, производное от «кровь», но сразу поэт не смог подобрать метрически подходящее слово.

⁴¹ После этого слова замараны две группы из двух или трех букв — вероятно, результаты описок.

Работа над ним продолжена на правом поле:

*Ночь, как горящую кору
Тобой я освежаю сердце
И утираюсь поутру
Твоим <, >день <, >пестрым полотенцем⁴²*

Варианты:

<i>Ночь, как горящую кору Я влагой освежаю сердце И утираюсь поутру Расшитым пестрым полотенцем</i>	<i>Ночь, как горящую кору Я влагой освежаю сердце День <, > утираюсь поутру Твоим расшитым полотенцем</i>
---	---

В таблице 4 был показан **весь текст** на листах 3–6. Теперь выделим из него тот текст, который был включен в редакции. Присвоим первой авторизованной редакции имя А1 и покажем ее текст в табл. 5, где: 1) не учитывается нумерованная строфа, так как она не была включена поэтом ни в первую (до правки), ни во вторую (зачеркнута) из рассматриваемых редакций, и 2) показана, как и в табл. 4, лакуну на месте утраченной половины листа со строфой 2.

Таблица 5

Редакция А1 (листы 3–6, до правки)
Грифельная Ода
<p>1</p> <p><i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочных грифелей зарницы — Не ученичество миров, А бред овечьей огневицы.</i></p>
2 <лакуна>

⁴² Не показываем здесь незавершенной правки, отраженной в следующей редакции; одно слово на левом поле густо замарано и прочтению не поддается.

Таблица 5 (продолжение)

<p>3</p> <p><i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья Им проповедует отвес Вода их учит, точит время И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми</i></p>
<p>4</p> <p><i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — Иль это только снится мне — Я слышу грифельные визги. Твои-ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i></p>
<p>5</p> <p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царалось, боролось, Но где спасенье мы найдем Когда уже черствеет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>
<p>6</p> <p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Ночь, золотой твой кипяток Стервятника ошпарил горло И ястребиный твой желток Глядит из каменного жерла.</i></p>

Таблица 5 (окончание)

7
<p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык — С прослойкой тьмы, с прослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>

Далее последовала правка текста, приводящая к следующей редакции, А2. Показываем ее в левой колонке таблицы 6, а в правой колонке помещаем для сравнения текст рукописи КН (см. иллюстрации 26–28) в ее окончательном виде.⁴³

Таблица 6

Редакция А2	
Листы 3–6 после правки текста, до правки номеров строф	Рукопись КН
Грифель	Грифель
1	
<p><i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i></p>	<p><i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень. На мягком сланце облаков Молочный, грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i></p>
2 <лакуна>	
	<p><i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно в крепь родник журчит Цепочкой, пеночкой и речью. И не запишет патриарх На мягкой сланцевой дощечке Ни этот сдвиг, ни этот страх. Читай: кремневых гор осечки.</i></p>

⁴³ О правке в рукописи КН см. на с. 263.

Таблица 6 (окончание)

<p>3</p> <p><i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья</i></p> <p>(второй катрен зачеркнут)</p>	<p><i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором. И ночь-коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит Нагорный колокольный сад, Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья.</i></p>
<p>4</p> <p><i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломаю, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i></p>	<p><i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломаю, Бросая грифели лесам Из птичьих клювов вырывая?</i></p>
<p>5</p> <p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там цапалось, боролось, И чертвый грифель поведем Туда, куда укажет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>	<p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там цапалось, боролось, И чертвый грифель поведем Туда, куда укажет голос; И чтоб ни вывела рука, Хотя бы „жизнь“ или „голубка“ — И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>
<p>6</p> <p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на верной почве.</i></p>	<p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик — Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на верной почве.</i></p>
<p>7</p> <p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, с прослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>	<p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык Спрослойкой тьмы, с прослойкой света. И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву; заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>

При сопоставлении видно, что текст КН точно совпадает (не учитывая лагун) с текстом листов 3–6 *после правки* текста, но до *правки* номеров строф. Отсюда явствует, что рукопись КН была перебеленной для журнала копией редакции А2, и, следовательно, текст в лагунах листов 3–6 был приведен к состоянию, которое показывает рукопись КН. Не будет лишним сказать, что рукопись КН создавалась на том же столе, что и остальные рукописи «Грифельной оды», являлась итогом завершенной стадии работы (редакцией) и всегда должна рассматриваться вместе с ними.

IV. ОТ СЕМИСТРОФНОЙ РЕДАКЦИИ К ДЕВЯТИСТРОФНОЙ

Возвращаясь снова к сопоставлению редакций, видим далее, что правка номеров строф на листах 3–6 приводит к новой редакции. Это значит, что, сняв копию с А2 (рукопись КН) и отправив ее в журнал, поэт продолжил работу на тех же листах. Показываем редакцию А3 в сопоставлении с очередной сохранившейся редакцией, С1:

Таблица 7

Редакция А3 (листы 3–6 после правки номеров строф)	Редакция С1 (листы 12–14, до правки)
Грифель	Грифельная ода
1 <i>Звезда с звездой — могучий стык — Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i>	1. <i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни; Кремня и воздуха язык; Кремень с водой, с подковой перстень; На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i>
2 <лагуна>	2 <i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью. На мягкой сланцевой доске, Свинцовой палочкой молочной, Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной.</i>

Таблица 7 (продолжение)

<p>3</p> <p><i>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья</i></p> <p><второй катрен — лакуна></p>	<p>3</p> <p><i>Нагорный колокольный сад. Кремней могучее слоенье, На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья. Им проповедует отвес, Вода их учит, точит время — И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми.</i></p>
<p>[7]4</p> <p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царпалось, боролось, И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>	<p>4</p> <p><i>Как мертвый шершень, возле сот, День пестрый выметен с позором. И ночь-коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит; С иконоборческой доски Стереть дневные впечатленья, И, как птенца, стряхнуть с руки Уже прозрачные виденья!</i></p>
<p>5 <лакуна></p>	<p>5</p> <p><i>Плод нарывал. Зрел виноград. День бушевал, как день бушует: И в бабки нежная игра; И в полдень злых овчарок шубы; За этот виноградный край, За впечатлений круг зеленых, Меня, как хочешь, покарай Голодный грифель, мой звереныш!</i></p>
<p>6</p> <p><i>И как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам, Из птичьих клювов вырывая...</i></p>	<p>6</p> <p><i>И, как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги; Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломая, Бросая грифели лесам Из птичьих клювов вырывая?</i></p>
<p>7 <лакуна></p>	<p>7</p> <p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царпалось, боролось И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос;</i></p>

Таблица 7 (окончание)

	<p><i>И чтоб ни вывела рука, Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой</i></p>
<p>[7?]8</p> <p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, Двурушник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на верной почве.</i></p>	<p>8</p> <p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик. Двурушник я с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной! Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на твердой почве!</i></p>
<p>9</p> <p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, спрослойкой света И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>	<p>9</p> <p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета; Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, с прослойкой света; И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключая в стык — Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>

Из таблицы видно, что поэт превратил 7-строфную редакцию в 9-строфную, и нумерация показывает, что в АЗ образовались еще две лакуны — строф 5 и 7. В рукописи 9-строфная редакция имела две нумерации — первоначальную (цифры в квадратных скобках, т. е. зачеркнутые, при двух строфах; ср. табл. 4) и окончательную. Первоначальная нумерация в 9-строфной редакции была 1, 3, 6, 7, 7 (?), 9 (при трех лакунах).

Таким образом, *правка текста* на листах 3–6 относится к этапу от первой 7-строфной редакции А1 к второй 7-строфной редакции А2 = КН, *правка номеров строф* — к этапу формирования редакции из 9 строф, А3, а *весь текст на листах 3–6* заключает три редакции:

— начальную авторизованную редакцию из семи строф А1 с лакуной строфы 2 и с еще одной нумерованной строфой, не включенной поэтом на этих листах ни в одну из редакций;

— редакцию А2, из семи строф: 1) после правки текста на тех же листах с лакуной строфы 2 и катрена 3б; 2) полного текста в рукописи КН;

— редакцию А3 из 9 строф, после правки номеров строф на тех же листах, с лакунами строф 2, 5, 7 и катрена 3б.

V. РАЗРАБОТКА ОТДЕЛЬНЫХ СТРОФ И КАТРЕНОВ

Считая эти положения установленными, обратимся теперь к анализу текстов на листах 7–11 и 2 об., представляющих собой сводки отдельных строф, с тем, чтобы на основании уже полученных данных определить: 1) к какой стадии работы они относятся и какие редакции текста отражают; 2) удастся ли с их помощью восполнить лакуны редакций А1–А3. Обратимся еще раз к рукописи КН. Это список (копия) рукой Н. Я. Мандельштам, причем при изготовлении его на месте строк 13–14 был оставлен пробел, а следующая за пробелом строка (15-я) выглядела так: «Записан сдвиг, записан страх». Пробел был заполнен: «И не запишет патриарх На мягкой сланцевой дощечке», а стих 15 исправлен: «Ни этот сдвиг, ни этот страх» (см. иллюстрацию 2б). Текстуральное соответствие первоначальной записи 15-го стиха в копии находим в одном из вариантов на листе 11: «И на <...> берегах Холодной виноградной речки Записан сдвиг, записан страх»; а окончательный текст этих трех стихов (13–15) точно соответствует второму варианту на листе 8. **Лист 8** (см. иллюстрацию 18) представляет собой полубековую (не со всеми знаками препинания) сводку строфы 2 (оборот чистый). В начальной записи исправлен 7-й стих, а затем дан вариант второго катрена:

Начальная запись

*Мы стоя спим в густой ночи
Под теплой шапкою овечьей
Обратно в крепь родник журчит
Цепочкой, пеночкой и речью.
Земля сбегается в слезах
Отвсюду к виноградной речке
И всюду сдвиг, и всюду страх
Читай: кремневых гор осечки.*

После правки, 7-й стих:

Ступенька сдвиг, ступенька страх

Вариант стихов 5–8:

*И не запишет патриарх
На мягкой сланцевой дощечке
Ни этот сдвиг, ни этот страх
Читай: кремневых гор осечки.*

Смысл единственной правки в стихе 7 этой строфы (см. табл.), по-видимому, следующий: стихи 5–6 в начальной записи совпадают с ранним вариантом (на листе 11), где продолжалось: <...> Отвсюду <...> речке Ей нужен сдвиг, ей нужен страх <...>. Мандельштам в рассматриваемой строфе продолжил иначе, и получилось стилистически оплошное <...> Отвсюду <...> И всюду <...> и всюду <...>, что и пришлось исправлять.

Текст варианта на листе 8 полностью соответствует окончательному тексту строфы в КН и тем самым заполняет лауну строфы 2 редакции А2.

Не совсем обычную задачу представляет текст на листах 7 и 11. Рассмотрим вначале **лист 11** (см. иллюстрацию 22)⁴⁴ как более показательный. Основная задача, решавшаяся на листе — отработка стыка между строфой «Мы стоя спим <...> проточной» и следующей, из которой полностью записан первый катрен «Как мертвый шершень <...> кормит», а ниже этот катрен отчеркнут короткой чертой, на уровне которой справа (отдельно и позже) написано слово «селенья» (последнее слово катрена «Нагорный колокольный сад...») — т. е. строфа приведена к тому виду, какой она имеет в редакции КН. Эти полторы строфы, нумерованные «2» и «3», являются на этом листе первоначальной записью, что ясно определяется по линии колонки строк. Цифры на полях показывают, что указанный стык последовательно рассматривается в позиции 2-й/3-й строфы, затем в позиции 3-й/4-й, затем катрен «Как мертвый шершень <...> кормит» рассматривается в позиции ба при неясном положении строфы «Мы стоя спим <...> проточной», и, наконец, тот же стык — в позиции 4-й/5-й строфы. Затем второй катрен строфы «Мы стоя спим <...> проточной» в месте стыка правится три раза, что и показывает, так сказать, очаг неудовлетворенности в тексте. Черновой правкой правятся строки «Тебе ль <...> молочный», следующие две просто зачеркиваются, и в пробел между строфами вписывается другая редакция (несомненно, найденная ранее) — «Земля сбегается <...> осечки». Цифры на полях против этой редакции показывают, что стык в новой редакции

⁴⁴ В ИТИС полного описания текста на листе не дается (см. с. 177–178).

снова подвергается рассмотрению в позициях 2/3 (предположительно), 3/4 и 4/5 строф. Движение текста следующее:

<p>2 (затем 3, затем 4) <i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратнo, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью,⁴⁵ Тебе ль на грифельной доске Ручья и молний брат молочный, Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной!</i></p> <p>3 (4, 6, 5) <i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь-коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i></p>	<p>2 (затем 3, затем 4) <i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратнo, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью, И в виноградном молоке⁴⁶ Ручьев и молний грифель хочет Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной!</i></p> <p>3 (4, 6, 5) <i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь-коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i></p> <p style="text-align: right;">селенья</p>
---	--

И далее:

<p>2 (затем 3, затем 4) <i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратнo, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью, Земля сбегается в слезах Отвсюду к виноградной речке Ей нужен сдвиг ей нужен страх Читай кремневых гор осечки</i></p> <p>3 (4, 6, 5) <i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь-коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i></p> <p style="text-align: right;">селенья</p>

⁴⁵ На левом поле записан вариант этого стиха: «Цепочкой, пеночкой и речью». В ИТИС (с. 176, стих 12в) вариант показан как возникший в результате правки текста.

⁴⁶ Предшествующая зачеркнутая версия: Зачем на грифельной доске.

После этого на оставшемся большом пространстве нижнего поля, а затем на верхнем поле,⁴⁷ не зачеркивая предшествующей редакции, набрасываются новые редакции катрена 2б, причем ни одна из них не зачеркивается, и в месте стыка они не пробуются.

Вначале в один прием написаны три последние стиха:

*Холодной виноградной речки
Записан сдвиг, записан страх
Читай: кремневых гор осечки*

а затем следует проба первого стиха с новым рифмовым словом «берегах» (к «страх»):

И на <пробел> берегах

Над ним в две строки наброски, первый: [неразборч.]⁴⁸ берегах. Второй: Еще недавно: <пробел>.⁴⁹

После этого работа перешла на верхнее поле. Сохраняя уже найденное рифмовое слово «речки» (к «осечки») и с новым «патриарх» к уже найденному «страх», слева пишется еще один набросок:

*И спит овчарок патриарх:
[неразб.⁵⁰] виноградной речки*

После правки:

*И трех овчарок патриарх
Стоит на виноградной речке.*

Затем правее на верхнем поле идет следующий набросок, в котором определяется замена рифмы патриарх/страх на молоком/? и с новым рифмовым словом «дощечке» (к «осечки»):

*И виноградным молоком
На мягкой грифельной дощечке
<пробел>
Читай кремневых гор осечки.*

⁴⁷ В ИТИС последовательность обратная.

⁴⁸ Неразборчивое зачеркнутое слово в ППМ и ИТИС рассматривается как вставка в пробел предшествующего варианта и прочитывается как «слоеных» (ППМ. С. 10; ИТИС. С. 177, стих 13л) или «слоистых» (ППМ, там же).

⁴⁹ В ИТИС это начало объединено со словом «берегах» записанной ниже строки, что потребовало конъектуры предлога (ИТИС. С. 177, стих 13м).

⁵⁰ Слово жирно зачеркнуто. В ИТИС дается чтение: В молочной.

Замысел не был реализован, и последовала попытка совместить обе версии на верхнем поле, что сделано правкой по тому же тексту: первая строка зачеркивается и означает схематической записью: словом «Спит» с чертой, означающей продолжение. В итоге:

*Спит <трех овчарок патриарх.>
На мягкой грифельной дощечке
Запуган <?⁵¹> сдвиг и гонит страх
Читай свинцовых гор осечки*

На этом работа на листе 11 прекратилась.

При сопоставлении текстов на этом листе с другими выясняется, что: 1) тексты набросков на верхнем поле предшествуют катрену «И не запишет патриарх <...> осечки» на листе 8 и в рукописи КН, а строфа «Как мертвый шершень <...> селенья» по тексту и местоположению точно совпадает с редакцией КН, откуда и определяется его место среди других черновиков — он предшествует листу 8. 2) начальная запись строфы 2 почти точно совпадает с окончательным текстом той же строфы на листе 2 об.

Лист 2 об. (см. иллюстрацию 10). Черновая сводка. Вид первоначальной записи и проведенной правки:

<p>2</p> <p><i>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей Студеный в крепь⁵² родник журчит Холодной и раздельной речью Вясь по сланцевой доске Овечьей теплой и молочной — Кремневых гор водить Ликей Учеников воды проточной</i></p>	<p><i>Обратно в крепь родник журчит</i></p> <p><i>Тебе ль на сланцевой доске Ручья и молний брат молочный Кремневых гор созвать Ликей</i></p>
--	---

Работа на этом листе в основном велась над вторым катреном. Номер строфы предвещает ее появление в той же позиции (но с другим текстом второго катрена) в редакции КН. Предшественником текста была нумерованная строфа на листе 3, хотя и нет очевидных признаков того, что на листе 2 об. работа продолжалась непосредственно.⁵³ Окончательная редакция строфы 2 на

⁵¹ Запись этой строки плохо читается из-за правки по тексту.

⁵² «В крепь» вписано в первоначально оставленный пробел.

⁵³ Так в ИТИС. С. 175–176.

этом листе почти точно соответствует *начальной* ее редакции на листе 11, откуда следует предположение, что работа на этом листе велась раньше, чем на листе 11.

У нас остаются листы 7, 9, 10, 10 об. Работа на них нуждается в комплексном рассмотрении, которое будет проведено в заключение, после анализа листа 7.

Лист 9 (см. иллюстрацию 19). Черновая сводка.оборот чистый.

На этом листе идет работа над вторым катреном и поиск композиции новой строфы 9-строфной редакции (см. анализ листа 7). Текст первого катрена «Как мертвый шершень <...> кормит», входившего в том же виде в редакцию А2=КН (в строфу 3), правке не подвергается. Параллельно с правкой текста второго катрена идет работа над композицией: порядок катренов определен цифрами «1» и «2» на левом поле, затем нумерация исправлена (соответственно правой колонке нашей таблицы); делалась попытка изменить положение строфы во всем стихотворении (правка номера строфы). Первый (до исправления) номер над этой строфой — «9» — возможно, свидетельствует о намерении поэта превратить редакцию в 11-строфную.

[9] 5 ⁵⁴	[9] 5
<i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i>	<i>И не тряхнуть, как сбыв с руки Ночное грифеля кормленье И крохоборствуя с доски Стереть дневные впечатленья</i>
<i>И не тряхнуть,⁵⁵ как сбыв⁵⁶ с руки Ночное грифеля кормленье И крохоборствуя с доски Стереть дневные впечатленья</i>	<i>Как мертвый шершень возле сот День пестрый выметен с позором И ночь коршунница несет Ключи кремлей и грифель кормит</i>

Во втором катрене сначала был оставлен пробел для второй строки, в который было вписано, а затем зачеркнуто «Ключи и гриф<еля> кормленье». Зачеркнуто и не дано замены слову «крохоборствуя». Заметим для дальнейшего анализа, что образ

⁵⁴ В ИТИС вторая цифра — «3», — несомненно, дана ошибочно (с. 179). Зачеркнутая цифра там же передается как «5».

⁵⁵ «Не тряхнуть» написано слитно. В целом получается не очень связанное чтение; возможна описка, с предположительно правильным «Не отряхнуть» или «И не стряхнуть».

⁵⁶ Выправлено из «сбыть».

«грифеля кормлень» генетически связывает второй катрен с первым, заканчивающимся «грифель кормит». О времени работы над вторым катреном и близким к нему по тексту вариантом на листе 5 будет сказано при анализе листа 7.

Затем работа переместилась на нижнее поле, где был записан набросок: Иконоборствуя стереть. Далее записаны два незачеркнутых варианта:

<p><i>Необходимо прекратить Голодных образов [кормлень] С иконоборческой доски Стереть дневные впечатленья</i></p>	<p><i>Не крохоборствуй прекрати Голодных образов кормлень И как птенца призрей, проси Забывать дневные впечатленья</i></p>
--	--

Последний отчеркнут на левом поле вертикальной чертой, чем зафиксирован выбор. Позже, в редакции С1, мы видим, что поэт завершил работу над строфой несколько иначе, чем предусматривалось на листе 9, — оба варианта использованы при доработке основного текста катрена 4б.

На нижнем поле листа остаются непрочитанными отдельные знаки или буквы.

Лист 10 (см. иллюстрацию 20). По левой кромке этого листа имеется правая часть знака переноса-вставки, аналогичного имеющимся на листе 6 и в черновике «Неизвестного солдата», что делает необходимым решить вопрос, был ли этот лист первоначально приблизительно вдвое большей ширины и в какой-то момент был разрезан по знаку переноса-вставки, или во время работы поэт расположил встык к листу 10 другой лист, и знак был начерчен с переходом на него. Формат и вид листа 10 дают большие основания для второго предположения. Этого стыкованного листа (или обрезанной части листа), где работа над текстом была начата раньше, в сохранившихся черновиках нет. На листе 10 — продолжение работы, над сочинением второго катрена. Первый записан в один прием, с прямой линией колонки строк.

4

*Плод нарывал зрел виноград
День бушевал, как [он] день бушует
И вот калачиком лежат
[Овчарок] Овечьи свернутые шубы.⁵⁷*

⁵⁷ С другой конфигурацией рифмовых слов см. набросок на левой части листа 7.

В тексте была сделана показанная незначительная правка, а над стихом 3 надписана прозаическая помета: Стриг шерсть. Вязал снопы.⁵⁸

После пробела записаны две первые строки второго катрена:

*Как хорошо перешагнуть
За впечатлений круг зеленых*

и проведена правка:

*Уже пора перешагнуть
Водораздел холмов зеленых*

Продолжения в рифмовом слове к «перешагнуть» не последовало, два первых стиха снова исправляются и дополняются 3-м и 4-м:

<p><i>Теперь, кто за руку возьмет Старейшину слепцов зеленых⁵⁹ С кремневых гор вода течет Крутясь играя как звереныш</i></p>	<p><i>Шумящих⁶⁰ в лоб слепцов зеленых</i></p>
---	--

Была сделана попытка поменять катрены местами (цифры 2 и 1 на левом поле против соответствующих катренов). Затем ниже записана еще одна редакция второго катрена:

*Теперь вода владеть идет
И<, > поводьрь [слепцов] дубов зеленых<, >
С кремневых гор [вода] струя течет
Крутясь, играя как звереныш*

⁵⁸ В ИТИС помета интерпретирована как результат правки стиха 3 (С. 181. Стих 35а). Характер записи (беловой; не зачеркнута ни эта запись, ни какой-либо из стихов катрена), отсутствие рифмы, характер ритма и фоническая характеристика не дают возможности признать помету пробой какого-либо стиха катрена и вынуждают искать другую интерпретацию. Помета была связана с какими-то реалиями — вероятно, с впечатлениями, полученными на виноградниках Отузской долины в 1920 г., см.: Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 95 (по Миндлину, в Отузах было написано стихотворение «Венеция»). Какую функцию должна была выполнить помета — остается догадываться. Пока обратим внимание на богатую аллитерацию в двух первых словах «стр» — «рст», которой отвечают в предшествующем по времени тексте «персть», «перстень», «страх»; в следующем по времени — «струя» (на том же листе), «стрела», «строй», «стрепет».

⁵⁹ Слепцы зеленые — деревья, см. НБП. С. 568; ПССиП 2020. Т. 1. С. 424, 530.

⁶⁰ На левом поле вариант этого слова: Растущих (зачеркнут).

Затем редакция «Теперь кто за руку возьмет <...> звереныш» выделена двумя горизонтальными чертами и перенесена уже упомянутым знаком переноса-вставки за левое поле.

Работа на листе относится к формированию редакции АЗ (обоснование см. при анализе листа 7). Остается сказать, что нумерация строф на листах 9 и 10 — «5» и «4» — соответствует лакунам промежуточной нумерации АЗ (см. табл. 4 и 7).

На обороте листа (**лист 10 об.**, см. иллюстрацию 21) — беловая сводка той же строфы с текстом, показывающим итог работы над строфой:

*Плод нарывал. Зрел виноград
День бушевал — как день бушует;
И в бабки нежная игра;
И в полдень злых овчарок шубы;
За виноградный этот край
За впечатлений круг зеленых
Меня, как хочешь, покарай,
Голодный грифель, мой звереныш*

Этот текст соответствует редакции С1.

Лист 7 (см. иллюстрацию 16). Черновая сводка. Обрат чистый. Первоначальная запись:

3
*<Плод нарывал⁶¹>. Зрел виноград.
День бушевал, как он бушует.
И вот калачиком лежат
Овечьи свернутые шубы
Как мертвый шершень возле сот
День пестрый выметен с позором
И ночь коршунница несет
Ключи кремлей и грифель кормит
<пробел>
О память, хищница моя
Иль кроме шуток ты звереныш
Тебе отчет обязан я
За впечатлений круг зеленых.*

⁶¹ Пробел в начале строки был оставлен, несомненно, для экономии времени.

Характер работы такой же, как на листе 11: рассматривается стык двух строф и решается исключительно композиционная задача — правки текста нет вовсе. Последний катрен зачеркнут, и ниже записана следующая его редакция:

*Кому обязан я отчет
За впечатлений круг зеленых
С кремневых гор вода течет
И я кормлю тебя, звереныш.*

Этот катрен и катрен «Как мертвый шершень <...> кормит» отчеркнуты на левом поле одинаковой вертикальной чертой, что указывает на то, что содержание композиционной задачи изменилось: рассматривается или объединение указанных катренов в одну строфу (что менее вероятно, т. к. в этой строфе имелась бы сквозная рифма сот/несет/отчет/течет, что в намерения поэта не входило), или замену одного другим, что привело бы строфу к следующему виду:

3

*<Плод нарывал>. Зрел виноград.
День бушевал, как он бушует.
И вот калачиком лежат
Овечьи свернутые шубы⁶²
Кому обязан я отчет
За впечатлений круг зеленых
С кремневых гор вода течет
И я кормлю тебя, звереныш.*

В таком виде строфа имеет соответствие на листе 10. Однако и катрен «Кому обязан я <...> звереныш» был зачеркнут, и окончательно текст на листе приведен к следующему виду:

⁶² На левой части листа 7 — набросок, комбинирующий рифмовые слова и строки этого катрена с катреном «Нагорный колокольный сад <...> селенья», не вошедшим в окончательный текст:

*Нагорный <пробел> сад
<пробел>
<пробел>
<пробел> зрел виноград
День <пробел> бушует
И вот <пробел> лежат
<пробел> шубы*

Этот набросок в ИТИС не описан.

*<Плод нарывал>. Зрел виноград.
 День бушевал, как он бушует.
 И вот калачиком лежат
 Овечьи свернутые шубы
 Как мертвый шершень возле сот
 День пестрый выметен с позором
 И ночь коршунница несет
 Ключи кремлей и грифель кормит*

Таким образом, композиционная задача решена не была.

Для того, чтобы определить, к какому этапу относится лист 7, обратимся снова к лакунам редакции АЗ, сопоставляя предшествующую редакцию, А2 = КН, со следующей, С1. Из сопоставления видно, что тексты первой и четырех последних строф никаких изменений не претерпели. На своем месте находится и строфа 2, только текст ее второго катрена отброшен и заменен в С1 давно сочиненным текстом второго катрена первой строфы черновика В. Следовательно, можно уверенно экстраполировать в соответствующую лакуну редакции АЗ стабильный катрен 2а при одном из двух возможных (или А2 = КН, или С1) катренов 2б. В следующей строфе мы видим подобное же изменение: первый катрен сохранен, второй удален и строфа восстановлена точно в соответствии листу 3 редакции А1. Но при этом удаленный катрен («Как мертвый шершень... кормит») в С1 не отброшен, а включен в одну из следующих строф, и поэтому соответствующая лакуна в АЗ восстанавливается точно в соответствии с редакцией С1.

Теперь в лакунах АЗ остается две строфы. Соответствующие строфы в С1 содержат уже известный по А2 = КН катрен «Как мертвый шершень <...> кормит», а три катрена появились впервые. Работа над этими двумя строфами как раз и отражена на листах 9, 10, 10 об. (а также, как увидим ниже, и на листе 7), причем на них не только правится текст, но и идет поиск композиции внутри строф: катрены обеих комбинируются в разных сочетаниях (вспомним о знаке переноса-вставки на листе 10). Итог работы над одной из них отражен на листе 10 об. и соответствует С1, что позволяет заполнить одну из лакун точно; вторая лакуна заполняется, при сравнении с С1, первоначальной записью на листе 9, но не настолько же определено: текст катрена «Как мертвый шершень <...> кормит» установился, текст катрена «И не тряхнуть <...> впечатленья» имеет отличия от С1.

Возвращаясь к листу 7 с учетом сказанного, видим что на листе имеются три катрена (распределенные в две строфы) из четырех, над которыми поэт вел работу на листах 9 и 10, но в новой конфигурации, которая исчерпывает оставшиеся возможными комбинации четырех катренов. При этом текст катрена «Плод нарывал <...> шубы» точно соответствует листу 10, а не листу 10 об., что хорошо коррелирует с другими обстоятельствами работы над АЗ: работа на листе 7 велась раньше, чем на листе 10 об. был зафиксирован в белой сводке окончательный текст строфы, относящийся к итогу работы над АЗ. Таким образом, последовательность работы на листах могла быть следующей: 9, 10, 7, 10 об. (вероятнее всего), или 7, 9, 10, 10 об. При этом, как уже было сказано, последней по времени на этих листах была белая сводка на листе 10 об. К анализу же номера строфы на листе мы сейчас обратимся.

Из предшествующего видно, что все лакуны строф АЗ удастся заполнить текстом точно или почти точно. Однако того же нельзя сказать о композиции (порядке следования строф) в АЗ. В табл. 7 (и ранее в табл. 4) мы показали, вместе с заключительной, и первоначальную нумерацию этой 9-строфной редакции — 1, 3, 6, 7, [?], 9. Лакунам этой первоначальной нумерации соответствуют номера строф «4» и «5» на листах 9 и 10. Номер «3» на листе 7 позволяет высказать предположение, что и строфа 3 была «вовлечена» в поиски композиции и на заключительном этапе невозможно определить, при известном тексте строф, их позиции на местах 3, 5, 7.

Прежде чем подвести итог анализу группы редакций А, необходимо обратиться к последней незаполненной лакуне — строфы 2 редакции А1. Рассматривая эту группу редакций ретроспективно, видим, что поэт ставил себе задание сочинить оду с нечетным числом строф (о строфическом задании, предваряющем текст, мы уже говорили в начале статьи). Сначала появляется 7-строфная, затем 9-строфная редакции, а в какой-то момент, возможно (см. правку номера строфы на листе 9), возникал замысел увеличить объем оды еще больше. В первоначальной записи на листах 3–6 засвидетельствовано 8 строф, из которых была сформирована 7-строфная редакция А1. В ней имелась строфа 2, которую поэт удалил при работе над второй 7-строфной редакцией А2, вырезав пол-листа. О тексте, заполнявшем образовавшуюся в рукописи лакуну, раньше мы не могли высказать никаких предположений. Теперь, когда по С1 видно, что поэт, поставив перед собой задачу увеличить объем стихотворения на две строфы, активно возвращает на прежнее место ранее забракованные катрены

(26, 36), напрашивается предположение, что он, вероятно, должен был поступить так же по крайней мере с одним из катренов, заполнявших эту лауну А1. Этот катрен (или два?) и следует искать на листах 7, 9, 10. При этом несомненное преимущество имеет «Как мертвый шершень <...> кормит» — катрен со стабильным текстом (до редакции С2 правки в тексте нет вовсе), известный начиная с редакции А2 = КН. Но выше, при анализе листа 9, было показано, что с ним генетически связан второй катрен, «И не тряхнуть <...> впечатленья», и также известный начиная с А2 = КН. Отсюда вытекает предположение, что вся строфа 2 А1 могла иметь приблизительно тот же вид, что и в первоначальной записи на листе 9. Если принять оба предположения, то ее (строфу 2 А1) постигла та же участь, что и строфу 3 А1, и работа над ними велась в такой последовательности — в редакции А2 их первые катрены были объединены в одну строфу (третью), вторые — исключены (и текст катрена «И как стяхнуть <...> впечатленья» при этом сведен в качестве варианта катрена 4б на лист 5), а в редакции А3 — снова восстановлены.

VI. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ

На листах 12–14 (см. иллюстрации 23–25) — белой автограф, авторизованный подписью и датой «Март 1923». На каждом листе мелко записаны по три строфы, нумерация проставлена сразу, и попыток изменять позиции строф в этом автографе уже нет. Поэт еще раз прошел по тексту правкой. Первоначальная, С1, и окончательная, С2 (совпадающая с текстом «Второй книги»), редакции:

Таблица 8

Редакция С1 (листы 12–14, до правки)	Редакция С2 (листы 12–14, после правки) и „Вторая книга“
Грифельная ода	Грифельная ода
<p>1</p> <p><i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень, На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i></p>	<p><i>Звезда с звездой — могучий стык, Кремнистый путь из старой песни, Кремня и воздуха язык, Кремень с водой, с подковой перстень, На мягком сланце облаков Молочный грифельный рисунок — Не ученичество миров, А бред овечьих полусонок.</i></p>

Таблица 8 (продолжение)

<p style="text-align: center;">2</p> <p>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно, в крепь, родник журчит Холодной и раздельной речью. На мягкой сланцевой доске Свинцовой палочкой молочной Кремневых гор созвать Ликей — Учеников воды проточной.</p>	<p>Мы стоя спим в густой ночи Под теплой шапкою овечьей. Обратно в крепь родник журчит Цепочкой, пеночкой и речью. Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг Свинцовой палочкой молочной, Здесь созревает черновик Учеников воды проточной.</p>
<p style="text-align: center;">3</p> <p>Нагорный колокольный сад Кремней могучее слоенье, На виноградниках стоят Еще и церкви и селенья. Им проповедует отвес Вода их учит, точит время — И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми.</p>	<p>Крутые козьи города; Кремней могучее слоенье: И, все-таки, еще гряда — Овечьи церкви и селенья! Им проповедует отвес, Вода их учит, точит время; И воздуха прозрачный лес Уже давно пресыщен всеми.</p>
<p style="text-align: center;">4</p> <p>Как мертвый шершень, возле сот, День пестрый выметен с позором. И ночь-коришунница несет Ключи кремлей и грифель кормит С иконоборческой доски Стереть дневные впечатленья, И, как птенца, стряхнуть с руки Уже прозрачные виденья!</p>	<p>Как мертвый шершень, возле сот, День пестрый выметен с позором, И ночь-коришунница несет Горящий мел и грифель кормит. С иконоборческой доски Стереть дневные впечатленья, И, как птенца, стряхнуть с руки Уже прозрачные виденья!</p>
<p style="text-align: center;">5</p> <p>Плод нарывал. Зрел виноград. День бушевал, как день бушует: И в бабки нежная игра; И в полдень злых овчарок шубы; За этот виноградный край, За впечатлений круг зеленых, Меня, как хочешь, покарай Голодный грифель, мой звереныш!</p>	<p>Плод нарывал. Зрел виноград. День бушевал, как день бушует. И в бабки нежная игра, И в полдень злых овчарок шубы; Как мусор с ледяных высот — Изнанка образов зеленых — Вода голодная течет Крутятся, играя как звереныш.</p>

Таблица 8 (окончание)

<p>6</p> <p><i>И, как паук ползет по мне — Где каждый стык луной обрызган — На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои-ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломаю, Бросая грифели лесам Из птичьих клювов вырывая?</i></p>	<p><i>И как паук ползет по⁶³ мне — Где каждый стык луной обрызган, На изумленной крутизне Я слышу грифельные визги. Твои ли, память, голоса Учительствуют, ночь ломаю, Бросая грифели лесам Из птичьих клювов вырывая?</i></p>
<p>7</p> <p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос. И чтоб ни вывела рука — Хотя бы „жизнь“ или „голубка“, И виноградного тычка Не стоит пред мохнатой губкой.</i></p>	<p><i>Мы только с голоса пойдем, Что там царапалось, боролось, И черствый грифель поведем Туда, куда укажет голос. Ломаю ночь — горящий мел Для твердой записи мгновенной. Меняю шум на пеньё стрел, Меняю строй на стрепет гневный.</i></p>
<p>8</p> <p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик. Двурушник я с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной! Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на твердой почве!</i></p>	<p><i>Кто я? Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик: Двурушник я, с двойной душой. Я ночи друг, я дня застрельщик. Блажен, кто называл кремень Учеником воды проточной. Блажен, кто завязал ремень Подошве гор на твердой почве.</i></p>
<p>9</p> <p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета; Кремня и воздуха язык, Спрослойкой тьмы, спрослойкой света; И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключая в стык — Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>	<p><i>И я теперь учу дневник Царапин грифельного лета, Кремня и воздуха язык, С прослойкой тьмы, с прослойкой света; И я хочу вложить персты В кремнистый путь из старой песни, Как в язву, заключая в стык Кремень с водой, с подковой перстень.</i></p>

⁶³ Это единственное отличие автографа (по которому дан текст в таблице), от печатного текста. Во «Второй книге» и в следующих публикациях — «ко мне» (есть также небольшие отличия в пунктуации). В связи с этими отличиями см.: НБП. С. 567–568; ПССиП 2020. Т. 1. С. 425, 528–529.

Покажем не зафиксированные в таблице промежуточные слои правки. В **катрене 2б** были зачеркнуты три стиха из четырех (кроме второго) и на поле записано: «Здесь <пробел> ученик». После заполнения пробела: «Здесь пишет спящий ученик». Ниже следует еще один набросок:

*Здесь созревает ученик
Учеников воды проточной.*

Слово «ученик», как видим, переместилось в рифмовую позицию. Следующей правкой оно заменяется на новонайденное «черновик», а в первом стихе одновременно (или раньше) «спящий ученик» исправляется на «страх, здесь пишет сдвиг» (использован незавершенный набросок на листе 11, где было «сдвиг... страх»), чем текст и приведен к окончательному виду.

В **строфе 4** после начальной записи был еще один слой:

*Как мертвый шершень, из гнезда
День пестрый выметен с позором
И, крохоборствуя, вода
Ломает мел и грифель кормит.*

В **строфе 5** по тексту записанной на поле окончательной редакции второго катрена была нанесена, а затем зачеркнута правка. Промежуточная редакция:

*Вот <, > крохоборство <, > твой доход —
Изнанка образов зеленых —
Вода голодная течет
Крутясь, играя, как звереныш.*

«Крохоборство» варьировалось раньше на листах 5 и 9.

В последнем стихе **строфы 7** имелась промежуточная правка: «Не стоит перед влажной губкой» и «Не стоит скормленное губке».

Из таблицы видно, что на этапе С1–С2 композиция уже не изменялась, но объем работы над текстом все еще велик. В частности, полностью переработан катрен 7б, где появился ряд семантически существенных образов, не имевших предшественников в ранее рассмотренных черновиках. «Горящий мел» отсюда введен также в стих 4 катрена 4а.

В заключение покажем еще раз этапы работы над текстом:

Первый черновик (табл. 2). Текст на нем завершённой редакцией не образует. Объем текста на листе — 48 стихов.

Редакция В1 (табл. 3). Представлена фрагментом (лист 2, лакуна не менее двух с половиной листов). На следующем после В1, но предшествующем А1 этапе переработаны тексты первой и заключительной строф, черновики этой переработки утрачены (см. анализ листа 1). Объем сочиненного на этом этапе текста определяется по следующей сводке (редакции А1) — не менее 64 стихов.

Редакция А1 (табл. 5). На листах 3–6, до правки. Определяется лакуна в строфе 2 (о ее тексте см. при анализе листа 7). На листе 3 была записана строфа без номера, не вошедшая в редакцию А1 (табл. 4).

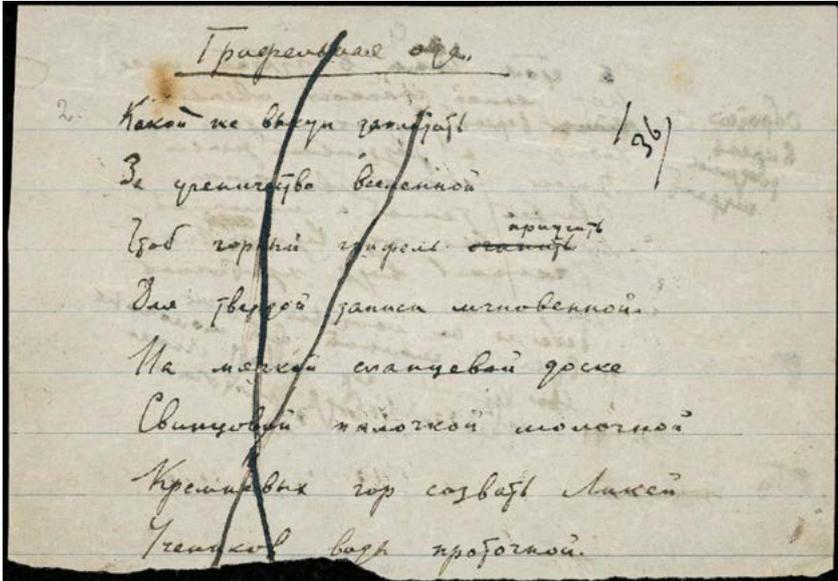
Редакция А2=КН (табл. 6). На листах 3–6 после правки текста, до правки номеров строф. К этому этапу относятся листы 2 об., 11, 8.

Редакция А3 (табл. 7). Листы 3–6 после правки номеров строф. Лакуна строфы 2 заполняется предположительно, в сравнении с предшествующей (КН) и следующей (С1) редакциями: катрен 2а — «Мы стоя спим <...> речью», катрен 2б — или «И не запишет патриарх <...> осечки», или «На мягкой сланцевой <...> проточной». Лакуна катрена 3б заполняется соответственно редакции С1. Листы 9, 10, 10 об. заполняют лакуны строф 5 и 7, но не устанавливается их взаимная соотношенность. Лист 7 относится к промежуточной стадии работы над теми же строфами.

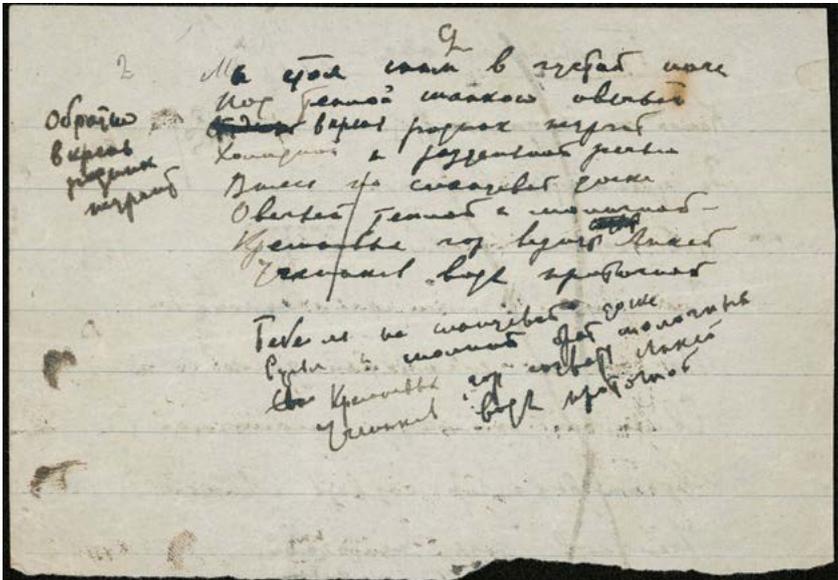
Редакция С1 (табл. 7 и 8). Листы 12–14 до правки.

Редакция С2 = ВК (табл. 8). Листы 12–14 после правки.

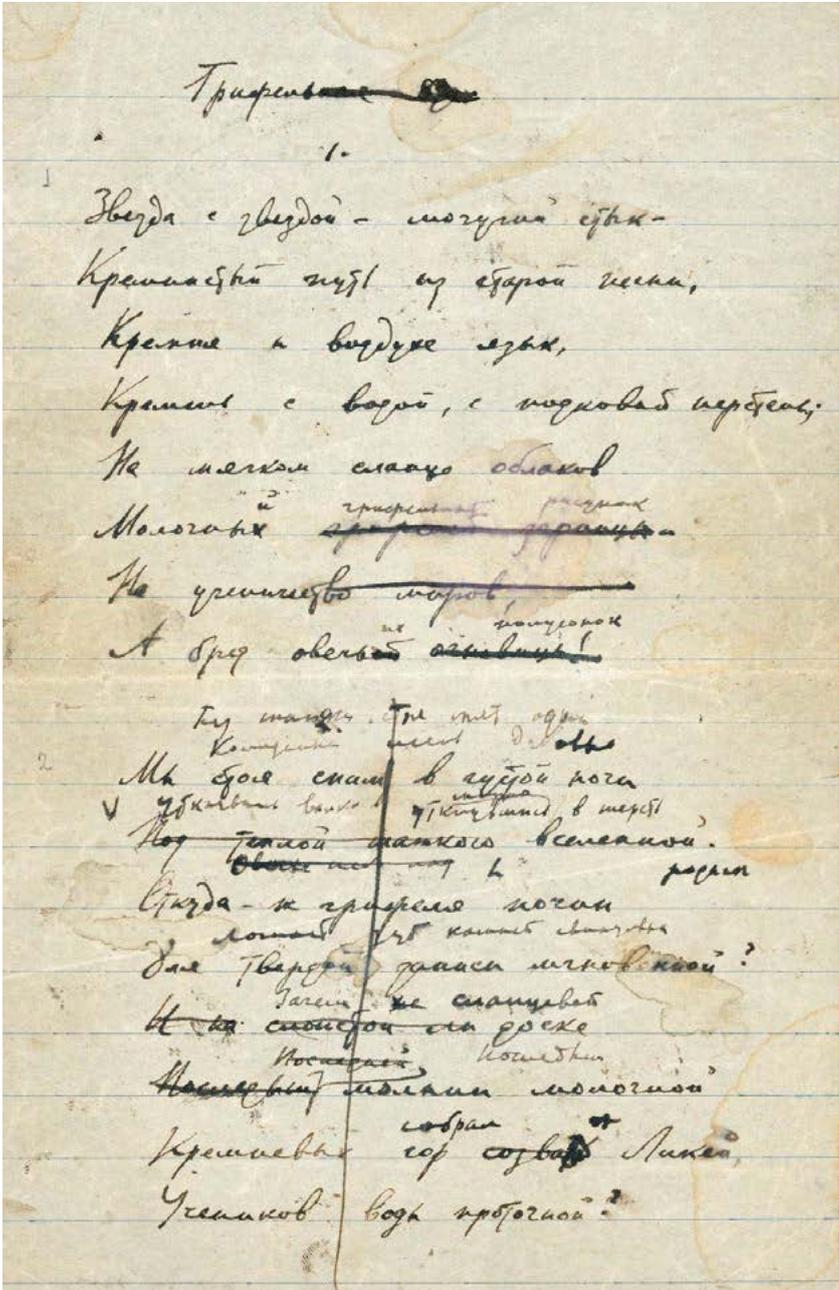

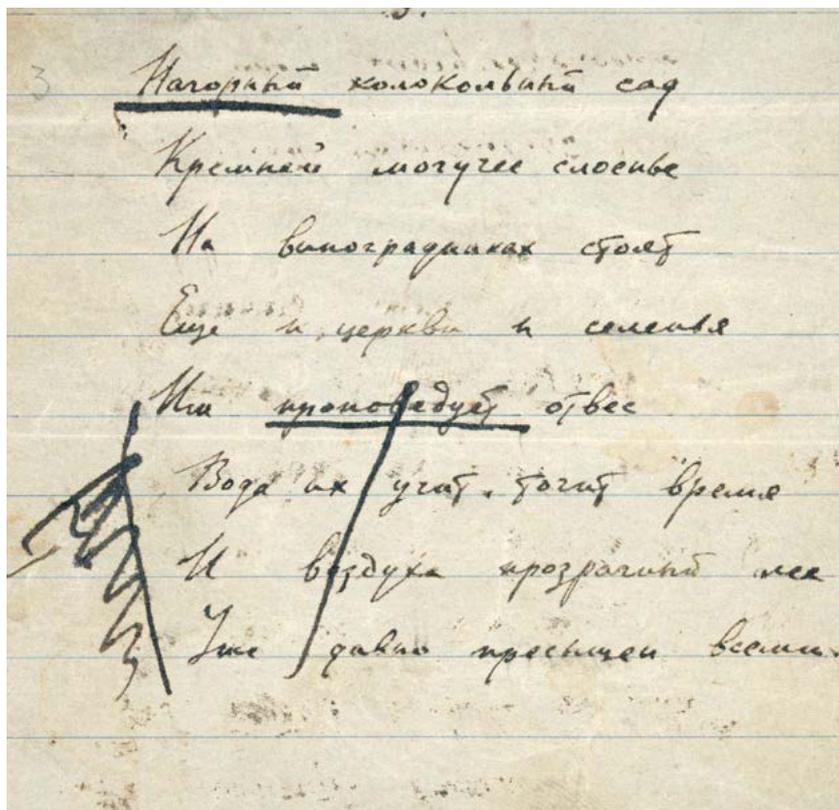
Илл. 9. Лист 2 черновиков «Грифельной оды»

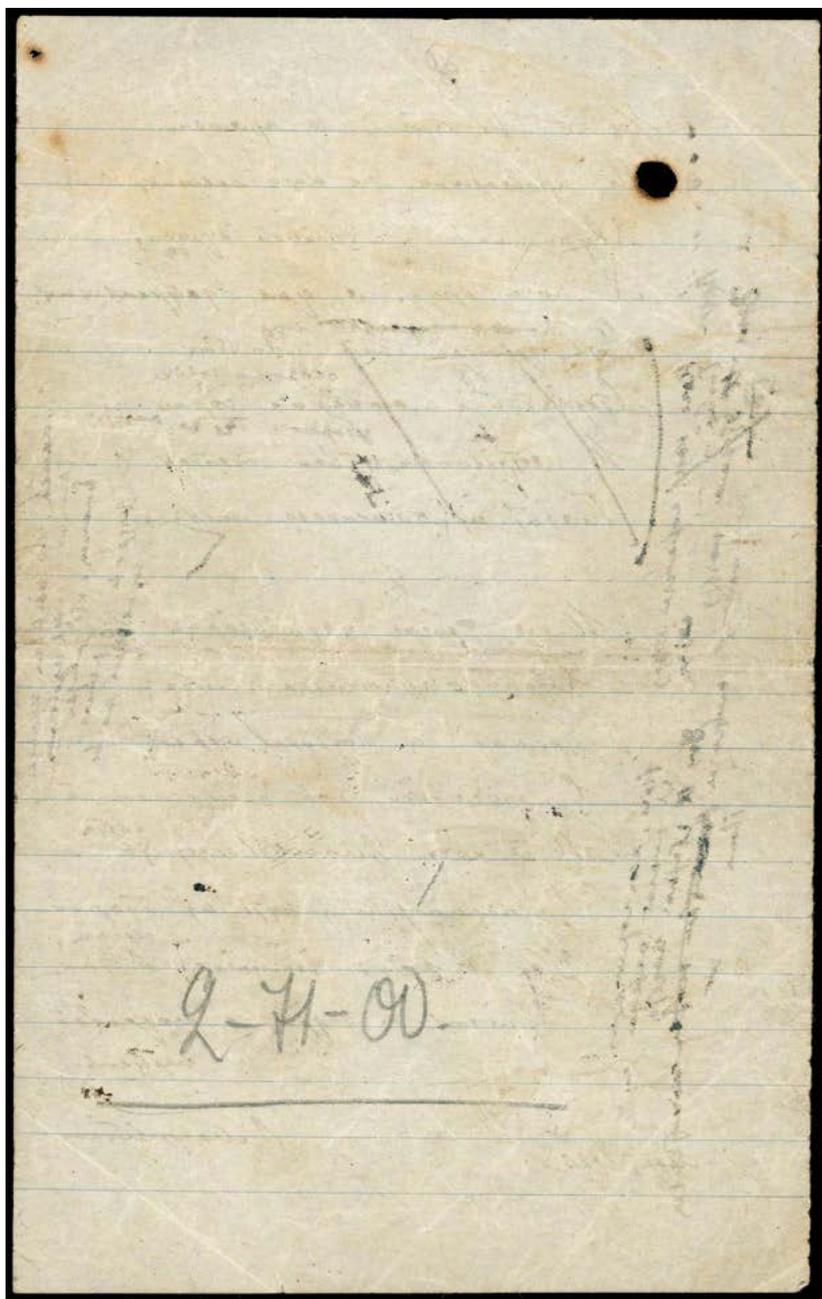
Илл. 10. Лист 2 оборот черновиков «Грифельной оды»

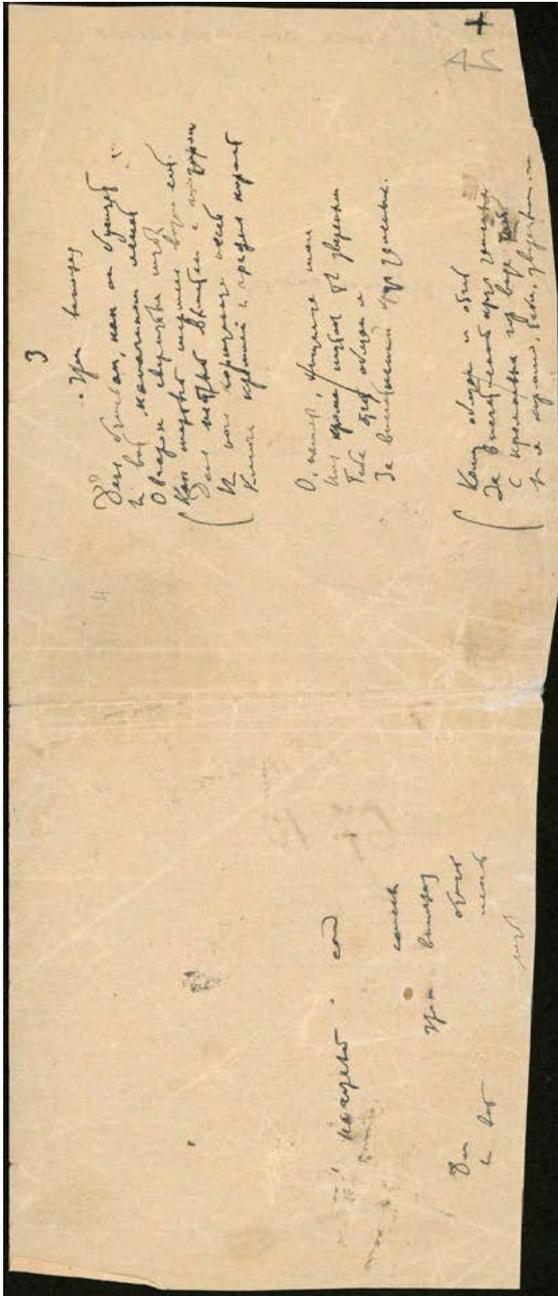
Илл. 11. Лист 3 черновиков «Грифельной оды»

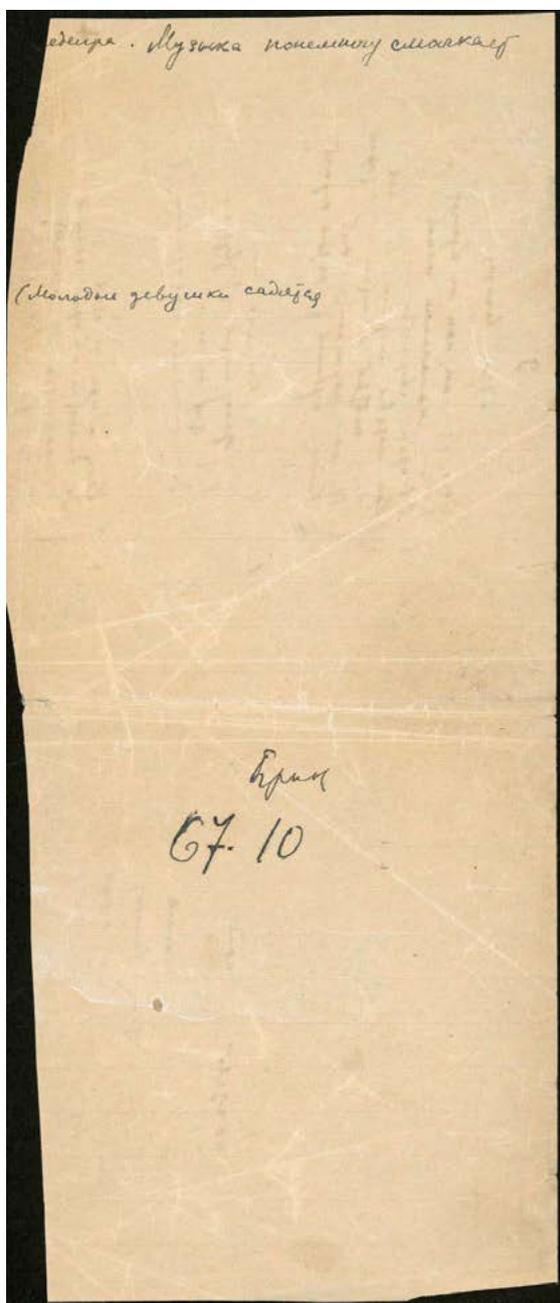
Илл. 12. Лист 4 черновиков «Грифельной оды»

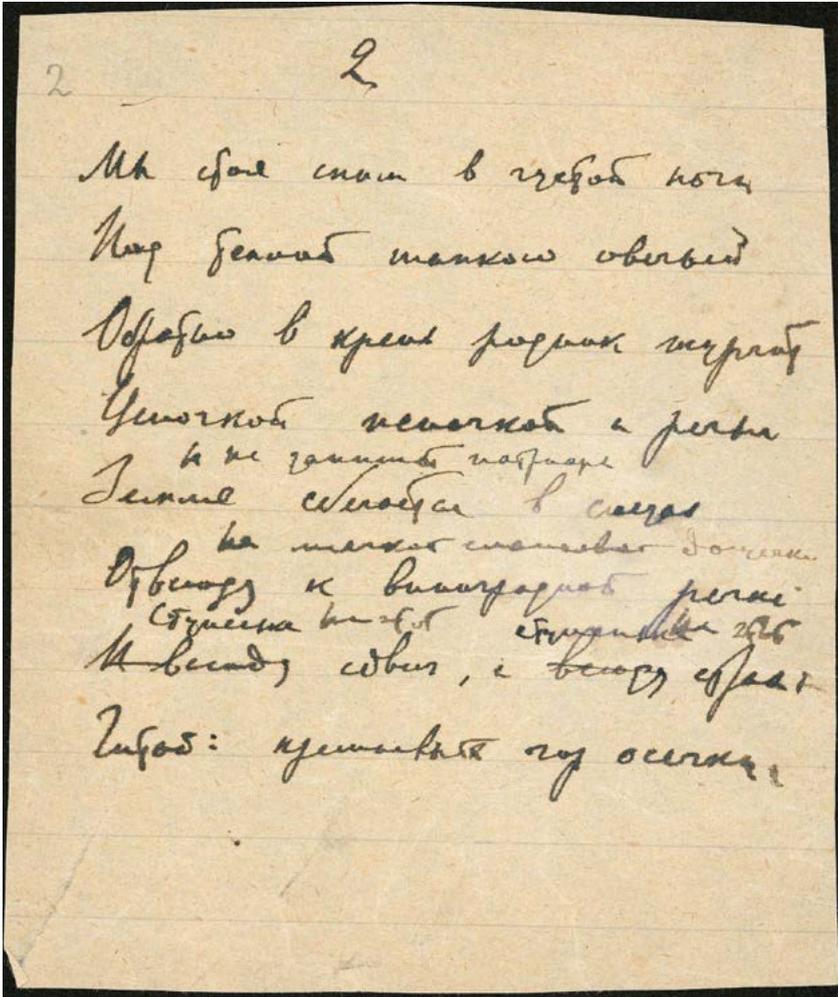
Илл. 15. Лист 6 оборот черновиков «Грифельной оды»

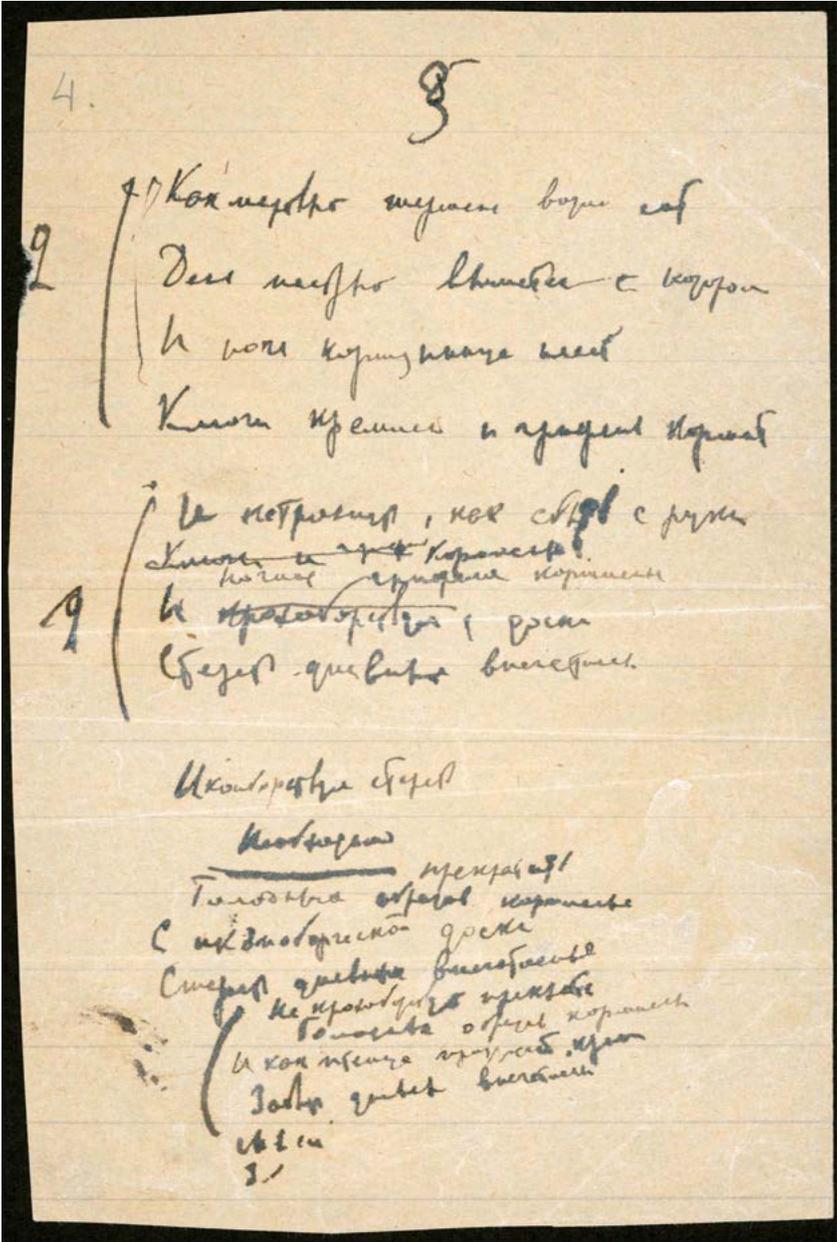
Илл. 16. Лист 7 черновиков «Грифельной оды»

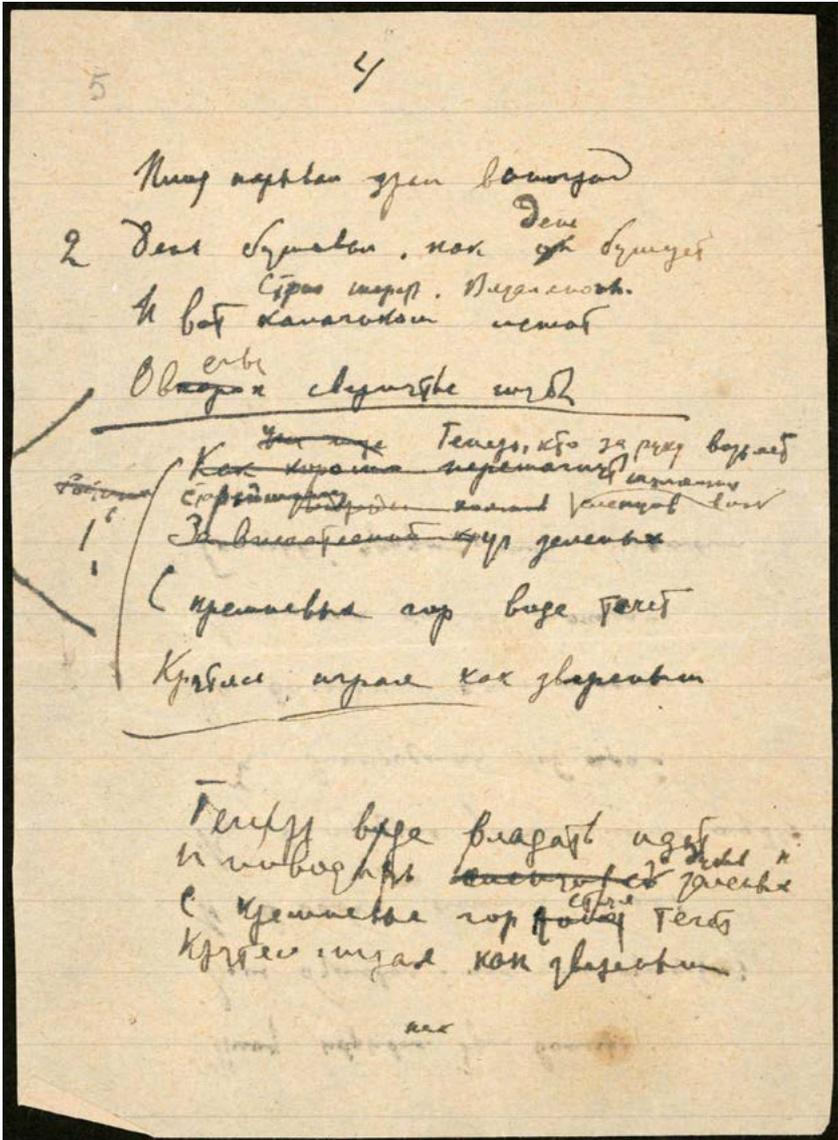
Илл. 17. Лист 7 оборот черновиков «Грифельной оды»

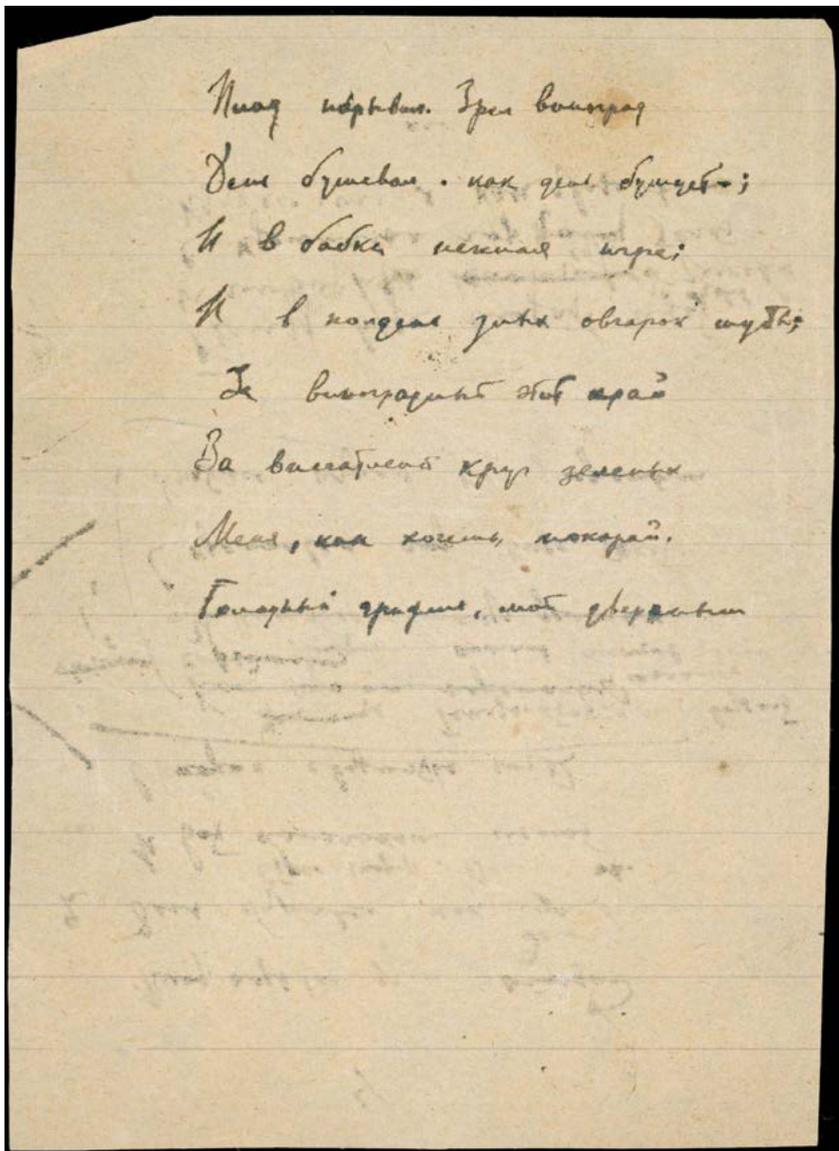
Илл. 18. Лист 8 черновиков «Грифельной оды»

Илл. 19. Лист 9 черновиков «Грифельной оды»

Илл. 20. Лист 10 черновиков «Грифельной оды»

Илл. 21. Лист 10 оборот черновики «Грифельной оды»

Грифельная Ода.

1.

Звезда с звездой мощной стнх,
 Крайнейшии мнги из барои оеаи;
 Крайние а буддаи оеаи;
 Крайнеи с вооы, с поодои мрбени;
 Не мелии салиевои дои обииов
 Малиеиои профелииои ричиоо
 Не урелиеиои мариои,
 А бред оеаиои поодоиои.

2.

Ма ето саио в еубои роа
 Поу гелио: маиоо оеаиои.
 Обрало, в крои, роооои мурит
 Хоодоиои в роодоиои роооои.

Две

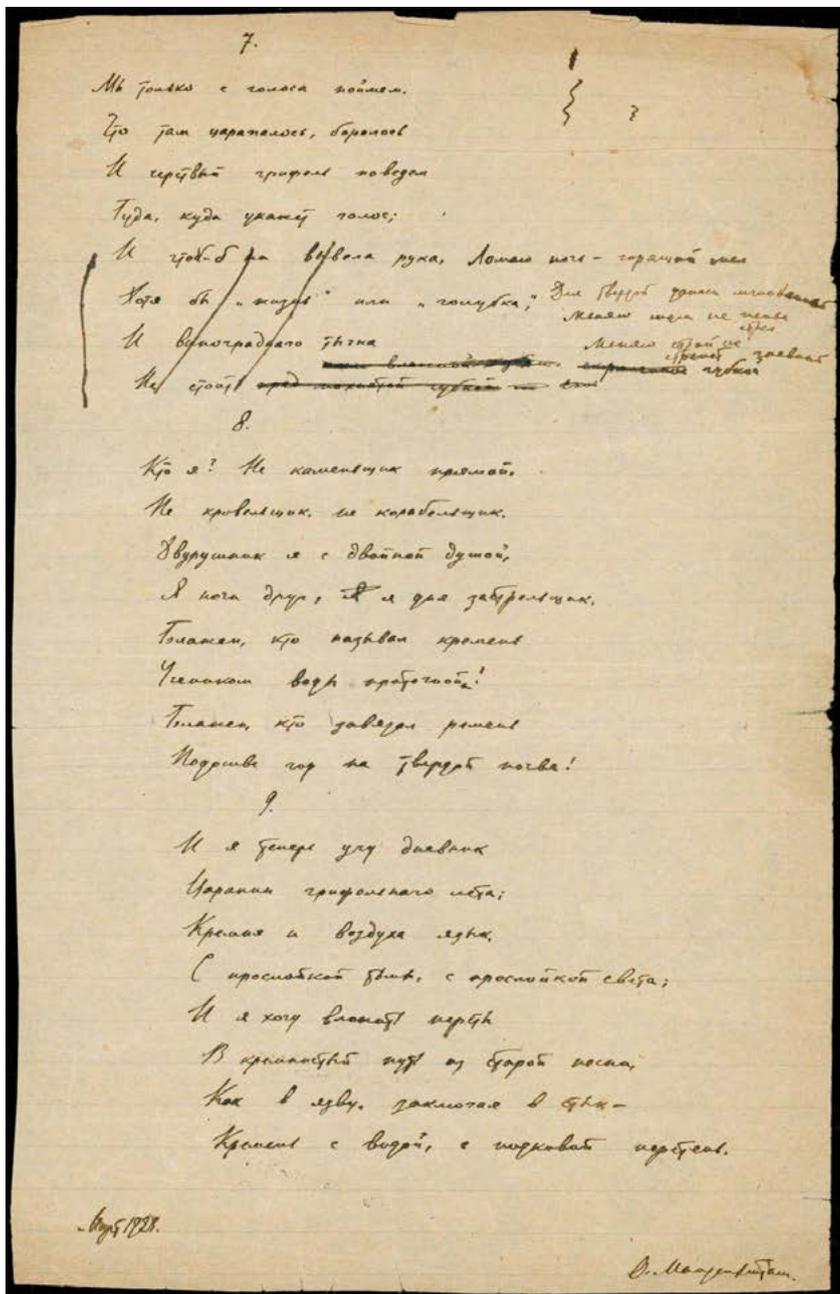
~~Ма ето саио в еубои роа~~
~~Поу гелио: маиоо оеаиои.~~
~~Обрало, в крои, роооои мурит~~
~~Хоодоиои в роодоиои роооои.~~

сидит, две оеаи
 ииои
 Зрел
 еривои
 Зрел муритои оеаиои
 муритои вооы роодоиои

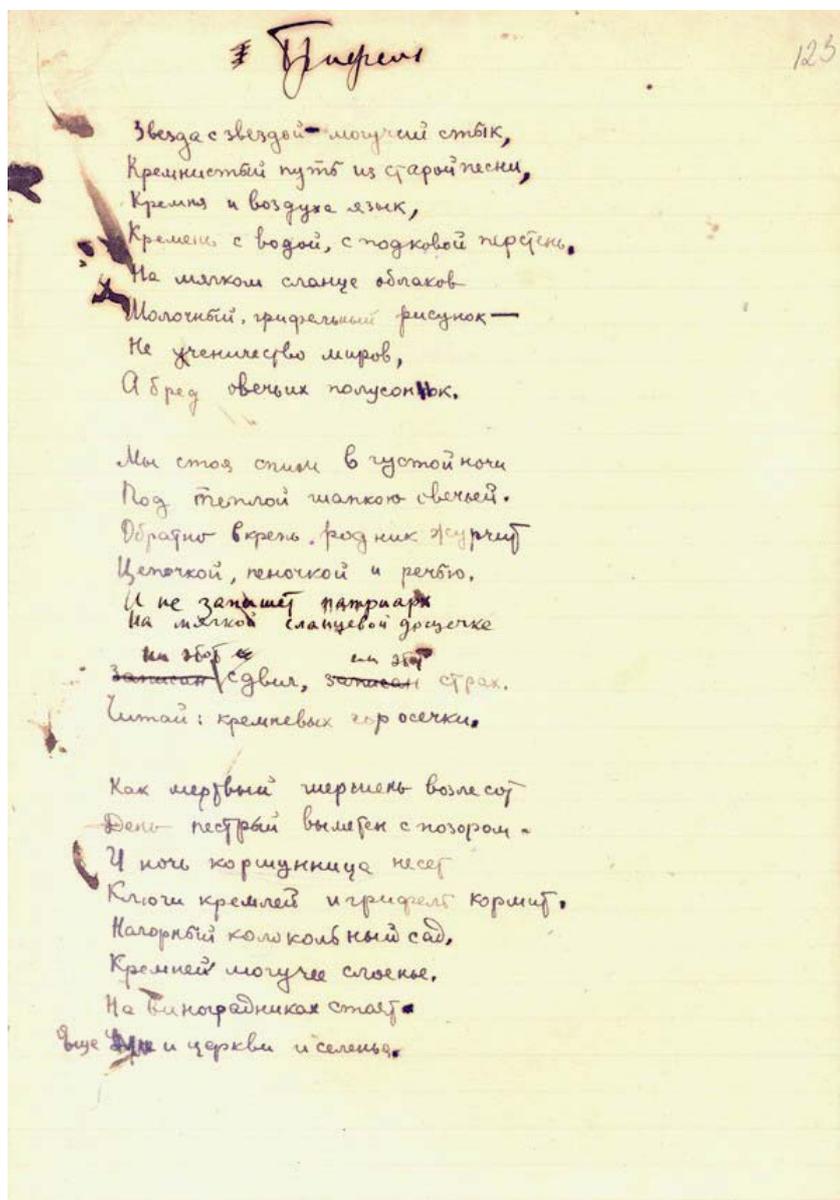
3.

Кривои от крои роооои,
~~Ма ето саио в еубои роа~~
 Крайней могоиои могоиои,
 Не ветиои еубои роа и ветиои еубои роа:
~~Ма ето саио в еубои роа~~
 Обиио
 Еубои и кроиои а могоиои:
 Ма могоиоиои оубои,
 Воа ие урети, тоуи врани-
 И буддаи могоиоиои могоиои
 Уеи давои могоиоиои вани.

Илл. 23. Лист 12 черновиков «Грифельной оды»

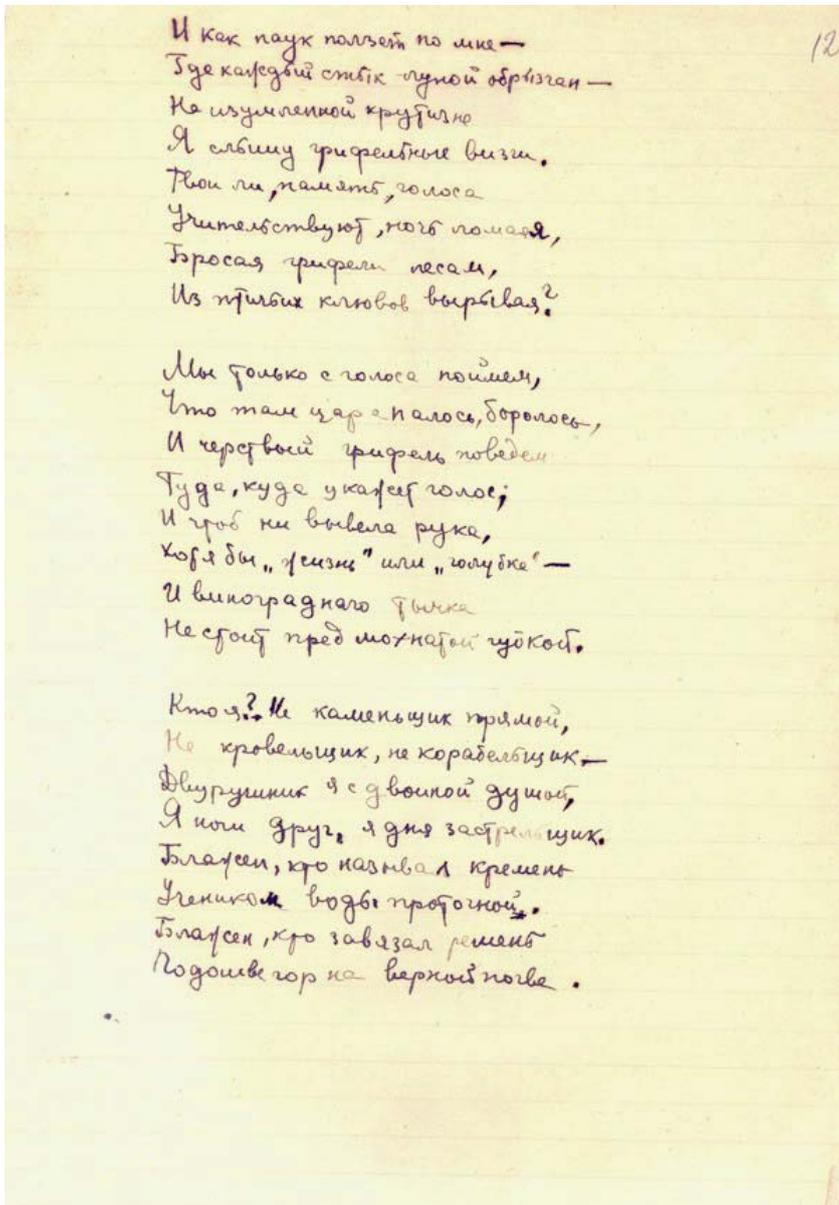

Илл. 25. Лист 14 черновиков «Грифельной оды»

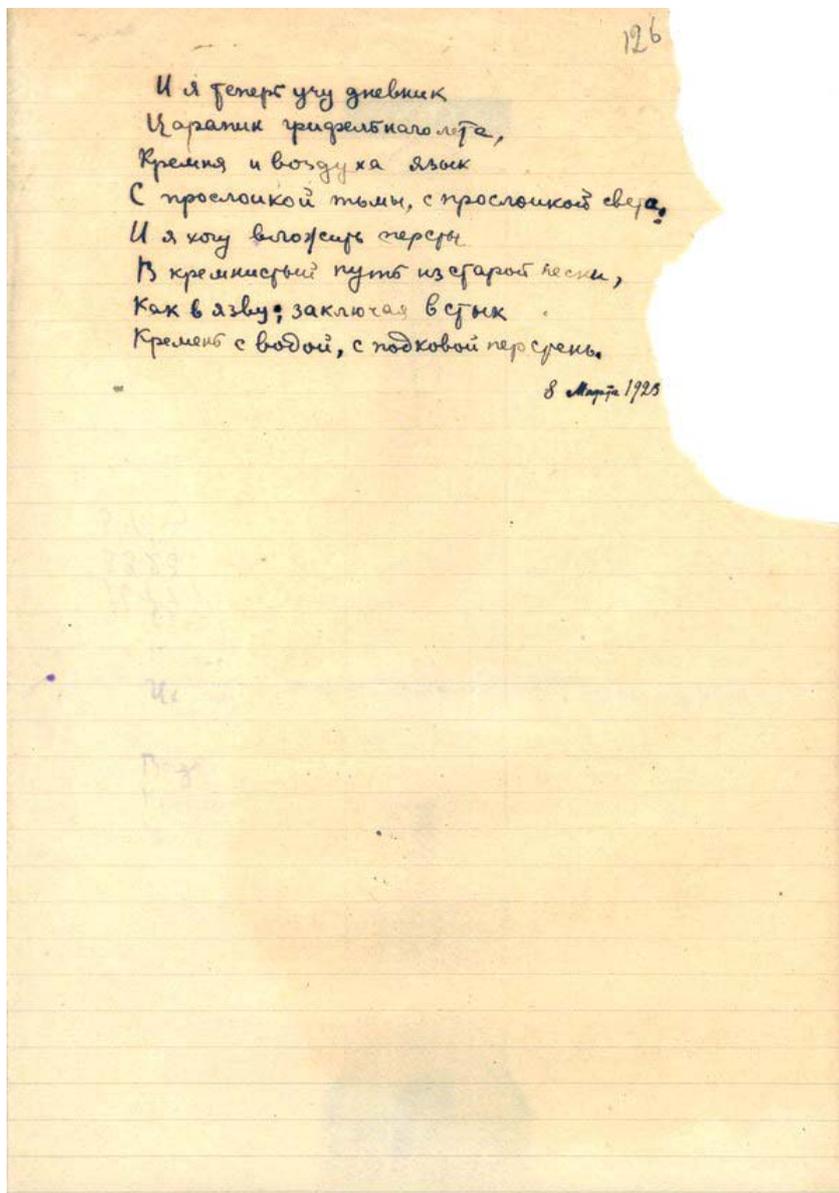
Илл. 26. «Грифель».

Из фонда журн. «Красная Новь». Лист 1

Илл. 27. «Грифель».

Из фонда журн. «Красная Новь». Лист 2

Илл. 28. «Грифель».
Из фонда журн. «Красная Новь». Лист 3

«ФЛЕЙТА»: ПРОБЛЕМА ТЕКСТА И НОВЫЙ ИСТОЧНИК

*Флейты греческой тэтта и йота —
Словно ей не хватало молвы —
Неизваянная без отчета,
Зрела, маялась, шла через рвы.*

*И ее невозможно покинуть,
Стиснув зубы ее не унять,
И в слова языком не продвинуть,
И губами ее не разнять.*

*А флейтист не узнает покоя:
Ему кажется, что он один,
Что когда-то он море родное
Из сиреневых вылепил глин.*

*Звонким шопотом честлюбивых
Вспоминающих шопотом губ
Он торопится быть бережливым,
Емлет звуки — опрятен и скуп.*

*Вслед за ним мы его не повторим,
Комья глины в ладонях моря,
И когда я наполнился морем,
Мором стала мне мера моя.*

*И свои-то мне губы не любви,
И убийство на том же корню
И невольню на убыль, на убыль
Равнодействие флейты клоню.*

7 апр. 37. Воронеж¹

Впервые: Russian Studies. СПб., 1994. Т. I, вып. 1.

¹ Текст приводится с сохранением орфографии и пунктуации источника.

С ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ это стихотворение относится к группе наиболее сложных: автографы его не сохранились, а ранее известные списки Н. Я. Мандельштам содержали ряд разночтений и по крайней мере одну опisku — «мята» вместо «тэта», которая была устранена Н. Я. Мандельштам по настоянию И. М. Семенко еще до первой публикации в «Воздушных путях» (Нью-Йорк. 1961, альм. 2).²

«Флейты греческой тэта и йота...» входит в состав «Третьей Воронежской тетради», создававшейся в марте–апреле 1937 года и включающей такие поэтические шедевры, как «Стихи о неизвестном солдате», «Тайная вечеря», «Может быть, это точка безумия...». Работа над «Третьей тетрадью» завершалась уже во время предотъездных хлопот: вскоре последовал переезд в Москву, насильственное выселение из квартиры, скитальчество по подмосковным городкам перед последним арестом. Эти обстоятельства были причиной относительной малочисленности, даже в сравнении со «Второй Воронежской тетрадью», сохранившихся списков.

Характер работы поэта был следующим: своей рукой он набрасывал только черновик, затем уже ставший первоначальный текст диктовался жене, и по этой записи работа велась дальше — поправки вносил либо он сам, либо жена под его диктовку. Завершенный текст поэт авторизовал — ставил под ним дату и подпись; нередко возвращался к нему в ближайшие дни и совершенствовал — или на том же листе, или на новой сводке, которую обычно изготовляла Н. Я. Мандельштам. Такой предстает стадиальность работы по тем немногочисленным случаям, когда сохранились до наших дней черновики стихотворений. Характерной чертой творческого процесса была его высокая интенсивность: при выборе эпитетов черновики сохранили по десятку и более проб некоторых; с той же настойчивостью шел поиск композиции (порядка строф). Стихотворный период бывал — это относится и к «Третьей Воронежской тетради» — очень интенсивным: в работе находилось, как правило, по несколько стихотворений одновременно. Когда он заканчивался, стихи собирались в «книгу» — процесс у Мандельштама также длительный и стадиальный. После приходило время копировать стихи, в составе новой «книги» — для хранения у друзей, для редакции или Союза писателей. Эти копии, как правило, изготавливались

² См. примечание И. М. Семенко к этому стихотворению: Мандельштам О. Э. Новые стихи / Подгот. текста С. В. Василенко // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 184. Ср.: ПССиП 2020. Т. 1. С. 595.

женой поэта самостоятельно на основе собранного рукописного материала, ибо к этому времени поэтом, по характеру необычайно впечатлительным и импульсивным, уже овладевали новые впечатления, и в работе на этой стадии он либо не принимал участия вовсе, или, если жена обращалась к нему с вопросами, — спорадически и неохотно.

Проблема описок в текстологии нового времени далеко не нова. Наиболее изученная ситуация — поздний альбомный автограф, когда текст записывается по памяти и без необходимой сосредоточенности. Описки механического характера устраняются текстологом относительно легче; намного сложнее положение в тех случаях, когда, затрудняясь вспомнить, автор записывает текст одной из предшествующих редакций. Этот механизм лежит и в основе описок Н. Я. Мандельштам. К тому было более чем достаточно причин: она была пассивным участником творческого процесса, выслушивала и фиксировала десятки поправок в одном и том же тексте. Когда приходило время изготовлять списки и тексты лежали перед ней, она, несомненно, не сверялась с ними методично, полагаясь на свою память. В архивах ныне находится достаточно большое количество прижизненных списков ее рукой с разночтениями, и среди них немало описок — однако говорить об описках с полной несомненностью можно лишь тогда, когда текст сохранился и в авторизованных источниках. Позднее, в 1960-е годы, когда И. М. Семенко работала над текстами Мандельштама по его архиву и привлекла к этому Н. Я. Мандельштам, жена поэта убедилась в существовании этой проблемы воочию, о чем свидетельствуют некоторые ее поздние пометы на архивных рукописях. Сама И. М. Семенко в своих трудах подобные вопросы не формулировала — по причинам, конечно, этического свойства, — но отмечала описки, например в своих примечаниях к машинописному своду стихов, составленному Н. Я. Мандельштам (см. примеч. 2).

Необходимо отметить, что благодаря работе таких текстологов, как Н. И. Харджиев и И. М. Семенко, тексты большинства стихотворений Мандельштама были установлены точно, а проблемы, возникшие с некоторыми стихотворениями из-за недостатка авторитетных источников, — эксплицированы. Позднее, после завершения ими своих текстологических работ, архивный базис расширился и возможность уточнить тексты некоторых из упомянутых последними стихотворений появилась. В нашем случае проблема основного текста, напротив, осложнилась, так как новая находка, устранив одну проблему, увеличила число разночтений в других стихах.

В предшествующих изданиях «Флейты греческой тэта и йота...» публиковалось на основе источников, сохранившихся в архиве Мандельштама (далее — *АМ*³). Это единственный прижизненный датированный список и несколько записей, сделанных Н. Я. Мандельштам по памяти в 1938–1941 годах (недатированных). Впоследствии был разыскан (П. М. Нерлером) еще один прижизненный датированный список Н. Я. Мандельштам (в собрании Б. И. Маршака, далее — *СМ*),⁴ другая копия, восходящая, как увидим, к прижизненному протографу, была обнаружена нами в одном из частных архивов.⁵ Прежде чем приступить к их сравнительному анализу, приведем различия с помещенным в начале нашей статьи текстом.

Ст. 1. Флейты греческой **мята** и йота (*СМ* и *АМ*)

Ст. 8. И губами ее не **размять** (*СМ* и *АМ*)

Ст. 13 Звонким шепотом честолюбивым (*СМ* и *АМ*)

Ст. 14. Вспоминающих **топотом** губ (*АМ*); **Понимающих топотом** губ (*СМ*)

Ст. 24. **Равноденствие** флейты клоню (*СМ* и *АМ*)

Новонайденная копия была сделана в 1940 году с рукописи, предоставленной Сергеем Борисовичем Рудаковым (1909–1944) — филологом, жившем в воронежской ссылке одновременно с Мандельштамами в 1935–1936 годах.⁶ В Воронеже он работал над освоением литературного наследия поэта, продолжал эту работу и после возвращения из ссылки. Копиист к моменту нашей встречи никаких подробностей о характере предоставленных Рудаковым материалов уже не помнил, а потому приходится рассматривать две возможности: это могли быть копии Рудакова со списков

³ Источники текста изучены нами по микрофильму, предоставленном Библиотекой Принстонского университета, в Отделе рукописей и редких книг которой подлинники находятся с 1981 г. (Princeton University Libraries. Department of Rare Books and Special Collections. Osip Mandelstam Papers. CO 539).

⁴ Этот источник был обнаружен и впервые использован П. М. Нерлером в изд.: Мандельштам О. Соч. М., 1990. Т. 1. С. 569 (с опечаткой в описании и с ошибочным указанием на то, что начиная со стиха 14 текст записан рукой поэта). Благодарим Б. И. Маршака за предоставленную возможность ознакомиться с этим списком.

⁵ У Эльги Львовны Линецкой (1909–1997). Копии были сделаны ею в Ленинграде во время непродолжительного пребывания в период ссылки в Актюбинской обл. Ее знакомство с Рудаковым велось с 1929 г., со времени обучения в Гос. Институте истории искусств. Списки Линецкой к настоящему времени переданы мною в Рукописный отдел ИРЛИ.

⁶ О С. Б. Рудакове см. статью Е. А. Тоддеса и А. Г. Меца: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 7–31.

Н. Я. Мандельштам (как говорилось выше, своды стихов переписывались только ею, и версия об автографах практически невероятна), либо сами списки Н. Я. Мандельштам. Уяснить это обстоятельство необходимо: почерк Н. Я. Мандельштам разборчивый и для чтения легкий, почерк Рудакова — очень трудный и с другим начертанием тех букв, которые выступают спорными в разночтениях; кроме того, понятно, что при втором копировании умножается вероятность описок. В нашей копии переписаны стихи «Второй» и «Третьей» воронежских тетрадей, причем их тексты еще в двух-трех случаях дают повод для текстологических заключений и имеют ранее неизвестную дату под одним из стихотворений, а также отдельные стихи 1930–1935 годов. Тексты нашей копии по пунктуации и другим особенностям обладают высокой степенью идентичности (практически совпадают) со списками Н. Я. Мандельштам того же времени, но это обстоятельство в данном случае не может служить аргументом в пользу второго предположения; решающим аргументом здесь служит косвенное свидетельство о том, что Рудакову приблизительно во второй половине апреля 1937 года посылались новые стихи Мандельштама. Оно содержится в письме поэта к жене в Москву от 4 мая 1937 г.: «Только что пришло письмо от Рудакова <...> Он пишет <...> что стихи неровные и передать это можно только в разговоре».⁷ Отсюда следует, что Рудаков получил стихи из Воронежа, а не скопировал их позднее, во время встречи с поэтом в Москве в мае 1937 года; вероятность же того, что он стал бы копировать для каких-то целей списки из собственного собрания, столь обширные по объему, достаточно невелика. Степень точности копии также говорит в пользу списков Н. Я. Мандельштам, а не рудаковских, но об этом речь пойдет ниже.

Список из собрания Маршака находится в составе прижизненной подборки из девяти стихотворений «Третьей Воронежской тетради». Обстоятельства и точное время его изготовления неизвестны.

Рассмотрим текстологические аргументы.

Описка в первом стихе — «мята» вместо «тэта» — восходит к ранней редакции стихотворения, первый стих которой — «Речи греческой мята и нота» — извлечен нами из черновика сводного списка заглавий стихов за март–апрель 1937 года (АМ); с этой опиской стихотворение зафиксировано и во всех записях Н. Я. Мандельштам 1938–1941 гг. (и более поздних), делавшихся по памяти

⁷ ПССиП 2020. Т. 3. С. 478.

после ареста поэта. Это обстоятельство также (выше мы уже говорили приблизительно о середине апреля 1937 г.) указывает на то, что протограф новонайденной копии создавался во время, близкое к окончанию работы над «Третьей Воронежской тетрадь», — почему и текст его, по крайней мере в этом стихе, оказался точнее; позже, в процессе новых переписок, возникло искажение, которое и зафиксировалось в памяти Н. Я. Мандельштам.

Дальнейший анализ представляется целесообразным вести в двух планах: сначала приведенные разночтения рассмотреть с позиций соотношения новонайденной копии с ее протографом с целью представить себе, могли ли остальные разночтения явиться результатом описок нашего копииста, а затем в плане соотношения: новонайденная копия — список *АМ* — список *СМ*.

1. При проверке всего массива стихотворений 1936–1937 годов в копии (всего около 50)⁸ описки механического характера (например, «пламя» вместо «племя») выявлены в трех словах. Даже если не считать с тем обстоятельством, что они могли повторять ошибки протографа, для таких сложных текстов, как стихи Мандельштама, это очень низкий показатель. На тщательность копииста указывают и другие детали: в момент изготовления (теми же чернилами) были исправлены ряд слов и восполнены пропуски — что предполагает сверку, а в одном случае, когда слово вызвало затруднение, второе предположительное чтение было записано над ним.

В плане соотношения протограф/копия есть основания высказаться по двум разночтениям — в стихах 8 и 13. Чтение «разнять» сравнительно с «размять» является более «трудным», так как с точки зрения физиологии непредставимо, что можно разнять губами, а метафорический план высказывания остается темен. Также и чтение «честолюбивых» вместо «честолюбивым», нарушая рифму, является более «трудным». Инерция психики при копировании должна была бы дать прямо противоположный результат в случае описки, и поэтому с большой долей вероятности примем, что указанные слова были скопированы адекватно. В отношении двух оставшихся разночтений (стихи 14 и 24) аргументов не находится, и пока будем говорить о точности копии условно, основываясь лишь на данной выше ее общей характеристике.

⁸ Мы взяли для проверки только этот период, т. к. предполагаем, как говорилось выше, что эти копии сделаны со списков одной рукой — Н. Я. Мандельштам; стихи предшествующего периода копировались, возможно, со списков Рудакова.

2. Принимая, что текст новонайденной копии точен относительно протографа, сопоставим разночтения трех источников.

Разночтения в стихах 13–14 «прозрачны» для тех исследователей, кто обращался к черновикам Мандельштама или знаком с его стилем работы по трудам И. М. Семенко: по-видимому, все слова «пробовались» в ходе работы над текстом. «Топот губ» — это очень мандельштамовский прием, в развитие «звонкого шепота» — вида гиперболы (шепот как топот). Однако такой прием может приводить к пародийному эффекту. Как на мотив для самокритики на этот эффект указал Н. И. Харджиев в своих примечаниях к тому «Библиотеки поэта»: он приводит слова поэта, сказанные в связи отброшенным вариантом в стихотворении «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»: «Харон в качестве хозяина **парома** уместен только в пародийных стихах».⁹ Пародийное звучание «топота губ» слышится отчетливо, причем оно еще более усиливается при «Понимающих (вспоминающих) топотом губ» (разночтения *АМ* и *СМ*) сравнительно с редакцией некоторых посмертных записей Н. Я. Мандельштам: «Вспоминающим (понимающим) топотом губ» (в этой редакции было напечатано В. Швейцер¹⁰). В первом случае эффект обеспечивается утратой грамматического, а с ним и смыслового параллелизма «Звонким шепотом... понимающим топотом...», причем «топот» принимает на себя еще и смысловое ударение. Позволим себе, в связи с этим, высказать предположение, что варианта с «Понимающих (вспоминающих) топотом» не существовало, а редакции списков *СМ* и *АМ* явились следствием контаминации вариантов «Понимающих (вспоминающих) шепотом» и «Понимающим топотом». Попутно отметим, что «Понимающих шепотом» дает наибольшее приближение к тому определению поэзии, которое Мандельштам дал в «Разговоре о Данте»: «Исполняющее понимание». Настолько же определенно можно высказаться о предпочтительности «честолюбивых» в рифменной позиции: в стихах 1930-х годов поэт разрабатывал новую систему выразительности, обнимавшую также рифму, и чередовал в строфах точные рифмы с неточными — ср. в следующей строфе рифму *мóря/ моя*; особенно существенно, что пробы рифмовых слов в стихах этих лет подчинены этому поиску.

⁹ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1973. С. 278. (Б-ка поэта. Большая сер.).

¹⁰ Мандельштам О. Воронежские тетради. Анн Арбор, 1980. С. 105.

Остальные разночтения рассмотрим в более широком контексте. Как известно, стихотворение связано с судьбой Карла Карловича Шваба, воронежского знакомого Мандельштама. Он был арестован в конце декабря 1936 года, а стихотворение явилось откликом, вероятно, на предъявленное ему обвинение в участии в антисоветской организации (существенно, что ему инкриминировалось то, что он слушал по радио речи Гитлера).¹¹ Арест Н. И. Бухарина, покровителя Мандельштама (27 февраля 1937 г.), осуществленный при невиданных обстоятельствах — прямо на заседании пленума ЦК ВКП(б), показал, насколько иллюзорными были надежды поэта на благоприятный перелом в своей судьбе. Поэтому параллель «флейтист» — поэт в стихотворении всегда была прозрачна для читателя; однако в качестве мотивирующего подтекста она имела, по видимому, один известный античный источник — намек на это мы видим в первоначальном мотиве «греческой речи». Это «Государство» Платона, знакомство с которым предполагалось программой университетского курса древней философии (экзамен по предмету Мандельштам сдал 7 сентября 1916 г.). В этом диалоге Платона с первых страниц много места уделено тому вреду, который наносит поэзия делу «правильного» воспитания, и мерам, которыми следовало бы ограничить ее влияние в идеальном государстве, к примеру: «Право же, я и по многим другим признакам замечаю, что мы всего правильнее устроили наше государство: говорю я это, особенно имея в виду поэзию. — Что же ты об этом думаешь? — Ее никоим образом нельзя допускать, поскольку она подражательна» (595 а-о).¹² Настолько же пространно критикуется фригийский лад и флейта: «мастеров по изготовлению флейт и флейтистов» собеседники также соглашались не допускать в идеальное государство (399 d).¹³ Существенно, что «флейта» появилась в стихах раньше, чем возник конкретный политический повод для стихотворения, — это «гниющая флейта» в «Черноземе» (1935).

«Шевелящиеся губы» («Лишив меня морей, разбега и разлета...», 1935) — орудие творчества поэта — сквозной мотив поэзии Мандельштама.¹⁴ С исправлением первого стиха, где прямое

¹¹ См.: Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М., 1989. С. 174; Акиншин А. Н., Ласунский О. Г. Музы ГУЛАГа // Утро. Воронеж. 1992, 9 апр. С. 4.

¹² Платон. Соч.: в 3 т. М., 1971. Т. 1. С. 321.

¹³ Там же. С. 182.

¹⁴ «А наши губы к ней летят» («Что поют часы-кузнечик...», 1918); «Быть может, прежде губ уже родился шепот...» («И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...», 1934); «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935);

«греческая речь» уступило место стиху, говорящему о двух буквах греческого алфавита (предполагаем, что в слове «флейта», транслитерированных в греческий алфавит), две темы и подтекст получили полную сомкнутость и взаимообусловленность и далее развиваются и обогащаются в мотивах.

Мотивная структура стихотворения более понятна начиная со строфы 3, где речь ведется о флейтисте и об игре на флейте. В строфе 4 идет речь об игре на флейте, причем «игра» губ на мундштуке флейты описана так же, как немая артикуляция во время работы поэта над сочинением стихов. Мотив артикуляции подготовлен в первом стихе, где, называя две буквы, поэт подразумевает, по видимому, их произнесение. Этот мотив формировался в ранних редакциях «Армении», где было: «Багряные -уни и -ани — Натуга великих родов»,¹⁵ а затем в «Разговоре о Данте», где с самого начала речь ведется об «изменении самих орудий поэтической речи», т. е. артикуляционной работе. Уподобление артикуляции движениям губ флейтиста дает поэту метафорическое основание в заключительных стихах «клонить к убыли» игру флейты уже от собственного имени.

Что касается одного из двух последних оставшихся нерассмотренными разночтений, «равнодействие» — «равноденствие», то в смысловой структуре стихотворения эта метафора представляется изолированной, и контекст не дает дополнительных данных для предпочтения. Зато есть основания для суждения об их временной последовательности. «Равноденствие» — метафора, подготовленная ранним стихотворением «Есть иволги в лесах, и гласных долгот...» (1914), в автографе имевшим заглавие «Равноденствие»; в его последнем стихе говорится о тростниковой флейте (свири). Если представить, что оба варианта пробовались поэтом, то «равноденствие», по указанным выше обстоятельствам, должно было быть более ранним, а «равнодействие» возникло на его основе; оно более «трудное», и сначала от внимания даже ускользает, что это — неологизм (от «равнодействующая сила»). «Равноденствие» могло либо не пройти проверки на зрительную убедительность, как того требовал Гумилев,¹⁶ либо быть отвергнутым в порядке «борьбы

«Я губами несусь в темноте...» («Стихи о Неизвестном солдате», 1937); «Я скажу это начерно, шепотом...», 1937.

¹⁵ Впервые опубликовано: Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама. Рим, 1986. С. 38. См. также: ПССиП 2020. Т. 1. С. 427.

¹⁶ Тименчик Р. Д. Комментарии // Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 284.

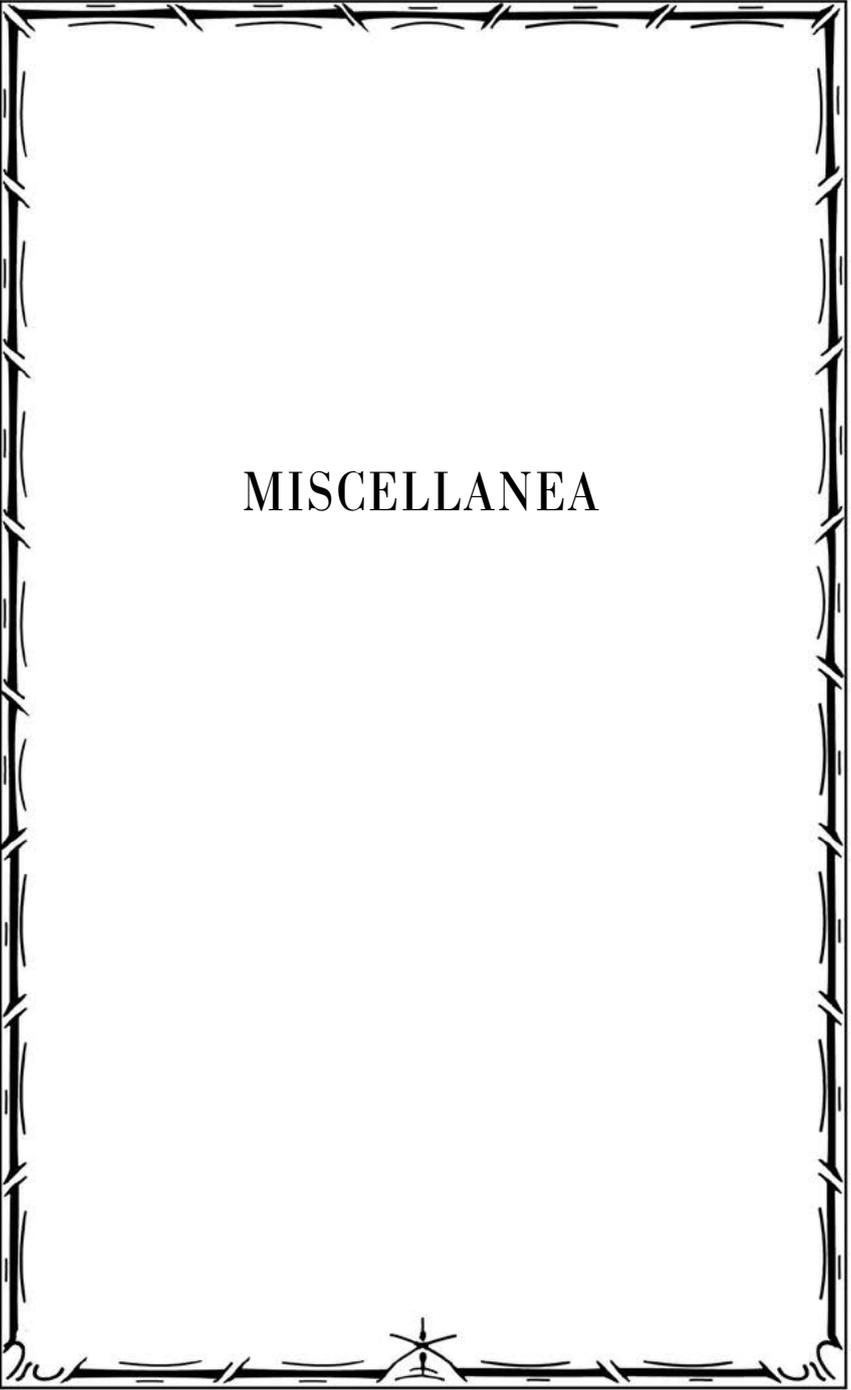
с акмеизмом», проводившейся поэтом, как засвидетельствовано письмом Рудакова к жене 21 мая 1935 года.¹⁷ Существенно, что в записях Н. Я. Мандельштам по памяти 1938–1941 годов чтение «равнодействие» также встречается (чередуюсь с «равноденствием»), и с таким чтением стихотворение было напечатано В. Швейцер.¹⁸

Наибольшие трудности для интерпретации представляют стихи 2–8. Говорится в них о «речи греческой», как предусмотрено ранней редакцией первого стиха, или об игре на флейте, чему окончательная редакция первого стиха не противоречит, или эти образы совмещаются (или чередуются)? В контексте «речи» более оправданной является метафора «неизваянная»; строфа 2 также лучше осмысливается в этом контексте, поскольку тогда следующее: «Стиснув зубы, ее не унять, И в слова языком не продвинуть» — описывает немую артикуляцию, о которой говорилось выше. Тогда прототипом для разночтения размять/разнять можно мыслить термины орфоэпии «смыкание» и «размыкание» — как видно из «Разговора о Данте» (главка VIII), знакомство поэта с терминологией в этой узкой области было хорошим. В метафорах Мандельштам добивался гармонии прямого и переносных значений (даже если они строились на антитезах), а здесь, если как и раньше считать существовавшими в качестве редакций оба слова, как одно, так и другое дают ощущение не слишком удачного хода: «размять» — ввиду ожидания *pointe* строфы (по аналогии с глиной воспринимается как некий подготовительный акт), «разнять» — как уже говорилось выше, ввиду непредставимости того, что можно разнять губами, но, как кажется, несколько компенсирует оттенком неуничтожимости (тема стихов 5–6). Сделать выбор в данном случае ни текст, ни контекст не дают надежных оснований, и пока при выборе остается руководствоваться ненадежным в конкретных случаях критерием большей или меньшей авторитетности источника текста.

Кратко обобщим сказанное. Новонайденная копия сделана со списка середины 1937 года (по-видимому, рукой Н. Я. Мандельштам) и, по всем аргументам, адекватно передает его текст; этот текст, по сравнению с другими источниками, является наиболее авторитетным в настоящее время.

¹⁷ О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 52.

¹⁸ *Мандельштам О.* Воронежские тетради. Анн Арбор, 1980. С. 105.

MISCELLANEA

КАК СДЕЛАН «АРЗАМАС» ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

ОЧЕРК Георгия Владимировича Иванова (1894–1958) «Арзамас», непосредственно примыкающий к циклам «Китайские тени» и «Петербургские зимы» и напечатанный на видном месте — в парижских «Последних новостях» 31 октября 1926 года, в отличие от всех остальных очерков этих циклов не только никогда не перепечатывался, но и не упоминался до нашей републикации в 2001 году в исследовательских статьях и в комментариях к произведениям Г. Иванова. Можно полагать, что главной причиной тому были трудности интерпретации текста. Очерки Г. Иванова примыкают к жанру мемуаров постольку, поскольку автор придерживается реальных фактов и событийной канвы;¹ иногда излагает события вполне достоверно, а смысловые акценты смещает, в нуждах беллетризации, довольно существенно; здесь же центральная новелла — рассказ о двух вечерах «Арзамаса» — разительно расходилась с документальным материалом о действительно имевшем место 13 мая 1918 года первом (и оставшемся единственным) вечере «Арзамаса». Как мы показываем ниже, эта часть очерка была Георгием Ивановым

Впервые: Звезда. 2001. № 11.

За помощь в работе над статьей приношу благодарность Н. А. Богомолову, В. В. Гаврилову, Ю. Е. Галаниной, А. Ю. Галушкину, Т. М. Двинятиной, А. Л. Дмитренко, П. В. Дмитриеву, Т. В. Котовой, И. В. Платоновой-Лозинской, Р. Д. Тименчику.

¹ См.: *Тименчик Р. Д.* О фактическом субстрате мемуаров Г. Иванова // *De visu*. 1994. № 1/2. С. 67; *Он же.* Георгий Иванов как субъект и объект // *Новое лит. обозрение*. 1995. № 16.

полностью вымышлена, и сопоставление с историей действительно прошедшего вечера проясняет подлинную причину мистификации: вечер этот получил политическую окраску и сопровождался скандалом, о котором автор, живший в эмиграции, не мог упоминать. Другая часть очерка — история книжной лавки поэтов в подвале дома на углу Невского и Караванной, — напротив, ни в каких документах и мемуарах соответствий не имеет, и неизбежно напрашивающаяся аналогия с частью первой бросает на нее тень вымысла. Однако анализ сведений из этой части очерка приводит к предположению о том, что здесь Георгий Иванов расшивал по реальной канве. Всего два источника дают косвенные к этому основания: мемуар Георгия Адамовича, упоминающий о сделке купли-продажи каких-то книг, приблизительно в это время, в которую был вовлечен и Мандельштам, и фраза из дневника М. Кузмина о посещении «Арзамаса», в которой следует, что «Арзамас» располагался в собственном помещении (см. ниже). В пользу достоверности рассказа свидетельствуют также детали местоположения, которые Георгий Иванов привел относительно точно — как человек, часто там бывавший и потому запомнивший непримечательные детали. Дом на углу Невского проспекта и Караванной улицы не пострадал от времени и ныне имеет тот же вид и тот же номер 64/11, что и в 1918 году. Упомянутый Г. Ивановым «Тоннет» — это известная фирма братьев Тоннет, «изобретателей венской гнутой мебели». В центре Петербурга у них было несколько магазинов, но в доме № 64/11 находился мебельный магазин другой фирмы — «Венская мебель Яков и Иосиф Кон», — ошибка памяти мемуариста вполне извинительная. Сейчас это помещение занимает парфюмерный магазин «L'escale». В подвале, лестничный вход в который находится со стороны фасада по Караванной, помещался винный склад «Мюллер Ф. и К°». Оба объекта различимы на фотографии начала века, помещенной в издании: Невский проспект, 1703–1903: Культурно-исторический очерк двухвековой жизни С. Петербурга / Сост. И. Н. Божерянов. СПб., 1903. Т. 2, вып. 3; и их местоположение подтверждается справочниками «Весь Петербург».

Второй магазин, названный в очерке «Вейс», — это аптека. В действительности магазин аптекарских товаров (но не Р. И. Вейса, а В. Э. Фридгута) располагался не точно напротив, в доме 28 по Караванной, а через один дом (№ 24). О размещении кафе и книжной лавки в этом подвале в 1918 году нам не удалось получить прямых сведений, но следует отметить, что рассказ Георгия Иванова об этой затее попадает в контекст своего времени: в Петрограде

Илл. 1. Невский пр., 64/11.
Дом, в котором располагалась книжная лавка «Арзамас».
Фотография 1900-х или 1910-х гг.

в начале этого года открылось несколько книжных лавок — при издательстве «Petropolis» (Надеждинская, 56), «Книжный угол» (Караванная, 2) и «Лавка писателей» (на Морской улице), в деятельности которой принимал участие и Михаил Кузмин.²

Реальный «Арзамас» — общество, в которое был преобразован второй Цех поэтов.³ Этот последний был основан Г. Ивановым и Г. Адамовичем в 1916 году, и его собрания еще проводились зимой 1917/1918 года,⁴ незадолго до основания «Арзамаса».

² Берков П. Н. История советского библиофильства (1917–1967). М., 1983. С. 59–61. Год открытия «Лавки писателей» в этом издании указан ошибочно, см.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 678. В ст. П. В. Дмитриева «Две записи М. Кузмина в альбоме Л. И. Жевержеева».

³ О втором Цехе поэтов см.: Конечный А. М., Мордерер В. Я., Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник-1988. М., 1989. С. 99.

⁴ Об этом говорилось в корреспонденции о литературной жизни столицы зимой 1917/1918 года: «Жизнь эстетическая теплилась только в изредка собиравшемся неизменно замкнутом Цехе поэтов да на вечерах у Сологуба, где по-прежнему можно было думать и говорить о стихах» (Пруссак Вл. Письмо из Петербурга // Ars, Тифлис. 1918. № 1. С. 75).

«Арзамас» же возник 31 марта 1918 года, что явствует из сохранившегося протокола учредительного собрания.⁵ Следующий по времени архивный документ относится к середине апреля.

ЦЕХ ПОЭТОВ

Верейская 11, Тел. 237–71
О-во Арзамас

Петроград, 16 апреля 1918 г.

Бюро Цеха Поэтов, прилагая при сем копию Протокола Учредительного Собрания Лит. О-ва Арзамас просит т. Комиссара по Делах Искусства не отказать в содействии к получению О-вом необходимых восьми (8.000) тысяч рублей с текущего счета члена О-ва Г. В. Босняцкого (счет Петроградской конторы Государственного Банка № 237879).

Георгий Адамович
Георгий Иванов⁶

Несколько слов о самом документе. На нем нет ни резолюции, ни каких-либо служебных отметок, из чего следует, что официального хода бумаге по какой-то причине дано не было. «Комиссар по Делах Искусства» — это А. В. Луначарский, курировавший Коллегию по делам искусств при СНК. Он и после переезда правительства в Москву 10 марта оставался в Петрограде, занимая одновременно пост комиссара по просвещению Совета Народных Комиссаров Петроградской трудовой коммуны.⁷ В помещенной ниже афише «Арзамаса» есть имя Рюрика Ивнева, который в то время был секретарем Луначарского. Для нашей истории небезразлично будет отметить, что Ивнев пришел к большевикам в первые послеоктябрьские дни, выступал

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 6. Ед. хр. 3.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2155. Оп. 1. Ед. хр. 11. Машинопись на типографском бланке (типографским способом напечатаны слова «Цех поэтов», адрес и телефон). Подписи — автографы.

⁷ Живую картину приема Луначарским посетителей в Наркомпросе нарисовал К. Чуковский в своем дневнике (запись 14 февраля 1918 года), см.: Чуковский К. И. Дневник, 1901–1921. М.: «ПРОЗАиК», 2012. С. 225–226. Г. Иванов использовал этот сюжет в одном из очерков «Китайских теней»: Иванов Г. В. Собр. соч.: в 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 288–298.

с публицистическими статьями в «Известиях ВЦИКа», а у Луначарского выполнял задачу по «налаживанию связи между Сов. властью и лучшей частью интеллигенции».⁸ В «Петербургских зимах» Г. Иванов красочно рассказывал, как «перекинувшийся» Рюрик Ивнев предлагал ему служить «у нас» с доводами в тон «Двенадцати» Блока: «Советская власть — Христова власть».⁹ Упомянутый в документе Г. В. Босняцкий — фигура, нам неизвестная (эта фамилия вообще не значится в справочнике «Весь Петербург» за 1910-е годы), но общий смысл документа ясен: этот счет был заморожен. 8000 рублей — довольно крупная по тому времени сумма, из чего следует, что Г. В. Босняцкий был одним из «меценатов», привлеченным к делу — вероятно, на каких-то взаимовыгодных условиях.

Адрес на бланке — Г. В. Адамовича, на квартире которого и происходили собрания второго Цеха поэтов. Подпись второго инициатора Цеха поэтов и «Арзамаса», Г. Иванова, стоит под еще одним архивным документом приблизительно того же времени — начала апреля 1918 года, письмом М. А. Кузмину.

Дорогой Михаил Алексеевич,

второй раз захожу к Вам — так неудачно. Моя просьба, — такая же, как и прошлый раз, которую Вы не исполнили. Во вторник — опять Арзамас, «согласитесь и не обманите». Я обязательно найду к Вам еще раз, чтобы уговориться.

Искренне любящий Вас
Георгий Иванов¹⁰

М. А. Кузмин посещал собрания второго Цеха поэтов и иногда на них председательствовал, его имя представлено и в «цеховом» альманахе «Тринадцать поэтов», и на воспроизведенной ниже афише «Арзамаса». Данное письмо — обращение одного из организаторов «Арзамаса» к мэтру, на участие которого в обществе сильно

⁸ Согласно письму А. В. Луначарского В. Я. Брюсову, см.: *Масловский В. И. Ивнев Рюрик // Русские писатели, 1800–1917: Биограф. словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 395. См. также: *Морев Г. А. Из истории русской литературы 1910-х годов: К биографии Леонида Каннегисера // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 139–140* (приводятся воспоминания члена второго Цеха поэтов И. Оксенова).

⁹ *Иванов Г. В. Собр. соч. Т. 3. С. 130.* В очерке «Анатолий Серебряный» под «перекинувшимся приятелем» легко распознается Рюрик Ивнев (Там же. С. 413).

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 2. Ед. хр. 215. Л. 3.

рассчитывали. В дневнике Кузмина под 7-м апреля 1918 года есть лаконичная запись, не поддающаяся однозначной интерпретации, но которая, может быть, связана с сюжетом очерка Г. Иванова в той части, где повествуется о книжной лавке на углу Невского и Караванной: «Да, утром был в лавке. Там ничего не привезли и такой мусор, что с неделю не вычистить».¹¹ О том, что «Арзамас» располагал собственным помещением, находим подтверждение в записи его дневника от 11 сентября того же года: «Зашел в „Арзамас“ — закрыто».¹²

Как представляется, Г. Иванов рисует в своем очерке довольно реалистическую картину первых пореволюционных месяцев, с почти полным отсутствием общественного порядка (пик винных бунтов пришелся на ноябрь–декабрь 1917 года), с попытками горожан заняться коммерцией, с ожиданием скорого падения большевиков в большинстве слоев общества, со слежкой, организованной ЧК в общественных местах, с одной стороны, беспечностью фрондирующих граждан — с другой. Конечно, ради занимательности Г. Иванов сгущает краски, когда пишет о том, что «Арзамас» «в замыслах основателей... рисовался нарядной кондитерской», — о серьезности этих замыслов свидетельствуют как издательские планы (см. вторую афишу «Арзамаса»), так и вышедший несколько раньше, в феврале, и только вскользь упомянутый в очерке «цеховой» альманах «Тринадцать поэтов» с именами Г. Адамовича, А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Зенкевича, Г. Иванова, Р. Ивнева, М. Кузмина, Вс. Курдюмова, М. Лозинского, О. Мандельштама, М. Струве, М. Цветаевой, В. Шилейко. Но, конечно, в то время необходима была и некоторая предприимчивость, чтобы найти средства на жизнь. В воспоминаниях Г. Адамовича о Мандельштаме есть параллельный эпизод, рассказанный совсем по другому поводу и с другой целью, но по месту и времени совпадающий с рассказом Г. Иванова о книжной лавке поэтов. Приведем из него только существенные для данного ракурса фрагменты.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 99 об.

¹² Информацию о деятельности общества (из вторых или третьих рук, откуда и неизбежные в таких случаях ошибки и искажения) дал живший в то время в Тифлисе Сергей Городецкий:

«Энергичную деятельность развивает литературное общество „Арзамас“, ядром которой послужил цех поэтов. В нем работают Александр Блок, Анна Ахматова, Н. Гумилев и мн. др. Общество выпускает еженедельную литературную газету и готовит к выходу журнал „Орион“» (*Городецкий С. Петроградский ад // Кавказское слово. 1918, 28 июля. С. 3*).

«Было это в первый год после Октябрьской революции. Времена были трудные, голодные. У нескольких молодых литераторов явилась мысль о небольшой сделке — покупке и продаже каких-то книг, — которая могла оказаться довольно прибыльной: подробности я забыл, да они и не имеют значения, помню только, что требовалось разрешение Луначарского. А к Луначарскому у нас был доступ через одного из его секретарей, общего милейшего нашего приятеля, поэта Рюрика Ивнева <...> Оказалось, Луначарский разрешение дал, дело давно сделано, доход — какие-то гроши — поделен».¹³

Прервем на время связь с очерком Г. Иванова и перейдем к истории действительно прошедшего 13 мая 1918 года вечера «Арзамаса». История эта относительно хорошо документирована, и вначале приведем хронику в документах.

Из «Записной книжки» Блока, ¹⁴ 7 апреля.

«Георгий Викторович Адамович предлагает издать „Двенадцать“ для начала нового издательства „Арзамас“ (типа Некрасовского¹⁵)».

8 апреля.

«(Предложение Адамовича. Издание статей)».

21 апреля.

«У Любы днем Георгий Иванов (зовет нас выступить на вечере и хочет издавать „Двенадцать“»).

Из воспоминаний Г. В. Адамовича:

«Литературный вечер эфемерного общества „Арзамас“ в Тенишевском зале. 1919 год.¹⁶

Жена Блока, Любовь Дмитриевна Басаргина, должна читать „Двенадцать“. Кроме поэтов более или менее „своих“ решили пригласить Федора Сологуба.

¹³ Адамович Г. В. Несколько слов о Мандельштаме // Осип Мандельштам и его время / Сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Крейд и Е. И. Нечепорук. М., 1995. С. 192–193.

¹⁴ Здесь и ниже цитаты приводятся по изданию: Блок А. А. Записные книжки. М., 1965. С. 398–406.

¹⁵ Подразумевается издательство К. Ф. Некрасова (1914–1916).

¹⁶ 1919 год указан Г. Адамовичем ошибочно.

Принял он Георгия Иванова и меня очень вежливо и очень холодно. Не давая еще согласия, справился о программе вечера.

— Раз будет чтение „Двенадцати“, я участвовать не могу.

— Федор Кузьмич, что Вы! Вы читали „Двенадцать“?

(В то время нам казалось, что блоковская поэма — это вершина поэзии, и, кстати, тогда же Иванов-Разумник написал, что тот, кто не понимает, что „Двенадцать“ — такое же великое произведение, как „Медный всадник“, вообще ничего не понимает в поэзии¹⁷).

— Нет, не читал. И читать такую мерзость не намерен.

— Как? Правда, не читали?

— Нет, не читал. И вообще новейших мерзостей не читаю.

Настаивать было бессмысленно и бесцельно.¹⁸

Афиша «Арзамаса»:

ТЕНИШЕВСКИЙ ЗАЛ

(Моховая, 33)

Понедельник, 13 мая (30 апреля) 1918 г.

О-во АРЗАМАС

(первое собрание)

ВЕЧЕР

ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

участвуют:

Георгий Адамович, Анна Ахматова, Александр Блок, Георгий Иванов, Рюрик Ивнев, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Пяст и др.

Л. Д. Басаргина-Блок

прочтет поэму А. Блока

«Двенадцать»

О. А. Глебова-Судейкина — стихи Пушкина и Ин. Анненского

Музыка — Артур Лурье

Пролог Арзамаса

Начало в 6 час. веч.

Билеты (ненумерован.) от 10 до 2 р. у Вольфа (Невский, 13),

Шредера (Невский, 52), М. Яснаго (б. Попова, Невский, 66),

в «Книжном углу» (пр<отив> Цирка) и при входе¹⁹

¹⁷ Об этом Р. В. Иванов-Разумник писал в статье «Испытание в грозе и буре» (Наш путь. 1918. № 1).

¹⁸ Адамович Г. В. Собр. соч.: «Комментарии». СПб., 2000. С. 461–462.

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 754 (П. Н. Лукницкий). Коллекция. Альб. XII. № 1.

Эта афиша, небольшого формата, предназначалась, по-видимому, для расклейки в трамваях (афиша большого формата, с подробной программой, была отпечатана несколько позже, с изменениями в составе участников, см. ниже).

ТЕНИШЕВСКИЙ ЗАЛ.
(Моховая, 33).

Понедельник, 13 мая (30 апреля) 1918 г.

0-во АРЗАМАС
(ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ)

ВЕЧЕР

ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

УЧАСТВУЮТ:

Георгий Адамович, Анна-Ахматова, Александр Блок, ^{Н. Тумишев} Георгий Иванов
Рюрик Иванев, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Пяст и др.

Л. Д. Басаргина-Блок
прочтет поэму А. Блока

„ДВЕНАДЦАТЬ“.

О. А. Глобова-Судейкина—стихи Пушкина и Ин. Анненского

Музыка—Артур Лурье

ПРОЛОГ АРЗАМАСА

Начало в 6 час. веч

Билеты (неумеренан.) от 10 р. до 2 р. у Вольфа (Невский, 13), Шредера (Невский, 52),
М. Яснаго (б. Попова, Невский, 66), в „Книжном углу“ (пр. Цирка) и при входе.

ИЗД. В. АБРАМОВА, МОСКВА, 41.

Илл. 2. Афиша вечера общества «Арзамас» 13 мая 1918 г.
ИРЛИ

Из газеты «Дело народа»:

ТОСКА ПО «СРЕТЕНЬЮ»

На улицах висят многообещающие афиши о вечере поэтов общества «Арзамас». Афиши по новой орфографии, с поэмой Блока «Двенадцать» и вообще с обещанием «сретений». В числе участвующих объявлен ряд поэтов, двое из которых уже заявили нам следующее:

«Прочитав свое имя среди участников вечера поэтов „Арзамас“, считаю нужным заявить, что согласия на участие в этом вечере я не дала и просила свое имя на программу не ставить

Анна Ахматова».

«В понедельник, 13 мая, общество „Арзамас“ объявило „Вечер с.-петербургских поэтов“, в числе участников которого значусь и я. Вынужден заявить, что согласия на помещение моего имени я не давал, и выступать на вечере с такою программю и с Рюриком Ивневым и Александром Блоком в числе участников не считаю для себя возможным

В. Пяст».

История повторяется: в свое время был объявлен вечер, где «русская интеллигенция» должна была демонстрировать свою любовь к советской власти в лице г. Луначарского.

Увы, и тогда для большинства намеченных к «сретенью» (Петрова-Водкина, Иванова-Разумника и др.) появление их фамилий в афишах оказалось сюрпризом.²⁰

Из «Записной книжки» Блока, 11 мая.

«Поразительное известие от Разумника Васильевича <Иванова-Разумника> (вчерашний номер „Дела народа“ — отказы Пяста и Ахматовой от меня. Сологуб тоже)».

В тексте афиши рукой Г. Адамовича вычеркнута фамилия Ахматовой и вставлено имя Н. Гумилева (по отсутствию в афише имени Гумилева можно судить о том, что ее тираж был отпечатан раньше, чем Гумилев появился в Петрограде). На обороте — записка Г. Адамовича О. А. Глебовой-Судейкиной об исполнении ею объявленного в афише «Пролога» «Арзамаса» и мемориальная запись П. Н. Лукницкого: «Подарено А. А. Ахматовой 7.I. 1926. А. А. в афише зачеркнута, п<отому> ч<то> отказалась выступить».

²⁰ Дело народа. 1918. 10 мая. С. 2. Без подписи. Автор заметки имеет в виду митинг «Интеллигенция и народ» 2 января 1918 года и заметку (вероятно, того же анонимного автора) «Очередное сретение» в газете «Дело народа» (1917. 31 дек. С. 2), в которой говорилось, что имена А. Блока, К. Петрова-Водкина и Р. Иванова-Разумника поставлены на афишу без их ведома.

12 мая.

«Письмо от Г. Адамовича и телефон его с Любой по поводу скандалов, окруживших вечер „Арзамаса“ из-за „Двенадцати“».

Письмо Г. В. Адамовича:

Многоуважаемый Александр Александрович.

Простите, что тревожу Вас таким делом, как участие в вечере. Любовь Дмитриевна передала нам Ваш отказ, и мы бы не думали еще раз беспокоить Вас. Но с той поры многое выяснилось.

Мне незачем повторять, — Вы, вероятно, сами знаете все, что сплелось вокруг Вас и «Двенадцати». Лично для меня это неожиданно и непонятно.

Но теперь, когда Арзамасский вечер почти гибнет от этого, нам надо все-таки думать о нем. Уже не только по общим соображениям, но и из-за всего, что говорилось и слушалось, мы просим Вас быть самому на вечере и читать стихи.

Это было бы очень дорого нам и «показательно», и очень мы надеемся, что, может быть, Вы измените первоначальное Ваше решение.

Мне очень стыдно, что это письмо надоедливое и «деловое» и что, обращаясь к Вам и говоря о «Двенадцати», мне сейчас, в этом письме, невозможно говорить, что для меня с «Двенадцатью» связано и как я «привязан» к ним.

Г. Адамович.²¹

Афиша «Арзамаса»:

О-во Арзамас
(первое собрание)
ВЕЧЕР
ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ
13 мая 1918 года

I

Пролог Арзамаса (соч. Георгия Адамовича) —
О. А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

В. ПЯСТ
АННА РАДЛОВА
РЮРИК ИВНЕВ

«Двенадцать», поэма А. Блока — Л. Д. БАСАРГИНА-БЛОК

²¹ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 6–6 об. Сверху помета Блока: Получено 12 V 1918.

II

Стихи Пушкина — О. А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

А. ЛУРЬЕ

Стихи Ин. Анненского — О. А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

III

А. БЛОК

О. МАНДЕЛЬШТАМ

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

М. КУЗМИН

Н. ГУМИЛЕВ

Книгоиздательство АРЗАМАС

Ближайшие издания

Платон. Пир. Пер. Сергея Радлова. Ла-Брюйер. О сердце. Фрагмент. Омар Кайям. 99 рубаи. Пер. Ильи Средника. «Старые арзамасцы». Сборник. Кн. П. А. Вяземский. Избранные стихи. Георгий Адамович. Венера. Стихи. Георгий Иванов. Розан. Стихи. О. Мандельштам. Статьи.²²

Из «Записной книжки» Блока, 13 мая.

«Вечер „Арзамаса“ в Тенишевском училище. Люба читает „Двенадцать“. Отказались Пяст, Ахматова и Сологуб. <...> я таки пошел на вечер и читал (с успехом). Люба, говорят, читала хорошо».

Из отчета в газете «Петроградский голос»:

ВЕЧЕР ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

Курьезно читать программу и афиши, напечатанные зачем-то по новому правописанию, без ятей, ериков, без десятиричных і; забавно слушать, как один за другим выступали косноязычные, шепелявившие, многоглаголивые стихотворцы «приготовительного класса» — гг. Адамович, Георгий Иванов, Майзель <с>, Рождественский и другие, имена же их Ты, Господи, веси... Бесплодно было догадываться, зачем эти господа присвоили себе славное имя «Арзамаса» Александровской эпохи, блиставшего именами Пушкина, Жуковского и т. д.

²² РГАЛИ. Ф. 993. Оп. 1. Ед. хр. 190. Воспроизведена в кн.: Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. Между с. 128 и 129. (Библиотека поэта. Большая серия). Книгоиздательство «Арзамас» свою деятельность развернуть не смогло, и ни одна из анонсированных книг не вышла.

Но довольно одного луча солнца, чтобы скрасить и оживить самый грустный ландшафт. Когда художественно, с большим настроением и подъемом, г-жа Басаргина-Блок прочитала потрясающую лирическую поэму Блока «Двенадцать», мы давно не слышали таких рукоплесканий, какие раздались после чтения г-жи Басаргиной.

Появление на эстраде самого г. Блока было настоящим триумфом. Он прочел пять стихотворений, и каждое из них вызывало бурные восторги. Но как переменился поэт: это уже не прежний мечтательный рыцарь Прекрасной Дамы, не бодрый некогда певец России, теперь — это пораженный в самое сердце провидец в грядущем дней новых «мятежей и войн», разочарованный, мрачно настроенный поэт-пессимист. После Блока не хотелось уже ничего слушать, и публика стала энергично расходиться.²³

Из воспоминаний:

«Помню, как однажды Коля, такой бодрый и веселый, пришел к мужу в кабинет и пригласил нас в Тенишевское училище на литературное утро. Выступали там — Коля, А. А. Блок, жена Блока — Любовь Дмитриевна и молодые поэты. Зал был переполнен. Любовь Дмитриевна в первый раз публично прочла „Двенадцать“. Когда она продекламировала последние слова поэмы „В белом венчике из роз, впереди — Иисус Христос“ — в зале поднялся сильный шум. Одни громко аплодировали, другие шикали, свистели, громко кашляли. Творилось что-то ужасное! Зал еще бушевал, когда мы увидели с мужем, что на эстраду не спеша поднимается наш Коля. Мне было за него как-то не по себе. Мы сильно за него волновались. Коля поднялся на эстраду и стал. Он стоял спокойно, выдержанно. Ждал пока публика перестанет бушевать. Мало-помалу шум улегся. Коля подождал еще некоторое время. И тогда, когда все успокоилось, он стал читать свои „Персидские газеллы“. После него выступил А. Блок. Только на следующий день Коля нам рассказал, что А. Блок отказался сейчас же после поэмы „Двенадцать“ выйти на эстраду. Тогда Коля решил его выручить и вышел раньше времени, не по программе».²⁴

²³ Петрогр. голос. 1918. 15 мая. С. 4.

²⁴ Гумилева А. А. Николай Степанович Гумилев // Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 76. Анна Андреевна Гумилева (Фрейнганг) — жена Дмитрия Степановича Гумилева, родного брата Н. С. Гумилева. Воспоминания о вечере «Арзамаса» Л. Страховского в основном совпадают с ее рассказом (приведены в примечаниях к указанному изданию). Подцензурные (и тенденциозные) воспоминания Вс. Рождественского см. в его книге «Страницы жизни» (М., 1974. С. 196–199).

Получившаяся картина прояснится, если представить ее на фоне предыстории прошедших шести послеоктябрьских месяцев. Деятели искусства и литературы в основном солидарно ответили на Октябрьский переворот. И здесь на первый план попадает Ф. К. Сологуб, активно выступавший как публицист, называвший большевиков «искусными шарлатанами», не стеснявшийся обсуждать имена Ленина и Троцкого,²⁵ и писательские организации, в которых он вел активную работу, — Союз деятелей искусств (СДИ), Союз русских писателей (СРП), Союз деятелей художественной литературы (СДХЛ),²⁶ а также З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, в деятельности которых для нас существенно выделить активное участие в работе политического Красного Креста, возобновленного 2 декабря 1917 года и взявшего на себя помощь содержавшимся в Петропавловской крепости членам свергнутого Временного правительства.²⁷

Ф. Сологуб вместе со своей женой, Ан. Н. Чеботаревской, после Февраля принял активное участие в организации профессионального Союза писателей вместе с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус.²⁸ 27 ноября 1917 года СРП, протестуя против закрытия газет и ареста общественного деятеля — графини В. Паниной, провел антибольшевистский митинг «в защиту свободного слова» и выпустил «Газету-протест». 3 марта 1918 года на общем собрании этого союза в повестку был поставлен доклад А. М. Редько «„Разум и совесть народа“ или социальные грабители?»

²⁵ См.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 274 (примеч. 2), также с. 273, 276–279.

²⁶ Ф. Сологуб был председателем совета этой новой писательской организации, образованной в марте 1918 года «по инициативе членов литературной курии Союза деятелей искусств» (*Муромский В. П.* Союз деятелей художественной литературы // Рус. литература. 1995. № 2. С. 184, 190). СДХЛ провел «утренник» «О России» 7 мая 1918 года. Как видно из сказанного, в эти месяцы действовали три писательские организации, и не вполне ясны отношения между ними; не исключено, что их существование вынуждалось определенной тактикой борьбы против большевиков, так как очевидна тождественность их политической позиции в это время.

²⁷ См. публикацию: *Гиппиус З. Н.* Петербургский дневник // Память: Ист. сб. М., 1979 — Париж, 1981. Вып. 4. С. 355 и дальнейшие; полный текст дневников: «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подгот. текста М. М. Павловой; вступ. ст. и примеч. М. М. Павловой и Д. И. Зубарева // Звенья: Ист. альм. М.; СПб. Вып. 2. 1992.

²⁸ Речь. 1917. 22 марта. С. 3 (среди учредителей был и Н. С. Гумилев).

(согласно повестке, на том же собрании должно было состояться избрание в СРП большинства членов второго Цеха поэтов — Г. Адамовича, Г. Иванова, М. Зенкевича, В. Курдюмова, М. Лозинского, О. Мандельштама, И. Оксенова, М. Струве.²⁹ 31 марта Союз русских писателей устроил в Тенишевском зале беседу «Трагедия русской интеллигенции» с докладом того же А. М. Редько. Роль Ф. Сологуба в работе СРП послеоктябрьского времени не выяснена, но в работе СДИ он принимал, возглавляя его «литературную курию» (т. е. секцию), активнейшее участие. В ноябре 1917 года СДИ отверг несколько предложений А. В. Луначарского о сотрудничестве с Наркомпросом³⁰ и в дальнейшем выдерживал ту же линию. Декрет, принятый СНК по предложению Луначарского 12 апреля 1918 года, которым Академия художеств упразднена как государственное учреждение, был, по-видимому, ответной мерой. В общем же настроение людей искусства в первые месяцы 1918 года отражено в уже цитированной корреспонденции Вл. Пруссак:

«Почти единодушно, за немногими исключениями (из них отметим статьи А. Блока в казенном петроградском „Знамени труда“), писатели и поэты отказались участвовать в большевистских изданиях. Соглашающихся возили для очистки от буржуиности в Кронштадт на матросские вечера и потом признавали невиновными в „саботаже“ и „соглашательстве“. Первым совершил эту поездку маститый Ясинский, которого уже никак нельзя было заподозрить в пристрастиях к крайним течениям в политике».³¹

21 января 1918 года в Тенишевском зале был устроен благотворительный концерт в пользу политических заключенных³² «О России», с которого начинается линия пересечения нашей истории с А. Блоком. Незадолго до него З. Гиппиус обратилась к Ф. Сологубу с письмом:

²⁹ Повестка находится в семейном архиве М. Л. Лозинского.

³⁰ См.: Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 209–210.

³¹ Письмо из Петербурга // *Ars*. Тифлис, 1918. № 1. С. 75.

³² Это обстоятельство отмечено в газетном отчете: О. Б. Утро о России // *Веч. звезда*. 1918. 23 янв. С. 3 и в записи дневника З. Гиппиус 22 января. Из упоминавшихся в истории «Арзамаса» лиц в утреннике участвовали Ф. Сологуб, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Ахматова, А. Лурье, М. Кузмин.

29-12-<19>17 СПб

<...> Просьба же в том, чтобы вы помогли трудному и очень сейчас нужному делу политического Красного Креста, это, как вы знаете, старое, еще нелегальное, учреждение помощи политическим узникам; теперь оно, слава Богу, возродилось; и делает самое необходимое. Вот для этого Креста и приходится добывать средства, в крепость надо ежедневно посылать около 100 обедов, не только для узников, которых отказывались кормить, но и для команды, чтобы ихнего не съела. Мы хотим просить вас, не откажитесь нам помочь участием в вечере в пользу Креста. Барышни объяснят вам <...> что для удобства этот «вечер» мы постараемся сделать днем, и все прочее. <...>³³

Блок, обуреваемый антибуржуазными, антиинтеллигентскими и антиклерикальными настроениями, в январе начал сотрудничество с большевиками, резко и определенно противопоставив этим выступлениям свои.³⁴ Первым был ответ на анкету «Может ли интеллигенция работать с большевиками» в «Новом вечернем часе» 18 января, а на следующий день в «Знамени труда» появилась статья «Интеллигенция и революция». Реакция на эти выступления последовала на благотворительном концерте 21 января и зафиксирована в записной книжке Блока 22 января: «Звонил Есенин, рассказывал о вчерашнем „утре России“ в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого и моему: „изменники“. Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно. Статья³⁵ „искренняя, но ‘нельзя’ простить“; 26 января в его записи фигурирует и Ф. Сологуб: «Впечатление от моей статьи („Интеллигенция и революция“): Мережковские прозрачно намекают на будущий бойкот. Сологуб (!) упоминал в своей речи, что А. А. Блок, которого „мы любили“, печатает свой фельетон <...> в тот день, когда громят Александро-Невскую лавру».³⁶ Среди литераторов, выступивших с ответом на статью Блока, была

³³ «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус. С. 140 (примеч. 66).

³⁴ Разочарование не заставило ждать долго. 6 июля 1919 года Блок записал: «...Я не умею заставить себя вслушаться, когда чувствую себя схваченным за горло, когда ни одного часа дня и ночи, свободного от насилия полицейского государства, и когда живешь со сцепленными зубами. Было бы кощунственно и лживо припоминать звуки в беззвучном пространстве» (Чукоккала / Рукописи. альм. Корнея Чуковского. М., 1999. С. 136). Эта запись Блока, тщательно скрывавшаяся, стала известна только по выходе указанного издания.

³⁵ «Интеллигенция и революция» в «Знамени труда».

³⁶ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 321.

и Ан. Н. Чеботаревская (Новый вечерний час, 29 января). Публикация «Двенадцати» 3 марта (в «Знамени труда») только обострила ситуацию, но из сказанного видно, что реакция Сологуба на приглашение, переданная в мемуаре Г. Адамовича, была предопределена. В. Пяст выразил свое отношение к «Двенадцати» и их автору (известное и по другим материалам) достаточно красноречиво в приведенном выше письме. Помещенное вместе с ним письмо Ахматовой, напротив, осторожно и тактично, но ее позиция была не менее твердой, чем у Пяста. Она не случайно была постоянным участником вечеров, устраиваемых Сологубом;³⁷ достаточно красноречивы ее стихи ближайших лет; она и в последующие годы не сделала ни шагу навстречу новой власти. Ее выступление с письмом в газету запомнилось: это оно подразумевается у Ирины Грэм, чьи фактические сообщения основываются, конечно, на рассказах Артура Лурье: «<Ахматова> демонстративно не пошла на чтение этой великой поэмы».³⁸ Поименованный в афише М. Кузмин, судя по отсутствию его имени в отчетах о вечере и соответствующей записи в его дневнике, от участия в вечере «Арзамаса» уклонился — несомненно, из нежелания быть вовлеченным в конфликт. На не столь давнем благотворительном концерте 21 января 1918 года он выступал, отметив в тот же день в дневнике: «Да, сегодня прошли в концерт, что устраивали Мережковские, там Лурье и Сологубы, Ахматова». Уверенно можно судить и о том, что не была на вечере и Анна Радлова, входившая в круг М. Кузмина: в своих воспоминаниях о Блоке она не упоминает вечер «Арзамаса».³⁹ По-видимому, не был на нем и О. Мандельштам, имя которого, уже достаточно заметного к тому времени поэта, не упоминается ни в отчетах, ни в воспоминаниях современников об этом вечере. О его политических настроениях в эти месяцы можно составить определенное

³⁷ 7 и 21 января, 7 мая 1918 года (в последнем участие Ахматовой было анонсировано, но сведений о том, что оно состоялось, в газетных отчетах мы не нашли). Об отношениях Ахматовой и Сологуба см. также: *Тименчик Р. Д., Лавров А. В.* Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 54–58.

³⁸ *Кралин М. М.* Артур и Анна. Л., 1990. С. 36. Там же Ирина Грэм пишет, и конечно, также основываясь на рассказах А. Лурье, о том, что статья Блока «Интеллигенция и революция» Ахматову «возмутила» — что естественно вписывается в контекст излагаемой нами истории.

³⁹ *Радлова Анна.* О Блоке / Публ. А. В. Лаврова // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 356–357.

представление по публикациям: 15 ноября 1917 года он напечатал в «Воле народа» антибольшевистское стихотворение «Когда октябрьский нам готовил временщик...»,⁴⁰ а в газете «Страна», постоянными сотрудниками которой были З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, поместил (7 и 21 апреля) два политически значительных стихотворения. Одно из них было посвящено министру исповеданий Временного правительства А. В. Карташеву («Среди священников левитом молодым...»), второе («Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...») тематически связано с избранием патриарха всероссийского Тихона. 7 мая, за неделю до вечера «Арзамаса», он принял участие в уже упоминавшемся утреннике «О России» (совпадающем по названию и составу участников с утренником 21 января). Мы уже упоминали о наступательной антибольшевистской направленности двух этих утренников, показательно и то, что 7 мая Ф. Сологуб читал на нем «Заповедное слово русскому народу» А. Ремизова.⁴¹ Хроника жизни Мандельштама образует после 7 мая лауну в три недели. По пометам на двух его стихотворениях известно, что какое-то время в мае он был в Москве, так что не исключено и то, что 13 мая его не было в Петрограде. 1 июня он находился в Москве, поступил на работу в Наркомпрос⁴² и начал печататься в проправительственной газете «Знамя труда», но в первом же стихотворении, там напечатанном — «Гимне» («Прославим, братья, сумерки свободы...») он призывает «прославить роковое бремя Которое в слезах народный вождь берет», подразумевая под «народным вождем» патриарха Тихона.⁴³

Н. С. Гумилев только в конце апреля вернулся в Россию из Лондона⁴⁴ и, таким образом, участвовать в составлении планов «Арзамаса» не мог — он был одним из приглашенных на вечер.

⁴⁰ На следствии 1934 года поэт дал откровенные показания: «Октябрьский переворот <в то время> воспринимаю резко отрицательно. На Советское правительство смотрю как на правительство захватчиков, и это находит выражение в моем опубликованном в „Воле народа“ стихотворении „Керенский“» (*Нерлер 2010*. С. 46.).

⁴¹ «Утро о России» // Петрогр. голос. 1918. 9 мая. С. 3.

⁴² *Нерлер П. М.* Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // *Вопр. лит.* 1989. № 9. С. 276.

⁴³ См. в наст. изд., с. 191–194.

⁴⁴ *Степанов Е.* Хроника // Гумилев Н. С. Соч.: в 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 405. Отметим одну неточность: первая публикация Гумилева после возвращения была не в «Воле народа» 19 мая (с. 406), а в газете «Жизнь» (Москва), 4 мая (стихотворение «Много есть людей, что полюбив...»).

В связи с его именем следует отметить два обстоятельства. Первое — в «Арзамас» он не влился, а возобновил вместе с М. Л. Лозинским деятельность издательства «Гиперборей», второе — от участия в вечере с чтением «Двенадцати» не отказался.⁴⁵

Вернемся к организаторам общества, Г. Адамовичу и Г. Иванову, и попытаемся определить мотивы, которые ими двигали. Основание «Арзамаса», который должен был заменить изживший себя второй Цех поэтов, определялось литературной тактикой, и момент представлялся удобным. Гумилева, естественного вождя школы, не было в Петрограде, и вряд ли в начале апреля имелись известия о скором его возвращении. Представлялось возможным составить альянс с Блоком, который в это время из-за «Двенадцати» был в относительной изоляции от литературного сообщества. Тем более, что, как однажды обмолвился Г. Адамович, в искренности которого не приходится сомневаться, «мы, с акмеизмом и цехом в багаже, мы все-таки чувствовали, что не Гумилев — наш учитель и вожатый, а он <Блок>».⁴⁶

Однако Г. Иванов и Г. Адамович вели речь, как видно из приведенных записей Блока, не только о чтении на вечере, но и об издании политически острой продукции — «Двенадцати» и статей Блока (с акцентом, по-видимому, на статьях, печатавшихся в «Знамени труда») и не могли не отдавать себе отчета в том, что это шаг политически значимый.

В 1922 году Георгий Иванов эмигрировал, а в эмиграции занимал последовательно антибольшевистскую позицию, впоследствии крайнюю, сходную с позицией с З. Гиппиус и Д. Мережковского.⁴⁷ Но в тех эмигрантских изданиях — парижских «Днях», «Звене», «Последних новостях», в которых он печатал с 1924 года

⁴⁵ Разбору «Двенадцати» Гумилев посвятил лекцию 5 июля 1919 г., см.: Чуковский К. И. Дневник, 1901–1921. М.: «ПРОЗАИК», 2012. С. 253. Оценку Гумилевым «Двенадцати» передала в своих мемуарах И. Одоевцева (Избранное. М., 1998. С. 386–387). Анализ отношений Гумилева и Блока выходит за пределы нашего комментария, так же как и сопоставительный анализ тех высказываний о «Двенадцати» Г. Адамовича и Г. Иванова, которые содержатся в их работах эмигрантской поры, см.: Иванов Г. В. Почтовый ящик; Петербургские зимы // Собр. соч. Т. 3. С. 500, 163; Адамович Г. В. Поэзия в эмиграции // Собр. соч.: «Комментарии». СПб., 2000. С. 208.

⁴⁶ Адамович Г. В. Поэзия в эмиграции // Собр. соч.: «Комментарии». С. 208.

⁴⁷ Даже накануне Второй мировой войны он, вместе с З. Гиппиус и Д. Мережковским, стоял «за интервенцию», см.: Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публ. О. А. Коростелева // Минувшее: Ист. альм. М.; СПб., 1997. Т. 21. С. 393–396.

свои очерки, иное было и невозможным. Очерки эти в эмиграции оказались востребованными. Нуждаясь в сюжетах, он использовал в 1926 году и сюжет с «Арзамасом», однако подлинную историю вечера «Арзамаса», когда он и Г. Адамович в обстановке политического противостояния открыто солидаризовались с Блоком и его «Двенадцатью», он не мог рассказать. Любопытно, что уже через месяц после вечера в печати появились вторящие очерку Г. Иванова (и исходящие, как очевидно, от организаторов вечера) мистификаторские сведения о том, что на вечерах «Арзамаса» «имена участников не объявлялись в афишах».⁴⁸

Из приведенных документов с полной определенностью явствует, что рассказ Г. Иванова о якобы имевших место двух вечерах «Арзамаса» вымышлен. Он сочинил забавную историю о незадачливом, но колоритном «инженере С.», оставив себе второстепенную роль иронического наблюдателя. Для придания достоверности был использован антураж и имена действующих лиц других литературных вечеров, популярных в 1910-е годы. Таковы камерная певица Зоя Петровна Лодий (1886–1957), композитор Сергей

⁴⁸ Приводим текст заметки полностью:

НОВОЕ ОБЩЕСТВО

Группой поэтов, близких к журналу «Аполлон» и Второму «цеху поэтов», основано в Петербурге новое общество — Арзамас.

Пушкинские и «Петербургские» традиции нового общества несомненны и название его не случайно, но новое общество отнюдь не стремится к какой-либо поэтической «реставрации», эстетическим вздохам о старине и пр. — мы не могильщики и не эстеты, так говорит «пролог Арзамаса», читанный на его вечерах.

Конкретно, новое о-во объединяет поэтов, чуждых детскому футуризму, но ненавидящих окаменелость «хорошего вкуса», не боящихся быть смелыми, когда эта смелость действительно художественно необходима.

О-во устроило уже два вечера, где читали Блок, Гумилев, Кузмин, Георгий Адамович, Георгий Иванов, танцевала Судейкина, пела Зоя Лодий. По скромности (надменности, может быть!) устроителей, имена участников не объявлялись в афишах — что составило приятный сюрприз пришедшим на вечер, но несомненно лишило многих удовольствия послушать отличные стихи и пение — поглядеть на очаровательные танцы.

О третьем вечере, надо надеяться, публика будет оповещена более внимательно и широко.

Это пока единственный упрек, который можно сделать молодому о-ву, все начинания которого кажутся нам симпатичными и живыми.

Вскоре «Арзамас» открывает книжную лавку и при ней книгоиздательство молодых поэтов.

(Молва. 1918. 25 июня. С. 4. Без подписи.)

Сергеевич Прокофьев (1891–1953), балерина Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978), участие которой анонсировалось на афише недавно прошедшего «Вечера петербургских поэтов» в «Привале комедиантов» 26 января 1918 года. Но композитор А. К. Глазунов, кажется, в подобных вечерах участия не принимал. Жанр, который у Г. Иванова обозначен фигурой «дамы-босоножки», представлен, например, на афише «вечеринки», устроенной Союзом деятелей искусств 13 апреля 1918 года: «будут читать, петь, танцевать» (перечислены имена участников).⁴⁹ Прототипом «дамы-мелодекламаторши» послужила не обязательно поименованная на афише О. А. Глебова-Судейкина — в вечерах 1910-х годов выступали с декламацией и другие актрисы, в том числе первая жена Георгия Иванова Габриэль Тернизыен. «Поэты Сысоев и Волков» — сборный образ череды второстепенных поэтов, принимавших участие в вечерах, хотя «Волков» имел и земную оболочку, — стихи Петра Николаевича Волкова (1894–1979), впоследствии входившего в группу «Островитяне»,⁵⁰ были напечатаны в одном из альманахов Цеха поэтов.⁵¹ Собираательным образом является и «скрипач Саша Зальц».

Прототипом центрального персонажа, «инженера С.», был, по догадке Р. Д. Тименчика, Илья Средник. Сведений о нем за пределами очерка удалось собрать совсем немного. В воспоминаниях И. Оксенова его фамилия названа при перечислении тех членов второго Цеха поэтов, на квартире которых проводились собрания в 1916/1917 году;⁵² он поименован в уже упоминавшейся повестке на общее собрание Союза русских писателей 3 марта 1918 года в «списке лиц, предложенных к баллотировке в члены общества» вместе с группой членов второго Цеха поэтов. Самое информативное — на афише «Арзамаса», где он фигурирует как переводчик Ж. де Лабрюйера и Омара Хайяма.

В части, повествующей о книжной лавке, также есть вольные украшения. Таков красочный эпизод с разговором Б. К. Пронина и некоего «Дидерихса» о рояле, поскольку фирма «Братья Дидерихс» прекратила существование еще в 1914 году. Сюжет мог

⁴⁹ Новые ведомости. 1918, 13 апр. (веч. вып.). С. 8.

⁵⁰ См.: Вагинов К. К. Петербургские ночи / Подгот. текста, послесл. и коммент. А. Л. Дмитренко. СПб., 2002. С. 101–103.

⁵¹ Волков Петр. Первое отречение: Из симфонии // Альманах Цеха поэтов. Пг., 1921. Кн. 2. С. 43.

⁵² Письма Н. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989. С. 370.

родиться из характерной детали — в афиши музыкальных вечеров вводилось название инструмента исполнителя — «рояль фабрики братьев Дидерихс».⁵³ Подозрительны на художественный вымысел нелегально проживавший в подвале полковник и якобы висевший на стене портрет Мандельштама работы Зельмановой.⁵⁴ Но, как мы уже говорили, в целом история с книжной лавкой, послужившая рамкой очерка, производит впечатление подлинной, и из нее мы узнаём о еще одном месте встреч петербургских поэтов, в том числе Н. С. Гумилева, М. А. Кузмина и О. Э. Мандельштама.

⁵³ См. повестку на 7 марта 1914 года: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Указ. соч. С. 228.

⁵⁴ Этот ныне утраченный портрет был выполнен Анной Михайловной Зельмановой в 1914 г. и сохранился в фотокопии, см. его в книге: Мандельштам О. «Я скажу тебе с последней прямой...»: Альбом-каталог. М.: «Литературный музей», 2016. С. 124. Фотокопия не дает никаких оснований для характеристики «весь в рыже-красную клетку», которую дал портрету Г. Иванов.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ
«АРЗАМАС»

На углу Невского и Караванной — против Вейса и под Тоннетом — подвал. Прежде был винный склад. В дни «великого октября» здесь толпилась орава ошалевших солдат, трещали выстрелы, шли драки из-за очереди — кому раньше исполнять революционный долг — уничтожать спиртное. Кого-то убили, кто-то утонул в бочке, и даже — вот уж неудачник — в бочке не с вином, а с оливковым маслом... Потом подвал заколотили. Еще позже — в 1918 году — стали снова отколачивать: Домовой Комитет сдал его в аренду «литературно-художественному» обществу «Арзамас».

Собственно, основываясь, «Арзамас» не думал быть ни «Арзамасом», ни «литературно-художественным». В замыслах основателей он рисовался нарядной кондитерской. Уже и название было придумано — «Quelques douceurs»,¹ но человек предполагает²...

В 1918 году, как известно, все принялись торговать. Вчера все открывали комиссионные магазины — торговля шла плохо, завтра перелицовывали их в ти-румы,³ что, прибавляя хлопот, не прибавляло доходов. Но все равно — что же было делать, как не торговать. И все торговали...

¹ «Немного нежности» (франц., с игрой на втором значении слова douceurs — сласти).

² В тексте газеты: располагает (исправлено по смыслу).

³ Чайные (от англ. tea room).

В ти-румах за вынужденным файв-о-клоком щебетали дамы. Гвардейцы, плохо перереяженные «ситуаенами»,⁴ громко шептались о способе занять телефон и Смольный. Солидный банкир, засучив рукава, варил шоколад, стараясь подмешать драгоценного сахарного песку ровно столько, чтобы отбить назойливый вкус сахарина. Кельнерши в позапрошлогодних простенько-дорогих платицах бойко подскакивали к посетителю: «Что прикажете?» Было вроде любительского спектакля. Все играли в торговлю, в варку шоколада, в заговоры и перевороты — тут же на виду у большевистских сыщиков — чуть ли не единственных «серьезных клиентов» этих чайных домов.

Те — ходили, пили кофе — «настоящий мокка» из желудей, кусали «мамуровую» пастилу,⁵ бросали на стол трехрублевку: «сдачи не надо!».

Великосветская кельнерша, залившись краской, благодарила. Великосветская хозяйка «заведения» любезно кивала хорошему клиенту.

— Приходите завтра, господин Индюков, — у нас будет шоколадный торг...

И улыбалась, глядя ему вслед: еще несколько таких, и дело пойдет. Заговорщики совещались — не посвятить ли этого Индюкова в заговор. Малый, кажется, порядочный — большевиков ненавидит, — слышали, как он их честил? В то же время из простых — очень бы пригодился... для связи.

«Арзамас», по первоначальному замыслу, должен был увеличить на единицу число таких кафэ.

Но затеяли его поздно. К этому времени большевики очень уж стали притеснять всякую «частную торговлю». На один эклер накладывалась стоимость двух налогов. Слишком часты стали поиски оружия. Тем более что за отсутствием оружия — забиралась касса, по тем, вероятно, соображениям, что капитал и есть злейшее оружие для угнетения пролетариата. Тут основателям и пришла мысль объединиться с поэтами, желавшими открыть книжную лавку.

Поэты и «аристократы», как мы называли наших компаньонов, — встретились для переговоров за чаем у какой-то пятидесятилетней княжны. Все уладилось. Поэтам, не имевшим помещения для лавки, — оно предоставлялось. Предоставлялись и обеды двум дежурным по лавке. Посетители кафэ — получают скидку на книги (пункт вполне академический), а покупатели книг — скидку в кафэ. На обязанности поэтов лежат сношения с властями и охрана подвала на Караванной, включая пуд сахара и нелегально проживавшего в задней комнате полковника, всем престижем российской словесности...

⁴ Гражданами (от франц. le citoyen).

⁵ Вероятно, пастила из морошки, от диалектного «мамура», см. словарь Даля.

Словом, за чаем у престарелой княжны ударили по рукам: несколько стульев, две сотни книг и портрет Манделъштама работы Зельмановой (крайне пестрое полотно, всё в рыже-красных клетках) — были перевезены в угловую комнату подвала, и литературно-художественно-кондитерская деятельность «Арзамаса» — началась.

Душой «Арзамаса» — поэтического — был С. О нем с уважением говорили «американец», предполагая доллары и кипучую энергию. Долларов, кажется, не было, но энергии хоть отбавляй.

С. — инженер, в самом деле приехал из Чикаго в 1917 году «организовывать промышленность». Когда в 1918 г. оказалось, что организовывать нелегко, — деятельная натура С. устремилась... на поэзию. Как это случилось, почему именно стихи привлекли нашего «американца» — Бог знает. «Нежным даром пеня»⁶ — он ни в какой степени не обладал. Но, полагаясь на свои инженерно-американские качества — натиск и организацию, — С. «бодро взялся за дело» и побил рекорды своего рода: через два месяца «работы» он был уже автором пяти томов октав, сонетов, секстин, рондо и т. п., «приготовленных к печати». Двумя томами С. особенно гордился. Они, по его выражению, были «выверены, как часы», т. е. каждое стихотворение не только «выстрадано» автором, но и «простуковано» — пальцами по письменному столу, — на предмет точности размера. На ухо свое С. не полагался — и справедливо: ямб от хоря кое-как отличал, но на амфибрахии уже сбивался.

Стихи С. были очень плохи. Он сам — чрезвычайно мил, — один из тех людей, к которым невозможно относиться холодно, неприязненно. Всё в нем располагало — простодушная улыбка, детский жар, курчавая «негритянская» голова. Все мы его любили, что не мешало, понятно, издаваться над стихами, «выверенными, как часы». С. огорчался, но и утешался тут же — «ничего. Эти плохи, другие будут лучше...».

— Главное — настойчивость, правда, С.?

— А что? По-вашему, нет? Если бы Достоевский жил у нас в Америке, он написал бы в пять раз больше... и был бы миллионером...

«Арзамас» решил устраивать открытые вечера.

Афиши большинства таких вечеров, как известно, бывают «с секретом». Они украшены разными громкими именами, но истинное содержание вечера заключается между строк, точнее — в трех буквах: «и др.».

⁶ Перефразирован стих Пушкина «Имел он песен дивный дар» («Цыганы»).

...Когда-то давно Мандельштам, перечитывая список сотрудников нового толстого журнала, список, в который мы оба по молодости лет не попали, — радостно хихикнул:

— А вот и мы с тобой.

— Где же мы? Нас не поместили.

— Как! А это: «и др.»

Знаменитости, объявленные в афишах, редко приезжали — таков уж был обычай. И в самом деле — всевозможные вечера устраивались очень часто, за выступления редко платили — больше поили чаем с птифурами⁷ и благодарили «от души». Какая же охота была «ездить».

Идея вечеров «Арзамаса» принадлежала С. На его же долю выпало и большинство хлопот — афиши, зал, объявления, приглашения... С. носился по городу, заказывал, торговался, добивался свиданий, уговаривал... Наконец, настало знаменательное число первого вечера. Афиша выглядела импозантно: С. превзошел себя в энергии. Целый ряд имен красовались его стараниями на этой афише. Новичок в деле — он не верил нашим предостережениям.

— Хоть половина приедет.

— А если никого?

— Глупости! За треть я, во всяком случае, ручаюсь.

Афиша подействовала. К 8 ½ часам начинает прибывать публика. К 9 — Тенишевский зал полон. 9... 9 ¼... 9 ½...

Взволнованный немножко, С. не теряет надежды.

— Сейчас начнут съезжаться... Какой номер телефона Блока?..

— ...Александр Александрович... на одну минутку... Публика вас требует... Слышите, весь зал кричит — Блок, Блок. Не слышите? Это значит — аппарат испорчен. Мы пришлем за вами автомобиль. Прочтете две-три вещицы, и в той же машине мы доставим вас домой, а?

— ...Не можете, больны. С. заискивающе улыбается в телефонную трубку. — Ну а все-таки? У нас, между прочим, удивительные печения — Эйнем⁸ и настоящая марсала.⁹ Ждут вас. А?

Это Блока, только что издавшего «Двенадцать», «испепеленного» Блока 1918 года, пытается соблазнить Эйнемом наш милый С.

— Может быть, все-таки надумаете?

Блок «не надумал». Тяжело вздохнув, С. вешает трубку без четверти десять. Публика неистово хлопает и стучит. С. судорожно перелистывает «книгу абонентов». Сологуб. Вот... Феодор Кузьмич? Это я, С. из «Арзамаса». Феодор Кузьмич, не подведите...

Но и Феодор Кузьмич «подвел». Еще несколько звонков, спешных, отчаянных, — те же результаты... С. красен, пот течет по его лбу. Он

⁷ Печенье (от франц. petits fours).

⁸ По названию фирмы, выпускавшей кондитерские изделия.

⁹ Красное десертное вино, изготовляемое в Сицилии.

огорчен — но не обескуражен. «Улю-лю... о... о... о...» несется из зала в артистическую.

— Скажите, что сейчас начинаем, — бросает С. и, выпрямившись, как полководец перед остатками армии, озирает «наличные силы».

Их немного. Несколько «своих» поэтов, захудалый скрипач, дама-мелодекламаторша армянских и грузинских стихов, дама-босоножка. Это все...

Решительно С. выходит на эстраду и делает властный жест. Шум утихает...

— Господа, успокойтесь. Сейчас вечер начнется. К сожалению, некоторые исполнители... Блок... Глазунов... Сологуб... Карсавина... не могут приехать. — В зале движение, вызывающее новый жест С.

— Не могут приехать. Но зато, — он подыскивает выражение, — зато... с нами будут поэты Сысоев и Волков и скрипач Саша Зальц...

...Ничего, сошло. Саша Зальц играл без конца, босоножка трижды бисировала какую-то «пляску вакханки» — и даже С. наградили дружными хлопками, не знаю уж, за сонеты или за добродушную улыбку и негритянскую шевелюру. И «поэты Сысоев и Волков» вместе с армянской мелодекламаторшей распили марсалу, предназначавшуюся Карсавиной и Блоку...

Сошло, но С. был потрясен. — Так нельзя, так нельзя, — качал он лохматой головой.

«Да почти всегда так бывает» — утешали его. «У нас так не должно быть — надо устраивать по-другому»...

И к следующему концерту С. придумал реформу. «Никаких имен участников. На афише просто: „стихи, музыка, танец, песня“. Имен не объявим, но дадим публике больше, чем она ожидает. Это будет лучшая реклама, вот увидите...»

...Недели за три до вечера — все заборы и перекрестки Петербурга — желтели, чернели, зеленели, лиловели — словами «Арзамас... стихи, песня...». На рекламу была истрачена вся скромная наличность нашей кассы, и еще оставался долг. — Все окупится, — торжествовал С., — Блок приедет, Зоя Лодий дала честное слово...

...Приехали и Блок, и Сологуб, и Прокофьев, и Зоя Лодий — все сдались на мольбы С. и все приехали. Почетных исполнителей было так много, что друзьям «Арзамаса» — «поэту Сысоеву и скрипачу Саше Зальц» — не осталось места в программе...

...Весь этот блеск выступал в совершенно пустом зале — никто не купил билетов, никто не соблазнился анонимными «танцами и песнями». Участникам были обещаны гонорары. Но чтобы заплатить за зал, мы все должны были сложиться, — и на это едва хватило. Оставалось освещение, прислуга, долг за афиши, долг буфетчику. Какие же там гонорары!

...На мою долю пришла Зоя Лодий.

— Зоя Петровна, — сказал я, развязно как мог. Случайно у нас в кассе нет денег... рассчитывали на сбор... простите... завтра же мы постараемся...

Она грустно вздохнула. — Ну что ж! Нет так нет. Скажите, чтобы подали автомобиль, я очень устала.

Я бросился наверх в распорядительскую. — Все улажено! Где автомобиль?

С. поглядел мутными глазами.

— Какой же автомобиль, голубчик. Я и так едва уломал шофера подождать с деньгами.

— Господи, что же я ей скажу?..

Но говорить ничего не пришлось. Должно быть, по моему растерянному виду Зоя Лодий поняла, что и на автомобиль ей нечего рассчитывать. Она улыбнулась еще грустнее и кротко попросила... найти ей извозчика. — «Только пусть подымет верх, — я немного простужена»...

Это желание я мог исполнить.

...Я вернулся в Тенишевское. Вешальщик, обманувшийся в своих надеждах, злобно на меня покосился. Служитель гасил электричество, не дожидаясь, пока все разойдутся. По широкой лестнице спускался Сологуб с сердитым «каменным» лицом. Сзади, через ступеньку, С., красный, переконфуженный...

— Если вы приглашаете писателя, вы берете на себя ответственность...

— Феодор Кузьмич, касса...

— Мне нет дела до вашей кассы...

— Но Феодор Кузьмич...

— Я знаю, что я Феодор Кузьмич!

Открытых вечеров после злополучной «песни» «Арзамас» больше не устраивал. «Деятельность» сосредоточилась в книжной лавке. Она заключалась в том, что мы по очереди сидели с десяти утра до шести вечера в своей подвальной комнате, поджидая посетителей. Посетителей было достаточно в течение дня, хотя часто среди них не было ни одного покупателя.

Заходили знакомые, заходили библиофилы, — перерывали всю лавку и уходили, ничего не купив, заходил Гумилев, только что приехавший из Лондона. «Ну, господа, как дела?» — вбегал какой-нибудь гимназист, — «физика Краевича¹⁰ есть?»

¹⁰ Имеется в виду популярный учебник: *Краевич К. Учебник физики*. Вновь перераб. А. П. Афанасьевым и Ф. Ф. Соколовым при участии проф. О. Д. Хвольсона. Последнее издание вышло в 1917 году.

Гумилева поили чаем, гимназисту вместо Краевича предлагали сборник «Тринадцать поэтов»¹¹ с издательской скидкой. Неудача торговли мало волновал нас, — кроме С., который продолжал хлопотать за всех, — «так нельзя... больше инициативы... надо идти навстречу публике...».

«Шли навстречу» — приобрели, например, десять экземпляров толстой и что-то дорогой книги Жука «Мать и дитя»¹² (дважды ее перед тем у нас спрашивали). Но когда приобрели, охотников на этого Жука больше не нашлось, и его вместе с какими-то «Основами социализма» — списали «в расход»...

Пили чай, уходили, приходили, болтали, мечтали о собственном книгоиздательстве, которое заведем, «когда дела поправятся». С «аристократами» отношения становились все натянутей. Мы не оправдали их надежд — клиентов не привлекли, начальства из совдепа укрощать не умели: сами его боялись. Только в «исключительных случаях» лед отошений ломался ненадолго:

...молоденькая кельнерша-графиня, строящая обыкновенно нам кислые гримасы и едва кланяющаяся при встрече, вдруг вбегает в лавку с видом крайнего оживления. Взволнованный шепот: посмотрите, там, в углу...

В углу кафэ — кто-то пьет кофе. Но что же так взволновало графиню.

— Видите?

— Вижу. Кто это?

Ее глаза расширены благоговейным ужасом. — Вы не знаете, — это Гейсмар.

— А!

...Гейсмар... Долматов... Скетинг-ринг... Убийство Тиме...¹³

Признаюсь, и я поглядел не без любопытства в сторону этого «героя». Ничего — молодой человек как молодой человек. Выпил кофе, съел пирожное и ушел...

Частым гостем был Борис Пронин, «душка» Пронин, директор «Привала» и «Бродячей Собаки». Он приходил, разваливался в кресле, — славно у вас. Ей-Богу. Только тесновато (комната была огромная, наше бюро, книги и все имущество просто тонуло в ней). — Тесновато, да.

¹¹ Об альманахе «Тринадцать поэтов» см. в наст. изд., с. 316.

¹² Жук В. Н. Мать и дитя: Гигиена в общедоступном изложении. 10-е изд., доп. Пг.: В. И. Губинский, 1916.

¹³ Барон Гейсмар, чиновник государственного банка, и служащий Министерства иностранных дел А. Долматов были соучастниками убийства, с корыстными целями, Марианны Людвиговны Тиме (6 января 1913 года). Это громкое уголовное дело широко освещалось в прессе и было памятно петербуржцам.

— Впрочем, — оживлялся он, — это легко исправить. Сломать это, пробить это, и будет великолепно. Хотите, я пришлю вам каменщиков.

Однажды, оглядевшись, он заявил:

— Ба, какое упущение.

— Какое, какое упущение? — забеспокоился С.

— Рояль, где у вас рояль?

— Но зачем же нам рояль?

— Как? Общество поэтов — и нет рояля. Зачем рояль? А — вдруг... Пронин наморщил лоб, — вдруг придет в Петербург... Дебюсси, — торжественно выпалил он. Куда он отправится первым делом — в «Арзамас». А в «Арзамасе» нет рояля. Позор! Рояль вам необходим.

Мы забыли, понятно, об этой «необходимости» через пять минут после разговора. Но Пронин, оказывается, не забыл...

Однажды, когда С. и я доедали в одиночестве обед, выдававшийся нам «аристократами» (суп, картофельное пюре и чай с леденцом), — в лавку ввалился рыжий малый¹⁴ с кнутом и в картузе:

— Струмент привезли.

Новенький кабинетный дидерихсовский рояль, укутанный рогожами, стоял на подводе. Как? Что? Откуда?

Немного спустя явился сияющий Пронин.

— Очень просто. Я сказал Дидерихсу — послушай (Пронин со всеми был на ты). Послушай — не будь хамом! У тебя много роялей — пошли один «Арзамасу». Когда они станут на ноги, они тебе заплатят...

Рояль не принес нам счастья. Через две недели — лопнули канализационные трубы и вода затопила подвал аршина на полтора.

Пока хлопотали о водопроводчиках — ударил сильный мороз.

...Собравшись на последнее заседание — в той же квартире, где несколько месяцев назад был заключен их союз поэта и «аристократа», — приняли последнее постановление правления: «Помещение общества „Арзамас“ со всем имуществом (серебряные ложки своевременно были вынесены) — передать народу».

Это был единственный способ развязаться с «предприятием», превратившемся в ледник, и перестать платить за него налоги...

«Народ» принял «дар». Красноармеец из совдепа опечатал сургучом двери подвала и унес ключи от него... До самой весны прохожие сквозь решетчатое окошко могли видеть то, что осталось от пылких надежд С. — поставить дело по-американски: обрушившуюся полку, оскаленный рояль, вросший по клавиши в лед, и над ним, вверх ногами, пестро-клетчатый портрет Мандельштама...

¹⁴ Возможна опечатка, при предположительно правильном: ражий малый.

ВОКРУГ ДОНОСА

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Власть и художественная... — Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 г. М.: «МФД», 1999.

Кузин 1999 — Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. переписка; Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину. СПб.: «Инапресс», 1999.

Между молотом... — Между молотом и наковальней. Союз советских писателей: Док. и коммент. Т. 1: 1925 — июнь 1941 г. М.: РОССПЭН, 2011.

ССП — Союз советских писателей.

В ЭТОЙ СТАТЬЕ мы намерены осветить некоторые не до конца проясненные данные биографии О. Мандельштама последнего года его жизни, в частности, обстоятельства подготовки его ареста.

В. П. Ставский (Кирпичников) занял пост ответственного секретаря ССП в 1936 г. и оставался на должности до января 1939 г. В справочных изданиях этот период существования ССП мало освещен, а в биографии Ставского не освещен вовсе — так, указывается, что он оставался секретарем ССП вплоть до начала войны, что является ошибочным.

Приводим собранные нами данные из архивов и прессы в соответствии с темой.

Начинал Ставский в Ростове-на-Дону, где пользовался покровительством А. А. Фадеева.¹ Однако, как показывает приведенный

Впервые: Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 63. С. 1–8.

¹ Березарк И. Б. Штрихи и встречи. Л.: «Советский писатель», 1982. С. 53–58.

ниже источник, уже вскоре после назначения Ставского ответственным секретарем ССП, отношения с Фадеевым у него были конфронтационными.

1937, 12 февр. После собрания партгруппы ССП в этот день В. В. Вишневский записал в дневнике: «Вчера очень взволнованная (внутренно) партийная группа: о попытке А. Фадеева сделать „переворот“ в ССП — замыслы его захватить руководство ССП (Фадеев, Леонов, может быть Павленко + Вс. Иванов)» (Между молотом... С. 608, со ссылкой: РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 2. Д. 240. Л. 16).

С этого времени ситуация в руководстве ССП продолжает обостряться, о чем свидетельствуют следующие документы.

1937, 3 мая. Докладная записка отдела культпросветработы ЦК ВКП(б) секретарям ЦК ВКП(б). «Ответственными секретарями Союза являются гг. Ставский, Лахути и Всеволод Иванов. Фактическое руководство Союзом сосредоточено в руках тов. Ставского <...>. Под руководством тов. Ставского Союз советских писателей из общественной организации превратился в казенное, сугубо бюрократическое учреждение, построенное на началах административно-управленческого аппарата. <...> Отдел Культпросветработы ЦК ВКП(б) считает необходимым: 1. Укрепить Секретариат ССП, введя в его состав гг. П. Юдина и Всеволода Вишневского. 2. Обязанности первого секретаря ССП возложить на тов. Юдина, освободив его от работы в аппарате ЦК <...>» (Власть и художественная... С. 370–372, примеч. 3, со ссылкой: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 304. Л. 49).

1937, 13 окт. Заявление Н. Д. Рожкова в партгруппу правления ССП с обвинениями Ставского в поддержке «авербаховцев» и других «врагов народа» (Между молотом... С. 701–705, со ссылкой: РГАЛИ. Ф. 1712. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–8).

1937, осень. «Осенью 37 года Катаев и Шкловский решили свести О. М. с Фадеевым, который у власти еще не был, но пользовался большим влиянием. Вернее, он был почти у власти. Встреча произошла, кажется, у Катаева. О. М. читал стихи. Фадеева проняло — он отличался чувствительностью... С трезвыми как будто слезами он обнимал О. М. и говорил всё, что полагается чувствительному человеку. <...> К нашему удивлению, Фадеев не обманул и явился в назначенный день и час. Мы вышли из дому вместе и сели в его машину. Он предложил отвезти нас, куда нам надо, чтобы по дороге поговорить. Он сел рядом с шофером, а мы позади. Повернувшись к нам, он рассказал, что разговаривал с [секретарем ЦК] Андреевым, но ничего у него не вышло: тот решительно заявил, что ни о какой работе для О. М. не может

быть и речи. „Наотрез“, — сказал Фадеев. Он был смущен и огорчен. О. М. даже пробовал утешать его: „Ничего, как-нибудь образуется...“» (НЯМ 2014. Т. 1. С. 446, 447).

1938, 18–30 янв. Записка бывшего секретаря парткома президиума ССП И. А. Марченко Сталину о необходимости замены В. П. Ставского на посту секретаря ССП (*Между молотом...* С. 732–738. Со ссылкой: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 304. Л. 2–16).

1938, 26 янв. А. Толстой, А. Фадеев, А. Корнейчук, В. Катаев, А. Караваева. О недостатках в работе Союза писателей. Письмо в редакцию газеты. Правда. 1938, 26 янв. С. 4; *Между молотом...* С. 743–744).

Из письма Н. Мандельштам — Б. Кузину, 29 янв.: «Недавно в „Правде“ было письмо, подписанное А. Толстым, Фадеевым, Катаевым и др. о Союзе Писателей. Сейчас ждут перемен в Союзе и некоторого оживления. Нас это может очень близко коснуться. Теперешнее руководство Союза (Ставский, Вишневский) было крайне медлительно и до сих пор не успело прочесть книги стихов (в рукописи), которую всеми силами выдвигала писательская общественность» (Кузин 1999. С. 528).

1938, 27 янв. [О состоянии работы и задачах Союза советских писателей. Передовая]; Фадеев А. Недостатки работы Союза писателей // Лит. газета. 1938. 27 янв. С. 1, 2. Ссылка: *Между молотом...* С. 775, примеч. 4.

1938, 29 янв. Иваничев П. О руководстве Союза советских писателей. [Отклик на ст. в «Правде»] // Комс. правда. 1938, 29 янв. С. 4. Ссылка: *Между молотом...* С. 740, примеч. 29.

Развитие событий в ССП должно было навести Ставского на мысль о неизбежном финале своей карьеры на должности ответственного секретаря правления. При таком повороте событий у Мандельштама при поддержке оппонентов Ставского Фадеева и Катаева появлялся шанс на статус действующего писателя и, в перспективе, на возвращение в Москву. А значит, и на вселение в собственную квартиру, вытесняя Н. К. Костарева, которого Ставский усиленно патронировал и, вопреки закону, добился для него прописки². Обдумывая решительный шаг в этом направлении, Ставский определенно не мог обойтись без совета со своим куратором в ЦК — А. А. Андреевым. Описывая свою случайную встречу с Фадеевым уже через несколько лет после смерти поэта, Н. Мандельштам писала: «История наших отношений с Фадеевым этим не кончается. Незадолго до окончания войны я поднималась к Шкловским в лифте и случайно очутилась в нем вместе

² См. *Летопись 2019*. С. 433, 446.

с Фадеевым. Он вошел вторым, когда я уже собиралась закрыть дверь и нажать кнопку, швейцариха крикнула мне, чтобы я подождала — кто-то идет... Войдя, Фадеев не поздоровался. К этому я привыкла и просто отвернулась, чтобы не смущать человека, который не хочет меня узнавать. Но едва лифт начал подниматься, как Фадеев нагнулся ко мне и шепнул, что приговор Мандельштаму подписал Андреев. Вернее, я так его поняла. Сказанная им фраза прозвучала приблизительно так: „Это поручили Андрееву — с Осипом Эмильевичем“. Лифт остановился, и Фадеев вышел...» (НЯМ 2014. Т. 1. С. 449).

Решение об обращении к Н. Ежову за помощью в «вопросе о Мандельштаме» было принято Ставским, вероятно, после обсуждения с Андреевым, предположительно, между 20 февр. и 2 марта 1938 г.

1938, марта 2. Решение правления Литфонда СССР предоставить Мандельштамам путевки в санатории «Саматиха», а также «просить Секретариат ССП решить вопрос о Мандельштаме О. Э. в полном объеме» (Летопись 2019. С. 464).

1938, 15 марта. Заявление редактора «Лит. газеты» О. С. Войтинской секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о положении в ССП. «Союз писателей превращен в бесконечно заседающий департамент по делам литературы. не имеющий никакого отношения к литературно-творческим вопросам»; «Пресловутая борьба Ставского против Фадеева, попытка Ставского уличить всех критикующих его во всех смертных грехах объясняется непониманием или нежеланием понять существующее положение вещей» (Власть и художественная... С. 408–410. Со ссылкой: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 304. Л. 146–160). См. также выступления в «Лит. газете» 30 янв., 5 февр., 1 марта (Там же. С. 775, примеч. 4).

1938, марта 16. Письмо Ставского наркому Н. И. Ежову с просьбой оказать помощь «в вопросе о Мандельштаме» (Нерлер 2010. С. 97).

1938, 20 марта. «Кочка зрения» товарища Ставского. [Редакционная] // Лит. газета. 1938. 20 марта; *Между молотом...* С. 773–775.

1938, 27 марта. Записи Ставского на совещании в ЦК ВКП(б) о положении в ССП. 27 марта 1938 г. «Фад[еев] и Ст[авский] не здороваются. Недостойные отношения»; «Вал. Катаев: Самым резким образом критикую ССП. <...> Ст[авский] последний остаток рапповщины. Я чувствую [себя] перед Ст[авским] как перед Авербахом» (*Между молотом...* С. 782, 787).

1938, не ранее 27 марта. Докладная записка секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева Сталину о совещании с писателями.

«Ставский во всем этом выглядит с очень плохой стороны, а поведение его было прямо подозрительным и провокационным в отношении к писателям. <...> Ставского нужно снять, но кроме этого, очевидно, необходимо решение ЦК по существу работы Союза писателей» (Власть и художественная... С. 412–413, со ссылкой: РЦХИДНИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 17. Л. 105).

1938, май. Записка секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева Сталину о необходимости замены Ставского на посту секретаря ССП. Предлагает (от имени своего и Г. М. Маленкова) кандидатуру М. Б. Храпченко (*Между молотом...* С. 816, примеч. 3, со ссылкой: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 304. Л. 49).

1938, 14 авг. Запись Ставского о беседе с П. П. Поспеловым, зам. нач. отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Ответы Поспелова на вопросы. «— Когда будет решение ЦК о ССП? <...> — Как будет с руководством? — Будет президиум из 15 человек. Постоянный секретарь президиума. — Кто? — Фадеев» (*Между молотом...* С. 813).

1939, 25 янв. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о реорганизация ССП. Утвержден состав президиума СП в количестве 15-ти человек. Временно для ведения текущих дел сформирована текущая шестерка (в т. ч. П. А. Павленко, В. П. Катаев, А. А. Фадеев) (*Между молотом...* С. 816, примеч. 3, со ссылкой: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 304. Л. 49). Секретарем Президиума утвержден Фадеев (*Власть и художественная...* С. 424, со ссылкой: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1005. Л. 51).

Следует сказать несколько слов и о приложенной к доносу Ставского рецензии П. А. Павленко. Этот последний в глазах Ставского, по-видимому, обладал неким преимуществом для данной цели, ибо с точки зрения на существо дела логично было бы поручить рецензию на стихи поэту (из подходящих ему кандидатов можно назвать, например, Н. Н. Асеева), а не прозаику, каковым был Павленко.

Биография Павленко, как до второго ареста Мандельштама, так и после весьма специфична для советского писателя. Ранее — дружба со следователем НКВД Н. Х. Шиваровым и тайное присутствие на ночном допросе³, после успешная карьера, ордена, Сталинские премии. «Человек... умный и страшный» — вот характеристика, данная ему Н. Мандельштам.⁴ Однако личное положение Павленко во время написания рецензии (конец 1937 — начало 1938 года) не было особенно устойчивым, о чем свидетельствуют

³ См.: *НЯМ 2014*. Т. 1. С. 161–162.

⁴ *НЯМ 2014*. Т. 1. С. 323.

приводимые ниже материалы, и это обстоятельство должно было оказывать влияние на взвешенность оценок в его рецензии — ведь было неизвестно, чем закончится, как уже говорилось выше, попытка Мандельштама добиться официальной реабилитации.

1936, 23 июля. Справка НКВД «О писателе П. Павленко».

«При обмене партдокументов выяснилось, что писатель ПАВЛЕНКО, член ВКП(б), в старых партдокументах которого партстаж значится с 1919 г., не может документировать свой партстаж именно с 1919 г. и только на основании заявлений некоторых товарищей (ЛАЛАЕВА, ДОНЕНКО) может подтвердить свой партстаж с весны 1920 г.

ПАВЛЕНКО не мог также дать удовлетворительные объяснения по вопросу о своей деятельности в 1919 г., когда он проживал в Баку, где в то время РКП(б) была в подполье.

То обстоятельство, что ПАВЛЕНКО легко согласился на урезку своего партстажа с 1920 г., дало повод подозревать, что ПАВЛЕНКО боится детального и документального разбора его деятельности в 1919 г. У секретаря парткома Союза советских писателей возникло подозрение, что ПАВЛЕНКО служил у белых. Это подозрение подкрепляется заявлением чл. ВКП(б) писательницы АРБУТИНСКОЙ о том, что у нее имеется групповая фотография, относящаяся к 1919 г., на которой ПАВЛЕНКО снят с георгиевским крестом. АРБУТИНСКАЯ заявила секретарю парткома Союза советских писателей МАРЧЕНКО о том, что при проверке партдокументов эту фотографию она показывала представителю Краснопресненского райкома ВКП(б), и обещала вновь отыскать эту фотографию и дать ее МАРЧЕНКО.

Бюро Краснопресненского райкома ВКП(б) предложило ПАВЛЕНКО выехать в Баку и добыть документальные доказательства, подтверждающие его партстаж с 1919 г.

В связи с этим ПАВЛЕНКО находится в крайне угнетенном состоянии. В Баку он едет крайне неохотно и пытался уклониться от поездки, ссылаясь на запутанность своих литературных и семейных дел.

ПАВЛЕНКО в чрезвычайно пессимистических тонах говорил о своих делах и, в частности, о возможности документации своего партстажа с 1919 г. В его разговорах проскальзывает мысль о самоубийстве. Работнику правления Союза советских писателей, чл. ВКП(б) ЛЯШКЕВИЧУ ПАВЛЕНКО заявил, что если он не сумеет в Баку достать необходимую документацию, он оттуда не вернется. <...>» (Вопросы литературы. 1997. № 5. С. 307–308, со ссылкой: РЦХИДНИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 64. Л. 56, 57. Заверенная машинописная копия. На первой странице документа резолюция Н. И. Ежова: «Ознакомить Ставского. Ежов»).

1945 год. Из рассказа А. А. Фадеева о своей беседе со Сталиным в передаче К. Л. Зелинского. Сталин: «...я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чем вы нам должны помочь. Во-первых, крупный шпион ваш ближайший друг Павленко. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что международным шпионом является Илья Эрнбург. И, наконец, в-третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы нам не дали ни одного сигнала? Идите, — повелительно сказал Сталин и отправился к своему столу. — У меня нет времени больше разговаривать на эту тему, вы сами должны знать, что вам следует делать» (*Зелинский К. В июне 1954 года // Минувшее: Ист. альманах. «Прогресс»; «Феникс», 1991. Кн. 5. С. 88).*

О СТИХАХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Я всегда считал, читая старые стихи Мандельштама, что он не поэт, а версификатор, холодный головной составитель рифмованных произведений. От этого чувства не могу отделаться и теперь, читая его последние стихи. Они в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию — нет темперамента, нет веры в свою страну.

Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком (см. четвертую строфу «Станс», стр. № 5, и даже седьмую и восьмую).

Едва ли можно отнести к образцам ясности и следующие строки:

«Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей — скалы подспорье и пособие?
А коршун где — и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?» (стр. № 23).

Мне трудно писать рецензию на эти стихи. Не любя и не понимая их, я не могу оценить возможную их значительность или пригодность. Система образов, язык, метафоры, обилие флейт, аорий и проч., — всё это кажется давно где-то прочитанным.

Относительно хороши (и лучше прочих) стихи пейзажные (стр. 21, 25, 15), хороши стихотворения: 1) «Если б меня наши враги взяли...» (стр. 33), 2) «Не мучнистой бабочкою белой...» (стр. 7) и 3) «Мир начинался, страшен и велик...» (стр. 4).

Есть хорошие строки в «Стихах о Сталине», стихотворении, проникнутом большим чувством, что выделяет его из остальных.

В целом же это стихотворение хуже своих отдельных строф. В нем много косноязычия, что неуместно в теме о Сталине.

У меня нет под руками прежних стихов Мандельштама, чтобы проверить, как далеко ушел он теперь от них, но — читая — я на

память большой разницы между теми и этими не чувствую, что, может быть, следует отнести уже ко мне самому, к нелюбви моей к стихам Мандельштама.

Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в «Стихах о Сталине» мы это чувствуем без обиняков, в остальных же стихах — о советском догадываемся. Если бы передо мною был поставлен вопрос — следует ли печатать эти стихи, — я ответил бы — нет, не следует. (*Нерлер 2010. С. 98*).

В рецензии Павленко сделал достаточно, чтобы дискредитировать поэтический метод Мандельштама, подчеркивая, правда, каждый раз необязательность своего мнения. При общей тенденции умалить поэтические достоинства стихов Мандельштама, конкретные замечания Павленко об отдельных стихах нередко пронизательны. Так, в «Стихах о Сталине» рецензент, при их общей положительной оценке («проникнуто большим чувством»), замечает в нем «много косноязычия». Без риска ошибиться можно назвать по крайней мере несколько мест, заслуживших такую квалификацию: «Он свесился с трибуны, как с горы», «Ворочается счастье стержневое», «И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца, / Какого не скажу, то выраженье, близясь / К которому, к нему...». Интересно отметить, что те же места И. Месс-Бейер в своей монографии⁵ интерпретирует как нарочито сконструированные поэтом и кладет в основу, как она предлагает, оценки его стиля как «эзопова языка».

В заключение своей рецензии Павленко повторяет вопрос, заданный ему Ставским: «Советские ли это стихи?». Интонационно вопрос предполагает желательным отрицательный ответ. Ответ же Павленко — «Да, конечно» — отводит от поэта серьезную угрозу и тем самым делает неосновательными многочисленные мнения, ранее высказываемые о рецензии как якобы о «доносе»⁶.

⁵ *Месс-Бейер И.* Мандельштам и сталинская эпоха. Эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов. Helsinki University Press, 1997. P. 130–186.

⁶ Такое же мнение об этой рецензии, но с иной аргументацией (не во всём разделяемой нами) высказал в 2011 г. в «LiveJournal» (<http://wyradhe.livejournal.com/198941.html>) автор под ником **wyradhe** (по справке в Википедии — Александр Аркадьевич Немировский, историк и востоковед).

«ИЗ ОДНИХ ТОЛЬКО ГЛАСНЫХ»

*Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.*

*Если скажут «ea» и «ai» —
Это радостное обещанье,
«Уо», «ao» — о древнем рае
Золотое воспоминанье.*

ПРИВЕДЕННАЯ ЦИТАТА — из стихотворения Н. С. Гумилева «На далекой звезде Венере...» (1921). Анализу его и, в частности, вопросу об источниках «венерианского языка» в нем посвящена обстоятельная статья Р. Тименчика.¹ Мы предлагаем дополнить предполагаемые источники новым, поскольку, как увидим, он близко соответствует темам стихотворения: и там, и здесь «действуют» ангелы. У Гумилева в стихотворении ангелы говорят на языке из одних гласных. В то же время науке давно известны ангельские имена, состоящие только из гласных (греческого языка). Они были обнаружены в середине XIX в. в двух источниках — на египетском папирусе 4–5 вв. до н. э. (см. илл. 1: столбец с магическими именами и, параллельно, столбец с соответствующими традиционными именами ангелов), и на стене античного театра в Милете, в составе надписи ранневизантийского времени на греческом языке, призывающей ангелов оберегать город (илл. 2, имена заключены в овалы). При этом в каждое имя входят все гласные языка, но меняется порядок чередования. Эти надписи/записи обсуждались в научных статьях, а затем, в 1908 г., включены Адольфом

Впервые: Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 65. С. 1–5, под заглавием: «На далекой звезде Венере» Н. Гумилева: Заметка к комментарию.

¹ Тименчик Р. Д. Ангелы на Венере // Тименчик Р. Д. Ангелы-люди-вещи: в ореоле стихов и друзей. М.: «Мосты культуры»; «Гешарим», 2016. С. 13–44. Первоначально эта статья под названием «Заметки об акмеизме. II» была помещена в журнале «Russian Literature». 1977. № 3.

Дейсманом в книгу «Свет с востока»², представившего собранные к тому времени древние надписи на греческом языке. Книга вскоре после выхода приобрела широкую известность в научных кругах. Уже на следующий год (1909) понадобилось переиздание³, через год (1910) вышел перевод на английский язык в Лондоне⁴, еще через год (1911) — в США. В ближайшие годы книга стала известна в университетских ученых кругах Петербурга — так, ряд ссылок на нее содержит труд профессора Н. Н. Глубоковского.⁵ Не следует также упускать из виду В. К. Шилейко как одного из возможных каналов информации для Гумилева. К названной книге Шилейко должен был привлекать профессиональный интерес. Со своим другом Шилейко Н. Гумилев встречался чаще в 1912–1914 гг., в университетский период (в 1912 г. сдал зачет по греческому языку⁶), и также в 1918–1920 гг., во времена «Всемирной литературы», когда Гумилев предпринял перевод «Гильгамеша».

Следует учитывать также то обстоятельство, что надписи/записи, приведенные ниже, по квалификации Дейсмана и предшествующих авторов, являются «магическими текстами» и содержат, помимо самих записей с именами, магические символы (видны на илл. 2). Особый интерес Шилейко к такого рода материалам определялся тем обстоятельством, что он и сам переводил с аккадского и шумерского тексты магического содержания — заклинания и предсказания, а также интересовался современной ему магической практикой.⁷ Магия, оккультизм были составной частью мировоззрения и Н. Гумилева.⁸ Хотя конкретных свидетельств о знакомстве Гумилева и Шилейко с книгой Дейсмана не

² *Deissmann Adolf*. Licht vom Osten. Das Neue Testament und die neuentdeckten Texte der hellen- istic-röomischen Welt. Tübingen, 1908. S. 326 сл.

³ Последнее известное нам переиздание — 2015 года.

⁴ Мы пользовались этим англ. переводом Lionel R. M., Strachan M. A.: *Adolf Deissman*. Light from the Ancient East. New York; London, 1910. С. 449 сл. Проблема обсуждается также в кн.: *Левинская И. А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.: «Логос», 2000. С. 256 сл. Благодарю Ирину Алексеевну за наводящие указания при подготовке данного сообщения.

⁵ Греческий язык Нового Завета в свете современного языкознания. Пг., 1915. С. 14 (примеч. 28), 15, 16 (примеч. 30, 31).

⁶ *Степанов Е. Е.* Николай Гумилев. Хроника // Гумилев Н. С. Соч.: в 3 т. Т. 3. М.: «Худож. литература», 1991. С. 377.

⁷ См. *Мец А. Г., Кравцова И. Г.* Предисловие // Шилейко В. Пометки на полях. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999. С. 40 (примеч. 36).

⁸ См. напр.: *Богомолов Н. А.* Оккультные мотивы в творчестве Н. Гумилева // Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 года.

имеется, такую возможность, по изложенным выше обстоятельствам, считаем весьма вероятной.

1	<i>αηιονω</i>	<i>Μιχαηλ</i>
2	<i>ηιονωα</i>	<i>Ραφαηλ</i>
3	<i>ηιονωαε</i>	<i>Γαβριηλ</i>
4	<i>ιονωαη</i>	<i>Σουριηλ</i> ³
5	<i>ουωαηι</i>	<i>Ζαζιηλ</i>
6	<i>νωαηιω</i>	<i>Βαδακιηλ</i> ⁴
7	<i>ααηιου</i>	<i>Συλιηλ</i>

Илл. 1. Копия надписей в столбцах 1 и 3 из папируса Британского музея № 124. Из книги Дейсмана 1910 г., с. 451

Илл. 2. Надпись на стене театра в Милете. Из книги Дейсмана 1910 г. Между с. 448 и 449

*Экскурс:
Шилейко на рисунке Натана Альтмана*

Около 25 лет тому назад в музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме после длительного перерыва открылась новая экспозиция (3 июля 2003 г.), и мы с женой и друзьями спустя недолгое

время отправились ее смотреть. К нам присоединилась директор музея, и по ходу движения мы с ней что-то обсуждали, остальные спутники разошлись к экспонатам. Мое внимание привлек рисунок Н. Альтмана, изображающий Шилейко. Раньше я этого изображения вблизи не видел и, подойдя ближе, начал его рассматривать. В отличие от большинства других экспонатов он был заключен в раму искусной работы. Это быстрый набросок (вероятно, с натуры, а не по памяти), на котором сохранились следы черновой работы. Однако основное, что бросилось в глаза — неестественность позы (туловище сильно наклонено и удерживается как будто только левой рукой) и необъяснимое положение перевернутого стола в верхней его части (см. илл. 1).⁹

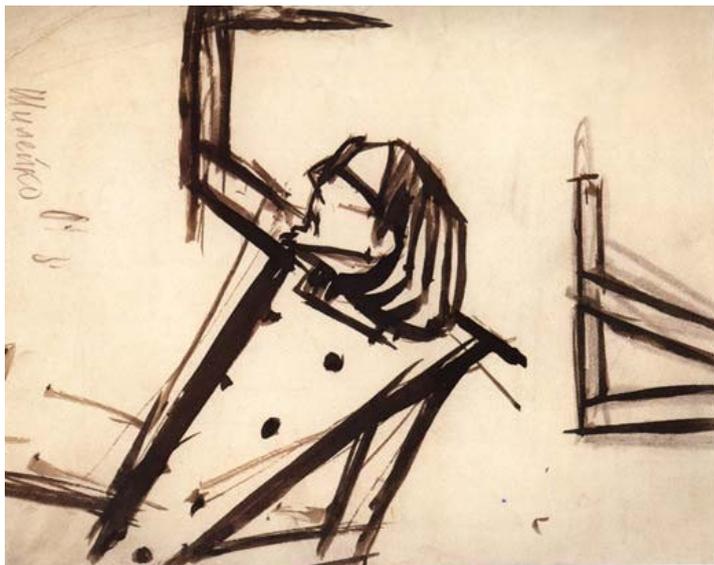
Илл. 1. В. К. Шилейко. Рис. Н. Альтмана. Первоначальное положение в экспозиции

Испытывая дискомфорт от созерцания загадочной композиции я, подойдя к директору, я сказал, что портрет, вероятно, повешен неправильно. Ответ был следующий: «Что вы, так он висел

⁹ В таком же положении, как на илл. 1, рисунок был помещен в альбоме: Анна Ахматова и ее современники: на фоне Петербурга — Ленинграда. М., 2003. С. 21.

еще у Рыбаковых» (т. е. в коллекции И. И. Рыбакова, из которой перешел в музей). Через некоторое время, когда я снова пришел в музей, рисунок из экспозиции уже был убран в запасник, и я пожалел о сказанном.

Придя домой, я взял рисунок, открыв упомянутый выше альбом, и стал искать правильное положение. Оно нашлось при повороте рисунка на 90 градусов по часовой стрелке. Получилось следующее.

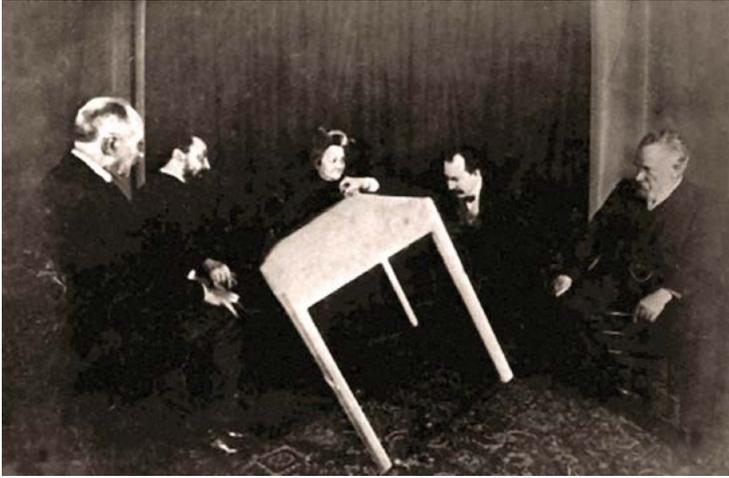
Илл. 2. В. К. Шилейко. Рис. Н. Альтмана

После исправления появилась уравновешенность в положении фигуры. Левая рука, опираясь на невидимую на рисунке основу, удерживает корпус в наклонном положении. Правая рука держит над головой какой-то плоский предмет, на котором сосредоточен взгляд Шилейко. Одет Шилейко в студенческий мундир. Добавим, что в таком, правильном, положении рисунок был помещен, независимо от меня, в качестве иллюстрации в книге, подготовленной Алексеем и Тамарой Шилейко.¹⁰

Предметы на рисунке нуждаются в дополнительной интерпретации. Ясно, что справа — часть стола, но в перевернутом

¹⁰ Шилейко Вл. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой. М.: «Вагриус», 2003. Вкладка после с. 160.

положении. Детали плоского предмета, который Шилейко держит правой высоко поднятой рукой, художником не прописаны, однако легко предположить, что предмет удерживается открытой кистью. Очертания его позволяют думать, что он может быть тарелкой или блюдцем. На нижней плоскости предмета фокусируется внимательный взгляд Шилейко. Перевернутый стол на рисунке навевает ассоциации с манипуляциями со столом в ходе спиритических сеансов (см. илл. 3 и 4),

Илл. 3–4. Манипуляция со столом во время спиритического сеанса. XIX в.

а дальнейшие поиски интерпретации всей сцены, после безуспешных попыток увязать изображенное с какой-либо житейской ситуацией, возвращает нас к ранее высказанному предположению о том, что запечатлен какой-то момент спиритического сеанса.¹¹ Если принять такое предположение, то рисунок следует датировать 1913–1916 годами. Предпочтительными являются 1915–1916 годы, время встреч творческой молодежи в «квартире № 5»¹², однако на рисунке не отразилось ничего, что помогло бы установить место действия.

¹¹ Здесь вспоминаются слова Ахматовой о «чаромутии» Шилейко (Ахматова А. Лозинский // Ахматова А. Сочинения: в 2 т. / Сост., подгот. текста М. М. Кралина. Т. 2. М.: «Цитадель», 1997. С. 139). Затем, следует учитывать очерк Георгия Иванова «Магический опыт», см. наши комментарии: Мец А. Г., Кравцова И. Г. Указ. соч. С. 40–41.

¹² См.: Пунин Н. Н. «Квартира № 5» // Панорама искусств. Вып. 12. М.; Л., 1989. С. 181.

Научное издание

Александр Григорьевич Мец
ТЕНИШЕВСКОЕ УЧИЛИЩЕ
И ДРУГИЕ РАБОТЫ
ОБ ОСИПЕ МАНДЕЛЬШТАМЕ
И ЕГО ВРЕМЕНИ

Издано в авторской редакции

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательский Дом «Гиперион»,
199178 Санкт-Петербург, пр. Просвещения, 69-263.
Тел./факс +7 (953) 167-00-28, +7 (812) 591-28-53
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Подписано в печать 29.05.2019. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22,5. Тираж 300 экз. Заказ N^o

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87